

№7 (256), вып. 33  
Март 2017

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

**Учредитель:**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

**Издатель:**

НИУ «БелГУ»  
Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:  
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)  
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-50062 от 29 мая 2012 г.

Выходит 4 раза в год.

**Главный редактор**

**О.Н. Полухин,**  
ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

**Зам. главного редактора**

**И.С. Константинов,**  
проректор по научной и инновационной работе НИУ «БелГУ», доктор технических наук, профессор

**Научный редактор**

**В.М. Московкин,**  
профессор кафедры мировой экономики НИУ «БелГУ», доктор географических наук

**Ответственный секретарь:**

**О.В. Шевченко**  
зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА**

**Главный редактор серии**

**А.П. Короченский,**  
доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики НИУ БелГУ»

**Заместители главного редактора:**

**И.А. Нагорный,**  
профессор кафедры филологии историко-филологического факультета НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

**О.Н. Прохорова,**  
директор Института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ», доктор филологических наук, профессор

## НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

### Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика  
Психология

## Belgorod State University Scientific bulletin

### Philology Journalism Pedagogy Psychology

## СОДЕРЖАНИЕ

### РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<b>В.В. Кичигина</b> Смерть как молчаливый наблюдатель в дискурсивном единстве романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» .....	5
<b>С.Ю. Нагорная</b> Грамматические вариации сочинений старообрядцев и синкретичность ценностных императивов .....	10
<b>И.А. Нагорный</b> Функции русских частиц: к проблеме дифференциации модальной квалификации и оценки .....	19
<b>М.В. Половнева</b> Мотивы любви и долга в структуре тургеневской повести 1850-х годов .....	26
<b>В.К. Харченко</b> Исследование пластики стиля митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) .....	33

### РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

<b>Ж. Багана, Е.Л. Куксова</b> Языковые средства, участвующие в формировании прагматического потенциала делового письма (на материале французского и русского языков) .....	40
<b>Гэ Цзиншень</b> Сравнительные структурные и семантические характеристики фразеологизмов-соматизмов в современных английском и китайском языках .....	47
<b>И.А. Куприева</b> Ментальная структура оценки в аспекте синергетики и иерархическая организация ее репрезентантов .....	54
<b>Д.В. Лагоденко, Ж.М. Лагоденко</b> Семантическое развитие идиом как отражение культурного пространства языка .....	60
<b>В.Л. Малахова</b> Типы фразеологически репрезентируемых концептов в английском языке .....	65
<b>Е.Н. Таранова, Л.Р. Ермакова, К.А. Колесникова</b> К вопросу о семантических особенностях термина «кредит» .....	76
<b>И.Э. Федюнина, И.В. Ляшенко</b> Фразеологическая объективация лести как формы поведения и коммуникации в русском и английском языках .....	82

### ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

<b>А.В. Белоедова</b> Типы источников информации в современном медиадискурсе и проблемы их достоверности .....	87
---	----

**И.Ф. Исаев,**  
заведующий кафедрой педагогики  
НИУ «БелГУ», доктор педагогических наук,  
профессор

**В.В. Гребнева,**  
заведующая кафедрой психологии  
педагогического факультета НИУ «БелГУ»,  
кандидат психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

**М. Геруля,**  
доктор гуманитарных наук, профессор  
Силезского университета, Катовице  
(Польша)

**К. Жиро,**  
доктор философии, профессор Барселонского  
Автономного университета, директор  
Департамента средств массовой информации,  
коммуникации и культуры (Испания)

**В.И. Лозовая,**  
доктор педагогических наук, профессор  
Харьковского национального университета,  
член-корреспондент Академии педагогических  
наук (Украина)

**У. Перси,**  
доктор филологии, профессор  
Университета Бергамо (Италия)

**А.А. Тертычный,**  
доктор филологических наук, профессор  
факультета журналистики Московского  
государственного университета

**А.В. Фёдоров,**  
доктор педагогических наук, профессор,  
проректор по научной работе Таганрогского  
государственного педагогического  
института

Консультант

**Е.А. Кожемякин,**  
заведующий кафедрой коммуникативистики,  
рекламы и связей с общественностью факультета  
журналистики Белгородского государственного  
национального исследовательского университета,  
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

**А.О. Лавриненко**

Статьи публикуются в авторской редакции  
Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*  
Художественный редактор *А.Н. Оберемок*

Оригинал-макет *А.О. Лавриненко*  
E-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 29.03.2017  
Формат 60×84/8  
Гарнитура Georgia, Impact.  
Усл. п. л. 25,0  
Заказ 68  
Цена свободная  
Тираж 1000 экз.  
Дата выхода 31.03.2017

Подписной индекс в Объединённом каталоге  
«Пресса России» – 81466

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован  
в Издательском доме «Белгород»  
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

<b>Р.В. Зинин</b> Специализированные издания в сфере культуры как коммуникационный канал .....	<b>95</b>
<b>И.И. Карпенко, Т.И. Максимова</b> Типы печатных музыкальных изданий .....	<b>99</b>
<b>Е.А. Кожемякин, Т.Р. Красикова</b> «Этот товар говорит сам за себя»: конструирование медиареальности в телемагазине .....	<b>106</b>
<b>В.В. Колобов</b> Пространство и время в дневнике А.В. Жигулина в период хрущевской «оттепели» .....	<b>114</b>
<b>О.С. Могилевская</b> Проблематика «русскости» в публицистическом творчестве В.А. Пьецуха .....	<b>118</b>
<b>А.В. Платонова</b> Интеграция печатных массмедиа Крыма в новое информационное пространство (2014–2016 гг.) .....	<b>123</b>
<b>Е.В. Хованова</b> Разработка и реализация проекта по привлечению младших школьников к занятиям спортом и сдаче норм комплекса ГТО: системный аспект .....	<b>130</b>
<b>ПЕДАГОГИКА</b>	
<b>О.Е. Кучерова, О.А. Шаталов</b> Вопросы организации воспитательной работы в колледже в контексте смены парадигм воспитания .....	<b>135</b>
<b>И.С. Сухоруков, А.В. Репринцев</b> Формирование этнокультурной идентичности подростков и юношества как проблема современной психологии и социальной педагогике .....	<b>142</b>
<b>В.Л. Холод</b> Андрагогический подход как основа повышения мотивации при изучении курса педагогики будущими бакалаврами .....	<b>150</b>
<b>Д.Ю. Цотова</b> Коммуникативные аспекты лингвотеатрального подхода .....	<b>158</b>
<b>В.С. Шилова</b> Социально-экологическое образование студентов: потребностно- мотивационный и целевой компоненты .....	<b>165</b>
<b>ПСИХОЛОГИЯ</b>	
<b>И.В. Абакумова, Е.Н. Рядинская</b> Специфика индивидуально-психологических реакций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта .....	<b>177</b>
<b>А.С. Герасимова, М.Ю. Галуцкая, А.А. Обознов, Ю.В. Бессонова</b> Нормативная профессиональная направленность будущих специалистов служебной деятельности .....	<b>182</b>
<b>Л.Б. Кузнецова</b> Тенденции личностного развития современных студентов в свете теории поколений (на материале анализа внутриличностных противоречий) .....	<b>187</b>
<b>О.В. Попова</b> Метафора как когнитивное средство создания визуальной образности ....	<b>194</b>
<b>Сведения об авторах</b> .....	<b>199</b>

№ 7 (256), Issue 33

March 2017

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

## Belgorod State University Scientific bulletin

### Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

## НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

### Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика  
Психология

#### Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

#### Publisher:

Belgorod State National Research University  
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration of mass media  
ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

#### EDITORIAL BOARD

##### Editor-in-Chief

**O.N. Polukhin,**

Rector of Belgorod National Research University,  
Doctor of Political Sciences, Professor

##### Deputy Editor-in-Chief

**I.S. Konstantinov,**

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work  
of Belgorod National Research University,  
Doctor of Technical Sciences, Professor

##### Assistant Editors

**V.M. Moskovkin,**

Professor of World Economy Department  
of Belgorod National Research University,  
Doctor of Geographical Sciences

**O.V. Shevchenko,**

Deputy Head of Department of Scientific and  
Innovative Activity of Belgorod National  
Research University, Candidate of Historical  
Sciences

#### EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

##### Chief editor:

**A.P. Korochenskiy,**

Doctor of Philological Sciences, Professor  
(Belgorod National Research University)

##### Deputies of chief editor:

**I.A. Nagorny,**

Faculty of History and Philology, Department  
of Russian Language and Teaching, Doctor of  
Philological Sciences, Professor (Belgorod  
National Research University)

**O.N. Prohorova,**

Director of Institute of Intercultural  
Communication and International Relations,  
Doctor of Philological Sciences, Professor  
(Belgorod National Research University)

## CONTENTS

### RUSSIAN PHILOLOGY

**V.V. Kichigina**

Death as a silent speculator in the discursive entity of Dostoevsky's  
"Karamazov brothers" ..... 5

**S.Y. Nagornaya**

Grammatical variation in the writings of believers and its imperatives of  
value ..... 10

**I.A. Nagorny**

Russian particle features: for the problem of differentiation of modal training  
and evaluation ..... 19

**M.V. Polovneva**

Motives of love and debt in structure of the turgenev story of the 1850th  
years ..... 26

**V.K. Kharchenko**

A study on the plasticity of style of Makarius (Bulgakov), metropolitan of  
Moscow and Kolomna ..... 33

### ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

**J. Baghana, E.L. Kuksova**

Language means of participating in the formation of pragmatic potential  
business letters (based on the French and Russian language) ..... 40

**Ge Jingshen**

Comparative structural and semantic characteristics of frazeologisms-  
somatism in modern English and Chinese languages ..... 47

**I.A. Kuprieva**

Mental structure of evaluation in the aspect of synergetics and hierarchical  
organization of its representents ..... 54

**D.V. Lagodenko, Zh.M. Lagodenko**

Semantic development of idioms as a reflection of cultural language  
dimension ..... 60

**V.L. Malakhova**

Types of phraseologically represented concepts in English ..... 65

**E.N. Taranova, L.R. Ermakova, K.A. Kolesnikova**

The problem of somatic features of term «credit» ..... 76

**I.E. Fedyunina, I.V. Lyashenko**

Flattery as a form of behaviour and communication represented by English  
and Russian idioms ..... 82

### JOURNALISM AND PR

**A.V. Beloedova**

Types of informational sources in the contemporary media discourse and the  
issues of their trustworthiness ..... 87

**R.V. Zinin**

Specialized point media in the cultural field as a communicational channel .... 95

**I.F. Isaev,**  
Faculty of Psychology, Head of Department of Pedagogics Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**V.V. Grebneva,**  
Head of Department of Psychology, Faculty of Pedagogy, Professor (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

**M. Gierula,**  
Doctor of Humanities, professor of Silesian University, Katowice, professor of High School of Humanities, Sosnowiec (Poland)

**X. Giro,**  
PhD, professor of Autonomous University of Barcelona, director of Department of Mass Media, Communication and Culture (Spain)

**V.I. Lozovaya**  
Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov National University, member of Academy of Pedagogical Science (Ukraine)

**H. Persi,**  
Doctor of Philology, professor of University of Bergamo (Italy)

**A.A. Tertychniy,**  
Doctor of Philosophical Sciences, professor of Faculty of Journalism of Moscow State University

**A.V. Fedorov,**  
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector of Taganrog State Pedagogical Institute, president of Russian Association of Media Pedagogy

Consultant:

**E.A. Kozhemyakin,**  
Faculty of Journalism, Head of Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations, Doctor of Philosophical Sciences, professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary:

**A.O. Lavrinenko**

The articles are given in authors` editing

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*

Art editor *A.N. Oberemok*

Dummy layout by *A. O. Lavrinenko*

e-mail: *Korochensky@bsu.edu.ru*

Passed for printing 29.03.2017

Format 60×84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 25,0

Circulation 1000 copies

Order 68

Subscription reference in Rospechat` agency catalogue – 81470

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"

Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

**I.I. Karpenko, T.I. Maksimova**

The types of printed musical editions ..... 99

**E.A. Kozhemyakin, T.R. Krasikova**

«This article speaks for itself»: construction of media reality on home shopping TV ..... 106

**V.V. Kolobov**

Space and time in the diary of a.v. zhigulin in the period of khrushchev's «thaw» ..... 114

**O.S. Mogilevskaya**

Issue «Russianness» in publicism by V. A. Pietsukh ..... 118

**A.V. Platonova**

Integration of printed media mass Crimea in the new information space (period from year 2014–2016) ..... 123

**E.V. Khovanova**

The development and implementation of the project on engagement of primary schoolers to sport activities and “ready to work and defense” complex (GTO): system approach ..... 130

## PEDAGOGICS

**O.E. Kucherova, O.A. Shatalov**

Arranging education process at the college in the context of the changing paradigm of upbringing ..... 135

**I.S. Sukhorukov, A.V. Reprintsev**

Formation of ethnocultural identity of adolescents and young people as a problem of modern psychology and social pedagogy ..... 142

**V.L. Kholod**

Andragogical as a basis to improve motivation of the bachelors during the course of pedagogic ..... 150

**D.Y. Tsovtova**

Communicative aspects of applying theater approach in language teaching .... 158

**V.S. Shilova**

Social and ecological education of students: needed and motivational-purposeful components ..... 165

## PSYCHOLOGY

**I.V. Abakumova, E.N. Ryadinskaya**

Specifics of individual psychological reactions of the personality living in a conflict area ..... 177

**A.S. Gerasimova, M.Y. Galutskaya, A.A. Oboznov, Y.V. Bessonova**

Normative professional orientation of future specialists of official activity .... 182

**L.B. Kuznetsova**

Trends of personality development of modern students in the light of the theory of generations (based on the analysis of intrapersonal conflicts) ..... 187

**O.V. Popova**

Metaphor as a cognitive tool for creating visual imagery ..... 194

**Information about Authors** ..... 199

# РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81.42

## СМЕРТЬ КАК МОЛЧАЩИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ В ДИСКУРСИВНОМ ЕДИНСТВЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

### DEATH AS A SILENT SPECULATOR IN THE DISCURSIVE ENTITY OF DOSTOEVSKY'S "KARAMAZOV BROTHERS"

**В.В. Кичигина**  
**V.V. Kichigina**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: kichigina@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются особенности дискурсивной структуры последнего романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», способы организации диалога и функции молчащего наблюдателя. Особое внимание обращается на персонификацию смерти как участника диалога, её место в дискурсе романа, формы выражения степени участия на разных уровнях речевого общения.

*Abstract.* The article discusses the features of the discursive structure of the last novel of Dostoevsky "the Brothers Karamazov", ways of engaging in dialogue and function of the silent observer. Particular attention is drawn to the personification of death as a participant in the dialogue, its place in the discourse of the novel forms of expression levels of participation at different levels of verbal communication

*Ключевые слова:* диалог, дискурс, дискурсивное единство, молчащий наблюдатель, эксплицитность, имплицитность, роман, смерть.

*Keywords:* dialogue, discourse, discursive unity, silent observer, explicitness, implicitness, Roman, death

## Введение

В настоящее время, когда антропоцентрическая направленность науки о языке перестала носить характер революционного переворота, а стала естественным фоном познания личности, вопрос о постижении смысла художественного текста приобрёл оттенок самопознания не только психологически, но и психолингвистически, с задействованием научного аппарата языкознания. По словам Н.Ф.Алефиренко, «в основе порождения и понимания художественного текста как продукта дискурсивной деятельности лежат не только абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях... но и личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Т.ван Дейк формулирует это таким образом, что люди действуют не столько в реальном мире и говорят не столько о нём, сколько о субъективных моделях явлений и ситуаций действительности» [1, 21].

Взаимопонимание происходит тогда, когда «коммуниканты в фокусе своей дискурсии способны сосредоточиться на интенции своего визави, пытаются уяснить, что он хочет выразить, какое речевое действие посылает» [1, 21-22]. Другими словами, постижение смысла говорящего в твоём присутствии не-я даёт возможность расширения собственного представления о предмете твоего высказывания.

Как известно, вопрос о принципах и единицах дискурс-анализа пока ещё остаётся открытым, поэтому представляется целесообразным уточнить понятие дискурса и тесно связанное с ним понятие диалога.

В общекультурном аспекте под дискурсом понимается «сложное духовное целое, включающее в себя в качестве своего предметно-смыслового содержания некий инфратекст, некое транстекстуальное архитектурное задание, которому присуща неотъемлемая для данного рода креативно-рецептивной деятельности императивная функция» [3, 283]. Дискурс как лингвистическое понятие представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими –



прагматическими, социокультурными психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте. Это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов сознания (когнитивных процессах). Дискурс – «речь, погружённая в жизнь» [2, 136-137]. Следовательно, можно рассматривать в качестве дискурса роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» как «событие в событии»: жизнь, загущённую до художественного целого и погружённую в контекст его бытования.

Диалог как одна из основных форм дискурса представляет собой «форму устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевую коммуникацию посредством обмена репликами» [4, т.1, 388]. Диалог можно рассматривать как интеракционную единицу дискурса, важную составляющую речевого события, определяющую его специфику.

Интересной площадкой для исследований такого рода представляется творчество Ф.М. Достоевского, антропоцентричное по своей природе и стремящееся к драматургичным формам выражения. В этой связи изучение особенностей дискурсивного пространства в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» может дать ценный опыт наблюдения с выявлением закономерностей взаимодействия форм коммуникативного общения в структуре полифонического целого.

### Основная часть

Об онтологической сущности диалога у Ф.М. Достоевского, вслед за М.М. Бахтиным, принято говорить уже как об общем месте его поэтики. Целый ряд исследователей подробно изучают формы диалога, классифицируют его, пытаясь постичь форму гениальности «реализма в высшем смысле». Не будет исключением и данное исследование, в котором поставлена цель ответить на вопрос о функции молчащего наблюдателя в диалоге как существенной части дискурсивного целого «Братьев Карамазовых».

Молчание – своеобразная оппозиция проговору, хотя в структуре диалога может играть существенную роль. Как подмечено В.Н.Бабаяном, «диалог как важнейшая форма языкового общения людей часто используется в присутствии - явном или неявном – МН (молчащего наблюдателя. – В.К.)» [3, 80]. Хотя молчащий наблюдатель может и не принимать непосредственного участия в двустороннем речевом обмене, он так или иначе оказывает на него влияние. В этой связи интересно рассмотреть, каким образом функция молчания задействована во всеобщем диалоге у Достоевского, и какую позицию занимает молчащий наблюдатель по отношению к субъекту говорения.

Роман «Братья Карамазовы» завершает творческий путь Ф.М.Достоевского и представляет собой фокус всех его философских и художественных поисков. По мысли писателя, это роман об отцах и их теперешних детях, посвящённый Анне Григорьевне Достоевской – жене и матери его собственных детей. История семьи здесь – это история России, взятая на срезе прошлого и настоящего. Отечество как отцовство, с одной стороны, сакрально своей проекцией связи с отцом небесным, с другой стороны, уязвимо ощущением силы «низости карамазовской».

Известно, что слово Достоевского диалогично. Эта особенность проявляется и как категория содержания (онтологичность, бытийность), и как категория формы – диалогичной, постоянно обращенной к адресату. Эта особенность наблюдается даже в таких, канонически «монологических» жанрах, включенных в сложную структуру дискурса «Братьев Карамазовых», как житие. В состав шестой книги романа «Русский инок» входит глава «Из жития в бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым». Заглавие подчеркивает церковный, несветский характер повествования, в котором излагаются знаковые эпизоды жизни будущего старца. Житийный канон диалога не предполагает, поскольку он эпичен по определению. Причем не имеет значения, кто является автором жития, – третье (традиционно) или первое (как, например, в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном») лицо.

Данная глава записана со слов героя жития, от первого лица, но принадлежит перу Алексея Карамазова, причем с целым рядом оговорок: *«Здесь я должен заметить, что эта последняя беседа старца с посетившими его в последний день жизни его гостями сохранилась отчасти записанною. Записал Алексей Федорович Карамазов некоторое время спустя по смерти старца на память. Но была ли это вполне тогдашняя беседа, или он присовокупил к ней в записке своей из прежних бесед с учителем своим, этого уже я не могу решить <...> Теперь же хочу уведомить, что предпочёл, не излагая всех подробностей беседы, ограничиться лишь рассказом старца по рукописи Алексея Федоровича Карамазова. Будет оно короче, да и не столь утомительно, хотя, конечно, повторяю это, многое Алеша взял и из прежних бесед и совокупил вместе»* [5, 366]. Таким образом, в преамбуле к данному повествованию возникает ещё одно лицо – рассказчик, которому принадлежит право редактирования и оценки рукописи. Сам сюжет, таким образом, имеет три ореола: героя (старца), его биографа (Алеши) и биографа Алеши (рассказчика). При этом рассказ старца тоже начинается с обращения: *«Возлюбленные отцы и учителя...»* (367).

Почему читателю так важно знать – когда и в присутствии каких лиц произносит старец свои слова, сказаны ли они в последний день его жизни или могли быть сказаны ранее? Ведь именно об этом говорят повторяющиеся вводные конструкции, принадлежащие рассказчику: *должен заметить, как бы, без сомнения, может быть даже, к тому же, однако же, тем более...*

Сбивчивость интонации рассказчика, предваряющего «Житие» старца, свидетельствует о том, что приводимый им ниже рассказ есть некая необходимость, но не для рассказчика, а для его представления об объективности повествования. Субъективно же его занимает событие не прошлого, описанного в житии, а гораздо более ему близкое, о чем он почти проговаривается: *«Это было как бы последним умилением, поддержавшим в нем неимоверное оживление, но на малый лишь срок, ибо жизнь его пресеклась вдруг... Но об этом после»* (366).

Рассказчик, излагающий «внешнюю сторону» событий романа, обращается к своей аудитории – это «прозорливые читатели». Они являются молчаливыми наблюдателями происходящей в семье Карамазовых трагедии. Алеша, записывая события жизни старца, никак, кроме авторства в заглавии, не проявляет себя в тексте. И, наконец, старец, излагающий историю своей жизни, обращается к своим друзьям (их, по замечанию рассказчика, четверо, не считая Порфирия-послушника и Алёши) достаточно неожиданно: *«Возлюбленные отцы и учителя»*. Такое обращение было бы характерным для Алёши и естественно принадлежало бы ему, для которого все, находящиеся в келье, «отцы и учителя», если бы отделялось от последующего текста, к примеру, восклицательным знаком. Но авторство такого обращения не вызывает сомнений, поскольку является началом предложения, повествующего от первого лица: *«Возлюбленные отцы и учителя, родился я в далёкой губернии северной, в городе В...»* (367). Старец сознательно умаляет себя, обращаясь к аудитории почитающих его слушателей, поскольку эпизоды его жизни – это этапы становления обычного человека на пути к обретению истины.

Таким образом, в дискурсивное целое объединяются посетители кельи Зосимы в последний день его жизни, те, кто вместе с Алешей считает необходимым прочитать знаки жизни старца (именно поэтому он и записывает его историю), а также «прозорливые читатели» романа, записанного рассказчиком, которые, кстати, могут заметить, что именно в этой части из уст Зосимы звучат слова, взятые эпитафией ко всему роману: *«Если пшеничное зерно, падши в землю не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесёт много плода»* (365). В эпитафии эти слова начинаются с обращения: *«Истинно, истинно говорю вам...»*. Таким образом, участниками диалога становятся и те, к кому с этими словами обращается Христос, то есть все люди мира. Так монологический формат жанровой структуры жития по сути становится метадиалогом всех со всеми о сокровенных тайнах жизни.

Исследование функции молчащего наблюдателя в проявленном диалоге дискурса «Братьев Карамазовых» привело нас к выводу о том, что дискурсивная функция участников данного диалога достаточно сложна. Её характерной особенностью является подвижность границ эксплицитного и имплицитного проявления, вербального и невербального участия. Бытовое столкновение (имплицитная претензия) становится поводом для развёртки глобального конфликта поколений, потерявших ощущение единства как в малом, так и в большом времени России. Каждая реплика может быть прочитана на разных уровнях в зависимости от реципиента, взятого за начало отсчёта. Семейный конфликт, развёрнутый в пространстве духовного провиденциализма, выходит за рамки привычного топоса и становится знаком грядущего апокалипсиса. Каждый участник данного события таким образом становится частью иного – большего – дискурсивного единства, разомкнутого хронально и объединённого идеологически авторской целевой установкой.

Эта особенность проявляется и в книге «Русский инок» и, на наш взгляд, достаточно чётко маркируется функцией молчащего наблюдателя. По словам В.Н.Бабаяна, молчащий наблюдатель «может присутствовать при диалогическом дискурсе только как бы в воображении» участников диалога. Этот молчащий наблюдатель «может быть совестью, общественной моралью, авторитетным лицом, а для верующих – Богом и т.д. Голос совести может заставить говорящего излагать свои мысли совершенно не так, как он излагал бы их, не звучи этот «немой голос» в его ушах. Подобный молчащий наблюдатель <...> называется имплицитным» [3, 95]. Предположим, что само качество имплицитного молчащего наблюдателя будет определять и границы дискурсивного целого романа. Иными словами, очень важно понять, в присутствии какого «третьего» идёт диалог, поскольку именно он, молчащий «третий» – тот организатор пространственно-временного континуума, от которого зависят параметры события диалога. Рассмотрим в этой связи, что объединяет разноплановые пространственно-временные парадигмы в единое дискурсивное целое книги «Русский инок».

Итак, книга открывается главой «Старец Зосима и его гости», повествующей о последней беседе старца с близкими ему людьми. Возвращаясь к вопросу о том, почему рассказчику так важно понять, насколько всё рассказанное ниже Алёшей записано в один день, постараясь на него ответить. Старец, как истинный духовидец, предрекает свою скорую кончину и желает до этого поговорить с избранными. *«Гости уже собрались в его келью раньше и ждали, пока он проснётся, по твёрдому заверению отца Паисия, что «учитель встанет несомненно, чтоб ещё раз побеседовать с милыми сердцу его, как сам изрёк и как сам пообещал ещё утром». Обещанию же этому, да и всякому слову отходящего старца, отец паисий веровал твёрдо, до того, что если бы видел его и совсем уже без сознания и даже без дыхания, но имел бы его обещание, что ещё раз восстанет и простится с ним, то не поверил бы, может быть, и самой смерти, всё ожидая, что умирающий проснётся и исполнит обещанное»* (362). Неизбежность диалога определена ситуацией – скорой смертью старца и его обещанием. Причем слово старца (через призму восприятия отца Паисия) в данном контексте сильнее смерти. Но само событие предрежено, причём опять-таки по словам Зосимы, предрекшего свою кончину, вопреки даже очевидности: *«Когда Алёша с тревогой и с болью в сердце вошел в келью*



старца, то остановился почти в изумлении: вместо отходящего больного, может быть уже без памяти, каким боялся найти его, он вдруг его увидел сидящим в кресле, хотя с измождённым от слабости, но с добрым и весёлым лицом, окруженного гостями и ведущего с ними тихую и светлую беседу» (362). Тем не менее, смерть незримо присутствует при последней беседе старца и определяет главную тему сложного организованного диалога, связывая первую и последующие части книги.

Только перед лицом смерти возможно раскрытие и объяснение достаточно туманных пророчеств Зосимы, его неожиданного поклона Дмитрию Карамазову, причины привязанности старца к Алёше: «Теперь лишь скажу: был мне лик его как бы напоминанием и пророчеством. На заре дней моих, ещё малым ребёнком, имел я старшего брата, умершего юношей, на глазах моих, всего только семнадцати лет» (365). Таким образом, Алёша Карамазов является для старца своеобразным «порталом» во время его молодости – важные годы становления. Дискурс, имеющий эпицентром беседу друзей у постели умирающего, снова размыкается, связывая настоящее и далекое прошлое одного из главных героев. Проводником и молчащим наблюдателем данного события становится смерть, уплотнённая дважды, – близкой кончиной старца и давней смертью его брата, рассказ о которой следует далее в тексте романа.

Между данным событием – словами Зосимы о причинах своей любви к Алёше и рассказом о смерти его брата – помещаются приведенные нами выше размышления рассказчика о том, всё ли, записанное Карамазовым, было произнесено старцем в ходе данной беседы. В контексте молчащего наблюдателя – смерти – этот вставной эпизод получает композиционную оправданность, поскольку на самом деле важно, как далёк от своего последнего дня был рассказчик, повествующий о своей жизни: близость смерти фильтрует события, исходя из собственной целесообразности.

Следующие далее записки «Из жития... старца Зосимы» повествуют о разных типах поведения человека перед лицом смерти. В четырех небольших по размеру частях этой главы даётся описание семи состояний, граничащих с уходом в небытие: смерть юноши Маркела, смерть детей ветхозаветного праведника Иова, дуэль Зосимы, убийство женщины таинственным посетителем, смерть мужика, обвиненного в её убийстве, возвращение для убийства свидетеля собеседника рассказчика и, наконец, смерть самого таинственного посетителя. Кроме того, упоминается о смерти родителей Зосимы.

Важно, что все эти эпизоды даны через событие говорения, то есть в пространстве диалога. Смысл происходящего проясняется только по отношению к другому. Так, юноша Маркел перед смертью полностью меняется. Характер обращений к собеседнику даёт возможность отследить перемены, происходящие с героем: *матушка, милая (служанке), голубушка, милые, дорогие, матушка, кровинушка ты моя, милые мои, радость моя...* Присутствие молчащего наблюдателя, знающего причину происходящего, подчеркивается ремарками, в которых дана оценка происходящему эксплицитным молчащим наблюдателем: «и дивились все словам его, так он это странно и так решительно говорил», «матушка, слушая, качала головой», «этого уж никто тогда у нас не мог понять», «много ещё говорил он таких дивных и прекрасных, хотя и непонятных нам тогда слов» (369-370).

Страдания праведника Иова даны в пересказе старца, как бы удваивая событие говорения: 1. Произошедшее с Иовом – следствие разговора Бога и дьявола («И похвалился Бог дьяволу, указав на великого раба своего. И усмехнулся дьявол на слова Божи: «Передай его мне...» (372)). Ремарки похвалился, усмехнулся, прямая речь, – указание на диалог. Сам же диалог даётся в контексте слушания-понимания ребёнком чтения книги в храме: «и вдруг я тогда нечто понял, в первый раз в жизни понял, что во храме божием читают» (372). Понимание в настоящем настолько важно для героя, что лексически удваивается в рамках одного предложения, при этом усиливаясь дополнительной конструкцией *в первый раз в жизни*. 2. Этот эпизод прерывается обращением к слушающим уже не ребёнка, а старца, находящегося на смертном одре: «Отцы и учителя, пощадите теперешние слёзы мои – ибо всё младенчество моё как бы вновь восстает предо мною, и дышу теперь, как дышал тогда детскую восьмилетнюю грудкой моею, и чувствую, как тогда, удивление, смятение и радость» (372). И далее рассказчик очень чётко очерчивает дискурсивные границы поразившего его события сочувствия-понимания: «И верблюды-то так тогда моё воображение заняли, и сатана, который так с Богом говорит, и Бог, отдавший раба своего на погибель, и раб его, восклицаящий: «Буде имя Твоё благословенно, несмотря на то, что казнишь меня», – а затем тихое и сладостное пение во храме: «Да исправится молитва моя», и снова фимиам от кадила священника и коленапреклоненная молитва!» (372). Но это понимание не является для героя озарением, оставляя пустоту для новых откровений, поскольку сама книга, к которой прикасается герой через событие говорения, настолько велика, что можно постигать её смысл всю жизнь, но уже уходя из пространства диалога в область сокровенной беседы с Богом: «С тех пор – даже вчера ещё взял её – и не могу читать эту пресвятую повесть без слёз. А сколько тут великого, тайного, невообразимого!». И тут же снова расширяет дискурсивные границы: «Слышал я потом слова насмешников и хулителей, слова гордые...» (372).

Непонимание героя в настоящем – ещё один приём, раздвигающий временные рамки повествования. Непонятное запоминается с тем, чтобы развернуться в другом времени. Непонимание, таким образом, не сворачивает событие диалога, а придаёт ему оттенок пророчества: «В своё время должно было всё восстать и откликнуться. Так оно и случилось» (370).



Смерть как молчаливый наблюдатель ярко проявляется в эпизоде подготовки героя к дуэли. Функция наблюдателя здесь тем более интресна, что маскирует истинное событие собственного дискурса за очевидным ритуальным убийством: герой вызывает на дуэль счастливого соперника и накануне избивает до крови собственного слугу Афанасия. Просыпаясь наутро, он чувствует себя плохо. «*Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы нечто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нет, думаю, как будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитым? Нет, совсем не то, совсем даже не то... И вдруг сейчас же и догадался, в чем было дело: в том, что я с вечера избил Афанасия!*» (379-380). Здесь форма диалога не менее сложна, чем в предыдущих эпизодах: герой рассказывает присутствующим, как он беседует с собой, ощущая троичность собственного проявления в настоящий момент: а) он видит картину прекрасной жизни природы, усиленной описанием восхода солнца в саду («*Я вдруг поднялся, спать более не захотел, подошел к окну, отворил – отпиралось у меня в сад – вижу. Восходит солнышко, тепло, прекрасно, зазеленили птички...*» (379); б) чувствует в душе нечто позорное и низкое; в) задавая вопросы самому себе, пытается найти причину несоответствия.

Перед лицом божьей красоты у героя возникает картина собственного безобразия: «*и это человек до того доведён, и это человек бьёт человека! Экое преступление!*» (380). Эта точка контраста красоты и безобразия – ещё один временной портал, открытый смертью: следующая картина – воспоминание о последних днях жизни брата Маркела и его словах слугам: «*Милые мои, дорогие, за что вы мне служите, за что меня любите, да и стою ли я, чтобы служить-то мне?*» (380). Это точка прозрения рассказчика, та зона, в которой происходит переворот его сознания, дающий возможность далее полностью изменить свою жизнь.

Герой не приемлет безобразия, связанного с убийством своей души. На этом фоне возможная смерть противника на дуэли или собственная смерть в этих обстоятельствах уже не имеют сиюминутного значения. Это событие – духовное преображение героя – было подготовлено задолго до того как произошло и состоялось в присутствии молчаливого свидетеля перехода из одного состояния существования в другое. По сути, здесь умирает молодой амбициозный офицер и рождается будущий старец Зосима.

Возможный исход ситуации без преображения представлен далее в подглавке «*Таинственный посетитель*». Таинственный посетитель – это своеобразный двойник героя, не имеющий в прошлом потенциала неизбежного прозрения. Он, убивший женщину, которая предпочла другого, всю жизнь борется сам с собой и только в диалоге с будущим Зосимой окончательно определяется с решением признаться в совершенном преступлении. При всех встречах героев в их сокровенных беседах третьим «собеседником», несущим функции молчащего наблюдателя, выступает смерть. Вначале это смерть, определившая дальнейшую жизнь будущего Зосимы и – имплицитно, поскольку Зосиме это неизвестно, – смерть женщины, виновником которой является таинственный посетитель. Затем это смерть Зосимы, которая могла бы совершиться, поскольку его собеседник хотел этого, и, наконец, близкая смерть самого таинственного посетителя.

Такой контекст даёт возможность обострить чувства собеседников максимально, поскольку каждое слово, проговоренное ими друг другу, адресовано вечности и, следовательно, обязано нести оттенок высшего смысла. В этом и заключается функция имплицитного молчащего наблюдателя в книге «*Русский инок*», которую сам Достоевский считал самой важной в романе, отвечающей на все вопросы, поставленные в предыдущей, пятой книге «*Pro и contra*».

### Заключение

Таким образом, можно говорить об абсолютном характере диалога в дискурсивном целом романа «*Братья Карамазовы*». Это целое включает в себе ряд совмещённых диалоговых пространств, вмещающих друг друга по принципу матрёшки, где самой маленькой «матрёшкой» будет являться разговор персонажей романа, происходящий в точке настоящего, совершающегося в данный момент действия, самой большой – диалог автора «*Братьев Карамазовых*» и «*прозорливого*» читателя. Между ними помещается ещё целый ряд диалоговых пространств, организованных в разное время разными действующими лицами, как эксплицитно, так и имплицитно присутствующими. Точкой перехода из одного пространства в другое является смерть, несущая функцию имплицитного молчащего наблюдателя.

### Литература

- Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-прагматическая субпарадигма науки о языке. //Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб.науч.трудов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 512 с
- Арутюнова Н.Д. Дискурс. / Н.Д.Арутюнова.// Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1998.- С. 136-137.
- Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А.М.Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
- Бабаян В.Н. Диалог в траде с молчащим наблюдателем. Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2008. – 290 с.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ч.1 – 2. М.: Правда, 1981. – 416 с.

УДК 811.161.1

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ВАРИАЦИИ СОЧИНЕНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ  
И СИНКРЕТИЧНОСТЬ ЦЕННОСТНЫХ ИМПЕРАТИВОВ****GRAMMATICAL VARIATION IN THE WRITINGS OF BELIEVERS AND ITS  
IMPERATIVES OF VALUE****С.Ю. Нагорная  
S.Y. Nagornaya***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia  
E-mail: nagornaya@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются грамматические особенности письменного языка сочинений старообрядцев-странников XVIII – XX вв., динамика использования глагольных форм в синхроническом и диахроническом аспектах. Устанавливается взаимообусловленность выбора авторами того или иного языкового элемента с национальными ценностными доминантами, ментальными процессами.

*Abstract.* The article discusses the grammatical features of the written language writings of old believers-pilgrims of the XVIII – XX centuries, the dynamics of the use of verb forms in the synchronic and diachronic aspects. Establishes the interdependence of the choices of the authors of one or another linguistic element with dominant national values, mental processes.

*Ключевые слова:* история русского языка, старообрядчество, письменный узус, преемственность.  
*Keywords:* history of Russian, old believers, written language usage, continuity.

---

---

**Введение**

Эпохальные мировые общественные процессы, такие как глобализация, универсализация, с одной стороны, и стремление к сохранению национальной идентичности, с другой стороны, изменяют языковую ситуацию в любой стране, втянутой в пучину названных процессов.

Отсюда вытекает естественный повышенный интерес, не только у специалистов, к пониманию принципов развития языка, коммуникативно-прагматических факторов, к выявлению закономерностей успешности дискурса, транслируется социальный заказ на коммуникативную безопасность. Становится понятным, что концептуальное осмысление языковых фактов дает возможность глубоко осознать взаимообусловленность языка и культуры, воздействия определенного текста на ментальное и нементальное поведение носителей языка.

Особый интерес представляют в этом ракурсе тексты носителей традиционной национальной православной культуры – старообрядцев-странников, которые позволяют проследить динамику изменений письменного языка на диахроническом и синхроническом уровнях.

**Основная часть**

Сочинения старообрядцев-странников XVIII-XX вв., с одной стороны, создаются на основе прецедентных христианских текстов, но в то же время они представляют собой особый, уникальный узус, отличающий их и от текстов раннего староверия, и от кодифицированного языка, и от языка «официального» религиозного дискурса, т.к. старообрядцам приходится самостоятельно осваивать вековое наследие с прочной иерархией ценностей в постоянно изменяющихся условиях, транслировать абстрактные значения библейской топики в область повседневной жизни.

Необходимо подчеркнуть, что старообрядцы всегда осознавали специфичность письменного языка, природное отличие его от разговорного языка. Проведенное исследование удостоверяет, что письменный язык старообрядцев-странников обладает собственной органической динамикой, автономностью и относительной независимостью от устного узуса.

В связи со сказанным актуальным становится выявление изменений письменного языка конкретных текстов, определение механизмов, выполняющих функции регулятивов языковой деятельности, вычленение устойчивых звеньев языковой системы и подвижных, вариативных элементов, допускающих модификации.

В связи со сказанным наибольшее своеобразие представляют грамматические особенности письменного языка сочинений старообрядцев-странников, а именно, использование глагольных форм, прежде всего форм прошедшего времени, как традиционных знаков книжно-славянской языковой традиции. Именно глагольные формы в письменном узусе кардинально расходятся с системой живых славянских языков. Так, уже в XVII веке сложная система прошедших времен «остается «последним» признаком литературности, когда все остальные грамматические явления книжно-славянского языка в памятнике уже заменены некнижными, характеризующими грамматическую норму деловой и бытовой письменности» [1, с. 272-273].

В XVIII веке, когда формируется литературный язык нового типа, употребление простых претеритов в письменном языке колеблется в зависимости от языковой ориентации авторов и жанровой характеристике текста. Напр., в языке исторических сочинений к. XVII нач. XVIII в., написанных на гибридном церковнославянском языке, простые претериты «рассматриваются как бесспорные специфические книжные формы» [2, с. 4]. «Кодификаторы» нового литературного языка также выделяли в наборе признаков книжности церковнославянские формы прошедших времен, напр., у В.К.Тредиаковского: «простые претериты занимают главное место в этом наборе, что соответствует их традиционной - в течение многих столетий - роли основных признаков книжности» [3, с. 284]. «Спорадическое» употребление аориста отмечает С.П.Обнорский у Кантемира, Ломоносова «в определенной стилистической окраске (как черта строго возвышенного стиля)» [4, с. 152]. В гомилетической литературе XVIII века, в частности в проповедях Ф.Прокоповича продолжают существовать формы аориста и имперфекта «в качестве очень редких вкраплений» [5, с. 11].

Таким образом, простые претериты, давно утратившие живое значение, продолжают функционировать в литературном языке XVIII в. как маркированные признаки книжности.

В страннических рукописях XVIII-XX вв. активно используется сложная система прошедших времен. Простые претериты выступают не только как бесспорные специфические признаки книжности, но и как элементы, аккумулирующие христианский опыт. Соотношение форм аориста, имперфекта, перфекта и *л*-форм (перфект без связки) зависит от типа текста и времени создания памятника. Так, в страннических рукописях XVIII в. доминирующими формами выступают формы аориста, имперфекта и перфекта, а *л*-формы являются вторичным вариантом. В полемических и назидательных сочинениях процент употребления простых претеритов выше, чем в текстах, где преобладает историческое повествование, здесь чаще появляются *л*-формы. Проведенное статистическое исследование частотности употребления глагольных форм выявило для страннических рукописей XVIII в. следующее их соотношение: в сочинениях с историческим повествованием аористные формы составляют 70%, тогда как имперфектные всего 1%, *л*-формы – 29%; в назидательных текстах аорист составляет 87%, имперфект – 8%, а *л*-формы – 5%.

При сопоставительном анализе страннических рукописей с книжно-литературными текстами синхронного периода удалось установить, что явное предпочтение форм простых претеритов существенно отличает первые от книжно-литературных текстов XVIII в., в которых доминирующей формой прошедшего времени выступают *л*-формы, т.е., авторы-странники XVIII века в своих сочинениях выдерживают традиционное соотношение форм прошедшего времени в пропорциях XVII в.

В сочинениях бегунов XIX и XX века *л*-формы занимают доминирующее положение, простые же претериты выступают как вторичные вариантные формы. Соотношение вариантов по типам текстов остается таким же, как и в рукописях XVIII в.: процент употребления простых претеритов выше в назидательных текстах, в поучительных – ниже.

Необходимо отметить, что в состав одной старообрядческой рукописи чаще всего входят несколько сочинений, созданных в разное время и разнородных по жанровой специфике, что составляет особенность старообрядческой литературы. Подобные различия иногда напрямую связаны с употреблением тех или иных глагольных форм в текстах. Ярким тому примером служит рукопись XVIII в. из собрания Ундольского №510, находящаяся в собрании Редкого фонда Российской государственной библиотеки (фонд №310), обладающая неоспоримой информативной ценностью.

В состав данной рукописи входят несколько сочинений, написанных разными авторами и различающихся жанровыми особенностями, но переписанных одним человеком, предположительно – основателем страннического согласия, талантливым писателем Евфимием. Рассмотрим подробнее сочинение Евфимия, которое открывает данный сборник. В данном тексте простые претериты являются основным средством выражения прошедшего времени.

Сочинение посвящено обоснованию выхода автора из филипповского согласия старообрядцев, членом которого Евфимий до этого являлся. Автор в своем повествовании пытается доказать бывшим единоверцам, что разрыв с ними произошел не из-за его «высокомерия», в котором его обвиняют, а из-за *неисправления повреждений истинной веры* филипповскими руководителями. В связи со столь необычной темой, затрагивающей личностные отношения, в сочинении приводится множество исторических фактов, хотя не всегда соблюдается хронологическая точность в описании событий прошлого; полностью приводятся в рукописи письма самого Евфимия и его бывших единоверцев, т.е. представлен эпистолярный жанр старообрядцев XVIII в. Главной темой сочинения остается рассмотрение идеологических вопросов староверия. Внимание к личности в совершившемся расколе, по мнению автора, вызвано тем, что это касается не только одного Евфимия, но «до всего



нашего православнаго сословия неотложнѢ касается. яко оныя дшавредная бѣда на всей цркви полагается» (510, 1310б.).

Передача фактов прошлого провоцирует активное использование в сочинении форм прошедшего времени. В рукописи отмечаются формы аориста и имперфекта, а также л-формы (перфект без связки). Простые претериты отмечаются в первых строках текста, а именно, в обращении к филипповскому лидеру, (естественно, после традиционного молитвенного обращения к Богу), Ивану Алексееву с «братией»: *сице не вѣм азъ како и откуду, **праизыде** на насъ бѣдствуещихъ таковое вышемѣрное зѣлодерзостное нетцевание* (510,2).

В менее объемных по размеру текстах, входящих в состав данного сборника, в статьях, письмах, в комментариях писем, и т.д., повествование также начинается с обозначения действия/состояния в прошлом формами аориста. Напр., начало письма Евфимия к Ивану Алексееву: *получихъ азъ недостойный от вашего общаго о мнѣ грѣшнѣмъ бывшаго совѣта извѣстие* (510, 128); начало статьи: *Присемъ же **прииде** ми нужда, иванъ михайлычъ и василей михайлычъ. и к вашему бголебию о происшедшем нашем свами договорѣ побесѣдовати* (510, 1230б); начало «Сказания» об отце Леонтии: *ЗСЧ го лѣта марта въ 3 день. ввечерь:**Прииде** ко мнѣ грѣшину суцу, той показанныи федоръ в келие, со дѣвицею наталиею* (510, 1760б). Таким образом, с самого начала автор задает книжный тон своему повествованию, где использование маркированных церковнославянских элементов определяется композиционной обусловленностью.

Композиционный принцип использования простых претеритов является традиционным для книжно-славянского языка. Так, в русских повестях XV - XVIII, таких как «Повесть о Петре и Февронии», «Повести о начале Москвы», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть дивна об Ульяне Осорьгиной», и т.д., исследователи отмечают, что «непосредственное влияние на употребление аористных и имперфектных образований оказывает традиционное начало повествования» [6, с. 13]. Также в русских исторических сочинениях к. XVIII – нач. XVIII вв. отмечается стремление авторов «с самого начала актуализировать «книжность» своего текста с помощью форм простых претеритов» [2, с. 6].

Таким образом, Евфимий продолжает традицию русских книжников, оформляя начало и конец частей в своем сочинении аористными формами. Кроме того, формы аориста выступают доминирующим способом в выражении прошедшего времени в повествовании как средство указания на действие/состояние, целиком отнесенное к прошлому и представляемое как единый, нерасчлененный акт: *ехать никуды **не восхотѣхъ, ожидахъ** вашему слову рѣшения, когда от оца придет извѣстие, и егда же **прииде**, и прочте оно вами присланное письмо ис поморши, и видите кое, учини рѣшение* (510, 126); *азъ же попростотѣ своей, якоже **повелѣстѣ** ми **молчах**. ничесаго **не глахъ, сотворихся** от васъ аки осуждени и **вмѣнися** вами во оном от онаго оца писмѣ писанное на мя грѣшника правда* (510, 1260б); *чесо ради таковаго его скорога самоволнаго дерзновения. и кромѣ брацкаго совѣта, стѣми жадосющаго соединения, **дерзнухъ** к нему азъ много о томъ воспротивословити, и в томъ **нарекохъ** его которнином. и **признахъ** за самовольство ево* (510, 5-50б).

Формы имперфекта в повествовании при подробном изложении событий истории размежевания Евфимия с филипповскими лидерами, отмечаются тогда, когда на действии, целиком отнесенном к прошлому, необходимо сосредоточить внимание как таковым, выделить его в кругу других действий, выраженных формами аориста, напр.: *тогда азъ **вдахъ** вам себѣ в воле вашу. якоже у нас со иваном михайлычем и васильем михайлычем слово **бьяше** (и кое и **напомянухъ** до вашего бголебия в посланном от нас писмѣ, которае **послася** прошедшаго ЗСЧ га лѣта, по ржствѣ хвѣ. внем же ясно вся подробну тая **написашася** показываются) будучи же ми ЗСПО го года на ехти **писахъ** тамо писмо, и **послахъ** оно к вам* (510, 30б). Все действия, выраженные указанными формами, разворачиваются на фоне основного события – заключения договора с лидерами филипповского согласия о разрешении взаимных претензий концептуального характера для автора. Этот конфликт, которому посвящено целое сочинение, имел значительные последствия, а именно – появление крупнейшего лидера и идеолога страннического согласия, занявшего заметное место в староверии.

Формы имперфекта в сочинении Евфимия используются чаще всего для выделения прошедшего действия/события среди других действий, выраженных аористными формами, напр.: *того ради сице и **исполнихъ**. а и къ сту же вы статиям ихъ неинаго ради чесога **неподписахуся**, но точию ради положеннаго вних ко исправлению вашей присяги. а тое положение в них к вашему исправлению зрится быти согласно того ради ко оным статиям ихъ и **ниподписаши**. тыя же ихъ стати соборнѣ **издашася**. и обща всѣхъ братей рукоподписанием законнѣ **укрѣпишася*** (510,7). В данном контексте наблюдаются формы аориста и имперфекта от одного глагола. Имперфектной формой Евфимий выделяет причину, по которой Иван Алексеев, его бывший покровитель, наставник одного из филипповских общин в Москве, не подписывался под Уставом-«Стостатейником» Алексея Яковлева.

Необходимо отметить, что автор использует в вышеприведенном контексте формы аориста и имперфекта 3 л. мн. ч. в значении 2 л. мн. ч. Подобные ошибки, когда происходит смешение личных форм, имеют место в сочинении Евфимия, напр.: *вы **усовѣтоваша*** (510, 6); *вы же на то мое прошение ничего **неучиниши*** (510,127); *а вы посвоему обѣту за присягу нимало **исправишася**, и оттолѣ доднесь тако **вы** вси просто **осташася** безисправления* (510,6). Здесь же наблюдается

использование формы 2 л. мн. ч.: **вы же ихъ писанием обличивъ неупраздните** (510,6); или: *с тѣмъ вы от мене искѣлиши и изыдоште* (510,125); **вы же и то тако просто остависте** (510, 124об); **вы** яко же **повелѣстѣ** (510,126об).

В других случаях отмечается использование формы аориста 3 л. мн.ч. в значении 1 л. мн.ч.: и тако **совѣтоваша мы** с ним матфеем, чтобы нам православнѹе свою црковь чту и непорочнѹ и ниоткаго незазренѹ...непокалебимо устроить (510, 127об), а также форм 1 л. ед.ч. в значении 3 л. ед.ч., возможно, под влиянием окружающих аористных форм: **нарекох** его которником. моровья язвы, от него вси происходящя въ цркви которы и расколы тако **рекох** ему за что онѣ мене грѣшнаго и **изогнах** из молитвеннаго храма. азъ же оттого времени **начах** единѣ уединяся о себѣ в кѣлиши пребывати (510, 50б); при собрании де ево спросим, за что онѣ тебя **изогнах** из часовни (510, 50б).

На подобные ошибки в литературном языке XVII века указывает М.Л.Ремнева, расценивая их как черту «упрощения» грамматической нормы литературного языка, тенденцию к утрате изменения по лицам и числам форм аориста [1, с. 277].

Таким образом, в сочинении Евфимия встречаются нарушения нормы использования простых претеритов. Следует подчеркнуть, что смешение форм отмечается в собственно авторском тексте, в повествовании о событиях, непосредственным участником которых являлся сам Евфимий. В цитатах Св.Писания, поучений св.Отцов церкви, ранних старообрядческих сочинений подобных нарушений не обнаружено.

Формы имперфекта в сочинении Евфимия преимущественно образованы от глаголов несовершенного вида. Формы аориста могут быть образованы как от основ совершенного вида, так и от основ несовершенного вида, напр.: *послахъ – посылахъ: писалъ...письмо. и послах* ева к вам (510, 126об); *ему прочель своеручное письмо, кое от себѣ ко отцу* **посылах** покорное (510, 127). Вряд ли здесь имеется в виду действие, «совершенное в двух противоположных направлениях» [7, с. 193], характерное для аориста от основ несовершенного вида, т.е. то, что письмо, адресованное И.Алексееву, вернулось обратно к Евфимию. Речь скорее всего идет о копиях письма, значит, аорист от основы несовершенного вида используется в значении акта единичного и завершенного в прошлом.

Образование форм прошедшего времени от разных основ в рукописях странников наглядно иллюстрируют соотносительные глагольные пары в сочинении Евфимия. В рукописи отмечаются соотносительные образования: а) форм имперфекта и аориста, а также имперфекта, аориста и л-форм от одной основы несовершенного вида (*прилагаше – прилагах; слышахуся – слышася – слышали*); форм аориста и л-формы (*ходих – ходили*); б) аориста и л-формы от основ совершенного вида (*учинися – учинилъ*); в) от разных основ, когда формы имперфекта образуются от основы несовершенного вида, а формы аориста и от основы несовершенного вида, и от основы совершенного вида (*хотяше – хотѣх – невосхотѣх*); г) форм аориста от основы совершенного вида, а л-формы – несовершенного вида (*повелѣша/повелѣстѣ – повелѣвалъ*). Необходимо определить, являются ли данные соотносительные образования эквивалентными вариантами в сочинении Евфимия. Напр.: *но егда же онья алексея, конечнѣ к тому согласится нехотяще, но всегда неотложное желание к желанию* **прилагаше**, какъ бы нѣсть токмо с федосеевыми **вкупѣ быти** (510,5); *и не яко токмо о себѣ едином, елико по своей силѣ помощью бжее* **прилагах** усердие, но о всей православной цркви наше старание происходить (510, 131). В первом случае имперфектная форма выражает повторяющееся действие, нелокализованное во времени, на что указывает и другой элемент контекста – обстоятельство. Аористная форма во втором примере используется в конкретно-процессном значении, обозначает действие хотя бы и длительное, но выраженное как единое, нерасчлененное. Обе формы отмечены в повествовании.

Соотносительные образования от глагола *слышати* представлены формами имперфекта, аориста и формой на -л, напр.: *и слышах* азъ на юхти от алексея григорыча о мнѣ реченное, что де тебя во оно время вси признали завластолебца (510, 126); *и послѣ же слышася* мнѣ от ивана алексеича происходяща рѣчи таковыя: что де онѣ во время прочтения писма того ничто не глалъ (510, 126об). Аористные формы используются Евфимием в синтаксической позиции ввода чужой речи. В этой же функции используются и форма на -л: *что мы в бытность нашу на ехти слышали* что от вашего смирения нѣкоторое хухание и порицание происходило, яко бы онѣ запроизведеннѹе за него еретиком присягу неполезенъ быть в правительствѣ (510, 130об). Эта же роль в сочинении Евфимия отводится соотносительным образованиям аориста и л-форм иллюкутивных глаголов.

Исследуемый материал свидетельствует, что л-формы в сочинении Евфимия являются вариантными формами имперфекта при выделении действия/состояния в прошлом. При этом доминирующим вариантом выступает имперфект, а л-формы – вторичным. Следует подчеркнуть, что л-формы и имперфект могут выражать в рассматриваемом тексте разное временное значение, но использоваться в одной функции. При выделении действия/состояния в прошлом имперфект отмечается как среди форм аориста, так и среди л-форм, л-формы – среди аористных.

Аорист и формы на -л применяются Евфимием как грамматические синонимы, взаимозаменяемые варианты в функции ввода чужой речи, как при прямой, так и при косвенной ее передаче: *слезно просих* о том, еже бы наше со отцом происшедшее дѣло от стаго писания разсмотрити (510, 131); *в нем же просилъ* вашу лебовь (510, 30б); *и просихъ* ваше лебовь, чтобы вы нас бѣдствующих по своему слову неоставили потцились бы тако сотворити (510,40б). В чужой



речи отмечаются л-формы, например в косвенной передаче: *а внем писано сице: **просиль** ващу лебовь (510, 1260б).*

В повествовании Евфимий использует аористые формы от глагола несовершенного вида, принадлежащего к группе так называемых «моторно-кратных глаголов» или «глаголов нелинейного движения»: *но поубьждению алексея иваныча и прочих, **ходих** в млтвиньх храм и замлтвовых, не хотя некого оскорбити (510, 126).* В передаче чужой речи Евфимий использует л-формы данного глагола, напр. в рассказе отца Леонтия: *а оцъ де александръ **приходиль** в кемь к духовным дЪтем (510, 177); они старцы слышавъ от павла оца, члкъ шесть **ходили** к нему андреяну (510, 1770б).*

В других случаях наблюдается использование в повествовании аориста и л-формы, скажем, от глагола *писати*, причем в почти идентичных контекстах, так как Евфимий дважды повторяет в своем сочинении один и тот же факт, что говорит о важности этих действий для автора. Однако в одном случае он использует аористную форму, в другом – л-форму, при совпадении других глагольных форм, ср.: *будучи же ми, ЗСПФ 50 года на ехти **писах** тамо писмо, и **послах** оно к вам в москву со алексеем григорычем предпраздником ржтва хва, в нем же **просил** ващу лебовь (510, 30б); и будучи азъ грЪшныи на ехти, **писаль** к вашему бголебию писмо. и **послах** ева к вам со алексеем григорычем, предпраздником ржтва хва. в нем писано сице: **просиль** ващу лебовь (510, 1260б).* Аорист и л-форма выступают здесь как взаимозаменяемые варианты, используемые в одном временном значении. Но если во втором примере автор мог выбрать из двух вариантов л-форму, то после даты в первом примере он использует аорист. Именно указание на точную дату, по мнению П.С.Кузнецова, требовало по старым нормам наличие аориста [7, с. 216]. Мотивированность выбора подтверждается тем, что в сочинении Евфимия во всех других контекстах после указания даты отмечаются только аористные формы, ср.: *Понеж убо мы грубонесмыслении и послЪднии старец Евфимии, еже прошедшаго ЗСПИ 50 года, во время состоявшагося в нас мира, то есть в субботу или в ндлю, в нюж чтется притча о мытари и фарисеи тогда азъ **вдах** вам себЪ в воле ващу (510, 30б).; но паче же прошедшаго ЗСЧ лЪта поржтвЪ хвЪ, едими точию...вы **усовЪтоваша**, ничесого нинаком того не искати (510, 6).*

Наблюдение над употреблением аористных форм позволяет заключить, что автор хорошо знаком с нормами употребления простых претеритов, умело использует их даже тогда, когда невозможно ориентироваться на существующие образцы церковнославянских текстов, чтобы отразить события настоящей для него действительности. Он тонко чувствует, где более уместна и возможна вариантная форма.

Проведенный анализ соотносительных образований аориста и л-форм от основ совершенного вида позволяет заключить, что автор использует л-формы в передаче чужой речи, тогда как аористы – в повествовании. Указанные формы выступают как варианты, различающиеся по форме, но тождественные по содержанию.

В рассматриваемом сочинении Евфимий нередко включает чужую речь для показа объективности происшедших событий. При этом чужая речь передается несколькими способами: формой прямой передачи, формой косвенной передачи, а также контаминированными формами. Именно с передачей чужой речи в сочинении Евфимия связано появление форм на –л, напр.: *присла брата матфея иваныча соизвЪстием. онъ же приехавъ **объявилъ** мнЪ аще: **прислали** де меня братия до васъ оче (510, 127).*

Этот принцип не распространяется лишь на передачу высказываний сакральных лиц, где традиционно в функции ввода прямой речи (как и в повествовании о самом лице) используются аористные формы, причем наблюдается перемещение аориста глагола *речи* в интерпозицию по отношению к прямой речи, что свидетельствует уже о некоторой формализации его значения: *оставите ба рече гдъ оставится и вамъ (510, 1290б); токмо поминая реченныя стыми: держитесь рече предания старецъ, яко тиш навькоша от оцъ своиъ (510, 20б); в бесЪдахъ стьи златоуст глетъ :...не яко рече соединение црковное в раздоры и в расколы разЪкоша, но от расколь и раздоръ потщашася црковь разРЪшити (510, 3).*

Использование аористных форм в отношении к сакральным лицам связано с особенностями религиозного восприятия странниками временных форм. Старообрядцы сохраняют средневековое отношение к временным формам. Исходя из чего, формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе во времени, поэтому, в соответствии с христианской религией, они одни способны выражать действия, имеющие атрибут вечности. Формы перфекта и будущего времени выражают действия, ограниченные во времени, поэтому не могут соотноситься с сакральным лицом. Еще в XVII веке инок Савватий в челобитной царю Алексею Михайловичу протестует против исправления никоновскими справщиками формы аориста *бысть* на перфектную форму *быль еси* при обращении к Богу. Справщики вводят перфект, пытаясь избавиться от омонимии форм аориста 2 и 3 лица. Савватий же негодует потому, что «Богу лицо налагают» [8, с. 347], а Бог, по средневековому мировосприятию, не может соизмеряться с ограниченным временем, ибо он - вне времени.

В сочинении Евфимия формы на –л отмечаются в письмах, которые автор включает в свой сборник. При этом наблюдаются некоторые отличия при использовании глагольных форм в письмах самого Евфимия по сравнению с письмами его бывших единоверцев. Так, в письмах Евфимия формы на –л отмечаются только в функции ввода чужой речи: *и **объявилъ** онъ мнЪ, на мое бывшее давашего сословия письменное прошение сице (510, 128).* В других случаях действия/события в прошлом

выражаются аористными формами: **разсмотрѣхъ** православнѣи цркви полезное, и всему хртиянству спасительное (510, 1280б); азъ же **положихъ** тако же к нему ехать (510, 129; не попомни моя грубости, егда како впервые и в послѣдние наше с тобое **бысть** свидание (510, 1290б). Аористные формы наблюдаются даже в передаче чужой речи в письме Евфимия, например, слов Матвея Иванова: *понеже дѣ твоё **бысть** на нево предъставление во гнѣвѣ и въ злобѣ* (510, 1280б).

В нескольких случаях отмечаются нарушения нормы использования формы аориста речи. Так, в значении 3 лица ед.ч. Евфимий использует формы 1 лица ед.ч.: *онъ же **рѣхъ**: вотъ де отселѣ согласовали, согласия оца федора и ивана старца и прочихъ* (510, 177); *онъ же **рекъ**: оца варлаама тамо нѣсть, но поехалъ к москвѣ* (510, 177). В других случаях наблюдаем правильную форму 3 лица ед.ч., например: *онъ же **рече**: что де онъ в своей присягѣ неисправляется* (510, 1770б).

Подобные нарушения аористных форм в книжно-литературном языке наблюдается у И.И.Дмитриева, например в стихотворении «Чужой толк»(1794г.): «Желал бы я, чтоб Феб хотя во сне им рек» [9, с. 375]; у Г.Р.Державина в стихотворении «Властителям и судиям» (1787): «Восстал всевышний бог, да судит Земных богов во сонме их; Доколе, рек, доколь вам будет Щадить неправедных и злых?» [9, с. 197]; у А.Н.Радищева в оде «Вольность» (1783): «Схватив железный скипетр, царь,... «По воле, - рек, - щажу злодея»» [9, с. 296].

Нарушения отмечаются в собственно авторском тексте, в цитатах же канонических текстов нарушений не зафиксировано.

В функции ввода прямой речи в рукописи Евфимия отмечаются кроме аориста глагола речи и другие иллокутивные глаголы. При этом они могут составлять соотносительные образования от одного глагола, напр., формы имперфекта, аориста и л-формы: *глаше - не глахъ - не глалъ*, включая и формы *говориль, говорили*. Ср.: *и принуждает мене въскорѣ исправити. глаше, что де мнѣ заутра в пустыню время ехать* (510, 178-1780б); *якоже повелѣстѣ ми молчах. ничасаго **не глахъ*** (510, 1260б); на этом же листе: *послѣ же слышася мнѣ от ивана алексеича происходяща рѣчи таковыя: что де онъ в то время прочтения писма того ничто **не глалъ*** (510, 1260б).

Подводя итоги описания форм прошедших времен в сочинении Евфимия, можно констатировать факт дифференцированного использования автором простых претеритов и форм на -л, мотивированного использованием грамматических эквивалентов, где первые являются несомненными маркированными признаками книжности, эксплицирующими связь с сакрально-авторитетными текстами.

В других сочинениях, входящих в состав данной рукописи, средствами передачи действия/состояния в прошлом также являются простые претериты и л-формы, но содержание текста оказывает непосредственное влияние на пропорции использования указанных форм. Так, главной темой небольшого сочинения «О расколническом именовани и запискѣ яко цркви неполезна, но паче есть вредна, и сомнителна», включенного Евфимием в свою рукопись (510), является доказательство пагубности записи в раскол для староверов. Для строгой аргументации автором привлекаются многочисленные цитаты из канонических (библейских и богослужебных) текстов, житийной литературы, сочинений раннего старообрядчества. Кроме того, для объективности доказательства отступления староверов от истинной веры при записи, активно цитируются государственные указы о расколнических делах, которые, по мнению странников, как нельзя лучше показывают невозможность сохранить *записным* в чистоте веру и спасти свою души от осквернения.

Формы аориста и имперфекта наблюдаются в контекстах, где речь идет о «древлепреподобных» отцах, которые никогда не шли ни на какие компромиссы с государственной властью, если речь заходила о содержании в чистоте православной веры: *обаже же древлепрѣбнии оцы пустыножителие, неточие о самѣх себѣ кожда, но и о прочих единовѣрныхъ братиях неприличная хртияном изглашения от невѣрныхъ слышати **нетерпѣша**, но **отрекошася** всячески чегдаго хртияном нарицания* (510, 1830б). Аористными формами от основ несовершенного вида автор указывает на действия отцов как таковые, включающиеся в ряд сменяющих друг друга процессов, которыми они и ограничиваются во времени. Описывая события далекого прошлого из истории раннего христианства, автор использует формы имперфекта: *якоже и древнии чесога духовное властие сотворити **невозмогаху**, то от гражданскихъ властей поможение **воспринимажу**, и тѣх самѣхъ црей православныхъ истинныхъ пастырей быти **нарицажу*** (510, 1790б). Здесь же формами аориста автор сообщает о действиях/событиях начала раскола, что позволяет судить о знании норм использования церковнославянских форм: *злосовестныи пастыри...новосочиненные книжицы подобныя сему **составиша** на поругание хртияном* (510, 1790б).

Формы на -л в основном наблюдаются в сочинении в цитируемых указах, касающихся расколнической записи: *что ревизия **окончалась**, и о расколниках резолеции никаковой неучинена. того ради правительствуещи сенатъ, с духовнымъ правительствуещимъ синодомъ имея конференцию, всеподаннѣише нам **представилъ** до здѣ от указа* (510, 1800б). Достаточно редко формы на -л отмечаются в собственно авторском тексте. Данные формы автор использует, обвиняя староверов в том, что они сами просили о записи в раскол: *желание **имѣли** и о нынѣшней запискѣ самодержицы **просили**, чтобы имъ быть в расколѣ, и в расколническомъ окладѣ* (510, 1810б).

Таким образом, в сочинении, где преобладает назидание и обличительный пафос, отмечается меньше л-форм, чем в сочинениях с историческим повествованием, например, в сочинении Евфимия.



Другой текст данного сборника, а именно, «*Отвѣты, на вопросы записавшихся, вдвойный расколнический окладъ. архагглогородскихъ хртианъ*», включенный Евфимием в состав исследуемого сборника (510), представлен в жанре «вопросоответных сочинений», особенно популярном в старообрядческой литературе.

Форма вопросов и ответов несет в себе «печать прямой обращенности к адресату» [10, с. 365]. В коммуникативном акте ярко выражен автор речи - противник записи в раскол, его идеологическая установка, адресат - защитник «записных» и «перлокутивный эффект»: расширение информированности адресата; изменения во взглядах и оценках адресата. Отношения между участниками диалога можно определить как совмещение информационного диалога и идеологического спора, хотя акт информации явно преобладает над актом коммуникации.

Формы аориста и имперфекта в «Отвѣтах...» отмечаются в цитатах слов отцов церкви, напр.: *поне же бо мнози вЪроваша чедес ради... мнози бо мняху вЪровати, но неправо, ни яко же рече писание, а понеже убо они своимъ ересем послѣдаваша, того ради и погибоша. до здѣ златоуст (510, 2210б)*; а также в повествовании: *ини и вновь вельми ощуцати начаша никономъ патриархом навовѣденыя. и по признании лабызаша древнее блгочестие, аще и в тайнѣ (510, 2260б)*; и *яко же сердцемъ вЪроваху тако и усты по аплу исповѣдаху. и аще же лжива ихъ отступническихъ именемъ и облычающе, то сим отрицаху а не якоже ннѣ нарицатися соглашахуся (510, 230)*. В последнем примере автор использует только формы имперфекта, которые подчеркивают указание на неделимую целостность действия. Подобные контексты, в которых действия выражаются только формами имперфекта отмечаются в страннических сочинениях достаточно редко. Чаще наблюдаются контексты, в которых среди форм аориста выделяется имперфект, например в повествовании о записи в раскол поморских отцов: *оцы...сего стаоческаго исповѣдания неосташа, и не еже молчаньемъ запечатлѣши, но и усты ясно предвѣми исповѣдаша, и не еже расколником сами нарицашеся, но и невиновныхъ быти расколом по стому никифору показаша, и аще ж невиновныхъ расколу исповѣдаша, то и нѣсть пореци сим, еже спротивнымъ повельниемъ согласишася, а аще же ни в чемъ несоглашахуся, то и благодти виное да не дерзаем (510, 231)*.

В данном сочинении л-формы используются прежде всего в вопросах. Редкое исключение составляют вопросы, где отмечаются формы аориста, например: *и прежняя больше скитския оцы в них же быша: и како они о себѣ исповѣдали (510, 2310б)*.

Кроме того, л-формы отмечаются в описаниях, например, когда «новые» мученики, т.е. еретики, сравниваются с донатистами: *и таковое мудрование имѣли еретицы донатисты, и самих себѣ убити повелѣвали, и замучениковъ вменили (510, 2200б. - 221)*. Формами на -л автор выражает имперфектное и перфектное значение.

Наблюдаются л-формы в повествовании о том, «гдѣ ли обрящемъ явно содержащееся блгочестие»: *но что ж увидим и на западѣ, гдѣ прежде апльское блгочестие сияло (510, 2180б)*. Таким образом, л-формы отмечаются в собственно авторском тексте, выражая все оттенки временных значений «старых» форм прошедшего времени.

Исключительно л-формы в «Отвѣтах...» зафиксированы в цитатах из правительственных указов, что вполне соответствует норме деловой письменности XVIII в.: *и кои никогда еще в расколѣ не были, вновь совращать и в расколѣ приводить и другихъ продержаетей церкви свои противныхъ производить не дерзали (510, 233)*; *хотя на раскольниковъ записныхъ двойной оклад и положен. и они записались, однакожъ не для того чтобы они свое расколническую прелесть разсѣвать могли (510, 234)*. Наблюдаются л-формы и в цитируемых ревизских сказках, к примеру, в устойчивых формулах делового языка: *артемей яшневъ руку приложилъ (510, 236-2360б)*.

Итак, в полемиическом сочинении «*Отвѣты, на вопросы записавшихся в двойной расколнический окладъ. архагглогородскихъ хртианъ*» (510) средствами передачи действия/состояния в прошлом являются простые претериты и л-формы. Жанр вопросо-ответного сочинения позволяет использовать идеологическим противникам в вопросах л-формы, которые повторяются в ответах странников, что дает основание сделать вывод об индуцировании л-форм вопросами. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основным средством выражения прошедшего времени в данном тексте являются формы простых претеритов, дополнительными вариантными средствами – л-формы.

В рукописях старообрядцев-странников XIX-XX вв. доминирующее положение в выражении действия/состояния в прошлом занимают л-формы, при этом важно отметить, что церковнославянские элементы наблюдаются не только в цитатах основного корпуса канонических текстов, но и в собственно авторских текстах.

В кодифицированном книжно-литературном языке XIX века простые претериты почти полностью исчезают из употребления, редко можно наблюдать формы аориста в поэтической речи в качестве допустимых «вольностей» [11, с. 193].

В страннических сочинениях XIX века продолжают функционировать простые претериты, которых в назидательных текстах отмечается больше, чем в текстах исторических. Напр, в рукописном сборнике XIX века под названием «*Сия книга глаголѣмая Цвѣтникъ. избрана от стыхъ книгъ бжественнаго писания и стыхъ оцъ предания*», который хранится в Редком фонде РГБ (собрание Е.В.Барсова, ф.17, №950) и представляет собой компилятивное произведение, основным средством



выражения прошедшего времени в являются л-формы, однако при этом активно используются аорист, реже – имперфект и перфект.

Формы простых претеритов отмечаются в сочинении в названиях статей, например: *Хртиянская отвѣты, пустынножителѣй собраниа от стаго бжтвеннаго писаниа о антихристе противъ реформы петра великаго, егда **вопрошаше** ихъ о исповѣданни православныа вѣры, и о покорение его власти. они же **отвѣщаюа** имъ сицѣ. Статия А. (Цв. 950, 12); Свидѣтельство от стаго писаниа о ревизии, како она бгу мѣрзѣска обретається, якоже **случися** во дни цря давида (Цв. 950, 2910б).*

По-прежнему популярной формой в «Цвѣтнике» выступает аорист глагола речи, употребляемый в функции ввода чужой речи, например, слов сакральных лиц: *понеже стыи пророцы **прорекоша** намъ много образно о противникѣ (Цв.950, 1800б); и даншлого пророчество **исполнися** на немъ, якоже иоанъ богословъ о немъ же **рече** (Цв.950, 190б); гдѣ же **рече** (Цв.950, 1190б).* Нарушений традиции ввода слов сакральных лиц аористными формами не зафиксировано.

Формы простых претеритов наблюдаются в контекстах, повествующих о единовѣрцах автора. Выражая свою целеустановку по принципиальным конфессиональным вопросам, последний использует формы аориста, при этом не только в собственном значении, но и в перфектном, подчеркивая тем самым актуальность результативности в настоящем времени, ср.: *но мы от хрта спаса **научихомся**, закон и заповѣди его сохраняти, и веру стую блюсти (Цв.950, 310б); ибо мы расколу въ вѣрѣ со стыми никакого не сотворимъ, и творити весьма ужасаемся: и не сектоводители, понеже отсекания от стыа церкви **не сотворихомъ**, и не буди намъ православнымъ хртияномъ сего и помыслити (Цв.950, 61-610б); А сему **почудихомся**, видевше яко нѣцыи члвцы неприемлюще, и пренебрѣжающе, цвѣты собраныа от стаго писаниа (Цв.950, 690б).*

В то же время при констатации фактов уже имевших место действий/состояний странников, касающихся непринципальных вопросов вероучения, наблюдаем л-формы, например: *иногда вы что премудрѣ вѣщаете, чего мы еще никогда **неслихали**, и въ писании **невидѣли** (Цв.950, 680б); и тогда **разбижались** кто куда **зналь**, и **скрылися** в горах (Цв.950, 110).* Таким образом, использование аориста и л-форм в повествовании о странниках является для автора одинаково возможным. Данные формы характеризуются как грамматические синонимы, варианты средства выражения прошедшего времени. Выбор того или иного варианта может быть мотивирован принципиальной важностью действий/состояний как идеологических разногласий с “мирскими” старообрядцами.

Простые претериты отмечаются в контекстах, в которых повествование ведется об отступниках, например о прегрешениях пастырей церковных, где имперфектная форма обозначает длительное действие в прошлом, не ограниченное во времени: *посемъ же и другое **согрѣшаху** о дарѣхъ велѣмудрѣствующе (Цв.950, 2350б).*

Во всех страннических рукописях XIX-XX вв. л-формы являются доминирующими средствами, формы простых претеритов отмечаются в цитатах основных вероучительных текстов. Следует заметить, что авторы чаще всего используют не точные цитаты, а их парафразы: *и видехъ ангела с небесе низъ ходящаго имуца ключъ бездны, и уже великое в руцѣ своей. и удержа змия, оужи онаго древняго. еже естъ дьяволъ и сатана, /прельцаа въселенную всю/ и связа и на тысящу лѣтъ (Улож., 9); видѣхъ изусть змиевъ и изъ усть звѣринъ и изъ усть лживаго пррка духи три нечистыа (Отв., 20б); а иже по аплу хртовѣ суть распяше плоть свою, состратыми и похотми, и покрише полоть духови се естъ ненавидение дшы своеа (Цв. 447, 1030б); и егда отвѣрзѣ, четвѣртую печать, слышах глас (Бесѣд., 139); и видѣх и се конь блѣзеленыи: и седая верху него имя ему смръть (Бесѣд., 139).*

Простые претериты традиционно употребляются авторами XIX-XX вв. в контекстах, повествующих о деяниях сакральных лиц, а также в повествованиях об истинных христианах, пострадавших за старую веру: *стии апли и стии оцы **предаша** и **повелѣша** благословляти люди (ТН, 132); апли **предаша** верныи два чина житию брачное мирское и девственное (Сказ., 2-20б); **уставиша** святии отцы (102, 108); инии же токмо обливають водою, а не глуть якоже **повелеша** стии аплы, и стии оцы (СБ, 168); гдѣ нашъ исъ хсъ прѣждѣ прииѣствия съвоего предовѣчь своихъ **посылашѣ** пророковъ (Улож., 95).*

В функции ввода слов сакральных лиц в рукописях бегунов XIX-XX вв. по-прежнему отмечается аорист глагола речи: *и гдѣ рече: **горѣ** имже путь истинный во языцехъ хулится, и горѣ имже соблазнъ приходитъ (Улож., 1); по златоусту, велиа, бо рече дьяволя сѣтъ (Бесѣд., 430б); и аще кто напоитъ, единаго от сихъ рече гдѣ (Цв. 447, 66); в пятый же день рече гдѣ (Цв. 447, 66); рече гдѣ аще кто грядетъ ко мнѣ (Цв.447, 1030б).* Данная форма используется и в собственно авторском тексте, например: *егда рече гонят вы из града бѣгайте в другии, и проч: нерече, аще хотите: но бѣгайте глѣ (Бесѣд., 132).* Она имеет место при отсылке к сказанному выше: *ибо преждѣ **рѣхомъ** вам, и ннѣ глемъ (Улож., 75).*

Странники XIX-XX вв. используют формы простых претеритов и в собственно авторском тексте. Так, в сочинении «Бесѣдословия» в повествовании о страдальцах за старую веру наблюдаются формы аориста и имперфекта: *онии остальцы еже бы что подписати къ низложению закона, и похулению, за великую дшевную пагубу **вмѣняху**. о чем явствует история таже о павлѣ епкпе*



коломенском, юже аще и в невѣдени **подписа**, и зато зазрен **бысть** от вѣрныхъ. послѣ ди и самъ **понудися** паки, еже бы заглядити таковое к неправдѣ подписание и **изволи** пострадати (Бесѣд., 430б-44). Имперфектная форма создает фон, на котором разворачиваются сменяющие друг друга действия/события, выраженные формами аориста. Ср., в странническом сборнике начала XX в. историко-полюемического состава «Слово творение щенноинока и мчика, феокиста бывшаго во изгнании», который хранится в Отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (В-5515): *яко от лѣтъ по числу...конецъ пррочествия приаша (350б.); и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ виватъ новыи годъ; от того дни разосла своя оуказы во всю русию (360б.)*

Таким образом, в страннических рукописях XIX-XX вв. доминирующими формами в выражении действия/состояния в прошлом выступают л-формы. Простые претериты отмечаются в цитатах основных вероучительных текстов или их парафразах. Активно используется аорист глагола речи. В собственно авторском тексте формы простых претеритов в рукописях данного периода используются не только в собственном значении, но и в значениях других временных форм, что свидетельствует о субституции. Главным значением употребления церковнославянских форм является для странников само их присутствие в сочинениях как знаков соотнесенности с традиционными сакральными текстами.

### Выводы

Подведем итог сказанному. Активизация л-форм как возможных вариативных средств не осознается авторами-странниками как порча языка, так как традиционные церковнославянские языковые средства выражения, восходящие к «дониконовским» вероучительным текстам, продолжают функционировать, оставаясь важными структурными звеньями.

Церковнославянские средневековые средства оказываются теми скрепами, которые позволяют сохранять связь с сакральными текстами, определяющими национальные вековые ценностные доминанты.

Таких элементов-скрепов хватает небольшого количества, так как для восстановления, узнавания сакрального смысла достаточно минимального характерного элемента, позволяющего соотнести новый текст с исходным традиционным. Но для адекватного восприятия всех смыслов адресат должен хорошо знать вероучительные пресуппозиции.

Тексты, привлеченные для анализа, продолжают жить, т.е. они постоянно переписываются на протяжении длительного времени, уже нескольких веков, при этом, что не менее интересно, на разных территориях, и не только России, но и мира. Поэтому модификации живого письменного языка вполне закономерны вследствие естественных объективных законов системы. В новые тексты проникают ненамеренные описки, парафразы, перифразы, паронимии, из чего вытекает амбивалентность вновь создаваемого текста. Главное, что любой языковой элемент используется авторами осмысленно, с осознанием того, что тексты, которые усваивает носитель языка, оказывают влияние не только на языковую практику, но, в первую очередь, на духовную.

То, что старообрядцы исторически не прерывали православную практику, их доминативное несекуляризованное мышление позволило им сохранить на основании преемственности конфессиональную целостность, национальные традиционные начала, этническую идентичность даже в условиях рецепционного окружения.

Таким образом, конкретные реализации письменного языка неоспоримо свидетельствуют, что узуальная нормализация связана с ментальными процессами в сознании создателей письменного текста, когнитивно-концептуальной парадигмой.

### Литература

- Ремнева, М.Л. История русского литературного языка / М.Л. Ремнева – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 400с.
- Солуянова, Е.Г. Язык русских исторических сочинений конца XVII – начала XVIII в. / Е.Г. Солуянова – Автореф. дисс...канд филол. наук – М., 1989. - 16с.
- Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века / В.М.Живов – М.: Языки русской культуры, 1996. – 591с.
- Обнорский, С.П. Очерки по морфологии русского глагола / С.П.Обнорский – М.: АН СССР, 1953. - 252с.
- Кутина, Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа / Л.Л. Кутина // Язык русских писателей XVIII века. – Л.: Наука, 1981. – С.7-46.
- Жульева, В.А. Формы глагола прошедшего времени в русских повестях XV-XVIII вв. / В.А. Жульева – Автореф. дисс...канд. филол. наук – Казань, 1973. – 16с.
- Кузнецов, П.С. Очерки исторической морфологии русского языка / П.С.Кузнецов –М.: АН СССР, 1959. – 276 с.
- Успенский, Б.А. Избранные труды. В 2-х томах / Б.А. Успенский – М.: Языки русской культуры – Т.1. - Семиотика истории. Семиотика культуры – 1994. – 429с.
- Цит. по: Русская литература последней четверти XVIII века: Хрестоматия / Сост. В.А.Западов. – М.: Просвещение, 1985. – 432с.
- Арутюнова, Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.40. – 1981. – №4. – С.356-367.
- Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. / В.В. Виноградов – М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1938. – 448с.

УДК 811.161.1

**ФУНКЦИИ РУССКИХ ЧАСТИЦ: К ПРОБЛЕМЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ  
МОДАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ОЦЕНКИ <sup>1</sup>****RUSSIAN PARTICLE FEATURES: FOR THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF  
MODAL TRAINING AND EVALUATION****И.А. Нагорный  
I.A. Nagorny***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: nagorny@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье устанавливаются различительные критерии модально-квалификативной и оценочной функций русских частиц, что позволяет четко дифференцировать модальную квалификацию и оценку как ментальные операции субъекта, репрезентируемые в предложениях с частицами. Доказывается, что русские частицы – это «сигнал важности» квалифицируемого или оцениваемого факта, один из способов говорящего продемонстрировать адресату свое личностное мнение, сориентировать адресата на правильное, по мнению говорящего, понимание события.

*Abstract.* The article set the criteria for distinguishing modal-qualificative and assessment functions of Russian particles, which allows you to clearly differentiate the modal qualification and evaluation of both the mental operations of the subject, the represented in the particles proposals. It is proved that the Russian particle - a "signal the importance of" qualifying or assessment of the facts, one way to show the speaker sent his personal opinion, the correct guidance to the destination, according to the speaker's understanding of events.

*Ключевые слова:* частицы, модальная квалификация, оценка, говорящий, адресат, высказывание, ментальная операция.

*Keywords:* particle, modal qualification, assessment, saying the target, saying, mental operation.

**Введение**

Русские частицы включаются в группу языковых средств, предназначенных для выражения комплекса модальных смыслов, которые, в свою очередь, прагматически обусловлены, несут важную для говорящего и адресата коммуникативную информацию. Данные смыслы отражают речевой аспект представления интенции говорящего, направленной на личностное осмысление события говорящим. В этом плане представляется актуальным разграничить модально-квалификативную и модально-оценочную функции русских частиц, поскольку личностное отношение субъекта, репрезентируемое указанными языковыми средствами, имеет разные ипостаси своего воплощения в прагматической сфере речевого диалога, составляя в то же время сферу модальных характеристик высказывания.

**Основная часть**

Основанием для актуализации проблемы дифференциации модально-квалификативной и модально-оценочной функций частиц послужило то, что модальной квалификации и оценке должны отводиться собственные места среди других модальных характеристик высказывания. Модальная квалификация и оценка оригинальны по сути, имеют установленные статусные характеристики, базирующиеся, с одной стороны, на концептуальных параметрах понятийных категорий персуазивности, реальности/ирреальности, возможности, вероятности, необходимости, долженствования, кажимости, желательности, а с другой стороны, – на параметрах категории оценочности. В сфере модуса модальной квалификации и оценке принадлежит важная, но в то же время дифференцирующая роль, которую мы далее попытаемся раскрыть при анализе функциональных характеристик русских частиц.

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00196



В первую очередь необходимо определить сферу действия термина «квалификация» и, следовательно, понятия квалификации в отношении к другим модусным понятиям, прежде всего – к понятию оценки.

Суть квалификативной и оценочной функций русских частиц заключается в следующем. Высказывание при помощи частицы – формального средства – соотносится в определенном аспекте (кваликативном или оценочном) с действительностью. Данная квалификация осуществляется субъектом относительно денотативной ситуации как квалифицируемого или оцениваемого объекта. Результат репрезентированной квалификации или оценки есть экспликация позиции говорящего для осуществления прагматически сориентированного речевого воздействия на адресата. Таким образом, и модальная квалификация, и оценка – это ментальные операции, отражающие именно отношение субъекта, которое проявляется применительно к объекту квалификации.

Необходимо установить, имеет ли модальная квалификация сообщаемого, репрезентируемая частицами, собственный статус на уровне семантической структуры предложения как отношение оригинальное, имеющее свой объект, субъект, основания и средства выражения, отличные от аналогичных оценочных факторов.

Отметим, что и модальная квалификация, и оценка являются категориями универсальными, присущими языку вообще, так как стремление выразить отношения между действительностью и человеком характерно для субъекта мыслящего, воспринимающего, реагирующего [1; 2]. Обе эти категории являются понятийными и включаются в сферу ментальности, принадлежат «человеческому фактору» в языке [3; 4].

Репрезентируемые частицами модальная квалификация и оценка являются частью более широкого понятия – личностного отношения, имеют прямой выход в грамматику, семантику и прагматику, так как в них определенным образом сочетаются объективные факторы с субъективными факторами на уровне плана содержания и плана выражения. Причем эти факторы так или иначе реализуются в высказывании субъектом. И модальная квалификация, и оценка представляют собой по большому счету точку зрения субъекта, его личностный взгляд на объективную действительность [4], «фокус» [5], в котором пересекаются объективные и субъективные критерии актуальных и фоновых (пресуппозитивных) знаний, разного рода мнения, отношения к сообщаемому.

Квалифицирующий субъект – это основной компонент модальной квалификации высказываемого, как и оценивающий субъект – оценочной ментальной операции. Подвергнутое осмыслению событие, несомненно, представляет интерес для говорящего, оно безразлично говорящему. Вербализуемая модальная квалификация, впрочем, как и оценка, для говорящего важна, и доказательство этому – интенция прагматического воздействия, результат которой говорящий стремится распространить на воспринимающего информацию адресата. Говорящий заинтересован в том, чтобы донести свою точку зрения до адресата, заострить его внимание на собственном мнении относительно объекта квалификации или оценки.

Неразличение модальной квалификации и оценки, объединение их в понятийном поле категории оценочности проистекает, как правило, из-за недостаточного внимания к тому факту, что модусные категории модальной квалификации и оценочности имеют один и тот же объект своего приложения – денотативную ситуацию либо ее фрагмент [6, с. 123].

Другой важный аспект составляет то, что и модальная квалификация, и оценка, в принципе, способны отступить от эталона, образца, сфокусироваться на индивидуальном видении мира, факта действительности субъектом, и это тоже обусловлено спецификой объекта их приложения. В результате все это является основанием для фиксации модальной квалификации и оценки в соответствующих зонах функционально-семантических полей, для которых оказывается характерным выделение градуальных образований – модальной шкалы и шкалы оценки с двумя абсолютными полюсами («достоверно/вероятно» и «хорошо/плохо»), а также промежуточной зоной переходности. Таким образом, модальной квалификации и оценке, несомненно, присущи общие качества. Однако это не исключает отличий между рассматриваемыми модусными категориями. Обоснуем это более детально.

Модальную квалификацию и оценку необходимо дифференцировать. На то, что модальную квалификацию не следует путать с оценкой, неоднократно указывалось лингвистами. Ценной в этом случае представляется, например, точка зрения Т.В.Маркеловой, которая указывает на то, что неразличение понятий оценки и субъективной модальности обусловлено «неразграничением смыслов «отношение говорящего к предмету речи» и «ценностное отношение». Второй смысл конкретнее первого, связан не только с личностно-прагматической интерпретацией обозначаемого, но и определением его места на шкале ценностей» [7, с. 15]. Весьма важное наблюдение резюмирующего характера делается авторами «Теории функциональной грамматики», которые однозначно разводят понятия модальности и оценочности: «На наш взгляд, оценочность лишь частично связана с семантикой модальности:

налицо точка зрения говорящего, его отношение к содержанию высказывания, но далеко не всегда ясно выражено «отношение содержания высказывания к действительности». Скорее всего, оценочность целесообразно рассматривать как особую семантико-прагматическую сферу, взаимодействующую с модальностью» [6, с. 61].

Другие лингвисты, дифференцируя, в принципе, понятия модальности и оценки, тем не менее, выделяют среди множества модальностей и так называемую оценочную модальность [8, с. 8; 9, с. 38]. Оценка при этом рассматривается как один из видов модальности. Данное заключение делается на основе того, что любое оценочное высказывание (в том числе и модально-оценочное) «содержит дескриптивную компоненту и недескриптивную, т.е. модальную компоненту, причем первая описывает одно или несколько возможных дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» [8, с. 11]. Модальность при этом понимается очень широко, границы между собственно оценочностью и оценочной модальностью размываются, что, на наш взгляд, ретуширует оригинальность двух близких, но тем не менее не тождественных категорий.

Отметим то, что модальная квалификация – это в первую очередь проявление позиции говорящего по определению отношения содержания высказывания к действительности, то есть установление модального, а шире – предикативного отношения. Данное отношение устанавливается в координатах «реально/ирреально», «достоверно/недостоверно», «возможно», «вероятно», «необходимо», «желательно» и т.д. Оценка же – это облигаторное соотнесение позиции говорящего со шкалой ценностей, которая базируется на ценностных ориентирах, ценностных критериях «хорошо/плохо», обусловленных личностно, социально и исторически. Модально-квалификативный и оценочный фрагменты языковой картины мира представляют собой, таким образом, разные ипостаси, хотя зависимости, которые лежат в основе их концептуализации, в принципе, стандартные, так как связаны с проявлением субъективного фактора в языке [2]. Тем не менее, если семантической доминантой оценки является выделяемый ценностно-оценочный признак, то доминантой модальной квалификации будет являться признак квалификационного отношения, который как в широком, так и в узком аспекте его рассмотрения сфокусирован на соотношении высказываемого и действительности со стороны авторской квалификации степени достоверности/недостоверности сообщаемого, его реальности/ирреальности и т.п.: *На это я ему ответил, что **вряд ли** это возможно* (журн.текст); – *Я считаю, что у него едва ли выйдет задуманное* (Р.Штильмарк); «*Соломенная вдова*» *ответила, что **вряд ли** можно скучать среди таких кавалеров и взглянула в сторону Ромчиковых приятелей* (О.Гончар); *Он мне признался, что **будто бы** не знает тех людей в шляпке* (В.Катаев); *Мы познакомились с Сашей в Энске много лет тому назад и с тех пор виделись **едва ли** три-четыре раза* (В.Каверин); – *Авошь что-нибудь скумекаем, – протянул Степан* (газет.текст).

Отличие оценки от модальной квалификации состоит также в том, что представления о природе ценностей обусловлены социальным и историческим факторами. Данные представления, с одной стороны, стабильны (ср., например, глобальное ценностное представление о том, что есть добро и зло, любовь и ненависть и под.), с другой же стороны, – исторически и социально трансформируемы в соответствии с ценностными ориентирами окружающего человека мира. Модальная квалификация в этом смысле более дистанцирована от исторических и социальных условий. Например, персуазивные смыслы, такие как «предположение», «сомнение», «возможность», «вероятность», «эвиденциальность», «кажимость» и подобные, остаются неизменными вне зависимости от того, что положено в основу ценностных приоритетов субъекта. Сомнение остается сомнением и тогда, когда меняется ценностная ориентация человека, как и предположение остается предположением тогда, когда субъект оказывается заинтересован в конкретном результате события, и когда ожидает противоположного ожидаемому результату.

Нетождественность модальной квалификации и оценки заключается и в том, что последняя принадлежит как отдельному субъекту, так и коллективу [10, с. 277]. Первая же не создается на базе ценностных ориентиров общества, так как не базируется на понятиях о ценностях, принятых в обществе. Модальная квалификация – это индивидуальная точка зрения, и в этом ее отличительная черта. Она принадлежит субъекту или субъектам, но как отдельным личностям: – *Могу я просить у вас два дня? – **Небось** не попросите* (журн.текст); ***Вряд ли** он предполагал о случившемся несчастье* (А.Куприн); *Слова «лучше», «хуже» не относятся **якобы** к логической форме высказываний* (А.Ивин); ***Небось** его там не было* (газет.текст); *Ты, **чай**, слышал об этом* (А.Островский). Даже в высказываниях типа *Мы думали, что он **вряд ли** придет*, где репрезентируется «совокупная» точка зрения, принадлежащая не одному, а нескольким субъектам, индивидуально-личностное мнение говорящего оказывается выделенным из ряда других мнений даже в том случае, если не противоречит им. Это подтверждается на уровне анализа персонального поля высказываний с модальными частицами.

Сказанное, конечно, не имеет в виду, что модально-персуазивная квалификация никоим образом не соотносится с общественными нормами и критериями. Напротив, она как бы



впитывает их, базируется на них, но перерабатывается в человеке и выступает как его личностная точка зрения. В этом плане особенно показательными являются высказывания наподобие *Он **вряд ли** мог так поступить с тобой*, где поступок неучастника речевого акта расценивается субъектом как несоответствующий этическим и моральным нормам, принятым в обществе. Тем не менее, собственно модальная квалификация принадлежит субъекту, который, руководствуясь общественными нормами, высказывает свое отношение к происходящему. Подобные высказывания, вероятно, следует считать принадлежащими той периферийной сфере, где сближаются модальная квалификация и оценка: ***Разве** они не знали, что в обществе так себя не введут?* (В.Шишков); ***Чай**, догадывался, что нельзя так делать, а делал. Хорош, нечего сказать!* (журн.текст); *Он **вряд ли** задумывался над мотивами своих поступков* (газет.текст). Однако и здесь речь должна идти лишь о сближении сфер модальной квалификации и оценки, но не об их полном совмещении. Модальная квалификация и оценка продолжают оставаться, в принципе, самостоятельными сущностями с соответствующим основанием вербализуемого отношения, сближенными в пределах высказывания или даже текста.

Отличие модальной квалификации и оценки видится также в том, что первая не расценивается как абсолютная. Например, модально-персуазивная квалификация всегда относительна, в то время как собственно оценка может быть и абсолютной, и относительной [8, с. 15]. Фиксация модальными частицами разных степеней вероятного, по мнению говорящего, осуществления события никогда не производится в пределах констатационных полюсов модальной шкалы степеней достоверности. Значениям вероятности отводится на данной шкале промежуточное межполюсное положение: – *Он бодрый, огромный, **едва ли не** выше меня* (А.Казанцев); *Бывают на свете Хорошие дети, Но **вряд ли** найдутся на нашей планете Такие, кто был бы прелестнее Пети, Смешного, глазастого, милого Пети* (К.Чуковский); – *Только б живому остаться, – ремни буду вырезать из спин. – За такие слова **едва ли** останешься, – сказал Кузьма* (В.Шукшин); *Вася: И то деньги-с. Бакин: Не велики. Ведь, **чай**, и долгишки есть, за тряпочки за разные* (А.Островский); – *Нам, по правде сказать, в этот вечер И развлечься-то **словно бы** нечем* (Д.Кедрин); *Он все еще держал руку согнутой и морщился. Врач, натолкнувшись на него, даже **как бы** растерялся – он думал, что нервный пациент ушел, а он тут* (В.Шукшин). Следует отметить, что сказанное характерно только для модально-персуазивной квалификации. Нейтральная реально-ирреальная констатация факта в этом плане абсолютна. Утвердительные или отрицательные высказывания нейтрально-констатационного характера четко фиксируются на полюсе достоверности сообщаемого.

Относительность модально-персуазивной квалификации, репрезентируемой в высказывании модальными частицами, соотносится с тем, что данная квалификация ориентирована на определенный вид суждения как форму мысли субъекта. Относительно же истинное суждение, реализуемое на языково-речевом уровне в предложениях с модальными частицами, не бывает абсолютным. Это противоречит его природе. Обозначая такой вид суждения, модальные частицы, являясь по своей сути служебными элементами языка, не могут фиксировать собственно понятия, в то время как оценка с ее отличительным свойством быть как относительной, так и абсолютной может быть ориентирована и на понятие. Это также суть важно.

Сказанное позволяет констатировать, что в семантической структуре высказывания модальной квалификации и оценке отводятся собственные места среди других модальных категорий. Экспликация трех основных квалификативных категорий – модальной квалификации (в том числе и модально-персуазивной), авторизации, оценочности – сосредоточена на аспекте интерпретации информации с позиции говорящего. Однако если модальная квалификация и авторизация являются обязательными модальными категориями, то оценочность такой не может быть признана. Данная категория принадлежит к разряду факультативных [11, с. 38].

И наконец, еще одно отличие состоит в том, что модально-персуазивной квалификации и оценке принадлежат специализированные средства выражения [7; 10; 12]. Применительно к нашей проблеме отметим, что модальные частицы (*едва ли, вряд ли, будто, точно, словно, небось, авось, якобы и под.*) являются репрезентаторами модально-квалификативных характеристик сообщаемого: *Стоишь у окна и думаешь: «**Авось**, бог даст, распогодится».* Но ветер не унимался (И.Бунин); *Описывать его обыкновенную наружность **едва ли** и следует* (А.Чехов); ***Будто** обещался зайти на днях. Вот и ждем с того времени* (В.Шишков). Эмоциональные же частицы (*эк, как, ну и, что за, вот так, где уж, куда уж и др.*), активно участвующие в формировании эмоционально насыщенного предложения и вводящие последнее в типологическую группу восклицательных, в большинстве своем, как правило, репрезентируют оценочную точку зрения говорящего: ***Вот так** событие!* (А.Иванов); ***Что за** прекрасный выдался сегодня денек!* (Ф.Панферов); ***Да где** уж нам!* (В.Шукшин). Причем заметим, что эмоциональные частицы не являются специализированными оценочными средствами русского языка, оценочный фактор могут актуализировать и частицы других разрядов, например, модальные: – *Ты-то **поди** привык вприкуску* (М.Горький); *Я уж **чуть было** не начала*

*волноваться, – раздраженно бросила Вера* (журн.текст); – **Как будто симпатичный парень, – шепнул сдержанный Карась Шервинскому** (М.Булгаков); *По-твоему, чай, карты вздор! Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю!* (А.Островский).

Перечисление отличий модально-персуазивной квалификации от оценки применительно в предложениям с русскими частицами можно бы было продолжить, однако и отмеченных, думается, достаточно, чтобы подтвердить тезис о том, что данные категории оригинальны как в плане содержания, так и в плане выражения. С одной стороны, и модальная (в том числе модально-персуазивная) квалификация, и оценка являются результатом речевой деятельности субъекта, результатом языкового воплощения его коммуникативной задачи. С другой стороны, оценивая и модально квалифицируя высказываемое, говорящий преследует разные цели, реализует разные интенции. Это влечет за собой использование разных языковых средств реализации указанных смысловых сущностей, что в результате приводит к репрезентации в пределах текста или речевого диалога разных – модально-квалификативных и оценочных – смыслов.

Чтобы обосновать и дифференцировать статусы модальной квалификации и оценки, необходимо охарактеризовать их основные параметры как в плане содержания, так и плане выражения.

План содержания модальной квалификации и оценки включает три ведущие компонентные сферы соответствующего (модального или оценочного) отношения: *объект* квалификации или оценки, *квалифицирующий субъект* и *основания* модальной квалификации или оценки события. План выражения сосредоточен на понятийных полях квалификативности и оценочности, а также на формальных средствах репрезентации модальной квалификации и оценки. Детализируем сказанное.

*Объектом* модальной квалификации, как и оценки, является описываемое событие или результат его осуществления в действительности. Событием признается как типичная денотативная ситуация, так и предмет, отношение, свойство или качество, представленные ситуативно.

*Квалифицирующим субъектом* и модальной квалификации, и оценки является говорящий (либо лицо или группа лиц, с которыми он себя соотносит), то есть автор высказывания, с позиции которого осуществляется модальная квалификация или оценка события. Последняя предлагается говорящим исходя из собственной концептуальной картины мира и тех социальных условий, которые его окружают. Говорящий включен в собственную субъектную сферу, средством экспликации которой в высказывании, помимо других средств, выступают русские частицы.

Таким образом, *объект* и *субъект* модальной квалификации и оценки идентичны, чего нельзя сказать об *основаниях* сравниваемых ментальных операций субъекта.

Основанием оценочной квалификации необходимо считать факторы, побудившие говорящего обозначить свое отношение к событию посредством фиксации высказывания на ценностной шкале с полюсами «хорошо»/«плохо»: *Понял, – пробурчал Мухин. – Куда уж понятней... Только... как я в таком виде?..* (А.Рыбин); *Та подняла вверх большой палец... Ну и дура же я! Денег этих, разумеется, мне не видать* (И. Грекова). Речевая ситуация положительной или отрицательной оценки события относится к числу коммуникативно-прагматических и предполагает учет того, как, по мнению говорящего, оцениваемое событие соответствует имеющимся оценочным критериям с одновременной актуализацией факта наличия неких условий, побудивших говорящего репрезентировать оценочную характеристику какого-то события при помощи включения в состав высказывания оценочного языкового средства – частицы.

Основанием модальной (в том числе модально-персуазивной) квалификации необходимо считать факторы, побудившие говорящего обозначить свое отношение к событию посредством включения выраженного в высказывании суждения в разряд относительно-истинных. Таким образом, основанием модальной квалификации служит актуализация мотивированных или немотивированных обстоятельств, детерминирующих с точки зрения субъекта степень возможности/вероятности осуществления того или иного события в действительности. В перспективе допустимо ее как положительное, так и отрицательное разрешение квалифицируемой ситуации. Мотивационной базой данного разрешения служит то, что, по мнению говорящего, в объективной действительности имеются причины, способствующие или препятствующие осуществлению описываемого события. В итоге основой модально-персуазивной квалификации выступает в каком-то роде потенциальная ситуация: *Хочется, небось, и нарядиться, и в гости сходить* (А.Чехов); – *Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл!* (А.Островский).

В прагматическом аспекте квалификация высказываемого в аспекте модально-персуазивного отношения является показателем того, «в какой мере говорящий берет на себя ответственность за истинность своего высказывания» [6, с. 158]. Высказывания с модальными частицами выражают суждение, которое включается в разряд относительно истинных: – **Небось сам в гости напросился, думаю.** – *Как же!* (газет.текст); *Вошел вроде знакомый. Одежда чем-то запомнилась* (журн.текст); – *А телевизор цветной видишь? – Вижу, а как же. Хоккей теперь небось лучше смотрится?* (А.Шавкута); *И никому наша вера не мешала, а даже как будто еще многим по обычаю приходила и нравилась...* (Н.Лесков); *Он вернется сюда вряд ли раньше пяти часов* (газет.текст).



Истинность высказывания с модальной частицей не есть величина дискретная, сфокусированная на полюсах «истина/ложь». Характер квалифицируемой информации не позволяет признать последнюю ни абсолютно истинной, ни абсолютно ложной. Модально-персуазивная квалификация оказывается как бы «растянутой» по шкале достоверности, предполагая разного рода градации, переходы и взаимопересечения. Говорящий не способен (или не желает) констатировать описываемое событие как однозначно истинное или однозначно ложное. Обусловленность точки зрения субъекта является тем «камнем преткновения», о который разбивается категоричность истинностной поляризации таких высказываний. Характер объективных условий, способствующих или препятствующих осуществлению описываемого события, позволяет лишь приблизить квалифицируемое высказывание к разряду истинных или ложных, но не включить его в указанный разряд. Конкретная же степень приближения определяется субъективно, так как именно мнение определяет особенности частных варьирований. Если авторская квалификация основывается на объективных данных, способствующих осуществлению события, то высказывание оказывается смещенным к полюсу «истина», если наоборот, то к противоположному полюсу.

Именно указанными причинами обусловлено то, что модально-персуазивная квалификация высказываемого является сферой пересечения различных аспектов соотношения высказываемого с действительностью: логического (квалификация суждения или умозаключения как относительно истинного, соотносимого с логическими категориями возможности и вероятности); функционально-семантического (квалификация события в аспекте достоверности/недостоверности сообщаемого); ситуативного (квалификация речевой ситуации как ситуации относительной достоверности); пресуппозитивного (квалификация предусловий как соответствующих или не соответствующих речевой ситуации); семантической организации высказывания (квалификация пропозиции в аспекте ее истинности/ложности); коммуникативно-прагматического (квалификация события с целью речевого воздействия на адресата) [13; 14; 15]. Соединением указанных сфер достигается главная цель говорящего, осуществляющего квалификацию события, – выразить отношение к сообщаемому, а шире – соотнести высказываемое с действительностью в заданном персуазивном аспекте: *Мы оба с ней как бы дематериализовались друг для друга* (Г.Семенов); *Точно вчера родился* (А.Чехов); *Вроде по его словам выходило* (А.Иванов); *И вместе с тем вряд ли можно было найти на всем пространстве неизмеримой Российской империи аэродром, менее приспособленный для целей авиации* (А.Куприн); *– Авось и к нам зайдет, мы его так ждем, так ждем, что не отпустим на ночь глядя* (В.Шишков); *Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая* (И.Бунин). Модально-персуазивная квалификация всегда обусловлена коммуникативным заданием говорящего: высказывание, при его введении в состав квалифицированных, сосредоточивается не столько на описании события как такового, сколько на репрезентации авторской точки зрения относительно этого события. Данная точка зрения строго локализована на обозначении степени достоверности описываемого.

Таким образом, основание модально-персуазивной квалификации охватывает как объективные, так и сугубо субъективные факторы. К первым относятся объективные мотивационные условия, способствующие или препятствующие осмыслению субъектом события как достоверного. В группу субъективных в первую очередь включается намерение говорящего эксплицитно выразить собственный взгляд на событие, а также степень авторской уверенности в сообщаемом.

Модально-персуазивная квалификация представляет собой прежде всего субъективное мнение говорящего как одно из возможных мнений. Субъективный компонент в этом плане предполагает, что мнения относительно объекта (то есть квалифицируемой ситуации) не всегда тождественны. Объективный компонент, напротив, ориентируется на объективную вероятность, степень объективной возможности осуществления или неосуществления события. Данный компонент тем сильнее, чем более объективны условия, способствующие или препятствующие совершению события. Здесь-то и проявляется двойственность модально-персуазивной квалификации. С одной стороны, это всегда позиция, взгляд квалифицирующего события субъекта. С другой стороны, персуазивная квалификация базируется на мотивационных условиях, в том числе на причинах объективных, поэтому может заключать большой процент вероятности, если указанные условия способствуют этому: *Люк не люк, а какое-то отверстие имеется. И оно, представьте себе, как будто открыто* (А.Казанцев); *– Так что едва ли смогу быть вам полезен* (В.Головачев); *– Вы надолго в Москву, Алексей Петрович?.. До выяснения? Значит, с неделю побудете - раньше вряд ли что-нибудь решится. Остановитесь у меня, конечно?* (И.Ефремов); *Богата наша недавняя история скороспелыми стереотипами. И едва ли не самый живучий и опасный из них - о безвредности и экономичности атомной энергетики* (журн.текст); *– Хэх!.. Да разве ж когда наживесся?* (В.Шукшин).

Но каковы бы ни были причины, побудившие субъекта осуществить квалификацию события, «субъективный фактор» достаточно значителен. Именно им определяется введение в структуру предложения модально-персуазивной частицы. И если модальная частица присутствует



в высказывании субъекта, мы вправе предположить, что условия, по мнению говорящего, не соответствуют тому, чтобы он мог не включать данное языковое средство и локализовать, таким образом, высказывание на смысловом полюсе нейтрально-констатационной достоверности. Иными словами, если модальный квалификатор – частица – наличествует в высказывании, то это следствие того, что говорящий отстраняется от нейтральной констатации факта действительности, потому что: а) либо говорящий не уверен в возможности совершения события, так как мотивационные условия, на его взгляд, не гарантируют этого однозначно; б) либо говорящий не осведомлен о реальных (объективных) условиях, предопределяющих то или иное развитие ситуации (и, вследствие этого, у субъекта появляются основания для экспликации собственного квалификативного мнения); в) либо говорящий не желает применять констатационный способ представления события, руководствуясь теми или иными мотивами прагматического характера.

### Выводы

Сказанное позволяет нам, с одной стороны, на основании выделенных и проанализированных различительных критериев четко дифференцировать модальную квалификацию и оценку как разные ментальные операции говорящего, выражаемые в предложениях с частицами, что является, в свою очередь, основанием для дифференциации модально-квалификативной и модально-оценочной функций русских частиц. С другой стороны, необходимо отметить близость ментальных операций модальной квалификации и оценки как операций, производимых субъектом и преследующих две основные цели при характеристике события: а) высказать свое личностное видение ситуации, репрезентировать собственную точку зрения на проблему, эксплицировать личностный взгляд на событие; б) донести модально-квалификативную или оценочную точку зрения говорящего до адресата, добиться того, чтобы его поняли правильно, то есть адекватно тому, что заложено в основу модально-персуазивной квалификации или оценки самим говорящим. И в первом, и во втором случае русские частицы – это своего рода «сигнал важности» квалифицируемого или оцениваемого факта, один из способов говорящего продемонстрировать собственное небезразличие к происходящему. Вводя в высказывание частицу, говорящий прагматически боится от недопонимания его позиции, ориентирует адресата на правильное, по мнению говорящего, понимание события, а также собственного взгляда на коммуникативно-прагматическую ситуацию общения.

### Литература

- Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли – М.: Изд. иностр. л-ры, 1955. – 416 с.
- Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
- Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
- Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Хомский, Н. Язык и мышление / Н. Хомский – М.: МГУ, 1972. – 121 с.
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А.В.Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
- Маркелова, Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке / Т.В. Маркелова – М.: МГОУ, 1993. – 125 с.
- Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф – М.: Наука, 1985. – 228 с.
- Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka – М.: Прогресс, 1980. – 447 с.
- Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова – М.: Наука, 1982. – 368 с.
- Шмелева, Т.В. Семантический синтаксис / Т.В. Шмелева – Красноярск: Изд. КГУ, 1988. – 54 с.
- Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Нагорный, И.А. Русские частицы и речевая ситуация оценочной квалификации события / И.А. Нагорный // Научный результат. Серия вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2016. – Том 2. – № 1 (7). – С.15-22.
- Нагорный И.А. Семантическая структура предложений с частицами / И.А. Нагорный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 21 (242). – Выпуск 31. – С.9-14.
- Нагорный, И.А. Русские частицы и речевые смыслы высказывания / И.А. Нагорный // Филологический аспект. – 2015. – № 4 (Электронный ресурс, код доступа: <http://aspect.ru/article/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8-%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B5-%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D1%8B-%D0%B2%D1%8B%D1%81%D0%BA>).



УДК 82.09

**МОТИВЫ ЛЮБВИ И ДОЛГА В СТРУКТУРЕ ТУРГЕНЕВСКОЙ ПОВЕСТИ  
1850-х ГОДОВ****MOTIVES OF LOVE AND DEBT IN STRUCTURE OF THE TURGENEV STORY  
OF THE 1850th YEARS****М.В. Половнева  
M.V. Polovnyova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: polovneva@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* Повести И.С. Тургенева 1850-х годов о «лишнем человеке» и трагическом значении любви представляют собой не только тематическое, но и сюжетно-фабульное единство, обусловившее наличие в них повторяющихся мотивов. В данной статье предпринимается попытка рассмотрения мотивов любви и долга как наиболее значимых в сюжетной структуре тургеневских повестей указанного периода, «работающих» на постижение авторской концепции.

*Abstract.* I.S. Turgenev's stories of the 1850th years about "the excess person" and tragic value of love represent not only the thematic, but also subject and fable unity which has caused existence in them of the repeating motives. In this article an attempt of consideration of motives of love and a debt as the most significant in subject structure of the Turgenev stories of the specified period "working" for comprehension of the author's concept is made.

*Ключевые слова:* повесть, мотив, долг, «лишний человек», любовь, личное счастье, рефлексия.  
*Keywords:* story, motive, debt, "the excess person", love, personal happiness, reflection.

**Введение**

Несмотря на солидный опыт литературоведческого исследования творческого наследия Тургенева, долгое время произведения писателя воспринимались лишь как художественная иллюстрация глобальных перемен и важнейших открытий второй половины XIX века. Подобный подход во многом, на наш взгляд, обусловлен стереотипом, созданным еще современниками И.С. Тургенева и подхваченным литературоведами советского времени, которые видели в нем прежде всего «величайшего летописца политической истории России» (Л.В. Пумпянский) и подходили к оценке его таланта с точки зрения правдивости созданного портрета современной автору действительности. Но время показало, что сила таланта их создателя состоит не только в погоне за «последней волной жизни», но и в показе вневременного. И повести 50-х годов стали доказательством этого тезиса и помогли увидеть «вечные» проблемы в «злободневных» романах Тургенева. Не случайно, начиная с середины прошлого века, усилился интерес к поднимаемым в творчестве Тургенева проблемам нравственности и долга, веры, поискам истоков своеобразия его «атеизма», вопросам, направленным на сопоставление творческого метода Тургенева с художественной манерой других художников слова.

1850-е годы – качественно новый период в творческой биографии Тургенева, время расцвета его художественной мысли, когда литература становится для него «главным делом жизни», «формой общественной деятельности» и «мировоззренческих исканий» [1, с.307]. «Разработка в ширину и вразбивку» того, что затем будет «сжато» в «одно крепкое целое» [2, П., III, с. 32], «новая манера» письма, принципы «тайной психологии» – все, что стало впоследствии отличительной чертой метода и стиля Тургенева, рождалось в творческих поисках 50-х годов. Повесть «прямо выводила читателя в мир живых образов, поступков и действий» (М.Е. Салтыков-Щедрин), отвечая творческому кредо писателя: «точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни». Повести 1850-х годов, в которых «центр тяжести» был перенесен на исследование человеческого характера изнутри, стали яркой иллюстрацией «новой манеры» И.С. Тургенева.

Повести Тургенева данного периода «Дневник лишнего человека», «Три встречи», «Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков», «Поездка в Полесье», «Фауст», «Ася», «Первая любовь» объединены уже тематически, так как в них поднимаются проблемы «лишних» людей, любви, личного счастья и долга. Эта тематическая близость обусловлена острым и постоянным интересом Тургенева к типу «лишних» людей, зараженных «самокопанием» и рефлексией. Наблюдения над развитием данного типа привели художника к выработке своеобразных «критериев состоятельности» этих людей, в качестве таких «критериев» у Тургенева выступают общественно-полезная деятельность и одухотворенная любовь, что в произведениях 50-х годов связано с мотивами любви, страсти, одиночества, поиска счастья, игры тайных сил, судьбы, смерти. Тематическое сходство данных произведений обусловило, на наш взгляд, и их сюжетно-фабульное единство, так как все они представляют собой разновидности произведений о запоздалом «прозрении» героя, когда ничего уже нельзя изменить ни в своей собственной жизни, ни в окружающей действительности. Писатель лишает своих персонажей возможности «перевернуть» жизнь, им остается лишь сожалеть о безвозвратно ушедших надеждах и мечтах, о силах для их осуществления. Сюжетно-фабульная соотношенность обозначенных произведений обусловлена и тем, что для «прозрения» необходимо потрясение (смерть, утрата любви, одинокая старость), а сама возможность «прозреть» и «возродиться» обязательно связана с любовной ситуацией. В сюжете о прозрении произошло соединение «социально-исторического плана повествования» с планом «вселенским», «метафизическим», «универсальным», причем в повести, в отличие от романа этого периода («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне»), акцент смещен в сторону второго плана. На рассмотрении таких «сквозных» в структуре тургеневской повести указанного периода мотивов, как любовь и долг, мы и хотели бы подробнее остановиться в данной статье.

### Основная часть

Продолжая развитие темы «лишнего человека», рассмотренной писателем в «Дневнике лишнего человека», «Двух приятелях», «Затишье», «Переписке», повесть «Яков Пасынков» (1855г.) вводит и тему долга, которая сопутствует теме любви. Важная для творчества Тургенева этого периода тема «лишних» людей связана здесь с образом героя-рассказчика. Имеющиеся о нем краткие сведения позволяют сделать вывод, что он чуток, способен к душевному движению, нравственному росту, что он не напрасно «помаялся по России, заезжал в глушь и в даль», нашел для себя дело и понял, что «и в самых потаенных местах дремучего леса, под валежником и дромом, растут душистые цветы», что «горький холод опыта» не был для него напрасен. Герой смог разглядеть и объективно оценить, как «последних романтиков», так и пришедших им на смену «практических» людей. Это своеобразное «прозрение», наступившее в результате страданий самолюбия, скитаний, поисков, встреч и жизненных утрат стимулировало появление «гимна романтизму», которым стал рассказ о Якове Пасынкове: «Романтики теперь, как уж известно, почти вывелись; по крайней мере между нынешними молодыми людьми их нет. Тем хуже для нынешних молодых людей!» [2, VI, с. 204] – так говорит автор-рассказчик, давая первую характеристику Пасынкову. А словами: «И дай бог всем практическим господам, которым ты всегда был чужд и которые, может быть, даже посмеются теперь над твоею тенью, дай им бог изведать хотя сотую долю тех чистых наслаждений, которыми, наперекор судьбе и людям, украсилась твоя бедная и смиренная жизнь!» [2, VI, с. 234] – он завершает свою повесть о нем.

Яков Пасынков с детства не имел ни семьи, ни родного угла. Вся жизнь его, полная невзгод, была подчинена одному слову «покорность» и направлена на укрепление духа. Даже любовь к Софье Злотницкой, которая чуть не свела его с ума, изначально не имела надежды на счастье, но и тогда он «умел молчать», с достоинством перенося все страдания. Только близкое дыхание смерти позволило ему поделиться своей тайной.

Композиционно повесть состоит из трех относительно самостоятельных частей (прием монтажа), связанных между собой единством проблематики, действующими лицами, образом рассказчика, рассчитанных на наличие читателя и являющихся в то же время частями концентрического сюжета, направленного на раскрытие характера Якова Пасынкова, достоверный и как можно более полный рассказ об этом «добродушном идеалисте».

Первая часть развивает сюжетную линию Асанов – Софья Злотницкая – герой-рассказчик, но ее ход нарушает история Пасынкова; в центре второй – рассказ Якова Пасынкова о своей безответной любви к Софье; третья – встреча Софьи Злотницкой с субъектом речи, в ходе которой воскресает образ Якова Пасынкова. Но каждая последующая часть непременно включает предыдущую, создавая, «монтируя» тем самым общую картину и ярче вырисовывая характеры действующих лиц. Именно возникшая в первой части история «мечтателя» (линия Асанов – Софья Злотницкая – герой-рассказчик) вводит в повесть тему долга («покорность»), призванную стать в ней сквозной и найти свое завершение в третьей части («уметь молчать и терпеть» – здесь



чувствуется связь с размышлениями рассказчика повести «Поездка в Полесье»). Тема эта, выйдя за рамки обозначенных судеб, переплещется в другие произведения Тургенева и еще не раз поставит его героев перед дилеммой: личное счастье – долг.

Уже в следующей повести «Фауст» (1856г.) проблема счастья и долга становится основной. Мы встречаемся здесь с эпистолярной формой повествования, но вниманию читателя предложены письма только одного корреспондента: Павла Александровича Б... . Лишь по имеющимся в них ссылкам мы догадываемся о течении диалога, в котором доминирует партия Павла Александровича, перерастая в девятом письме (в нем содержится кульминация развития действия, за которой вскоре следует развязка) в монолог-исповедь. Хотя тонкие нити еще связывают автора писем с «лишними» людьми, но в отличие от них он умеет отдаться чувству, ему не чужды наслаждения природой и «поэтическими произведениями», он спокойно принимает «движение жизни», радуясь ее здоровым проявлениям, лишен опустошающей душу рефлексии. Случайное соседство с Верой Николаевной Приемковой навело воспоминания о первом знакомстве с ней, о семье Ельцовой, об особой системе воспитания Веры Николаевны и необычных взглядах ее матери. Павел Александрович с нетерпением и любопытством ждет новой встречи со своей прежней знакомой. Но «неизменность» Веры Николаевны и «удивила», и «не понравилась» герою, а ее «равнодушие к возвышеннейшим удовольствиям ума» его просто «рассердило». Героиня «Фауста» в двадцать восемь лет осталась такою же, какою была в семнадцать, «точно все эти годы пролежала где-нибудь в снегу». Это объясняется тем, что она до сих пор живет, «словно птенчик под крылом матери», и выйти из-под него не желает. Вера Николаевна предпочитает полезное приятному и долг счастью, строго следуя тому выбору, который сделала за нее мать.

Павел Александрович решает «разбудить душу» Веры Николаевны. Движимый любопытством, с «насмешливым торжеством» вступает он в спор со «старухой Ельцовой» за неразбуженную душу ее дочери, нисколько не задумываясь над тем, что «пробуждение» может быть для нее губительным. Павел Александрович заходит слишком далеко в своих желаниях. Он не понял, что «должен был бежать», как только почувствовал любовь к замужней женщине, и «легкомысленно разбил» «прекрасное созданье». Вера Николаевна ступила на дорогу, пройти которую не была готова. Она сгорает в пламени любви, охватившем до этого спокойную и холодную героиню, которая и замуж вышла по выбору матери. Теперь Вера Николаевна не стыдится «с порывистой нежностью» приласкать дочку, может сесть «у руля лодки» и улыбаться летящим в лицо брызгам или напевать «старинную немецкую песенку «Радуйтесь жизни». Теперь на смену рассудительности пришла «тихая женская прелесть». Ни «стремление к высокому», ни «белые крылья ангела» уже не в силах удержат героиню на краю пропасти. Но сама того не ведая, Вера Николаевна перевернула жизнь Павла Александровича Б... . Именно встреча с ней заставила героя-рассказчика «вынести из опыта последних годов» «одно убеждение», понять, что «жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслаждение... жизнь – тяжелый труд. Отречение, отречение постоянное – вот ее тайный смысл, ее разгадка: не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвышенны ни были, – исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку; не наложив на себя цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща» [2, VII, с. 50]. Обретенная Павлом Александровичем истина прямо соотносится со словами эпитафии к повести: «Отречься <от своих желаний> должен ты, отречься» [2, VII, с. 7] и вызывает скрытую ассоциацию с крестом, являющимся символом самоотречения и жертвы.

Сверхчувственные силы любви часто ассоциируются у Тургенева с грозой, молнией, пропастью, бездной, чем-то пугающим и в то же время сладостно манящим, когда, по словам Аси, героини одноименной повести И.С. Тургенева, «никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду – да спастись нельзя» [2, VII, с. 103]. Любовь неподвластна законам разума, она связана с таинственными, стихийными силами природы, играющими порой нашей жизнью. «Да и притом: разве любовь – естественное чувство? Разве человеку свойственно любить? – спрашивает себя автор «Дневника лишнего человека» и тут же отвечает, – Любовь – болезнь; а для болезни закон не писан» [2, V, с. 198]. Та же мысль звучит в письме Алексея Петровича («Переписка»): «Помните, как мы с вами словесно и письменно рассуждали о любви, в какие тонкости вдавались; а на поверку выходит, что настоящая любовь – чувство, вовсе не похожее на то, каким мы ее себе представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она – болезнь, известное состояние души и тела; она не развивается постепенно; в ней нельзя сомневаться, с ней нельзя хитрить, хотя она и проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладевает человеком без спроса, внезапно, против его воли – ни дать ни взять холера или лихорадка... Подцепит его, голубчика, как коршун цыпленка, и понесет его куда угодно, как он там ни бейся и ни упирайся... В любви нет равенства, нет так называемого свободного соединения душ и прочих идеальностей, придуманных на досуге немецкими профессорами... Нет, в любви одно лицо – раб, а другое – властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь – цепь, и самая тяжелая» [2, VI, с. 190]. Володя («Первая любовь»), которого Лушин сравнивает с комнатной собачкой, подтверждая сказанное выше, с радостью исполняет роль пажа при своей королеве. «Королева», в свою очередь,

говорит, что не может полюбить того, на кого приходится глядеть сверху вниз. Ей «надобно такого, который сам бы ее сломил».

Стихийная и таинственная сила любви наиболее ярко выражена в судьбе таких духовно близких героинь, как Марья Павловна («Затишье») и Вера Николаевна («Фауст»). Они не любили «стихов», «выдуманных сочинений и вообще ничего сладкого», умели ограничивать себя во всем, руководствуясь при этом голосом рассудка или устойчивой «системой воспитания», на все имея свою точку зрения. Но «разум» и «система» оказываются в плену «тех тайных сил, на которых построена жизнь и которые изредка, но внезапно пробиваются наружу». И Вера Николаевна, и Марья Павловна, несмотря на их внешнюю холодность и окаменелость (Марья Павловна строга и горда, ее внешность сравнивается с обликом древних изваяний; Вера Николаевна, «как лед», «тверда, как камень») способны на сильные переживания (Марья Павловна поет с большим чувством; Вера Николаевна – «женщина тонко чувствующая», в ней течет итальянская кровь, в ее взгляде таится нега, в ней «великая душа»). Вероятно, поэтому «старуха Ельцова» старалась уберечь свою дочь от всего, «что может действовать на воображение», веря, что «надо заранее выбрать в жизни: или полезное, или приятное, и так уже решиться, раз навсегда», а «соединить и то и другое... <...> невозможно». Марья Павловна и Вера Николаевна, отдавшись чувству, открыли иную сторону жизни, но развитие вспять привело к гибели, выраженной для одной в пушкинском «Анчаре», а для другой – в «Фаусте» Гете. Марья Павловна решилась на ужасный поступок, не имея сил «ни разлюбить, ни пережить разлуку». Разбуженная душа Веры Николаевны испытала потрясение, ставшее для нее роковым. «Чистая и светлая» героиня «Фауста» «растаяла», унеся с собой свою тайну и оправдав пророчество матери. Сбылось именно то, от чего «г-жа Ельцова» «хотела застраховать свою дочь»: «Ты как лед: пока не растаешь, крепка, как камень, а растаешь, и следа от тебя не останется» [2, VII, с. 45]. Павел Александрович Б... сравнивает то, что произошло между ним и Верой Николаевной, с молнией, которая, промелькнув мгновенно, принесла «смерть и гибель».

Покорившись чувству, она, подобно героине повести «Затишье» Марье Павловне, пришла к противоречию, разрешить которое могла только смерть. Вера Николаевна поняла это, когда увидела свою мать, которая прошла сквозь время и пространство, чтобы предостеречь ее. Но «встреча» лишь ускорила гибель героини, «до последнего» скрывавшей свою любовь и оттягивающей время неизбежного конца. Используемые художником образы грозы, молнии, бездны, обрыва образуют параллель с переживаниями персонажей или становятся своеобразными «пророчествами» того, как будут развиваться отношения между влюбленными, предсказывают скорую разлуку или смерть героев.

Опубликованная в 1858 г. повесть «Ася» дополняет наши представления о характере тургеневских «лишних» людей, продолжает начатый ранее разговор об иррациональности любви. Снова перед нами субъективная точка зрения человека, которому повествователь, появившись лишь на мгновение, передает слово и чей рассказ о себе постепенно перерастает в монолог-исповедь о несостоявшейся жизни. Повествование Н.Н., вмещающее настоящее и воспоминания о прошлом, разворачивается в двух направлениях. Содержанием одного становятся «скучные годы» одинокой старости, а второго – «лучшая пора жизни», несколько недель, проведенных рядом с чистой, прекрасной и загадочной девушкой. Вся жизнь понадобилась Н.Н., чтобы, соотнеся настоящее и прошлое, наконец «прозреть», чтобы понять, что у счастья не может быть «завтрашнего дня», «у него есть настоящее – и то не день, а мгновенье», что «блаженные и тревожные» дни коротки, что «время крылатых надежд» не повторяется, а «беспредельное» будущее на самом деле быстротечно.

Полюбить, по Тургеневу, – ринуться в бездну, из которой чаще всего не бывает возврата, поэтому не каждому дано испытать любовь. О том, что Ася способна на такое чувство, говорит то, как она поместилась высоко на уступе стены прямо над пропастью. Примечательно, что над самой кручью широкого оврага находился и небольшой березовый «заказ», где встретились Петр Алексеич и Марья Павловна («Затишье»), для которой утреннее свидание недалеко от оврага обернулось впоследствии гибелью в омуте любви. Лиза Ожогина («Дневник лишнего человека») переживает «внутренний перелом», оказавшись с Чулкатуриным в березовой роще, которая с «одной стороны кончалась довольно высоким и крутым обрывом». В этой же роще, в двух шагах от обрыва, через несколько дней после прогулки состоится дуэль Чулкатурина с князем.

Образы грозы, обрыва, молнии, бездны не случайно сопровождают любовь-болезнь, любовь-потрясение. Ведь именно так, согласно философско-эстетической концепции художника, должны воспринимать свое чувство герои Тургенева. Отражением этой концепции стала повесть «Поездка в Полесье», в которой герой-рассказчик пытается осмыслить жизнь природы и место человека в ней: «Глядя на нее, мне вдруг показалось, что я понял жизнь природы, понял ее несомненный и явный, хотя для многих еще таинственный смысл. Тихое и медленное одушевление, неторопливость и сдержанность ощущений и сил, равновесие здоровья в каждом отдельном существе – вот самая ее основа, ее неизменный закон, вот на чем она стоит и держится.



Все, что выходит из-под этого уровня – кверху ли, книзу ли, все равно, – выбрасывается ею вон, как негодное. Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви; больной зверь забивается в щель и угасает там один: он как бы чувствует, что уже не имеет права ни видеть всем общего солнца, ни дышать вольным воздухом, он не имеет права жить; а человек, которому от своей ли вины, от вины ли других пришлось худо на свете, должен по крайней мере уметь молчать» [2, VII, с. 69-70]. Полюбив, человек нарушает равновесие жизни, а значит, должен погибнуть или расстаться с любовью, поэтому прикосновение любви длится всего лишь мгновение, хотя в этот миг человеку кажется, что в его «темную, заброшенную комнату внесли свечку». Вскоре свеча догорит, и «глухая комната с ее низким сводом и темными стенами» в густых сумерках станет еще страшнее.

Естественно, не каждый в силах выдержать такое испытание. У Тургенева на подобную жертву в большей степени способны женщины, «странные» женщины, те из них, в ком тлеет внутренний огонек, сжигая душу, подогревая мысль, испеляя сердце.

Однако Ася не просто пытается стать счастливой, но и стремится отыскать свою тропинку в жизненном лабиринте, она надеется «прожить не даром, след за собой оставить», ей хочется «пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг». Пылкая Ася готова полюбить и полюбила; «крылья у нее выросли», но ей этого мало, надо, чтобы ее возлюбленный непременно указал ей, «куда лететь». И не вина Аси, а скорее ее беда в том, что Н.Н. не только не может помочь ей в выборе дороги, но и сам не способен «на трудный подвиг». Разговор о молитве, на первый взгляд, звучит несколько неожиданно в устах героини, о которой Гагин говорит: «Порох она настоящий». Внешне он мотивирован тем, что Ася увидела «толпу богомольцев», которая «тянулась внизу по дороге с крестами и хоругвями», «разом и с мерными расстановками» повторяя «молитвенный напев». Но, думается, что дело не столько в увиденном, сколько в том, что в этой «капризной девочке с натянутым смехом» таится внутренняя потребность обрести себя и что-то сделать в жизни. Ведь на вопрос Н.Н. о набожности Аси она не дала прямого ответа, а продолжила начатую фразу, пояснив свое желание. Возникший здесь мотив креста как поиска пути получает свое дальнейшее развитие, дополняется и уточняется. Не случайно единственной стихотворной цитатой, которую произносит Ася, являются трансформированные ею слова из романа «Евгений Онегин»: «Где нынче крест и тень ветвей / Над бедной матерью моей!» [2, VII, с. 100]. Пушкинский стих в данном контексте приобретает иное звучание не только благодаря изменению последней строки, но, взятый в контексте более широком, с учетом ранее прозвучавшего разговора, он помогает понять, почему Ася хотела бы быть Татьяной Лариной; ведь Татьяна тоже несет свой крест, следуя голосу долга.

В Асе живет никак не объяснимое внешне сильное внутреннее стремление следовать чувству долга, «прожить жизнь не даром», отыскать благодать не только для себя, но и для других.

В повести «Ася» дается и материальное выражение скрытой ассоциации «долг – крестный удел человека». Так, Н.Н., разыскивающий Асю, видит «что-то белое» на берегу реки: «Я знал это место; там, над могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю каменный крест с старинной надписью» [2, VII, с. 116]. А Гагин отмечает, что Ася порой ведет себя так, будто «покаяние на себя наложила».

Но ни Марье Александровне («Переписка»), ни Асе так и не удалось соединить «полезное» с «приятным». Им мало простого созерцания жизни, в них живет жажда деятельности, стремление найти «свою дорогу», поэтому в своих избранниках они видят прежде всего руководителя на пути к новой жизни. Они готовы к любым жертвам, только бы он указал: куда идти, как делать добро.

Подъем освободительного движения в России 50-х гг. XIX в. заставил художника пересмотреть свои взгляды на любовь. Тургенев заметил в русской женщине стремление участвовать в общественной жизни, выраженное на данном этапе развития общества как желание «деятельного добра». Рожденные российской действительностью, мастерски воспроизведенные талантом художника, искренние и преданные, тургеневские девушки превосходят своих «героев» силой характера, энергией, решительностью, оставаясь до конца верными тому, «от чего в первый раз забилось <...> сердце», тому, что признают «правдою», «добром» [2, VI, с. 177].

Говоря о психологизме Тургенева, Г.Б. Курляндская отмечает, что писатель «интересовался преимущественно «началом и концом психического процесса» <...> Вместе с тем этот сознательный и принципиальный отказ от изображения таинственного процесса рождения мысли и чувства совсем не означает, что Тургенев был писателем статических характеристик, передающих лишь устойчивые признаки человеческого характера. <...> Напротив, Тургенев очень старательно прослеживает движение внутренней жизни своих центральных персонажей» [3, с.197]. Соглашаясь с мнением исследователя, хотелось бы заметить, что упомянутые ранее женские образы все-таки обладают некой «высокой статикой». Так, Марья Павловна («Затишье»), Ася показаны в момент пробуждения первой любви, и эта деталь обязательно подчеркивается автором. Более того, тургеневские героини первыми признаются в своих чувствах, мучаясь сомнениями только до тех пор, пока сами себя не понимают, а осознав, что полюбили, без

колебаний отдаются во власть этой любви. Почему так происходит? Не потому ли, что в их сознании уже сформировано некое подобие идеала, обусловленное изменениями в общественной жизни России 1850-х годов? Вплоть до роковой встречи тургеневские девушки присматриваются к окружающим: соответствует герой предъявляемым требованиям или нет? Гагин говорит, что Асе «нужен герой, необыкновенный человек – или живописный пастух в горном ущелье» [2, VII, С. 97]. Может быть, объяснением вновь послужит пушкинское: «Ты чуть вошел, я вмиг узнала».

Безвольный, рефлексирующий герой повести (исключением, пожалуй, является лишь Яков Пасынков), несмотря на способности, образование, все-таки чаще всего занят своим «милым я». В лучшем случае он способен лишь «бросить холодный, ясный взгляд на свою прошедшую жизнь» [2, VI, с. 167]. Только лишенный возможности что-либо изменить понимает он, что «жизнь прожита, и даром, нелепо, пошло прожита» [2, VI, с. 156]. Трагизм безвозвратно и бесполезно прошедшей молодости, утраченных крылатых надежд в повести «Ася» подчеркивается противопоставлением таких образов, как «пряники» и «хлеб»: «Молодость ест пряники золоченые, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придет время – и хлеба напрочишься» [2, VII, с. 71]. Герои повестей не просто безрассудно пользуются дарами молодости, думая, что «короткое, быстрое будущее» «беспредельно»; они изначально не готовы совершить «по поступок»: «О молодость! молодость! тебе нет ни до чего дела, <...> ты самоуверенна и дерзка, ты говоришь: я одна живу – смотрите! а у самой дни бегут и исчезают без следа и без счета, и все в тебе исчезает, как воска на солнце, как снега... И, может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности все сделать, а в возможности думать, что ты все сделаешь, – состоит именно в том, что ты пускаешь по ветру силы, которые ни на что другое употребить бы не умела» [2, IX, С. 75].

Трагическое положение человека в мире у Тургенева является не только следствием «распада сословно-патриархальных связей на рубеже 50-х – 60-х годов и роста личностного сознания и ценностей» [4, с. 17], но и одиночества человека в мире: «Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, – трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды; не одни дерзостные надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснут в нем, охваченные ледяным дыханием стихии; нет – вся душа его никнет и замирает; он чувствует, что последний из его братьев может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях; он чувствует свое одиночество, свою слабость, свою случайность – и с торопливым, тайным испугом обращается он к мелким заботам и трудам жизни; ему легче в этом мире, им самим созданном, здесь он дома, здесь он смеет еще верить в свое значенье и в свою силу» [2, VII, с. 51-52]. Это ощущение трагизма человеческого существования усиливает у Тургенева воздействие на человека тайных сил, находящихся за гранью познания. Очень точно об этом говорит «искусившийся в различных умственных ухищрениях» Алексей Петрович («Переписка»), ценой собственной жизни пришедший к убеждению, что «... ни судьбы своей переменить нельзя, ни самого себя никто не знает, да и будущее тоже предвидеть невозможно. По-настоящему, в жизни случается одно только неожиданное, и мы целый век только и делаем, что приноравливаемся к событиям...» [2, VI, с. 188].

Ценой многих потрясений, разочарований, утрат, а порой и собственной жизни герои Тургенева приходят к выводу: «не счастье, а достоинство человеческое – главная цель в жизни» [2, VI, с. 179], «наша жизнь не от нас зависит; но у нас у всех есть один якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга» [2, VI, с. 234]. Но чтобы это понять, чтобы заработали механизмы самоанализа и самооценки, тургеневским героям необходимо сильное потрясение; они должны «пройти длинную цепь стремлений к счастью, падений и разочарований. Зато потом, когда на жизненном опыте подтвердится печальная истина, человеку не останется ничего другого, как сознательно отказаться от претензий на личное счастье ради внеличных целей, ради того, что он считает своим нравственным «долгом». Только на этом пути он найдет если не счастье, то во всяком случае удовлетворение, хотя и горькое, от сознания выполненной обязанности и завершеного труда, возложенного на себя взамен неосуществимых стремлений к счастью» [5, с. 101]. Вероятно, поэтому одним из устойчивых мотивов творчества Тургенева является мотив креста.

Для героев И.С. Тургенева крест – это прежде всего служение долгу. В связи с этим обращает на себя внимание мысль «старухи Ельцовой» («Фауст») о том, что «надламывать себя не для чего, <...> надо всего себя переломить или уж не трогать...» [2, VII, с. 17]. Тургеневские герои, переломив себя, приходят к кресту как разгадке тайны бытия, к необходимости, подчиняясь чувству долга, безропотно нести свой крест, каким бы тяжелым он ни был, и «уметь молчать», как это умеют делать Марья Павловна («Затишье»), Вера Николаевна Приемкова («Фауст»), Яков Пасынков, Софья Николаевна Асанова и Варвара Злотницкая («Яков Пасынков»). Подобная позиция соответствует философско-эстетическим взглядам самого художника, который «одну из основ совершенствования человека <...> видит в преодолении эгоистически-корыстных потребностей и устремлений, которые являются абсолютно «бесплодными». Эгоизм – это «самоубийство», – полагает Тургенев. Поэтому, чтобы дать право личности «себя высказать»,



необходимо «надломить», «преодолеть» эту родовую порочность. Искоренить эгоизм возможно на основе развития и совершенствования духовных задатков человека, что требует особых усилий как самого человека, так и общества» [6, с. 13].

Но крест у Тургенева не только символ человеческих страданий. Жизнь человека включена у писателя в годовой природный цикл, и тот факт, что пейзаж соотносится с эмоциональным состоянием его персонажей, в этой связи может быть рассмотрен не только как иллюстрация к переживаниям героев, фон для этих переживаний, но и как свидетельство включенности человека в мир природы, неразрывной связи с ним. По Тургеневу, следуя долгу, человек преодолевает свою разобщенность с миром. Ему открывается великая тайна жизни: все существует само для себя, и все в то же время находится в тесной взаимосвязи; и он сознательно включается в ее вечный круговорот: «... жизнь только того не обманет, кто не размышляет о ней и, ничего от нее не требуя, принимает спокойно ее немногие дары и спокойно пользуется ими» [2, VI, с. 191], «... держись только каждый крепко на своем месте, не теряй терпения, не желай невозможного, но делай, насколько хватает сил» [2, VI, с. 179]. И многие тургеневские персонажи действительно живут, «ничего не требуя и ни о чем не рассуждая», предпочитая грозным раскатам «тихое и медленное одушевление», «неторопливость и сдержанность ощущений». Но только они и могут быть счастливы на земле: ведь «жизнь, какая бы она ни была, лучше мечтаний» [2, VI, с. 174].

Находясь перед выбором «любовь, личное счастье – долг», лучшие персонажи И.С. Тургенева выбирают должное, подчиняясь авторской концепции, в которой важнейшее место занимает мысль о возможности достижения гармонии путем нравственного совершенствования личности.

### Заключение

Тематическая близость повестей «Дневник лишнего человека», «Три встречи», «Два приятеля», «Затишье», «Переписка», «Яков Пасынков», «Поездка в Полесье», «Фауст», «Ася», «Первая любовь» обусловила и их структурное единство, и общность используемых в них мотивов, основными среди которых являются мотивы прозрения, любви, личного счастья и долга. Обладая повышенной семантической насыщенностью, независимо от способа своего представления (выражены ли они в лексических единицах или угадываются из контекста) они позволяют не только глубже проникнуть в суть произведения, но и постичь философско-эстетическую позицию автора, своеобразие его мировоззрения и специфику художественного мышления.

### Литература

- Тургенев, И.С. Собр. соч.: в 12 т. / И.С. Тургенев. – М.: Худож. лит., 1978. – Т.6. – 367 с.
- Тургенев, И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения, тт. I–XV. Письма, тт. I–XIII / И.С. Тургенев. – М.–Л.: АН СССР, 1960 – 1968.
- Курляндская, Г.Б. Эстетический мир И.С. Тургенева / Г.Б. Курляндская. – Орел: Изд-во вещательной государственной телерадиокомпании, 1994. – 343 с.
- Недзвецкий, В.А. Любовь – крест – долг («Ася» и другие повести 50-х годов) / В.А. Недзвецкий, П.Г. Пустовойт, Е.Ю. Полтавец // И.С. Тургенев. «Записки охотника», «Ася» и другие повести 50-х годов, «Отцы и дети». В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С.14 – 37.
- Бялый, Г. Тургенев и русский реализм / Г. Бялый. – М. – Л.: «Сов. писатель», 1962. – 248 с.
- Аскерова, Ж.И. Тургенев как мыслитель: Автореф. дисс. ...кандидата философских наук / Ж.И. Аскерова. – М., 1996. – 20 с.



УДК 811.161.1

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛАСТИКИ СТИЛЯ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО  
И КОЛОМЕНСКОГО МАКАРИЯ (БУЛГАКОВА)****A STUDY ON THE PLASTICITY OF STYLE OF MAKARIUS (BULGAKOV),  
METROPOLITAN OF MOSCOW AND KOLOMNA****В.К. Харченко  
V.K. Kharchenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: wera\_kharchenko@mail.ru*

*Аннотация.* Исследуются языковые особенности 12-томного труда митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) «Истории русской церкви», даётся определение пластики стиля, выявляются индивидуальные особенности воплощения пластики. Это, прежде всего, феномен ясности и прозрачности научного изложения, лексическое разнообразие (вычисляется коэффициент лексического разнообразия), наличие когнитивных скреп, умелое введение цитат, двойные эпитеты, риторические фигуры.

*Abstract.* The article deals with linguistic characteristics of the 12 volume “History of Russian church” by Makarius (Bulgakov), Metropolitan of Moscow and Kolomna. The author defines the plasticity of style, determines individual peculiarities of its objectification: the phenomenon of clarity and transparency of narration, lexical diversity (the coefficient of lexical diversity is calculated), the presence of cognitive staples, appropriate quoting, double epithets, rhetorical figures.

*Ключевые слова:* митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), «История русской церкви», пластика стиля, ясность изложения, коэффициент лексического разнообразия, когнитивные скрепы, двойные эпитеты, цитаты, риторические фигуры.

*Keywords:* Metropolitan of Moscow and Kolomna (Bulgakov), “The History of Russian Church”, plasticity of style, clarity of narration, coefficient of lexical diversity, cognitive staples, double epithets, quotations, rhetorical figures.

**Введение**

Язык и стиль трудов митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова), прежде всего, главного труда 12-томной «Истории русской церкви» [ИРЦ], ещё при жизни выдающегося историографа получали весьма высокую оценку. Современники называли этот язык замечательным удобочитаемым, превосходным, обращая отдельное внимание на характер изложения подчас весьма сложных, запутанных, неоднозначных вопросов церковной истории. Высокую оценку языку и стилю митрополита Макария (Булгакова) давали и впоследствии, однако при этом сложилась едва ли не парадоксальная ситуация. При наличии весьма, повторим, высоких оценок имело место абсолютное отсутствие специальных исследований, если не проникающих в секреты и тайны идиостиля митрополита Макария (Булгакова), то хотя бы каким-либо образом описывающих, интерпретирующих этот национально значимый культурный феномен.

Можно назвать как минимум три причины лингвистического «невнимания» к идиостилю выдающегося историографа церкви. Это, во-первых, длительный, 70-летний период действия советской идеологии, запрещавшей изучение трудов и биографий церковных деятелей. Во-вторых, это и после перестройки сохраняющееся, ставшее привычным разьединение «светской» и «церковной» науки. Отдельные подвижки совмещения таких ракурсов, когда филологическое знание совмещается с теологическим, стали наблюдаться лишь в недавнее время. См., в частности: [1: 17-20; 2]. В-третьих, в этих «подвижках» имело место традиционно большее внимание языку и стилю проповедей [3] и исповедей [4], а также исследование отдельных концептов, актуальных для религиозного дискурса [5, 6, 7, 8], тогда как язык и стиль старинных и современных научных трудов, например, по истории церкви продолжал пребывать за кадром. Не исключено, что потенциальных исследователей смущал и объём материала, подлежащего прочтению и изучению. Двенадцать томов «Истории русской церкви»



(строго говоря, тринадцать: последний том вышел посмертно трудами А.П. Булгакова – брата митрополита Макария). Данная публикация представляет собой попытку хотя бы частичного устранения замеченного «белого пятна» в отечественной стилистике.

Уникальный идиостиль автора «Истории русской церкви» мы брали с прицелом на изучение другого «белого пятна» отечественной стилистики, а именно пластики изложения. Пластику традиционно фиксируют в том или ином художественном тексте, не вскрывая, однако, лингвистических механизмов этого феномена. Разумеется, и «простая» фиксация пластики тоже показательна. Секрет пластики иногда скрывается под весьма изысканным определением «благоуханная проза».

*Один из самых благоуханных и томительных рассказов о любви и самых печальных – это купринский «Гранатовый браслет» (К.Г. Паустовский). Блистательный стилист, Паустовский оставил нам в наследство благоуханную прозу, а главное – научил видеть, слышать и осязать окружающий мир (Майя Уздина). В своём ответном стихотворении А.С. Пушкину митрополит Филарет писал: Я лил потоки слёз нежданных, / И ранам совести моей / Твоих речей благоуханных / Отраден чистый был елей.*

Разумеется, мы не вправе определять пластику как нечто... благоуханное, но сам по себе этот эпитет весьма показателен. Аналогичным показателем пластики стиля может служить и условное жанровое определение прозаического текста как ПОЭМЫ. Мы имеем в виду лирико-прозаические тексты: стихотворения в прозе И.С. Тургенева, поэмы С.Н. Сергеева-Ценского. Проблематика лирико-прозаических текстов всё чаще интересует лингвистов [9, 10].

Однако, по всей видимости, вопрос упирается в то, что пластику труднее определить и труднее исследовать, чем какие-либо, например, тропы или риторические фигуры, хотя с внутренней риторикой пластика тоже активно коррелирует, в чём мы убедимся далее. Отметим особо статью М.Н. Эпштейна «Пластичность философского текста: почему одни авторы более читаемы, чем другие», где эффект пластики автор проецирует на грамматическое многообразие создаваемого текста [11].

### Материал исследования

В объективе нашего внимания оказывается основной труд митрополита Макария (Булгакова) «История русской церкви», однако и в целом не только исторические труды, но и проповеди, и документы, подготовленные рукой митрополита, и письма уже при первом знакомстве, действительно, восхищают своим языком, своим сочетанием правильности, лексического и грамматического многообразия, изящества. С одной стороны, это несомненная заслуга самого митрополита Макария (Булгакова) как языковой, языкотворческой личности, однако, с другой стороны, свою роль в своё время сыграли наставники будущего историографа, что выявило изучение материалов жизнеописания митрополита Макария (Булгакова), осуществлённого Ф.И. Титовым. Среди таких наставников встречаем имена Д.С. Любичского, П.Я. Красина, П.Д. Вышемирского, Я.К. Амфитеатрова. Огромное влияние на будущего митрополита оказал ректор Духовной академии Иннокентий, который, как пишет Ф.И. Титов, целые часы проводил в беседах о проповеди и проповедническом искусстве.

### Методы исследования

Помимо биографического метода, о чём только что было упомянуто, при исследовании пластики языка и стиля использовался набор сугубо лингвистических приёмов и методик. Так, методика изучения начальных предложений необходима была при анализе прозрачности стиля. Методика исчисления коэффициента лексического разнообразия текста требовалась для выявления такого параметра, как богатство лексики. Методика слепых сюжетных схем использовалась при установлении грамматического богатства идиостиля. Контекстуальный анализ позволил рассмотреть частотность двойных эпитетов. Наконец, концептуальный анализ потребовался для характеристики репрезентантов таких концептов, как ЧЕСТЬ, УСЕРДИЕ, РЕВНОСТЬ (в значении особенного усердия), ДОСТОИНСТВО.

### Основная часть

Пластику целесообразно понимать и в узком смысле термина как отшлифованность текста (или выступления) при задействованном богатстве языковых средств, и в широком, этико-философском смысле как жизненно необходимую гибкость оценок и поведения в соответствии с высокими идеалами и поддержкой «самостоянья» человека. Разумеется, мы ориентируемся на узкий, сугубо лингвистический подход к пластике.

Под пластикой мы понимаем плавность, отточенность, отшлифованность произведений письменной формы речи различных жанров в сопряжении с прозрачностью и глубиной выражаемой мысли, лексическим и грамматическим богатством, естественностью и элегантностью привлекаемых

образов. Заявленные здесь и сейчас составляющие пластики нуждаются в аргументации и комментариях. Рассмотрим эти звенья, «комплекующие» пластики более подробно.

Для исследования прозрачности стиля были проанализированы начальные предложения глав, разделов ИРЦ.

*Историю православной Церкви в нашем отечестве обыкновенно начинают с обращения к христианству великого князя Владимира, и начинают весьма справедливо [ИРЦ. Кн. I: 83]. Если от настоящего порядка вещей в пределах нашего отечества мы перенесемся мыслю в те отдаленные времена, когда не было еще в этих пределах самого царства Русского, и сравним прошедшее с настоящим, нас, без сомнения, поразит тогдашний беспорядок [ИРЦ. Кн. I: 89]. Древнее сказание о проповеди у нас святого Андрея достойно всего нашего внимания. Это весть о первой у нас проповеди – и проповеди апостольской! [ИРЦ. Кн. I: 91].*

Обратим внимание на «микроинтригу», микроряд в трёх этих небольших повествованиях. Все они заканчиваются так называемым текстовым напряжением, требуя распространения, обоснования, рассказа, развертывания: ...и начинают весьма справедливо; поразит тогдашний беспорядок; и проповеди апостольской!

Ещё ярче этот «заряд», посыл читательскому вниманию и интересу обнаруживает себя, когда повествование открывается серией звенящих вопросов.

*Нашел ли святой благовестник в странах наших готовность к принятию небесного учения? И если нашел, основал ли хотя одну или даже несколько частных Церквей? И если основал, долго ли они существовали? [ИРЦ. Кн. I: 102].*

Ещё более характерной в первых строках для стилистики митрополита Макария при выстраивании концепции большой работы является изначальная географическая пропись, топонимика сложившейся ситуации, причем весьма подчас сложная и неоднозначно, противоречиво трактуемая, и таких примеров немало.

*Древняя Сарматия, заключающаяся приблизительно между Черным и Азовским морями, Доном, Волгой, Каспийским морем и Кавказом, по различию народов, в ней обитавших и нередко передвижавшихся с места на место, была разделяема писателями различно и неопределенно [ИРЦ. Кн. I: 128].*

Итак, интерес к начальным предложениям служил для нас всего лишь приёмом исследования ясности и прозрачности изложения. Логика работы требует, чтобы мы хотя бы просто продемонстрировали и в иных текстовых пространствах эту ясность и прозрачность, работающие на изящество стиля, но не оборачивающиеся ни уходом в разговорный стиль, ни примитивизмом изложения. Например:

*Власть наместников была весьма обширна: они как бы заменяли собою своих епархиальных владык в тех округах, которые владыки им поручали. Здесь ведению наместников подлежали все церкви и монастыри, всё духовенство, белое и монашеское, и по управлению, и по суду, и по собиранию пошлин. Но при такой многосложности своих обязанностей и при обширности округов эти главные помощники епархиальных архиереев не могли непосредственно уследить за всеми членами вверенного им духовенства и сами нуждались в помощниках [ИРЦ. Кн. 4, ч. 2-я: 102].*

Возникает вполне закономерный вопрос: что же способствует такой прозрачности при освещении столь неоднозначных и подчас противоречивых исторических фактов? Здесь можно выделить когнитивные поворотные скрепы в развёртывании исторического полотна. *Что касается до причетников, т.е. дьячков и пономарей... Надобно, однако ж, помнить, что тогда в России... А потому очень естественно, что... Достойно замечания, что... Надобно присовокупить, что... Обратимся теперь к... О церквах соборных мы упоминали ещё... Под когнитивными поворотными скрепами* мы понимаем те особые предложения, которые меняют регистр изложения через уточнение, новый акцент, оценку, изменение темы *etc.* и в которых ярче высвечивается образ автора как создателя исторического повествования.

Сказать, что автор часто прибегает к таким «поворотным» словам, было бы неверно: стиль митрополита Макария весьма разнообразен даже в пределах небольших отрывков. И, тем не менее, эти скрепы есть и не могут не быть замечаемыми при чтении и изучении ИРЦ как несущие конструкции, на которых держится повествование и которыми обеспечивается динамика повествования. Обратим внимание на общий объём повествования: 12 томов, 7 весьма увесистых книг, в своей совокупности составляющие целостное здание «Истории русской церкви». Для сравнения представим объёмы в условно-печатных листах известных изданий.

Автор-составитель Томы (книги)	Количество условно-печатных листов							всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
<b>В.И. Даль</b>	34,75	79,95	80,77	70,11	–	–	–	<b>265,58</b>
<b>Н.М. Карамзин</b>	27,72	22,68	28,56	28,56	–	–	–	<b>107,52</b>
<b>м. Макарий</b>	35,7	61,6	64,6	51,8+ 38,5*	49	70	58,8*	<b>430,0</b>



Объём «Истории...» митрополита Макария в 4 раза превышает «Историю...» Н.М. Карамзина. Логика работы требует ещё одного количественного, квантитативного сопоставления – сопоставления с известной «Историей России в древнейших времён» С.М. Соловьёва [Соловьёв 1959-1960]. Суммируем объём «Истории России...» в печатных листах по книгам (1400 п.л.). Этот объём более чем в 3 раза превышает ИРЦ, что, однако, не умаляет подвига митрополита Макария.

Когнитивные поворотные скрепы важны, однако митрополит Макарий применяет для гармонии и пластики изложения целый арсенал и других замечательных приёмов: приём использования вопросов, приём нумерации, приём инверсии.

*Прервём здесь на время рассказ и спросим: кому же принадлежала мысль об учреждении патриаршества в России? Первый высказал её точно и определённо сам государь Фёдор Иванович [ИРЦ. Кн. VI: 30]. Но для нас в настоящем деле важны, собственно, два обстоятельства. Во-первых, то... [ИРЦ. Кн.V: 39]. ...А из прочих иерархов-епископов не подписался никто, и из архимандритов, и вообще из духовенства их епархий также никто – обстоятельство **чрезвычайно важное** [ИРЦ. Кн. V: 48].*

У митрополита Макария отметим ещё один интересный приём добавления пластики: **двойные эпитеты**. Выпишем ещё ряд примеров на удвоение эпитета: *...Чтобы дьяконы держали себя в церкви благоговейно и чинно; высказал её **точно и определённо**; Какие это чада православной церкви, которые относятся к своему исповеданию **безучастно и безразлично**...; И этот выбор тем более был им **дорог и приятен**, что... Но большею частию показания его **достоверны и драгоценны** для нас как показания современника, и притом латинянина.*

Впрочем, термин «эпитет» здесь не вполне уместен, его прерогатива – художественные тексты. Здесь же, в историческом труде, речь идёт, скорее, об удвоенной оценочности, о некотором усилении через удвоение оценочных требований. Традиция такого наставления заложена, в частности, ещё в Макарьевском Стоглавнике. (Совершали церковные службы) *чинно и немятежно*, (Для большего утверждения церковного благочиния святители посылают каждый в своём пределе по всем городам и сёлам соборных священников, *добрых и искусных*... (вели бы жизнь) *трезвую и благочестивую*. ...Особенно же при патриархе *неприлично и крайне дерзко* младшему по сану называть себя учителем и богословом... [ИРЦ. Кн. VI: 346].

Мы особое внимание уделяем частотности двойных эпитетов, удвоенных требований в идиостиле митрополита Макария потому, что такая частотность далеко не случайна. Здесь лингвистика смыкается с этикой, сугубо стилистический феномен обнаруживает религиозно-этическую подошлёку: удовлетворять одномоментно не одному, что привычно, а сразу двум требованиям, избегать не одного нарушения, а двух недопустимых поведенческих действий.

Далее, пластика стиля митрополита Макария обеспечивается удивительным богатством используемой лексики, что подтверждает вычисление коэффициента лексического разнообразия текста [12: 26-33].

Для такого квантитативного анализа был выбран небольшой, но относительно завершённый авторский текст Предисловия (с. 83-86), который, во-первых, «с высоты птичьего полёта» охватывает всё предстоящее содержание большого труда и, во-вторых, лексические единицы которого менее привязаны к тому или иному конкретному блоку изложения. Этот текст условно мы поделили на два примерно равных фрагмента, демаркационная линия которых означена абзацем, начинающимся словами «Но где же должна сказать о них, этих следах святой веры...». Далее по каждому из двух отрывков Предисловия был произведен количественный подсчет абсолютно всех слов, включая служебные, с указанием числа повторений. Слова проставлялись в начальной форме.

1. а 3, апостол, без 8, благоустройство, ближайший / близкий 2, более, большой, бы 4, быть 9, в (во) 22, важный 2, варяго-руссy, великий 3, вера 2, вероятность, весь 3, весьма... < > уже 2, упомянуть, хотя 2, христианин, христианство 10, царство 4, церковный, Церковь 16, частность, частный, часть, число, что 7, чтобы, этот 7.

II. а 3, армянский, близкий, более 3, больше, бы, бывать / быть 5, в (во) 25, введение 4, великий 2, вера 4, верный, весь 3, взгляд, видеть...< > точка, точнее, третий, уже 2, упомянуть, хотеть, хотя, христианство 6, царство 6, церковный 2, Церковь 11, частнейший, часть 2, что 5, эпоха, этот 6, я 9.

Уже по этим двум рамочным выборкам видно, что между ними проскакивают общие слова (*Церковь, уже, а, этот*...), и на следующем этапе мы произведем наложение данных, чтобы получить еще более прозрачный результат по исчислению коэффициента лексического разнообразия идиостиля митрополита Макария, но сейчас проанализируем выборки по отдельности.

В первой части Предисловия:

Всего не повторяющихся слов	Употреблено единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
204	103	40	17	44

Половина слов (!) употреблена в отрывке единожды, если присовокупить двукратное словоупотребление, то получим 70% от общего числа. Не более трех раз – 78,4%. Обращает на себя внимание соответственно и весьма низкий процент (24,56%) слов, употреблённых более трех раз.

Во второй части Предисловия:

Всего не повторяющихся слов	Употреблено единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
210	130	30	11	39

Более половины слов употреблены один раз. Если прибавить двукратное словоупотребление, то получим 76% от общего числа. Не более трех раз – 81%.

Теперь ожидаемо соединим данные, то есть наложим два списка, чтобы получить квантитативный портрет Предисловия.

Всего не повторяющихся слов	Употреблено единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
312	161	60	24	67

Гипотетически мы ожидали, что при наложении двух списков проценты единожды (дважды, трижды) употребленных слов снизятся, однократное употребление сменится двукратным, двукратное перейдет в трех- и так далее, однако прирост наблюдался на частотных словах, а процент малоупотребительных оказался едва ли не тождественным: более половины – с единичным словоупотреблением: 51,6%; если присовокупить двукратное употребление слов, тогда процент вырастет до 67,6%. Не более трех раз – 75,3%.

Из трёх вышеприведенных итоговых таблиц наиболее интересна для нас вторая, в которой высчитывается лексическое разнообразие при продолжении развертывания Предисловия. Любопытным автор, продолжая, начинает ходить по собственным следам, что естественно и ожидаемо. Неожиданным для нас был высокий процент однократно употребленных слов именно при развёртывании объяснительного текста, каковым по определению и является любое предисловие.

Всего знаменательных и служебных слов в Предисловии 1031. Коэффициент лексического разнообразия текста:  $161 : 1031 = 0,156$ . Каждое десятое слово в тексте встречается впервые, точнее: встречается в первый... и в последний раз.

Теперь возьмём в синтагматической цепи, контекстуальной последовательности только знаменательные слова, опустив предлоги, союзы, частицы, и отметив их через присущий им индекс частотности в анализируемом тексте. Пропишем, представим такими цифровыми портретами первые три предложения.

а) 17-1-27-28-5-2-2-2-16-5-8-9-2-1-4.

б) 27-29-2-2-2-5-6-2-15-13-3-6-1-2-1-2-2-1-11-14-27-2-1-1-1-13-3-27-28-1-3-2-1-1-13-3-24-2-1-1-17-2-2-1-27-1.

в) 2-4-13-12-16-7-15-2-2-5-8-9-8-29-10-3-6-11-11-14-4-5-6-1-1-1-2-14-2-2-29-27.

На первый взгляд, цифровая палитра весьма и весьма пестра и будто бы мало, о чём свидетельствует. Однако с некоторой, естественной для живого языка в действии условностью можно констатировать, что количество однократно употребляемых слов (словоформ) регулярно увеличивается к концу предложений, то есть к наиболее информативной, финальной части, что не может не работать на пластику текста.

Теперь по такому же «числовому сценарию» рассмотрим абзац в середине, центральном блоке текста:

а) 13-13-1-16-14-15-5-8-9-2-1-29-27-3-1-1-1-4-1-8-24-6-29.

б) 2-2-2-1-14-1-1-7-5-14-1-1-2-7-1-17-28-4-27-2-1-4-2-1-10-1

Наконец, пронаблюдаем распределение однократно употребленных слов во фрагменте, близком к концу, перед итоговым выводом:

а) 2-2-1-27-1-1-6-28-5-2-24-2-1-2-17-2-3-7-13-27-27-29-1-1-2-13-1-2-2-24-8-6-10-2-5-13-1-24-1

б) 1-1-1-9-7-16-1-1-1-6-1-11-1-5-7-6-28-4-6-1-1-1-24-1-2-15

в) 2-6-4-1-5-1-9-1-5-1-1-9-1-2-7-6-3-10-29-2-7-28-27-3-1-1

В серединном и близком к финалу фрагментах исследуемого Предисловия распределение однократно употребленных слов равномерно распространяется в каждом предложении, без каких-либо сгущений, тогда как в начальном фрагменте приближается, повторим к финалам предложений, сначала задающих тематику дальнейшего изложения словами церковь, наш, русский, история и под.

Наши числовые срезы были бы ещё более выразительными, если снять с рассмотрения не только служебные слова, но и местоимения, модальные глаголы, во-первых, и тематически обусловленные постоянно циркулирующие в тексте слова, во-вторых. Такая операция, однако, выглядела бы как подгон под ответ, и без того достаточно прозрачный.

Помимо Предисловия мы вычислили коэффициент лексического разнообразия ещё на одном фрагменте из «Истории русской церкви» [ИРЦ. Кн. 3: 298-299], подобрав для подсчёта слов такой фрагмент, который не содержал бы цитат и обильных перечислений, способствующих резкому увеличению числа единичного словоупотребления.

Отрывок начинается Словами «Неутешительный вывод...» и завершается «...исключительно переводную». Далее следует перечень. В этой части книги историк рассуждает о малом количестве и не лучшем качестве русской духовной литературы в монгольском периоде.

Рабочий материал выглядел следующим образом, набранный, правда, столбцом. Представим его фрагмент: ...мало 2, малочисленный, масса, мелкий, монгольский, мочь, мы б,



мысль 2, на 2, навык, над, назвать, народ, настоящее, наука, научный 2, начитанность, наш 6, не 6, небезыскусственный, небогатый, недошедший, некоторый, нельзя...

Всего слов	лексем	употребленных единожды	дважды	трижды	четыре и более раз
3359	215	157	38	9	11

Процент однократно употребленных слов составил 73%. Процент слов, употреблённых от одного до трёх раз, вообще «зашкаливает»: 95%. Практически каждое слово, включая самые ходовые, служебные, употреблено в этом фрагменте не более трёх раз.

Столь же высоким при исследовании текстов «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова) оказалось и грамматическое разнообразие. В самом начале работы мы упоминали о статье М.Н. Эпштейна, заметившего при анализе философских текстов во многих из них... грамматическую монотонность, когда в одном предложении фиксируются до двадцати существительных, стоящих в одном и том же родительном падеже [Эпштейн 2014: 223]. Для грамматического анализа был выбран следующий отрывок из ИРЦ.

*Не излишним считаем упомянуть, наконец, ещё об одном предмете в истории Армянской Церкви, который с первого раза имеет к нам, по-видимому, особенную близость: разумеем известие, что в Армении по реке Араксу издревле обитал какой-то народ рос, у которого был свой епископ уже в четвертом веке. Некоторые хотят видеть в этом народе племя славянское, русское и отсюда выводят заключение о древности христианства между нашими предками. Но для такой мысли решительно нет никакого основания, кроме случайного созвучия в имени двух народов, и если бы мы стали искать нашей России и наших предков повсюду, где только звучало когда-либо местное имя подобного рода, в таком случае мы нашли бы их во всех странах мира [ИРЦ. Кн. I: 149].*

Этот сравнительно небольшой фрагмент текста демонстрирует:

богатство падежных форм: Пр.-Пр.-Р.-Им.-Р.-Д.-В.: В.-Пр.-Д.-Им.-Р.-Им.-Пр. / Им.-Пр.-В.-В.-Пр.-Р.-Тв. / Р.-Р.-Р.-Пр.-Р.-В.-В.-Им.-Р.-Пр.-Им.-В.-Пр.;

богатство и разнообразие предлогов: ОБ-В-С-К-В-ПО-У-В-В-О-МЕЖДУ-ДЛЯ-В-В-ВО;

богатство и разнообразие глагольных форм: Считаю (не излишним) упомянуть – имеет близость – разумею – обитал – был – хотят видеть – выводят заключение – стали бы искать – звучало – нашли бы;

богатство и разнообразие местоимений: Пронаминальное слово (об дном предмете) с семантической неопределенности – Относит. – Личн. – Неопред. – Относит. – Притяжат. – Неопред. – Указ. – Притяжат. – Указ. – Отрицат. – Личн. – Притяжат. – Притяж. – Указ. – Личн. – Определяет.

Наконец, ещё одно, едва ли не главное структурное достоинство рассматриваемого фрагмента – его синтаксическая его форма. На первый взгляд перед нами весьма витиеватая синтаксическая композиция, состоящая из трех предложений. В первом предложении представлены: придаточное изъяснительное с атрибутивным оттенком, чисто изъяснительное, чисто определительное. Далее следует простое предложение с однородными сказуемыми (*хотят видеть и выводят заключение*). Завершает фрагмент предложение с паратаксисом и гипотаксисом, во второй части которого играет своими смыслами придаточное условное с входящим в него придаточным места.

Такой лингвистический разбор может показаться формальным, но мы пошли на это, чтобы выявить механизм пластики текста, продемонстрировать, на каком грамматическом богатстве, на каком многообразии языковых форм возникает и держится легкость восприятия отрывка и пластика его развертывания.

Подводя черту под изучением многообразия идиостиля митрополита Макария, обобщим формальные подсчёты и конкретные примеры. Известный французский писатель, непревзойдённый мастер стиля Густав Флобер считал, что слово (надо полагать, знаменательное!) имеет право на повторение в создаваемом художественном тексте только после 200 других слов. Притягательность новизны, кайнэрастический эффект изучает в настоящее время особая отрасль гуманитарного знания [13: 40-46], включая проекции: узнавать новое, становиться новым и создавать новое. Феномен пластики как раз и работает в режиме, как выше мы убедились, перманентного создания «нового», привлечения всё новых и новых языковых средств для освещения исторических событий, в данном случае при исследовании истории русской церкви. По всей видимости, весомая эрудиция митрополита Макария (Булгакова), ответственнейшее отношение к реализации замысла, постоянное обращение к многочисленным летописным и книжным источникам развили такую языковую интуицию, которая и обеспечивала удивительную свежесть в привлечении языкового материала, фиксируемую на молекулярном уровне отдельного слова, словоформы, грамматической категории, разряда слов.

Разумеется, пластика «Истории русской церкви» – это и всё то, что не уместилось в рамки данной статьи: использование тропов и риторических фигур (мы охарактеризовали всего лишь двойные эпитеты), это сочетание цитации и пересказа, то есть регулирование цитатного слоя, это комментарии к «каталогам» (спискам, перечислениям), без таких списков и комментариев к ним не может обойтись ни один историографический опус.

### Выводы

1. Тексты митрополита Макария (Булгакова) и, прежде всего, «Историю русской церкви» можно рассматривать как оптимальный материал для исследования механизмов пластики как непосредственно в самом идиостиле митрополита Макария (Булгакова), так и в проекции на иные жанры и дискурсивные практики. Уникальная пластика стиля обнаруживает себя уже при самом первом, беглом знакомстве практически с любым фрагментом многотомной «Истории русской церкви».

2. Пластику целесообразно понимать и в узком смысле термина как отшлифованность текста (или выступления) при задействованном богатстве языковых средств, и в широком, этико-философском смысле как жизненно необходимую гибкость оценок и поведения в соответствии с высокими идеалами и возможностью языковой поддержки «самостояния человека». Разумеется, мы ориентировались на узкий, сугубо лингвистический подход к пластике.

3. Пластика стиля митрополита Макария обеспечивается, прежде всего, ясностью и прозрачностью изложения, весьма и весьма насыщенного фактами, казалось бы, трудно воспринимаемыми в силу хронологической своей отдалённости. Эту ясность «обещают» читателю уже самые первые предложения в главах, разделах, подпунктах. В центральных частях повествования автор использует поворотные когнитивные скрепы, вопросы, инверсии, приём нумерации, достаточно часто прибегает к удвоению эпитетов, выполняющих оценочно-характеризующие функции, что смыкает прерогативы языка и этики при выстраивании сложнейшего исторического полотна.

4. Как показало проведённое исследование, пластика стиля во многом определяется степенью лексического разнообразия текста, что обнаруживается подсчетом лексем, употреблённых один-единственный раз и, соответственно, вычислением коэффициента лексического разнообразия текста.

5. Пластика стиля зиждется также на грамматическом многообразии привлекаемого материала, что проявляется в разнообразии падежных форм, в палитре используемых предлогов, в богатстве глагольных форм и синтаксических структур.

6. Существует целый ряд и других «механизмов» поддержки пластики. Это тропы и риторические фигуры, цитаты и каталоги. Соблюдение всего арсенала средств обеспечивает пластику изложения, как мы пытались показать, не только в художественном тексте (где пластика обычно только фиксируется), но и в сугубо научном и весьма объёмном историографическом труде митрополита Макария (Булгакова), внёсшего неопределимый вклад не только в историю церкви, но и в отечественную языковую культуру.

### Литература

1. Бурова Г.П., Лосева Т.В. Нравственные аспекты вербального лечения человека (взаимодействие религиозного и фармацевтического дискурсов) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 17-20.
2. Хроленко А.Т. Филологическое познание и религиозный опыт // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3 (23). Т. 2.
3. Бурцев В.А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний. Дис. ...д-ра филол.наук. – Елец, 2012.
4. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. – СПб., : Изд-во «Алетейя», 1998.
5. Воробей И.А. «Бог» и «ангел» в поэзии Р.М. Рильке (конкорданс и интерпретация): Дис. ...канд.филол.наук. – Пятигорск, 2009.
6. Кислянская Ж.А. Структурно-семантические особенности универсальных концептов в англоязычном религиозном дискурсе (на материале текста Библии): Дис. ...канд.филол.наук. – Тула, 2010.
7. Мишина Л.Н. Вербализация концепта «мученичество» в старославянских рукописях X-XI вв. и в древнерусских памятниках XI-XIV вв.: сопоставительный анализ: Дис. ...канд.филол.наук. – Магнитогорск, 2008. – 203 с.
8. Талапова Т.А. Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира: Дис. ...канд. филол. наук. Магнитогорск, – 2009.
9. Озерова Е.Г. Русский лирико-прозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография. – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. 276 с.
10. Озерова Е.Г. Культурные коды лирико-прозаического текста. – М.: Эдитус, 2016. 118 с.
11. Эпштейн М.Н. Пластичность философского текста: почему одни авторы более читаемы, чем другие // Звезда, 2014. № 1. С. 220-225.
12. Харченко В.К. Квантитативная стилистика: исчисление коэффициента лексического разнообразия текста // Малоизвестные приёмы и методики анализа языка. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. С. 26-33.
13. Сосланд А. Влечение к новизне // Знание – сила. – 2006. № 8. С. 40-46.



# РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 080

## ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕЛОВОГО ПИСЬМА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

### LANGUAGE MEANS OF PARTICIPATING IN THE FORMATION OF PRAGMATIC POTENTIAL BUSINESS LETTERS (BASED ON THE FRENCH AND RUSSIAN LANGUAGE)

**Ж. Багана, Е.Л. Кукова**  
**J. Baghana, E.L. Kuksova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: baghana@bsu.edu.ru, kuksova@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье описываются языковые характеристики деловой корреспонденции на французском и русском языках, формирующие ее прагматический потенциал. Дается детальное описание каждой языковой характеристики делового письма, указывается степень ее проявления в данном жанре.

*Abstract.* This article presents particularities of language of the business correspondence in French and Russian languages that form its pragmatic potential. A detailed description of the linguistic characteristics of business letters is given in this article.

*Ключевые слова:* прагмалингвистика, функциональная стилистика, теория речевых коммуникативных актов, деловое письмо.

*Keywords:* pragmalinguistics, functional stylistics, speech act theory of communication, business letter.

Деловое письмо – это текст, цель которого передать информацию от адресанта адресату, представляя получателю в письменной форме комплекс идей и размышлений. Деловое письмо обладает коммуникативной направленностью, а, значит, является разновидностью речевого акта. Речевой акт, как пишет Н.Д. Арутюнова, – это отдельный акт речи, который в нормальных случаях представляет собой двусторонний процесс порождения текста, охватывающий говорение и протекающие параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного [Арутюнова 1998: 412-413]. При письменном общении речевой акт охватывает писание и чтение (зрительное восприятие и понимание) написанного. Отметим, что участники общения могут быть отдалены друг от друга во времени и пространстве.

Прагматический потенциал делового письма, по нашему мнению, сосредоточен в его целевой и коммуникативной направленности, которая предполагает передачу и разъяснение в письменной форме определённой информации реципиенту, затрагивающей их деловые, партнерские и личные интересы и ценности. Через деловое письмо коммуниканты стараются оказывать воздействие друг на друга, манипулируя сознанием вызывать ту или иную реакцию, реализуя запланированные заранее прагматические установки.

Составитель делового сообщения всегда подбирает языковые средства таким образом, чтобы оказать определенное воздействие на реципиента, вызвать у него ту или иную вербальную или невербальную реакцию, полезную для достижения поставленных целей. Таким образом, языковое оформление делового письма играет важную роль в формировании прагматического потенциала деловой корреспонденции.

Язык делового общения в России и Франции обладает рядом общих стилистических черт в языковой организации текста письма. Официальность является основным языковым параметром языка делового общения как в русском, так и во французском языках. Выступая в роли деловой основы отношений коммуникантов, официальность отражается в подчеркнuto вежливой манере общения. В



первую очередь официальность проявляется в обращении (фр. *formule d'appellation*) и в формулах вежливости начальной и заключительной (фр. *formule de politesse* и *formule d'attaque*), например:

*Monsieur/Messieurs (nom/position),*

*Madame/ Mesdames (nom/position),*

*Messieurs et Mesdames,*

*Уважаемый г-н (имя/должность)!*

*Уважаемая г-жа (имя/должность)!*

*Nous vous prions de croire à nos sentiments les meilleurs.*

*Veillez agréer, Monsieur, l'hommage de mon profond respect.*

*С уважением,*

*С надеждой на продуктивное сотрудничество,*

В условиях исключительно уважительного отношения между коммуникантами допускается обращение только в форме 2-го лица множественного числа в русском и французском языках:

*Je vous prie de bien vouloir m'adresser, à la clôture définitive de mon compte, le relevé exact de sa position.*

*Nous vous serions reconnaissants de prendre en considération notre demande.*

*Nous vous remercions de l'intérêt que vous portez sur nos produits...*

*Подтверждаем с благодарностью получение **Вашего** запроса и сообщаем...*

*Благодарим **Вас** за интерес, проявленный Вашим предприятием...*

***Вашему** вниманию предлагается (наименование продукции) в количестве, соответствующем...*

В русском и французском языках официальность стиля достигается также за счет использования специфической лексики, которая носит юридический, дипломатический, финансово-экономический и др. характер:

*Marchandise, f – товар;*

*Tarif, m – тариф;*

*Frais, m, pl – затраты;*

*Rapne, f – неисправность;*

*Papier (f) bancable – ценная бумага, принимаемая к оплате банком;*

*Parité (f) des monnaies – валютный паритет.*

В отличие от русского языка французский язык делового общения, как отмечает Н.В. Вострикова, не всегда стремится к краткости изложения и, даже напротив, добавляет избыточности выражения, что придает французскому деловому письму куртуазный тон [Вострикова 2004: 59], например:

*Nous nous trouvons dans l'obligation = Nous devons;*

*Nous sommes dans l'impossibilité de pouvoir = Nous ne pouvons pas.*

Рассмотренные нами примеры доказывают, что французское деловое письмо богато перифразами, которые проще было бы заменить на их эквиваленты. Однако перифразы придают сообщению более возвышенный и учтивый тон, пытаясь завуалировать и смягчить прямое выражение желаний и просьб или неприятное известие от адресанта.

Явление официальности делового письма тесно связано со стандартизацией, так, что многие отмеченные нами параметры официальности текста делового письма имеют к ней прямое отношение.

Стандартизация подразумевает строго следование нормам и правилам делового языка, поэтому стандартизация затрагивает все уровни организации текста делового письма, начиная от модели содержания текста сообщения, заканчивая языковыми средствами наполнения этой модели.

Стандартизация деловых писем также отражена на всех языковых уровнях: лексическом, синтаксическом, морфологическом и т.п., что говорит о большой стабильности данной коммуникативной единицы. Так, например, на лексическом уровне о стандартизованности делового сообщения свидетельствует частое употребление терминов:

*demandeur (m), poursuivant (m) – истец;*

*défendeur (m) – ответчик;*

*procès-verbal(m) – протокол;*

*contrepartie (f) d'une monnaie – база денежной эмиссии;*

*demande (f) effective – фактический спрос.*

Использование терминов в тексте деловой корреспонденции – неотъемлемая его особенность, однако точность восприятия терминов в деловом письме достигается только в прагмалингвистическом контексте, который снимает многозначность терминованных единиц:

*Madame, Monsieur,*

*Soucieux de satisfaire au mieux mes clients, nous nous devons de vous signaler que plusieurs clients se sont plaints de la qualité médiocre de vos **articles**.*

*En effet, la dernière commande que nous vous avons passée était d'une qualité bien inférieure à ce que vous nous aviez habitués.*

*Sûrs que notre courrier retiendra toute votre attention, nous vous prions d'agréer, Madame, Monsieur, nos salutations distinguées.*



В данном случае слово «*article*» употреблено в значении «*товар*». В рамках выше представленного письма, невозможно дать иную интерпретацию этой лексической единице, в то время как в ином контексте слово «*article*» приобретает иной смысл, например:

*Chers Messieurs,*

*Compte tenu de l'article 7 du Code des douanes, nos marchandises sont fortement taxés. Les prélèvements et taxes diverses applicables à l'importation représentent plus de 20 % de leur valeur.*

*En ce cas nous sommes au regret de vous annoncer que nous ne pouvons vous envoyer les matériels aux délais réglés. Il vous faut payer 20% de taxes de douane sous 48 heures sinon nous serons obligés d'annuler la commande.*

*En vous remerciant de l'intérêt que vous portez sur nos produits, nous vous prions de croire à nos sentiments distingués.*

Как показывает второй пример, слово «*article*» несет в себе совершенно иное значение. В данном контексте речь идет о «*статье*» № 7 закона о таможене, в соответствии с которым за транспортировку товаров следует оплатить пошлину в объёме 20% от стоимости заказа.

Рассмотрим примеры многозначности терминированных единиц в русском языке:

*Многоуважаемый клиент!*

*Как Вы знаете, наша компания, ООО «Вебтехнолоджи», работает над развитием сайта Вашей фирмы.*

*Предлагаем Вам новейшую услугу: повышение конверсии сайта, которая увеличит эффективность Вашего электронного ресурса.*

*Нормальной считается конверсия 1%, это значит, что из 100 целевых посетителей сайта 1 совершает действие, обозначающее покупку (это может быть что угодно – заказ товара в интернет-магазине, телефонный звонок, регистрация, подписка). Мы же предлагаем Вам повысить конверсию до 3-4% и более. (...)*

*С уважением,*

*(подпись)*

В рассмотренном нами примере в качестве многозначного термина выступает слово «*конверсия*». В данном контексте данная терминированная единица имеет следующее значение: это отношение числа посетителей сайта, выполнивших на нём какие-либо целевые действия (скрытые или прямые указания рекламодателей, продавцов, создателей контента – покупку, регистрацию, подписку, посещение определённой страницы сайта, переход по рекламной ссылке), к общему числу посетителей сайта, выраженное в процентах.

Рассмотрим, как ведет себя термин «*конверсия*» в ином контексте:

*Уважаемые господа!*

*Профиль нашей компании NCE (Newport Convertible Engineering, ранее известной также как NCC и NSC) занимается штучной переделкой автомобилей с закрытыми кузовами в кабриолеты. За тридцать лет работы на нашем счету уже десятки проектов: хэтчбеки Scion iQ, седаны Mercedes S-класса, купе Nissan GT-R, внедорожники Hummer и Toyota Land Cruiser, а также экзотические «неоклассики» Zimmer.*

*Имеем честь вам сообщить о создании кабриолета на базе гибридомобиля Cadillac ELR в открытую версию для электрокара Tesla Model S. Причем этот проект обещает стать для компании самым масштабным и, возможно, превратит производство из штучного в мелкосерийное.*

*Цена конверсии составит 29 тысяч долларов за Model S с мягким верхом и 49 тысяч долларов – с жесткой складной крышей. Планируемая стоимость автомобиля с учетом цены базовой Теслы составит в среднем 64 тысячи долларов.*

*Причем конверсия электрохэтчбека в кабриолет не потребует серьезного вмешательства в архитектуру автомобиля – по идее, платформа Теслы с «несущей» панелью пола, вмонтированной в нее батареей и собранными на подрамниках подвесками и электромоторами допускает использование различных типов кузова. (...)*

*С уважением,*

*(подписи)*

В приведенном нами примере термин «*конверсия*» имеет совершенно иное значение, а именно: переделка, преобразование.

Данные примеры подтверждают значимость знания контекста, в котором функционирует терминированная единица.

Также, чтобы не допустить инотолкования, в тексте деловых писем на русском и французском языках используются общеупотребительные слова с нейтральной стилистической окраской, например:

*avion, m – самолет;*

*courrier, m – курьер;*

*informer – информировать;*

*proposer – предлагать;*

*choisir – выбирать;*

*trouver – находить;*

*remercier – благодарить.*

Таким образом, стандартизованность делового письма в России и Франции проявляется в использовании терминированных и общеупотребимых нейтральных языковых единиц, которые наполняют семантическую модель делового сообщения.

Стандартизация языка деловой корреспонденции, по мнению М.В. Колтуновой, обеспечивает коммуникативную точность тексту письма, что придает ему юридическую силу. Поэтому любое выражение должно иметь только одно значение и толкование [Колтунова 2000: 13].

Явление точности в деловом письме отражается на двух уровнях в тексте делового письма: языковом (лексико-семантическом) и организационном (текстовом).

Чтобы достичь точности в тексте делового письма на лексико-семантическом уровне, как в русском так и во французском языках, приходится прибегать к повторам лексических единиц в рамках одного или двух, рядом стоящих предложениях, например:

*При предварительной оплате **заказчик** обязан в трехдневный срок со дня оплаты вручить **исполнителю** заверенную банком копию платежного документа или известить его телеграммой. При невыполнении **заказчиком** требования настоящего пункта **исполнитель** вправе по истечении десяти дней со дня подписания договора реализовать товар.*

*Madame, Monsieur,*

*Le (date), j'ai subi le **sinistre** suivant : (la nature du sinistre concerné). Il a été démontré que le **sinistre** s'est déroulé de la manière suivante: (...). Ce **sinistre** a eu pour conséquence directe les dommages suivants: (...).*

Наши примеры подтверждают, что данное явление наблюдается как в русском, так и во французском языках. В условиях обыденной коммуникации повторы рассматриваются как речевое излишество, но в языке документов они выступают в роли стилистической черты синтаксической и текстовой организации.

Подробность и точность изложения в официально-деловом стиле сочетается с аналитизмом выражения действий, процессов в форме отглагольного существительного:

*дополнять = вносить дополнения;*

*поручать = давать поручения;*

*отвечать = нести ответственность;*

*уточнять = вносить уточнения;*

*платить = производить оплату;*

*pouvoir = être en mesure;*

*contacter = prendre contacte;*

*consentir = donner son accord;*

*devoir = être dans l'obligation.*

Как показывают примеры, наличие аналитических эквивалентов глаголов в языке деловых писем свойственно в одинаковой степени русскому и французскому языку. Аналитическим глагольным конструкциям чаще отдается предпочтение в силу однозначности их восприятия, поэтому в тексте делового письма они выступают в роли клише, готовых моделей речевого поведения в конкретных ситуациях делового общения.

Употребление шаблонов и клишированных формулировок неотъемлемая часть деловой письменной речи в русском и французском языках. Условия их употребления определены тематическим кругом делового сообщения, и ситуации их применения однотипны. Клишированные конструкции отличаются высокой устойчивостью, их понимание не затруднено в силу их однозначности и точности, что экономит время при составлении делового письма.

Помимо аналитических глагольных конструкций к клише мы относим канцеляризмы, представляющие собой:

1. Составные термины: *zone (f) sous douane* – зона таможенного досмотра, *itinéraire (m) direct* – прямой маршрут, *issue (f) du contrat* – расторжение договора, *isolement (m) économique* – экономическая изоляция, *investissement (m) de portefeuille* – портфельные инвестиции (не дающие права контроля деятельности акционерного общества);

2. Фиксированные именные и отыменные построения: *à la conclusion du rapport* – в заключение отчета, *conformément à la décision acceptée* – согласно с принятым решением, *à l'avenir jusqu'à l'ordre particulier* – впредь до особого распоряжения;

3. Синтаксические глагольно-именные конструкции: *prendre en considération* – принять во внимание, *mettre aux voix* – поставить на голосование, *porter à la connaissance de* – довести до сведения.

Отметим, что фиксированные именные и отыменные построения представляют собой унификацию грамматической структуры словосочетания и словоформы. Выбранный вариант закрепляется как эталонный за каждой композиционной частью текста. При этом в русском языке важно учитывать закреплённость производных предлогов за определенной падежной формой в именных и отыменных конструкциях, а во французском языке, в силу отсутствия падежных форм, важную роль играет верное применение предлогов. Синтаксические глагольно-именные конструкции во французском и русском языках создают жесткий текстовый каркас, проявляющийся во взаимообусловленности текстовых частей и фрагментов предложения.



Наряду с устойчивыми клишированными конструкциями тексту делового письма в России и Франции свойственно наличие штампов, «избитых выражений с потускневшим лексическим значением и стертой экспрессивностью» (Розенталь 1976: 86), например:

*Nous avons le plaisir de vous annoncer...;*  
*Nous avons le regret de vous faire savoir...;*  
*Во исполнение Вашего поручения от (дата) докладываю...;*  
*Согласно протоколу о взаимных поставках...;*  
*В порядке оказания поддержки... .*

Штампы употребляются трафаретно и передают мысль многословно, и в отличие от клише данные конструкции отличаются меньшей устойчивостью, хотя и считаются общепринятыми.

Наряду с языковой точностью важное место занимает коммуникативная нейтральность делового письма, которую часто называют безэмоциональностью.

Как отмечает Н.В. Вострикова, существует два вида эмоциональности:

1. Собственно эмоциональная, безоценочная информация, передающая собственно чувства, эмоции, настроения и т.п. автора посредством разнообразных языковых средств;
2. Эмоционально-оценочная информация, пропущенная сквозь призму человеческой психики и представленная в виде положительной или отрицательной эмоциональной оценки (одобрение, удовлетворение, пренебрежение и т.п.) [Вострикова 2004: 66].

В тексте деловой корреспонденции встречаются слова и выражения, внешне несущие эмоционально-оценочную окраску, однако, по сути, они являются псевдо-эмоциональными, поскольку они представляют собой жанровые штампы.

Во французском и русском языках данные выражения представлены в виде глагольных оборотов, выражающих эмоциональное поведение или окраску, эмотивный характер которых стерт. Как правило, обороты данного типа легко заменяются на нейтральные конструкции, например:

*Nous avons le regret de vous annoncer = Nous vous annonçons;*  
*Nous avons l'honneur d'accuser = Nous accusons;*  
*J'ai le plaisir de vous présenter = Je vous présente.*  
*Имеем честь Вам сообщить = Сообщаем Вам;*  
*С радостью Вам представляем = Представляем Вашему вниманию.*

Данные выражения носят подчеркнуто вежливый характер, а эмоциональная окраска стерта и не воспринимается адресатом.

Также к псевдо-эмотивным конструкциям в деловом письме можно отнести разнообразные формулы вежливости. Однако формулы вежливости представляют собой штампы в деловом письме, поэтому не несут эмотивной окраски. Так, например, для выражения сожаления в деловом письме на русском и французском языках употребляют следующие фразы:

*Nous sommes au regret de;*  
*A mon grand regret;*  
*Nous déplorons le fait de...;*  
*Nous sommes navrés de...*  
*Разрешите выразить Вам мои глубокие соболезнования...;*  
*Прошу принять мои глубокие соболезнования...;*  
*Разделяю Вашу печаль...*

Для выражения благодарности:  
*Je tiens a vous exprimer notre gratitude;*  
*C'est vraiment gentil de votre part.*

*Благодарим Вас от всей души;*  
*Я хотел бы выразить свою глубокую признательность.*

Для выражения недовольства:  
*Nous sommes obligés de constater une grave erreur de votre part;*  
*Мы заявляем Вам претензию по поводу.*

Помимо рассмотренных нами выражений, которые носят псевдо-эмоциональную окраску, существует множество других, таких как, выражения удивления, радости, уверенности и т.п.

Интересно отметить, что в деловой корреспонденции, как в России, так и во Франции, в определенных случаях наблюдаются нарушения традиционной нейтральности. К таким случаям можно отнести ряд так называемых «проблемных писем», которые описывают сложную ситуацию между партнерами (письмо-рекламация, напоминание об оплате, претензии к качеству товара и т.п.):

*Madame, Monsieur,*  
*J'ai fait usage des services de La Poste pour l'envoi d'un colis le (date de l'envoi). Ce colis pesait 2 kg et était régulièrement affranchi au tarif en vigueur au jour de l'envoi, à savoir XXXX euros pour ce poids.*  
*Or, plus de 40 jours après la date de mon envoi, le colis n'est toujours pas arrivé à destination. **J'en suis très mécontent!***

*Je souhaiterais donc formuler une réclamation auprès de La Poste afin d'obtenir une indemnité pour la perte de ce colis, ainsi que pour les préjudices consécutifs.*

*En effet, j'ai subi, du fait de cette perte, les dommages suivants:(...).*  
*Le montant total de mon préjudice s'élève donc à XXXXX euros.*

*Tout ce qu'il me reste est de vous dire mon indignation. J'espère fermement que vous me proposerez, dans les plus brefs délais, une indemnisation susceptible de couvrir l'intégralité des préjudices subis du fait de la perte du colis que je vous ai confié.*

Представленный выше пример представляет собой письмо-требование возмещения убытков, вследствие утери посылки почтой Франции. Адресант (клиент) прибегает к эмоционально-окрашенным выражениям, отмеченным в тексте письма жирным шрифтом. Данные выражения резко выделяются на фоне официального текста письма в целом. Также рассмотренный пример не имеет стандартной формулы вежливости в конце текста сообщения, что нарушает стандартную и традиционную модель содержания письма.

Рассмотрим пример эмоционально-окрашенного письма на русском языке:

*Уважаемые господа!*

*При распаковке поставленного нам чая мы обнаружили, что его качество значительно ниже качества полученных образцов. Такое отношение к заказу клиента возмутительно и оскорбительно!*

*Прилагаемые образцы, отобранные из полученных нами образцов и из поставленных товаров, дадут Вам возможность убедиться, что наша претензия обоснована.*

*Мы готовы принять всю партию при условии скидки с цены в 10%.*

*Мы ждем немедленного ответа. В противном случае мы будем вынуждены вернуть весь товар.*

*С уважением,*

*Подпись*

Представленное деловое письмо на русском языке содержит несколько эмоционально окрашенных выражений, однако на общем языковом фоне, внутри традиционной модели, оно не теряет своей официальности.

Рассмотренные примеры являются редкими исключениями, крайне редко встречаются в деловой коммуникации, что подтверждает правило безэмоциональности официальных писем.

Некоторые ученые выделяют безличность изложения, как стилевую черту делового письма. Действительно, наличие безличных предложений в деловом письме на русском и французском языках частое явление, например:

*Il vous est nécessaire de nous confirmer la commande au cours de 48 heures.*

*Il vous sera présenté notre une nouvelle traite.*

*Vous nous enverrez les bons à remplir pour nous adresser au fabricant...*

*Vous nous enverrez également le matériel le plus récent, qui nous permettra de réduire les coûts de production et d'améliorer la qualité de la production.*

Данные примеры представляют собой безличные конструкции, которые, однако, не вызывают сомнений в авторстве описываемых действий. Отметим, что многие безличные обороты представляют собой клишированные выражения, которые заменяют личную конструкцию с целью смягчить подаваемую информацию, например:

*Il vous faut = Vous devez;*

*Il vous est nécessaire = Vous êtes obligé;*

*Nous avons besoin = Nous avons besoin/vous devez;*

*Vous devez = Vous devez.*

Данные примеры ставят под вопрос наличие безличности в деловом письме, поскольку агент действия (лицо) зачастую бывает завуалировано, но легко обнаруживается при замене безличного предложения на его личный аналог.

Категория безличности также не может быть полностью реализована в деловом письме, поскольку адресант и адресат заранее известны. Именно между ними происходит коммуникативный акт в письменной форме, а, значит, они будут выступать в роли агентов действия в том или ином случае. Более того, существуют такие деловые письма, где вовсе нет безличных конструкций, например:

*Madame, Monsieur le Préfet,*

*J'ai été verbalisé le (date), selon le procès verbal (numéro) que vous trouverez ci-joint.*

*Je ne conteste pas le bien-fondé de cette sanction, (indications sur les conditions de réalisation de l'infraction).*

*Cependant, je sollicite une mesure de bienveillance afin d'être exonéré du paiement de cette somme. En effet, ma situation personnelle est difficile causée de l'imputation importante sur le budget par rapport aux charges familiales dont vous trouverez les justificatifs ci-joints.*

*Vous remerciant par avance, de votre bienveillance, je vous prie d'agréer, Madame, Monsieur le Préfet, l'expression de mes salutations distinguées.*

В данном примере не замечено использование безличных конструкций, отчего выделение категории безличности как общестилистического параметра делового письма не оправдано в деловой корреспонденции на французском языке. Отсутствие безличности, однако, свойственно и письмам на русском языке, например:

*Уважаемые господа!*



Сообщаем, что мы получили партию наручных часов в количестве 2500 экземпляров, указанных в вашем счете № 244. Вместе с тем, мы вынуждены сообщить вам, что из 1000 дамских часов, оплаченных по вашему счету № 243, более 700 не отвечают предъявляемым требованиям. Мы обращались к ряду часовых мастеров с просьбой отремонтировать их, однако они не смогли этого сделать.

В связи с вышеизложенным, мы хотели бы выяснить возможность удержания стоимости этих 700 часов из вашего счета № 244 и вернуть часы обратно. Просим также сообщить, возможно ли заменить дефектные часы новой партией, которую мог бы проверить наш специалист.

Мы задержим ваш счет № 244 до получения от вас известий.

С уважением

Некоторым видам деловой корреспонденции во французском и русском языках свойственен предписывающе-долженствующий характер изложения, представляющий собой требования по соблюдению условий договоренностей (сделок):

*Au cas où vous ne respecteriez pas les délais, nous serions obligés d'annuler la commande.*

Вам предоставляется последний срок – самое позднее до 29 декабря 2013 г. Если в этот срок указанная сумма не будет выплачена, мы будем вынуждены предпринять меры в судебном порядке.

Отметим, что данная особенность свойственна не всем деловым письмам, а только тем, в которых адресант предъявляет претензию адресату, например, в письме-рекламации или напоминании об оплате.

В других же видах деловых писем частым способом выражения вежливой просьбы как в русском так во французском языках является условное наклонение (фр. Conditionnel):

*Je **souhaiterais** m'entretenir avec vous dans la perspective de revoir et réaménager l'échéancier prévu initialement.*

*Nous **serions** heureux de poursuivre nos relations d'affaires avec vous.*

Мы **были бы** признательны, если **бы** Вы **прислали** нам дополнительные рекламные буклеты в количестве 15 штук.

Нам **хотелось бы** уточнить данные грузового автомобиля и дату поставки.

Во французском языке подчеркнуто вежливый характер обращения передают обороты *bien vouloir faire qch* и *veillez faire qch* (дословно «захотите сделать что-то»):

***Veillez bien m'adresser** un relevé de compte indiquant le montant de mon solde dé finitif à la date de clôture.*

*Je vous prie donc de **bien vouloir délivrer** cette assignation à Monsieur/Madame (nom) demeurant au (adresse) afin de l'informer qu'une action en justice est engagée à son encontre et ce, 15 jours au moins avant la date de l'audience prévue le (date).*

Поскольку предписывающе-долженствующий характер соответствует не всем видам деловых писем, считаем нецелесообразным выделять его в общестилистические особенности официальной корреспонденции. Предлагаем относить данную стилистическую черту к частным характеристикам определенных видов деловой корреспонденции. Также предлагаем не считать безличность стилистической чертой делового письма в целом, отметим, что данное свойство присуще лишь отдельным предложениям внутри сообщения. К общестилистическим языковым параметрам делового письма мы относим официальность, стандартность, шаблонность, точность и безэмоциональность (нейтральность).

Являясь важной составляющей жанра делового письма, рассмотренные нами языковые параметры делового письма на французском и русском языках участвуют в формировании его прагматического потенциала. Реализуя коммуникативные интенции адресанта в письменной форме, языковые средства деловой корреспонденции осуществляют прагматическое воздействие на получателя информации, программируя у адресата определенное отношение к воспринимаемой информации.

## Литература

- Арутюнова Н.Д. Речевой акт [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 412–413.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [текст] / О.С. Ахманова // – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
- Багана Ж., Лангнер А.Н. Le Français des Affaires. Деловой французский язык [Текст] / Ж. Багана, А. Н. Лангнер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 264 с.
- Вострикова Н.В. Функционально–стилистические особенности французского коммерческого письма: дис. канд. филол. наук [Текст] / Н.В. Вострикова. – Пятигорск, 2004. – 168 с.
- Resources juridiques et pratiques: Modèles de lettre et contrats gratuits [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.documentissime.fr/inscription/fin-inscription.php?docid=1323&doctype=modele> (дата обращения – 11.01.2017)

УДК 080

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ  
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-СОМАТИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКОМ И  
КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**COMPARATIVE STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF  
FRAZEOLOGISMS-SOMATISM IN MODERN ENGLISH AND CHINESE  
LANGUAGES**

**Гэ Цзиншэнь  
Ge Jingshen**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: tutushigeguai@gmail.com*

*Аннотация.* Настоящая статья посвящена компаративному анализу фразеологических единиц в английской и китайской лингвокультурах. В качестве объекта исследования в статье выступают фразеологизмы-соматизмы с компонентом «голова» в указанных языках. Основной акцент публикации сфокусирован на сравнительных характеристиках семантических и структурных особенностях фразеологических единиц. Изучаются сходства и различия по выработанным критериям. Делаются выводы о возможности проведения типологического исследования фразеологического фонда в дистантно расположенных языках с учетом характерных особенностей той или иной лингвокультуры в перспективе подобных исследований.

*Abstract.* This article is devoted to the comparative analysis of phraseological units in the English and Chinese linguistic cultures. The object of study in the article is the somatic phraseological units with the component *head* in these languages. The main focus of the publication is concentrated on the comparative analysis of semantic and structural features of phraseological units. We study the similarities and differences according to the criteria, make conclusions on the possibility of a typological study of the phraseological funds of distant languages, taking into account the characteristics of linguistic cultures.

*Ключевые слова:* фразеологизмы, соматизмы, английский язык, китайский язык, семантика, структура.

*Keywords:* somatic phraseological units, the English language, the Chinese language, semantics, structure.

---

Специфика настоящего исследования заключается в том, что в нем рассматриваются фразеологизмы-соматизмы в двух дистантных языках, существенно отличающихся друг от друга. Сравнение фактического материала, в том числе и в структурно-семантическом аспекте, должно вестись и с учетом определенных типологических основ, которые, избегая полной унификации исследования и стирания уникальных границ, позволят тем не менее найти специфическое и универсальное в изучаемом языковом материале. На наш взгляд, наиболее полной для проведения типологического исследования фразеологических единиц (далее ФЕ) в структурном аспекте является классификация, предложенная В.В. Елисеевой (Елисеева, 2003). Исследователь предполагает, что наиболее полная классификация может осуществляться исходя из разных параметрических особенностей. К такой классификации относятся такие параметры, как а) структурный; б) функциональный и семантический (Елисеева, 2003). Обратимся непосредственно к описанию и изучению фактического материала исходя из заданных параметров.

По мнению В.В. Елисеевой, несмотря на то, что фразеологизмы не являются моделированными, они достаточно четко могут быть классифицированы по типам структур, которые лежат в основе их формирования (Елисеева, 2003).

Следуя логике предложенного автором алгоритма, обратимся непосредственно к рассмотрению структурных типов ФЕ с соматическим компонентом в английском и китайском языках.



Итак, в структурном аспекте на основании критериев, разработанных В.В. Елисейевой, в современном английском языке можно выделить 7 условных групп.

Согласно критерию связности или спаянности элементов внутри фразеологизма можно обозначить целую группу устойчивых выражений, которые по форме напоминают свободные словосочетания. К этой группе можно отнести такие ФЕ, как, например: *keep your head above water, keep your head down, need your head examined, a clear head etc.* Данные ФЕ определены в соответствующую группу на основании нестабильности элементов, входящих в их состав. Это касается как структурных, так и семантических показателей, во-первых, потому что по крайней мере один из входящих в их состав элементов может быть заменен, во-вторых, передаваемое ими значение не является вторичной номинацией, то есть семантика таких устойчивых выражений очевидна без фоновых знаний.

Ко второй структурной группе ФЕ можно отнести сочинительные структуры, в состав которых входят однопорядковые элементы, объединенные сочинительной связью и отличающиеся полноправием. Наиболее характерным структурным типом субстантивных фразеологических единиц с существительными соматизмами являются предложно-именные образования, т. е. «сочетание имени существительного с препозитивными определениями (или без них) посредством предложной подчинительной связи» (Кунин, 1972: 110)). Например, к такой группе можно отнести ФЕ типа *hand-to-mouth; head over hills etc.*

Третья группа представлена ФЕ, в составе которой наличествует предикативная структура. Это ФЕ *bang/knock/hit (someone's) heads together, be/get in over your head, be off your head, be out of your head, cannot make head nor/or tail of something, a clear head, come/bring something to a head, do someone's head in etc.*

Близкой к предыдущей является четвертая группа глагольно-постпозитивных ФЕ, которые также представляют собой предикативную структуру, но содержат некий сателлит в постпозиции, например, *laugh/shout/scream your head off, do someone's head in etc.*

К пятой структурной группе ФЕ относятся устойчивые выражения либо самостоятельно выступающие в качестве предложения, либо носящие междометный характер, например: *on your (own) head be it, heads up, heads will roll etc.*

Шестая группа включает ФЕ, содержащие компарат в виде различного рода номинативов или предикативов, например: *a brain as a sieve stick, like banging/hitting your head against a brick wall etc.*

Седьмая группа включает все ФЕ, только дифференцирует их на одно-, двух-, трех- и многовершинные по принципу существования в каждой ФЕ количества полнозначных слов (вершин) и служебных слов. Согласно анализу фактических данных, в современном английском языке существуют все предложенные структурные варианты. Так, например, многокомпонентными являются: *an eye for an eye and a tooth for a tooth, the eyes are the mirror of the soul etc.* К трехкомпонентным можно отнести: *put your heads together, stand/turn something on its head etc.* Двухкомпонентные включают: *from head to toe, a clear head etc.* Однокомпонентными можно назвать: *heads up etc.*

И если первые шесть групп условно проводят горизонтальную структурную идентификацию фразеологизмов, то последняя, седьмая, принимает в расчет все существующие модели фразеологизмов, разбивает их по компонентному составу и включает типологию по принципу сочинительной или подчинительной типов связи.

Как показывает анализ фактического материала, наиболее типичной структурой фразеологизмов-соматизмов в современном английском языке являются соматизмы с подчинительным типом связи, сами по себе они представляют, как правило, «сочетание имени существительного с препозитивными определениями (или без них) посредством предложной подчинительной связи» (Кунин, 1972: 110). Например: *the desire of smb.'s eyes, come out of one's ears, to come to a head, carry one's head high, catch smb.'s eye, turn the other cheek etc.*

Таким образом, учитывая характеристики английского языка как языка аналитического типа, исследуемые нами фразеологизмы-соматизмы могут быть разделены на 7 структурных групп. Другой изучаемый язык, китайский, – язык особого порядка. В отличие от современного английского языка, он более консервативен и менее подвержен модификациям в угоду времени, прежде всего, в структурном аспекте. В таком плане необходимо сразу отметить такую характеристику китайских фразеологизмов, как просодическая, которая обусловлена чередованием рифм и тонов разного рода, что позволяет устойчивым выражениям выступать в качестве ритмических единиц речи.

При полном отсутствии односложных ФЕ китайский язык изобилует двух-, трех- и четырехсложными фразеологизмами. Двух- и трехсложные выступают эквивалентами поэтической стопы, в то время как четырехсложные могут представлять целую поэтическую строку. При этом такие ФЕ считаются минимальными, более крупные включают от пяти до



четырнадцать слогов, они могут быть преобразованы в четырех-, трех-, двухсложные путем просодической компрессии. Таким образом проявляется гибкость просодической системы.

Китайский язык относится к языкам изолирующего строя. Языки такого рода, по мнению В.М. Солнцева, «являются в высшей степени «словесными» в том смысле, что значительное количество простых слов в этих языках, будучи неизменяемыми и лишены нулевого оформления, вообще не выделяют реально из своего состава морфем. Все знаменательные и часть служебных морфем соотносимы с соответствующими словами» (Солнцев, 1971: 267). Следовательно, для изучения китайской лексики выделяются понятия отдельной лексемы, которая бывает первичной или сложной, отдельного сложного слова, устойчивого словосочетания, включающие те, которые признаются в качестве фразеологизмов, и те, которые таковыми не являются (Семенас, 2005: 26-35). Агглютинационный способ образования слов в китайском языке, который имеет слоговую природу, затрудняет процесс разграничения сложного слова и словосочетания (Коротков, 1963; Солнцев, 1971). При этом лексический комплекс построен по принципу определенного типа связи, обладает функциональным единством и реализуется как на уровне слов, так и на уровне словосочетаний (Семенас, 2005: 29-30). По поводу фразеологизмов А.Л. Семенас отмечает, что они могут быть отнесены к особому типу словосочетаний, поскольку выступают в качестве неделимых комплексов, наделенных «устойчивой структурой и семантической плотностью (Семенас, 2005: 30). В качестве примера ученый приводит последовательность «глагол (представлен одной первичной лексемой) + имя (представлено одной, двумя, тремя первичными лексемами)».

Классическим типом фразеологических единиц китайского языка считаются четырехсложные единицы (состоят из четырех слов). Такие ФЕ, как правило, соотносятся с литературным источником как первоосновой, и очень похожи на поговорки (Корнилов, 2003: 6). Согласно представленной выше классификации, такие ФЕ именуются четырехвершинными. Если принимать во внимание ФЕ с двумя и тремя ударными словами, то в китайском языке, равно как и в английском, наряду с четырехвершинными встречаются двух- и трехвершинные, например:

花容月貌 (очень красивая внешность (девушка)), 目瞪口呆 («Глаз на лоб полез»), 口快心直 («человек, напрямую высказывающий свои мысли»), 蓬头垢面 («с растрепанной головой и грязным лицом»), 鼻青脸肿 («синий нос и опухшее лицо» (об избитой физиономии в синяках и кровоподтеках)), 嬉皮笑脸 («с веселым выражением лица, озорно улыбаясь»).

Говоря о принципиальном фразеобразующем компоненте, опираясь на представленные критерии классификации, можно выделить номинативные и предикативные фразеологизмы в современном китайском языке. Например, к предикативным относятся такие, как: 吹胡子瞪眼 (букв. «раздувать усы и тарашить глаза»), который переводится как «сердиться». Фразеологизм 脸色苍白 (букв. «лицо бледно») выступает в качестве номинативной составляющей фразеологического фонда.

Необходимо отметить, что в китайском языке наличествуют ФЕ адъективной природы, например: кит. 和颜悦色 (букв. «доброжелательное и приятное выражение лица»), которая передает значение «приветливый».

Идентичной природы фразеологизмы современного английского языка тоже присутствуют, однако их количество малочисленно. Так, например, слово *hair*, являясь фразеобразующим, в ФЕ *bad hair day*, *hair's breadth*, *hair of the dog (that bit you)* выступает в качестве определения. Так, ФЕ *bad hair day (used to indicate that one's hair is not looking neat <I'm having a bad hair day>)* (Merriam-Webster) «все валится из рук» дословно означает, что человек не может сделать себе прическу по причине того, что «волосы его не слушаются».

Выше отмечено, что исходя из параметров выбранной в качестве основной классификации, в английском языке существует масса ФЕ, которые по форме и связанности элементов эквивалентны свободным словосочетаниям. В китайском языке в отношении определения фразеологизмов существует целая теория. Так, сохраняя самобытность, современный китайский язык сохраняет сложную систему стилей, которая позволяет автору выразить весь диапазон своих чувств, эмоций, оценочных характеристик. Анализ научной литературы по данной тематике показывает, что 固定比喻 (устойчивое сравнение) в китайском языке, в отличие от английского, имеет несколько форм проявления. Сравнение само по себе, которое встречается в повседневной жизни, и четырехсложный фразеологизм (компаративный) или 成语 «чэньюй» с семантикой сравнения. «Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно-переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» (Баранова, 1969: 9). В структурном аспекте такие четырехсложные компаративы состоят из четырех иероглифов, каждый из них выполняет определенную синтаксическую функцию.



Рассмотренные структурные особенности фразеологизмов-соматизмов английского и китайского языков показывают, что в грамматическом и строевом плане языки показывают достаточно большое количество различий, таких как, например, количество элементов ФЕ, компаративное, специфическое для китайского языка, и некомпаративное, характерное для английского языка, устройство. Кроме того, просодическая система Китая обеспечивает мелодику фразеологизмов, в то время как для английского языка такой аспект не является крайне значительным. Схожими структурными параметрами для обеих языковых групп является наличие номинативных, предикативных и адъективных словосочетаний. Ниже обратимся к изучению специфических семантических особенностей ФЕ с соматическим компонентом в обоих рассматриваемых языках с целью выявления сходств и различий в плане значения.

Описание семантических особенностей фразеологизмов в современных английском и китайском языках, учитывая их дистантную расположенность и различия, должно, равно как и в случае с описанием структурных показателей, опираться на множество факторов, которые позволят избежать однобоких и узкоспециальных необъективных данных.

Так, учитывая то обстоятельство, что во фразеологических единицах имеется и план содержания, и план выражения, опишем характер представленных по языкам групп фразеологизмов, специфику и характер наполненности групп по семантическому и функциональному признакам.

Описывая все фразеологизмы, независимо от языковой группы, нельзя не принимать в расчет так называемый функциональный принцип, который предложен в классификации А.В. Кунина (Кунин, 1972). Так, определяя характер функционирования фразеологизмов, содержащих существительные-соматизмы в двух дистантных языках, мы выделяем две масштабные группы.

Первая группа, «группа номинативных ФЕ», называет явления, предметы, объекты, признаки, процессы и включает ФЕ, имеющие различные грамматические структуры.

Вторая группа именуется «группа номинативно-коммуникативных ФЕ», она имеет прагматическую ценность, поскольку выступает в речи в качестве усилителя сообщения, близка к междометиям и включает разнообразие структурных типов. Примечательным является тот факт, что типология фразеологизмов по функциональному признаку с учетом номинативного и номинативно-коммуникативного потенциала возможна как в английском, так и в китайском языках. Обратимся к классификации полученных ФЕ в обоих рассматриваемых языках и опишем деление на соответствующие группы по функциональному принципу.

Итак, соматические фразеологизмы с компонентом «голова» в современном английском и китайском языках включают:

а) самую многочисленную по составу «группу номинативных ФЕ», объединяющую фразеологизмы-соматизмы, приоритетной функцией которых является название. К таким ФЕ в современном английском языке относятся, например, следующие: *bang/knock/hit (someone's) heads together, be/get in over your head, be off your head, be out of your head, cannot make head nor/or tail of something, a clear head, come/bring something to a head, do someone's head in, from head to toe, get up/build up/work up a head of steam, get it into/through your head (that), get someone/something out of your head, get/take it into your head to do something, get your head round something, give someone head, give someone their head, go over someone's head, go to someone's head, have a big/swollen head, have a (good) head for heights, have a (good) head for figures/business etc, have a good head on your shoulders, have your head in the clouds, have your head (screwed) on right, head and shoulders above the rest/others, head of hair, head over heels, on your (own) head be it, heads up, heads will roll, keep your head above water, keep your head down, laugh/shout/scream your head off, like banging/hitting your head against a brick wall, put something out of your head, put your heads together, stand/turn something on its head etc.*

В китайском языке к рассматриваемой группе можно отнести следующие ФЕ с соматическим компонентом:

虎头蛇尾 («голова тигра, хвост змеи (обр. в знач.: пойти на спад, не довести до конца, кончиться ничем»)), 头昏脑胀 («кружится голова и пухнет мозг»), 狗头军师 («стратег с собачьей головой» (обр. в знач.: горе-советчик)), 三头六臂 («о трёх головах и о шести руках» (обр. в знач.: сильный, дюжий, мастер на все руки)), 头重脚轻 («тяжесть в голове и слабость в ногах, слабость и головокружение; неустойчивый, шаткий, несоразмерность; диспропорция»), 交头接耳 («сблизить головы, коснуться» (губами) уха (обр. в знач.: шептаться, шушукаться)), 虎头虎脑 («богатырского вида; здоровяк, крепыш»), 彻头彻尾 («с головы до ног; с начала до конца; стопроцентный»), 肥头大耳 («жирная морда и большие уши; толстомордый, круглолицый, толстощекий»), 迎头痛击 («лобовая атака, атаковать в лоб, ринуться в бой; нанести сокрушительный удар») 牛头不对马嘴 («невыпадет; не к месту; не из той оперы; ни к селу ни к городу»), 首当其冲 («первому оказаться под ударом; принять на себя первый удар»), 畏首畏尾 («бояться всего; боязливый, трусливый;

пугливый»), 摇头晃脑 («мотать головой; самодовольный, уверенный, с удовольствием, с радостью»), 心细如发 («тщательный; взвешенный до мелочей; внимательный; скрупулезный; кропотливый; обстоятельный») 举案齐眉 («поднять поднос к бровям» (обр. в знач. любить и почитать друг друга, жить в мире и согласии)), 眉来眼去 («обмениваться взглядами; строить глазки»), 望眼欲穿 («все глаза проглядеть; ждать; чаять»), 丢人现眼 («потерять лицо, ударить лицом в грязь, потерять престиж»), 目不转睛 («не отводить глаза; смотреть, не отрываясь; пристально (испытующе) смотреть; съедать глазами»), 刮目相看 («посмотреть другими (новыми) глазами, по-новому смотреть, переменить мнение»), 鱼目混珠 («рыбий глаз путать с жемчужиной» (обр. в знач.: выдавать фальшивое за подлинное)), 有鼻子有眼 («описать что-то выдуманное очень детально и правдоподобно»), 唇亡齿寒 («[если] губы погибнут, [то и] зубы замёрзнут» (обр. в знач.: «быть неразрывно связанными, зависеть друг от друга, разделять одну и ту же участь»))

б) «группа номинативно-коммуникативных ФЕ» включает фразеологизмы-усилители, такие устойчивые выражения, которые употребляются, скорее, как призыв к действию, выполнению каких-либо обязательств, осторожности. В английском языке к такой группе относятся, например: *on the nose; blow your mind; get a leg up, on your (own) head be it, heads up, heads will roll, need your head examined, etc.* В современном китайском языке количество таких соматизмов, равно как и в английском, незначительное. Китайские ФЕ, соотносящиеся с этой группой, включают:

当头棒喝 («наставлять на ум; действовать отрезвляюще (предупреждающе)»), 劈头盖脸 («прямо навстречу, прямо в лицо; резкий, нелюбезный; обрушиться, наброситься (с руганью, критикой)»), 千钧一发 («тысяча цзюней (30 грамм) на одном волоске» (обр. в знач.: висеть на волоске; крайне опасное положение)), 冲昏头脑 («вызывать у кого-либо симпатию» или «вскружить голову кому-либо»), 高人一头 («быть на голову выше других»), 火烧眉毛 («как огонь палит брови (обр. в знач.: неотложный, не терпящий промедления; настоятельный, крайне срочный; экстренный)»), 迫在眉睫 («давит на брови и ресницы (обр. в знач.: не терпеть отлагательства, на носу; нависать над головой)»).

Представленные выше группы ФЕ с соматическим компонентом, их количественный и качественный составы довольно условны, поскольку сам по себе принцип функционального разделения во многих случаях профилирует зависимость употребления ФЕ от определенных контекстуальных условий. Однако при этом разделение фразеологического фонда в современных английском и китайском языках может вестись не только по функциональному принципу, но и согласно семантическим критериям. И если учесть представленные в предыдущих параграфах фразеологизмы, рассмотренные по семантическому принципу по языковым группам, можно выделить следующие типологические группы.

К первой группе относятся ФЕ, имеющие относительно общие этимологические корни. Так, например, в английском и китайском языках есть такой фразеологизм-соматизм «око за око, зуб за зуб». Данная ФЕ имеет библейское происхождение (англ. *eye for eye, tooth for tooth* кит. 以眼还眼, 以牙还牙). В ней сообщается о мести, о равномерной плате за причиненное зло. Идентичным является и то обстоятельство, что это и подобного рода выражения в обоих языках употребляются исключительно в книжном стиле, кроме того, что в обоих языках они совпадают по семантике, структурной организации.

Вторая группа ФЕ в английском и китайском языках может быть объединена на основе понятийной общности, репрезентированной лексическими средствами разных языковых культур. Так, например, ФЕ английского языка *go in one ear and out the other* имеет идентичный вариант в китайском - 一耳进, 一耳出 (букв. «в одно ухо входит, из другого выходит») и профилирует невнимательность человека в том или ином вопросе. О лживости и лицемерии человека сообщается семантикой фразеологизмов 口蜜腹剑 (букв. «во рту мед, а в животе меч») *a honey tongue, a heart of gall* («медовый язык, а сердце из желчи»). В такого рода фразеологизмах регулярно используются специфические образные средства, либо в обеих лингвокультурах они строятся на одинаковой или близкой метафоре.

Третья группа фразеологизмов включает безэквивалентные ФЕ в обеих лингвокультурах. Этимология таких устойчивых выражений, как правило, мотивирована историей, традициями народа. Их качественные семантические характеристики лишены образности. Такими фразеологизмами изобилует современный китайский язык. Например, ФЕ о честолюбивом человеке содержит метафору и образы животных: 宁为鸡首, 不为牛后 (букв. «лучше быть головой петуха, чем хвостом быка»). Разница в ФЕ в компаративном аспекте может проследиваться не только на семантическом уровне, но и на структурном.

В английском языке есть специфический фразеологизм *hair of the dog (that bit you) (an alcoholic drink that is taken by someone to feel better after having drunk too much at an earlier time)*,



который довольно сложен для интерпретации без знания этимологии. В таком источнике, как *Urban Dictionary* находим следующее пояснение *The phrase comes from the expression "hair of the dog that bit you", meaning that the best cure for what ails you is to have some more of it. In ancient times it was literally used to say that if a dog were to bite you, putting the dog's hair into the wound would heal it. "Like cures like". This hangover remedy is not recommended because a) it leads to a bad habit of drinking during the day and b) it doesn't really work very well. Still, this method works about as well as most other hangover remedies* (UrbanDictionary). В данном источнике сообщается, что рассматриваемый фразеологизм берет начало от классического выражения «подобное лечится подобным» и, соответственно, после тяжелого опьянения человека можно вылечить только некоторой дозой алкоголя, по резкости сравнимого с собачьим укусом. Такое выражение, его употребление характерно для устной речи, например:

*Steve: Man, I'm really paying for all those keg stands I did last night.*

*Tony: Yeah, I'm hurting too. Hair of the dog?*

*Steve: Why not, man. We got a few beers left in the fridge.*

Кроме того, современные ФЕ английского и китайского языков могут не совпадать как по семантике, так и в грамматическом аспекте. Например, английским устойчивым выражениям «совать нос не в свое дело» *put one's nose in (where it's not wanted)* and *stick one's nose in (where it's not wanted)* будет соответствовать китайский эквивалент 插手 (букв. «совать руки»), который также будет обозначать «вмешиваться не в свое дело».

Преимущественно в китайском языке, как было отмечено выше, существует большое количество безэквивалентных фразеологизмов, представляющих собой фразеологизмы, которые не имеют близкого сходства в лексическом (компонентном) составе и грамматической структуре в разных языках.

Кроме отмеченных выше безэквивалентных фразеологизмов, разница между английским и китайским языком в семантическом плане довольно существенная, как в количестве условно выделенных семантических групп, так и в их наполняемости. Так, возвращаясь к описанию специфических семантических особенностей по языковым группам, отметим, что фразеологизмы-соматизмы с компонентом «голова» в современных английском и китайском языках по большей части выступают в качестве мотивированных номинаций, имеющих положительную или отрицательную коннотацию. Анализ фактического материала и лексикографических данных показывает, что все они могут быть условно разбиты на семантические подгруппы. При этом английские фразеологизмы коррелируют с такими группами: «голова как черепная коробка, ее содержимое (мозги), лицо и их внешние параметры», «голова – интеллект и чувства», «поведение человека/характеристика» «ограничитель», «голова как начальство, лидер, вождь», «голова как символ жизни человека». А рекуррентные фразеологизмы-соматизмы в современном китайском языке классифицируются по следующим критериям: «голова как черепная коробка, ее содержимое (мозги), лицо и их внешние параметры», «голова - волосы», «голова как начальство, лидер, вождь», «количество голов при подсчете» «голова – интеллект и чувства», «голова как символ жизни человека», «голова – символ божества». Примечателен и тот факт, что в китайской лингвокультуре количество семантических групп несколько больше. Например, в отличие от английской лингвокультуры, в китайской фразеологизмом является и выражение при подсчете голов скота. Кроме того, в китайской лингвокультуре существует классификационная группа, которая позволяет ассоциировать человека с божеством. Интересен и тот факт, что для китайцев большую роль играет внешность человека, что вербально отражено в виде достаточно внушительного количества ФЕ, называющих характерные черты головы и описывающих ее параметры, ассоциируя эти параметры с положительными или отрицательными чертами ее обладателя.

ФЕ с соматическим компонентом «лицо» в английской лингвокультуре можно разделить на следующие условные группы: «мимическое выражение эмоций», «ограничитель», «психические процессы», «забота/контроль», «любовные переживания/предпочтения/вкусовые пристрастия», «характеристика человека/поведения человека/жизни человека». В китайском языке фразеологизмы-соматизмы, номинирующие лицо, представлены по классификационным группам: «психические процессы», «мимическое выражение эмоций», «поведение человека/характеристика человека», «внешность человека», «любовные переживания/предпочтения/ вкусовые пристрастия», «ограничитель». В сравнительном семантическом аспекте можно отметить, что, несмотря на большую идентичность, семантическая группа «забота/контроль», образованная фразеологизмами с соматическим компонентом, в нем не представлена.

Интересным является и то обстоятельство, что для китайской лингвокультуры, где фразеологизмы по большей части носят компаративный характер, характерно сравнение внешности человека с божеством, силами природы и небесными телами, что нетипично для

английского языка. Также сравнительно с английским языком большое внимание уделяется цвету как идентификатору состояния человека, настроения и т.д.

По нашим наблюдениям, отмеченная семантическая лакунарность обусловлена несколькими причинами. Первая причина кроется в наличии самобытных образов в обеих лингвокультурах, но, преимущественно, в китайской. Вторая причина связана с тем, что в основе образов, которые ассоциированы с внутренней формой фразеологизмов, лежит история, традиции, обряды соответствующей лингвокультуры, этимология фразеологизмов и их конститuentов. Так, во многих фразеологизмах, по большей части китайского языка, содержатся архаизмы, номинирующие древнекитайские реалии.

### Литература

- Баранова З.И. Чэньюй как разряд фразеологизмов китайского языка: автореф. дис. канд. филол. наук / Баранова З.И.; АН СССР, Ин-т востоковедения М., 1969 - 24 с.
- Елисеева В. В. Лексикология английского языка: Учебник. - СПб: СПбГУ, 2003. - 44 с.
- Корнилов, О.А. Жемчужины китайской фразеологии / О.А. Корнилов. - М.: ЧеРо, 2005. - 22-28 с.
- Коротков Н.Н. Проблемы слова в китайском языке (о неоднородности словарного состава современного литературного языка)// Спорные вопросы грамматики китайского языка. М., 1963. - с. 53-73.
- Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. - М.: Изд-во «Международные отношения», 1972. - 289 с.
- Семенов А.Л. Лексика китайского языка : учебник / А.Л. Семенов. - М. : Восток-Запад, 2005. - 310 с.
- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1971. - 294 с.
- Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- Urbandictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>



УДК 080

**МЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОЦЕНКИ В АСПЕКТЕ СИНЕРГЕТИКИ  
И ИЕРАРХИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ****MENTAL STRUCTURE OF EVALUATION IN THE ASPECT OF SYNERGETICS AND  
HIERARCHICAL ORGANIZATION OF ITS REPRESENTENTS****И.А. Куприева  
I.A. Kuprieva**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г.  
Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: kuprieva@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье описываются концептуальные основания формирования ментальной структуры оценки. Особое внимание уделяется обязательным и факультативным элементам рассматриваемого концепта. Указываются особенности корреляции ментальной структуры оценки и других ментальных структур. Обосновывается сходство ментальной структуры и синергетической саморазвивающейся системы.

*Abstract.* This article describes the conceptual basis of formation of the mental structure of assessment. Special attention is given to obligatory and optional elements of the concept under consideration. Particular correlation between the mental structure of assessment and other mental structures is indicated. Similarity between the mental structure and a synergetic self-developing system is pointed out.

*Ключевые слова: оценка, ценность, ментальная структура, концепт, синергетика.  
Keywords: assessment, value, mental structure, concept, synergy.*

Одними из глобальных вопросов для современного языкознания являются вопросы возникновения, становления и существования понятийных категорий с точки зрения их роли в раскрытии когнитивной природы языка. Причем такие вопросы касаются не только языковых исследований, но и общенаучных сфер. К подобным принципиально часто исследуемым феноменам относится категория оценки. Последняя распространяется на большое количество разноплановых языковых единиц разного уровня и с лингвистической точки зрения изучается в аспекте прагматики. При этом понимание категории оценки определяется ценностной направленностью деятельности человека и сознания. Сам процесс оценивания человеком окружающего мира сопряжен с познавательной деятельностью и в гносеологическом плане рефлектирует акт оценки субъектом объективной реальности. По мнению Г.В. Колшанского, процесс оценивания «есть ничто иное, как проведенная субъектом умственная операция над предметом высказывания (восприятие, понимание, обобщение, выводы и т.п.), представляющая собой оценку в наиболее широком ее понимании» (Колшанский, 1978).

И если учесть то обстоятельство, что оценочные акты носят прагматический и когнитивный характер, их исследование, в том числе и в лингвистике, важно вести с учетом такого аспекта как «модели мира, которые содержатся в сознании коммуникантов» (Карабан, 1992). В связи с этим вполне уместно изучать оценку с учетом положения о наличии динамических структур познания, одной из которых является концепт, эволюционирующий в филогенезе, онтогенезе и социогенезе, что обусловлено социальными, экономическими, политическими, духовными и социокультурными факторами (Гиздатов, 1998). Однако в таком случае необходимо отметить синкретизм семантики и прагматики, когда неотделимыми являются и собственно значение лексем, и реализация отношения говорящего. При этом возникает вопрос о том, каким образом может быть исследован факт появления оценочных коннотаций в семантике лексики, но и адекватное восприятие этих значений. Опираясь на последние разработки ученых-современников, можно говорить об актуальности междисциплинарного когнитивно-ориентированного подхода, который позволит изучить экстралингвистическую базу формирования ментальных структур знания, актуализация которых обуславливает хранение и переработку информации об оценке. Таким образом, действуя в аспекте современного подхода, направленного на изучение особенностей проекции воспринятого человеком опыта в семантику лексических единиц, осуществляем анализ лингвистических трудов и первичную работу с аутентичными языковыми данными.

Мы предполагаем, что в качестве ментальной структуры оценки выступает концепт, который мыслится как квант структурированного знания, информации, и имеет вербальное воплощение в виде лексических единиц различной частеречной принадлежности. Именно концепт является самой релевантной структурой знания для получения объективных результатов, поскольку такая эпистемическая структура знаний имеет ряд положительных особенностей, в том числе следующие:

- концепт неисчерпаем по своей сути: все средства его объективации не могут полноценно и абсолютно его объективировать, что дает почву для существования большого количества синонимов, синонимов, идиоматических выражений;
- все перечисленные лексемы своим системным и/или функциональным значением тянутся к концепту, соответствуя критериям его идентификации (объективируя обязательные концептуальные признаки концепта);
- соответственно полноты и качества актуализации концепта все ассоциированные с ним вербализаторы могут быть ранжированы по принципу ядро-периферия, а также тематически;
- концепт имеет относительно стабильную инвариантную ядерную часть, которая при объективации обеспечивает понимание среди участников коммуникации, облигаторно объективируясь в значении выбранных коммуникантами лексем;
- помимо инвариантного каркаса концепт включает зону периферийного концептуального начала, образованного факультативными концептуальными признаками;
- факультативные концептуальные признаки не являются обязательными к объективации, однако их актуализация позволяет профилировать грани ситуаций оценки при решении той или иной коммуникативной задачи;
- набор обязательных/облигаторных концептуальных признаков является фиксированным, по этой причине он соответствует параметру идентификации лексем-объективаторов; набор факультативных признаков варьируется по составу и количеству, он не ограничен и может быть дополнен в неограниченном количестве;
- концепт открыт к поступлению новой информации благодаря возможности накладываться на другие концепты, пересекаться с ними и вбирать в себя часть информации на периферийной зоне;
- соответствует, концепт динамичен, неисчерпаем по содержанию.

Все перечисленные параметры позволяют дополнить определение концепта и адаптировать его к настоящему исследованию. Таким образом, концепт представляет собой ментальную эпистемическую структуру знаний, идентифицируемую на основании обязательных концептуальных элементов, и дифференцируемую благодаря бесчисленному количеству факультативных составляющих, что позволяет ей носить характер открытой, нелинейной динамической, самоорганизующейся системы и ассоциироваться с синергетической в дискурсивных условиях. Последнее возможно как на концептуальном уровне, когда в качестве структуры рассматриваются исключительно концептуальные элементы, так и на уровне вербальной репрезентации, когда в расчет принимаются лексические средства объективации концепта. Последнюю будем именовать лексико-семантической системой вербализаторов/актуализаторов/объективаторов концепта. В данном случае мы исходим из положения о том, что такая билатеральная концептуальная и объективирующая система концепта, идентичная по функциональным свойствам синергетической самоорганизующейся системе функционирует в условиях дискурса, запускает механизмы приращения оценочных смыслов к значению вербализаторов. Аморфные свойства такой системы позволяют ей общаться с внешней средой и получать информацию из окружающего мира, подстраиваться под него и эволюционировать в хронотопе (в духе времени онлайн).

Обратимся непосредственно к определению концептуальных оснований формирования концептуальной структуры оценки. Итак, можно выделить следующие инвариантные концептуальные составляющие искомой ментальной структуры: «модус», «объект», «отношение», «субъективность/объективность» («мнение о ценности, уровне или значении кого-, чего-нибудь»). Среди факультативных признаков благодаря анализу языковых фактов можно назвать «параметры», «интенсивность», «гендер» и т.д. Список последних, как говорилось ранее, не является и не может быть исчерпывающим на основании открытости и прозрачности границ концепта как ментальной структуры динамического характера.

Первые концептуальные признаки являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. Так, например, концептуальный компонент «модус» есть положительный или отрицательный заряд оценивания. Именно он связывает концептуальную структуру оценки с ценностной шкалой в сознании индивида, выражает прагматическую сторону ситуации (квалифицирует объект как полезный/бесполезный, положительный/отрицательный для субъекта) и эксплицирует наличие такого компонента как «отношение». Последний выражает совокупную оценочную реакцию субъекта в соответствии с ценностной шкалой. Такая оценочная реакция профилирует концептуальный компонент «субъективность/объективность», как соответствие оценочной реакции шкале ценностей и традиционному модусу оценки и экспликация компонента «субъект оценки». Ситуация оценки, исходя из систематизации экстралингвистического знания, невозможна без объекта оценки, поскольку оценка есть вербализация отражения индивидом того или иного объекта или явления: очевидно, что под категорию оценки попадают объекты и явления, не представляющие собой лакуны.



Представленная взаимосвязь концептуальных признаков позволяет построить следующий алгоритм формирования оценки, минимальные условия существования оценки: она возможна, если имеется объект оценки (первоначальный импульс), субъект оценки и основание оценочного маркера, представляющие собой позицию субъекта при одобрении или порицании объекта оценки.

Обратимся к описанию факультативных компонентов ментальной структуры оценки. Концептуальный компонент «параметры» ассоциирован с объективной стороной формирования оценки. Именно данный компонент отвечает за то, какие именно из объективных знаний об объекте подвергаются оцениванию, в некоторой степени определяют варианты возможного результата процесса формирования субъективного отношения. Тем не менее, данный компонент необлигаторен, поскольку в условиях неосознанного оценивания или работы интуиции фактор параметральности исключается из приведенного алгоритма.

Гендерный фактор сопряжен с компонентом «субъективность» и определяет зависимость половой принадлежности субъекта и особенностей осуществляемой им оценки. Выявление такого концептуального признака обосновано, поскольку в психологии давно установлено, что женщины и мужчины несколько вариативно по отношению друг к другу воспринимают окружающую действительность, что и проявляется, как правило, в формировании периферийных представлений.

Концептуальный признак «интенсивность» является ассоциированным с концептуальным признаком параметральности ввиду того, что по тем или иным причинам (ввиду параметральных особенностей) оценка не может варьироваться бесконечно. Такой признак социально обусловлен, поскольку оценка может изменять свою интенсивность в зависимости от социальной среды, социального статуса субъекта, психических особенностей, образования, воспитания. С учетом экстралингвистического фактора такой признак может быть градуированным как слабый, средний и интенсивный.

Представленные факультативные концептуальные признаки, как было заявлено ранее, могут быть выявлены и дополнены в соответствии с рассмотрением их в аутентичной литературе при анализе репрезентантов концепта. Они, как следует из их описания, профилируют ту или иную грань ситуации оценки в определенных коммуникативных ситуациях. Соответственно, когнитивная интерпретация примеров фактического материала, содержащего лексемы с оценочным значением, позволит не только верифицировать обязательные концептуальные признаки, дополнить набор факультативных признаков, но и указать на траекторию модификации семантики на функциональном уровне благодаря корреляции с объективируемой лексемами ментальной структурой и анализу ее пересечения с концептом оценки.

Ранее было отмечено, что ментальная структура оценки находится в корреляции с системой ценностей индивида. Последняя передается от одного поколения лингвокультуры к другому. Это означает, что такая информация транслируется в готовом виде и может претерпевать метаморфозы только с объективным течением времени в определенные исторические периоды. В то же время оценка с учетом концептуальных признаков «субъективность/объективность» является явлением лабильным, самонастраиваемым и меняющимся с учетом определенных условий. Данное обстоятельство мотивирует к обращению к теории искусственного интеллекта, которая описывает итеративную организацию восприятия информации. В работе И.А. Куприевой такая организация интеллектуальной системы включает уровень высокой степени абстракции (инвариантная информация, транслируемая лингвокультурным сообществом в неизменном виде) и уровень низкой степени абстракции (который соответствует субъективному сознанию или сознанию конкретного человека). Принимая во внимание эти факты, отметим, что система ценностей лингвокультуры находится на уровне высокой степени абстракции, а концепт «Оценка», преимущественно его факультативные концептуальные признаки принадлежат уровню низкой степени абстракции, то есть вариативному началу (Куприева, 2014).

Отметим, что представленная ментальная структура оценки, при рассмотрении ее в ракурсе исследования концептуальных оснований ее формирования, характеризуется достаточно структурированной, но не лишенной, тем не менее, вариативности формой. Благодаря ее описанию и установлению ее обязательных и факультативных концептуальных признаков станет возможным определить особенности модификации и траекторию изменения семантики лексем в определенных дискурсивных условиях в аспекте лингвосинергетического учения, что выносится на перспективу настоящего исследования.

Последнее также актуально для исследования концепта и преимущественно его пересечения с ментальными структурами подобного порядка. Этот подход важен при рассмотрении открытых систем, способных к эволюции за счет переструктуризации. Такой системой, с нашей точки зрения, является концепт.

Последний открыт к поступлению новой информации благодаря пересечению с другими концептами, далее к переструктуризации на когнитивном уровне, что в естественной коммуникативной ситуации выражается в изменении семантики вербализаторов концепта и добавления семантики. Направление изменения семантики возможно отследить благодаря поэтапной работе с ментальной структурой концепта и учете ее модификаций с позиций лингвосинергетики. Вопрос переструктуризации и отражения этого процесса на уровне естественного языка будет осуществляться посредством контекстуального, дефиниционного анализа, когнитивной интерпретации на уровне языка и



посредством методологии лингвосинергетики с учетом процесса пересечения концептов на концептуальном уровне. Эта комбинация методов позволит нам выявить не только принципиальные направления модификации семантики в контексте, но и механизм приращения этого значения на концептуальном уровне, который обеспечивает адекватное понимание значения.

Работа в направлении лингвоаксиологии также является приоритетным направлением, поскольку благодаря ей становится возможным проследить особенности ценностного и оценочного восприятия действительности. Именно с учетом методологии лингвоаксиологии были выявлены принципиальные концептуальные составляющие искомой ментальной структуры, описаны их неотъемлемые характеристики.

Синергетическое движение в направлении эволюции концепта при приращении к нему дополнительных смыслов, легко транслируемых в семантике лексических единиц, происходит благодаря факторам, запускающим этот механизм. Иными словами, в процессе речевой ситуации коммуниканты мотивированы употреблять те или иные лексемы для достижения полноценного прагматического эффекта. Запуск хаотического состояния самоорганизующейся системы концепта осуществляется за счет определенных факторов. Последние исследованы в психологии и психолингвистике в актуальном на сегодняшний момент деятельностном подходе к языку, который постулирует влияние целей, операций по поиску лексических средств для решения коммуникативной задачи.

Исследование таких факторов даст возможность наиболее объективно представить сам механизм запуска и работы открытой самоорганизующейся системы концепта.

Методология когнитивной науки, лингвосинергетики, деятельный подход, лингвоаксиология в сочетании с традиционными методиками частного лингвистического анализа направлены на поиск общих оснований описания оценочного потенциала лексем. Выбор исследовательской языковой палитры обусловлен необходимостью быть максимально объективными в поиске наиболее общих принципов приращения оценочного значения, а также целью выработки общих принципов, актуальных для исследования любой лексики независимо от тематической, частеречной принадлежности и языковых групп.

Однако первичный лингвистический анализ лексем, способных актуализировать концепт оценки на системном и/или функциональном уровне, показывает, что не все лексемы одинаково передают оценочное значение. В связи с этим возникает необходимость упорядочить рассматриваемую лексико-семантическую систему вербализаторов концепта и условно определить каждой лексеме место по ядерно-периферийному принципу. При этом напомним, что концепт «Оценка» выступает в качестве универсальной категории, имеющей общие когнитивные основания или инварианты, которые способствуют пониманию в процессе межкультурной коммуникации, и вариативные составляющие, обеспечивающие профилирование той или иной грани ситуации оценки.

Процесс работы в когнитивном направлении с учетом передовых постулатов отечественных и зарубежных ученых позволяет предположить тот факт, что концепт «Оценка», согласно классификации, предложенной авторитетными лингвистами, ассоциируется с абстрактным универсальным. Однако оговорим тот факт, что ценностная шкала разнится от одной лингвокультуры к другой, соответственно, концепт «Оценка» прямо пропорционально зависит от системы ценностей, а кроме того, имеет различные средства вербализации.

Эти средства вербализации своей семантикой тянутся к прототипическим, то есть к так называемым лучшим образцам категории. И в соответствии с ними как базисной когнитивной основой они могут быть ранжированы по ядерно-периферийному принципу (Беляевская, 1992; Rosch, 1975).

Прототип – это некий условно лучший образец категории, который создает благоприятные условия для идентификации и установления место остальных образцов категории (Rosch, 1975; Givón, 1984; Geeraerts, 1983; Taylor, 1995; Болдырев, 2003).

При этом свойства прототипа одновременно присущи всем элементам категории (Lakoff, 1987). Подобные прототипические сцены выступают в качестве базиса знаний человека о мире (Филлмор, 1988; Демьянков, 2003), впоследствии позволяют организовывать знания индивида независимо от того, где и когда они впервые встретились.

В качестве прототипической выступает лексема, ассоциированная с целой сценой-прототипом, несущей актуальную информацию, не связанную с какой либо добавочной информацией (Дейк, 1989).

Учитывая то обстоятельство, что сама по себе оценка – феномен полярный, а также опираясь на экстралингвистические данные и ассоциируя ее со шкалой системы ценностей, полагаем, что прототипическими лексемами в каждом из рассматриваемых нами языков являются диады лексем «хороший/плохой», «good/bad» и «malamu/mabé».

Обоснуем сказанное на примере русского языка в корреляции с ментальной структурой оценки. Обратимся к словарным дефинициям лексем «хороший» и «плохой». Итак, толковые онлайн словари трактуют адъектив «хороший» следующим образом:

1. Обладающий положительными качествами или свойствами, вполне удовлетворительный, такой, как следует; ант. дурной, плохой.
2. только кратк. То же, употр. для выражения иронического отношения к кому-чему-нибудь, пренебрежительно - неодобрительной оценки кого-чего-нибудь (разг.).
3. вполне достойный, приличный (см. приличный в 1 знач.).



4. Значительный, вполне достаточный.

5. Близкий, искренний, исполненный дружбы, дружеских отношений.

6. только кратк., со словом «собою» или без него. Красивый, очаровательный по внешности (Словари..., 2014).

И прилагательное «плохой»:

1. Лишенный положительных качеств или свойств, вызывающий отрицательную оценку; противоп. хороший.

2. Дурной в моральном отношении, вызывающий моральное осуждение, нехороший (разг.).

3. Неприятный, гнетущий, дурной, безрадостный.

4. Недостаточный для какой-н. цели, непригодный, слабый (разг.).

5. только кратк. формы, в знач. сказуемого. Слаб, не подает надежд на выздоровление (о больном).

6. в знач. сказуемого пло́хо, кому-чему (разг.). О плохом физическом самочувствии, о крайне болезненном состоянии (Словари..., 2014).

Как следует из представленных словарных дефиниций полярные лексемы «хороший/плохой» актуализируют все обязательные концептуальные элементы «модус», «объект», «отношение», «субъективность/объективность» («Мнение о ценности, уровне или значении кого-, чего-нибудь»).

Концептуальные признаки «модус» и «отношение» эксплицированы в такой части дефиниции как «лишенный положительных качеств или свойств, вызывающий отрицательную оценку» и «обладающий положительными качествами или свойствами, вполне удовлетворительный». То обстоятельство, что каждый из пунктов словарной статьи эксплицирует существование некоего положительно или отрицательно характеризуемого феномена позволяет говорить об экспликации и актуализации элемента «объект». Касательно актуализации компонента «субъективность/объективность», в данном случае вопрос касается актуализации концептуального признака объективности, поскольку дихотомия «хороший – плохой» является по большей части относительно объективной категорией.

Определение адъективных лексем «хороший/плохой» и их эквивалентов в других языках в качестве прототипических также объясняется их способностью трактовать лексические единицы ядерного ряда и т.д., например:

«великолепный» - 2. Очень хороший, отличный (разг.). Великолепный работник. Великолепное вино. Он великолепно (нареч.) рисует. Великолепно (нареч.) выпался. Великолепно! (восклицание, выражающее радость, одобрение) (Словари..., 2014).

«ужасный» - 2. Очень плохой (разг.). Ужасная погода. Ужасно (нареч.) себя чувствую (Словари..., 2014).

Как было заявлено выше, прототипические лексемы являются лучшими образцами категории, которые являются аттракторами для лексем ядерного и периферийного ряда. Первые отобраны в трех группах языков также на основании способности актуализировать все отмеченные обязательные концептуальные элементы, а также один или несколько концептуальных признаков среди которых можно назвать «параметры», «интенсивность», «гендер» и т.д. Опишем процедуру определения ядерных репрезентантов.

Например, адъективная лексема «потрясающий» имеет следующую словарную трактовку: 1. прич. действ. наст. вр. от потрясать. 2. Очень сильный, крайне волнующий. Потрясающее впечатление. Потрясающий эффект. Потрясающий успех. Потрясающие события (Словари..., 2014). Из данного определения очевидно вытекает, что облигаторные концептуальные признаки «модус» и «субъективность/объективность» («крайне волнующий»), «объект» («успех», «события», «эффект») актуализируются уже на системном уровне. Кроме того, совершенно неоспорим и тот факт, что рассматриваемая лексема своим словарным значением эксплицирует концептуальный признак «интенсивность» («Очень сильный, крайне волнующий»). Обращение к контекстуальному/функциональному уровню лексемы «потрясающий» позволяет также говорить о потенциальной возможности актуализировать иные факультативные концептуальные признаки. Проиллюстрируем сказанное примером фактического материала:

Она оценивает людей так: либо – «потрясающий человек», либо – «негодяй».

Первичная интерпретация представленного выше предложения, контекстуальное употребление лексемы «потрясающий» в ситуации оценки явно эксплицирует факультативный концептуальный признак «гендер».

Таким образом были проанализированы лексические единицы ядерного ряда, которыми стали, напомним, лексемы, способные актуализировать облигаторные и любой/любые факультативные концептуальные признаки на системном уровне. В периферийную зону попадают лексемы? не актуализирующие облигаторные концептуальные признаки на системном уровне, но в определенных контекстуальных условиях проявляющие такую способность и окказионально профилирующие ту или иную грань оценки феномена. Проиллюстрируем сказанное примером. Итак, в ходе первичной верификации данных и лингвистического анализа стало известно, что терминология и этнографические номинации не имеют никакого оценочного значения, тем не менее, они были помещены в таблицы базы данных оценочной лексики на основании способности окказионально участвовать в экспликации ситуации оценки. Например, адъективная лексема «финский» в словарях

имеет следующую трактовку: финская, финское. прил. к финн (см. финны). Финский язык. Финская литература. Финский нож - короткий нож с толстым клинком, носимый в ножнах (Словари..., 2014).

В контекстуальном употреблении лексема «финский» явно имеет оценочное значение в предложении:

Оказалось, что этот парнишка неделю назад средь бела дня в отсутствие хозяев влез в форточку на первом этаже дома, похватал в квартире все, что было поценнее – шубу, шапку норковую, песчовые воротники, финские сапоги, даже часы со стенки, – завернул все в хозяйское покрывало с кровати и преспойненько вышел с узлом из квартиры (Словари..., 2014).

Коллокация «финские сапоги» говорит об актуализации концептуального признака «параметры», которая профилирует прагматическую ценность объекта для субъекта. Это дословно означает, что финские сапоги – это сапоги качественные и дорогие, особенно ценные по определенным временам. Таким образом, рассмотренные лексемы, системно не способные актуализировать обязательные концептуальные признаки, могут окказионально выступать в качестве периферийного ряда актуализаторов концепта «Оценка».

Идентичным образом были ранжированы все выбранные в качестве элементов исследовательского корпуса лексемы в каждой из рассматриваемых языковых групп. Работа в данном направлении и наблюдение за лексикой тезауруса позволили сделать немаловажный вывод о том, что некоторые из лексем периферийной зоны транслируют на функциональном уровне окказиональность в системность, то есть в нетипичном оценочном значении встречаются все чаще, что позволяет некоторым из них отражать данную особенность в лексикографическом источнике. Это обстоятельство, как предполагается, подлежит объяснению посредством соотношения лексико-семантической системы вербализаторов концепта «оценка» с синергетической эволюционирующей системой и описания специфики ее функционирования, что планируется осуществить в перспективе исследований.

### Литература

1. Беляевская, Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: когнитивные основания семантической структуры слова [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Е. Г. Беляевская. – Москва, 1992. – 401 с.
2. Болдырев, Н.Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола [Текст] / Н. Н. Болдырев // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность/вариативность / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 54 – 75.
3. Гиздатов Г.Г. Когнитивная парадигма изучения языка // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. 1.-М., 1998.
4. Дейк, Т. А. ван. Контекст и познание. Фреймы знаний и понимание речевых актов [Текст] / Т. А. ван Дейк // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / сост. В. В. Петрова. – Москва, 1989. – С. 12 – 40.
5. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; [отв. ред. М. Н. Володина]. – Москва, 2003. – С. 116 –133. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/SMI1.htm>.
6. Карабан В.И. Прагмалопка у мовознавств // Синтаксис, семантика і прагматика мовних одиниць. К.: НМКВО. – 1992. – С. 64 – 69.
7. Колшанский Г.В. Текст как единица коммуникации // Проблемы общего и германского языкознания. М.: МГУ. – 1978. – С. 26 – 37.
8. Куприева И.А. «Механизмы вербализации ментальных структур лексемами со значением «психические процессы» в англоязычном дискурсе» [Текст] И.А. Куприева // Дис-я на соискание уч.ст. д-ра филол.н., 2014. – С.43-47.
9. Словари и энциклопедии на Академике / Академик, 2000-2014. – URL: <http://dic.academic.ru/>
10. Филлмор Ч.Д. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Д. Филлмор // Когнитивные аспекты языка / сост., ред.: В. В. Петрова, В. И. Герасимова. – Москва, 1988. – С. 52 – 92. – (Новое в зарубеж. лингвистике ; вып. 23).
11. Geeraerts D. Reclassifying semantic change [Text] / D. Geeraerts // Quaderni di Semantica. – 1983. – Vol. 4, № 2. – P. 217 – 240.
12. Givón T. Syntax : a functional-typological introduction [Text] : 2 vol. / T. Givón. – Amsterdam : J. Benjamins Pub. Co., 1984-1990. – Vol. 1. – Amsterdam, 1984. – 464 p.
13. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind [Text] / G. Lakoff. – Chicago [u.a.] : Univ. of Chicago Press, 1987. – 614 p.
14. Rosch, E. H. Cognitive representations of semantic categories [Text] / E. H. Rosch // Journal of Experimental Psychology: General. – 1975. – Vol. 104, № 3. – P. 192-233.
15. Taylor J.R. Linguistic categorization ; prototypes in linguistic theory [Text] / J. R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1995. – 312 p. : graph. Darst.



УДК 81.373.6.06

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДИОМ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО  
ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА****SEMANTIC DEVELOPMENT OF IDIOMS AS A REFLECTION OF CULTURAL  
LANGUAGE DIMENSION****Д.В. Лагоденко, Ж.М. Лагоденко  
D.V. Lagodenko, Zh.M. Lagodenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: lagodenko@bsu.edu.ru, lagodenko\_zh@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* Обладая отличительным признаком, который напрямую связан с национальной картиной мира, идиомы содержат культурную коннотацию, которая интерпретируется в рамках системы ценностей данного общества. В основе мотивации значения идиом лежит внутренняя форма, изучать и рассматривать которую необходимо как в синхроническом, так и диахроническом плане. Забвение первородной внутренней формы идиомы и соответственно этимологической мотивации может происходить постепенно, равно как и переход от этимологической мотивации к синхронической. Думается, что именно симбиоз синхронического и диахронического анализа идиом, а не рассмотрение синхронии и диахронии лишь в их оппозиционности, способствует более полному раскрытию данной проблемы.

*Abstract.* For the etymological motivation represents the inner form of an idiom at the moment of its creation, it can often be unclear or opaque. The oblivion of the original inner form takes place gradually, as long as the transition from the etymological motivation to the synchronic one. As to the synchronic motivation, based on associative-figurative conception of the inner form, it is more transparent. This phenomenon is defined by some scholars as a synchronic etymology. The synchronic etymology deals with such idioms the inner form of which is partially forgotten, but can be reconstructed so far. Furthermore, the figurative base is perceived not equally by the native speakers and it suggests different interpretation or even misinterpretation of an idiom, and hence it has different contextual usage.

*Ключевые слова:* внутренняя форма слова, этимологическая мотивация, синхроническая мотивация, семантическая реконструкция, картина мира, коннотативный потенциал

*Keywords:* inner form, etymological motivation, synchronic motivation, semantic reconstruction, worldview, connotative potential.

**Введение**

Сравнение идиом различных языков выявляет сходства и различия коннотативного потенциала в данных языках. Коннотативные компоненты значения языковых единиц определяются определенными лингвистическими или экстралингвистическими факторами. Возникновение коннотаций в семантической структуре идиом может быть определено по их индивидуальной внутренней форме, их месту в семантической системе языка, или коннотативному содержанию их составляющих, а также путем выявления социально-исторического фона, особенностей современной материальной и духовной культуры нации, ее мировоззрения.

**Основная часть**

Фразеологическая картина мира выражает в яркой форме дух народа, его ментальность, усиливает культурно-исторический опыт восприятия мира в форме образных устойчивых выражений, не только называя, но в большинстве случаев оценивая явления, предметы, действия и условия. Отсюда, модели концептуализации и оценивания, представленные идиомами, могут внести свой вклад в общую картину восприятия мира.

Традиционно фразеологизмы рассматриваются, прежде всего, как способ выражения культурно-национальной и культурно-исторической специфики, поскольку компактная форма этих единиц кодирует исторический опыт этноса, его знания об окружающей действительности, устойчивое эмоционально-оценочное отношение носителей культуры к объектам бытия. Исторический аспект культуры представлен в его континууме и является связующим элементом между поколениями. Но все

же не стоит забывать, что данная функция посредника может быть задействована при условии ее существования в виде вербального знака. Культура аксиологична, так как она включает в себя наиболее значительные для человека явления, кроме того, она предлагает и модели его коммуникативного поведения. Данные модели поведения служат ориентирами для деятельности человека в обществе, включая и его языковую деятельность. Другими словами, культура находит свое отражение в языке, способствует развитию духа нации как нечто единое, объединенное.

Культурологическая информация, представленная в идиомах, не всегда очевидна, и зачастую требуется культурный комментарий для ее раскрытия. Согласно В.Н. Телия [1988], культурологический комментарий включает три вида «зон»: этимологическая справка, страноведческая справка и собственно культурологический комментарий. Этимологический анализ раскрывает образно мотивированный смысл идиом, особенно когда он затемнен; страноведческая справка связана с особенностями быта, обычаями, социально-историческими событиями народа, третий компонент объясняет культурологическое значение, представленное в идиомах. Объяснение «культурно-национальной значимости фразеологизма достигается на основе рефлексивного – бессознательного или осознанного – соотнесения ... живого значения с теми “кодами” культуры, которые известны говорящему» [Телия, 1988: 218-219].

Действительно, функция языка не может быть отделена от людей, говорящих на данном языке и от коллективной ментальности. Все изменения языка зависят от языкового сообщества, которое отдает предпочтение той или иной форме. Таким образом, язык – это феномен, который отражает любые изменения в национальной и индивидуальной картине мира и определяет появление коннотативного значения в словах, их оценочные и эмоциональные оттенки.

Обладая отличительным признаком, который напрямую связан с национальной картиной мира, идиомы содержат культурную коннотацию, которая интерпретируется в рамках системы ценностей данного общества. Отсюда, они «могут способствовать как созданию выразительности, так и образованию картины мира определенной этнической группы [Sabban, 2008: 232].

Средством воплощения культуры во фразеологизмах является образное основание, внутренняя форма фразеологизма. Во внутренней форме часто содержатся культурно-маркированные компоненты. Способом же указания на культуру, воплощенную во фразеологизмах, является интерпретация образа внутренней формы фразеологизма в знаковом культурно-национальном пространстве определенного социума. Известно, что внутренняя форма обладает психологической реальностью для носителей языка, и именно план содержания влияет на актуальное значение идиомы и ограничивает возможности ее функционирования в тексте, ее сочетаемость. Кроме того, при использовании идиомы в речи, носители языка не всегда могут отстраниться от образа, положенного в основу внутренней формы идиомы. При определенных условиях семантический остаток образного компонента идиомы может влиять на ее функционирование, равно как и «этимология данной идиомы (как фактор, участвующий в создании образности) может также ограничивать условия функционирования идиомы» [Dobrovolskij/Piirainen, 2010: 74].

Невзирая на тот факт, является ли этимология идиом понятной носителям языка или нет, она свидетельствует о том, как «народ формирует свои концептуальные и лингвистические знания и осуществляет связи в области действия» [Cacciari/Tabossi, 2009]. При рассмотрении внутренней формы идиомы не всегда возможно прочертить грань между синхронией и диахронией. Этимологическая мотивация, представляющая внутреннюю форму фразеологизма в момент его сотворения, часто может быть затемнена и непонятна, что приводит к неправоначальному употреблению идиом в речи. Кроме того, этимологическая мотивация фразеологизмов со временем может быть забыта и смениться синхронической мотивацией, которая, опираясь на современное ассоциативно-образное представление внутренней формы идиом, является более понятной и доступной для носителей языка.

Таким образом, в основе мотивации значения фразеологических единиц лежит внутренняя форма, изучать и рассматривать которую необходимо как в синхроническом, так и диахроническом плане. Думается, что именно симбиоз синхронического и диахронического анализа идиом, а не рассмотрение синхронии и диахронии лишь в их оппозиционности, способствует более полному раскрытию данной проблемы.

Забвение первородной внутренней формы идиомы и соответственно этимологической мотивации может происходить постепенно, равно как и переход от этимологической мотивации к синхронической. В этом плане особый интерес представляет синхронная этимология, которая имеет дело с фразеологизмами, внутренняя форма которых еще понятна, но ее значение теряет свою актуальность. «Одним из серьезнейших недоразумений в области этимологических исследований было игнорирование синхронического подхода к этимологии, пренебрежение к этимологии современного языка, к проверке этимологии этимологически прозрачных слов...» [Топоров, 1960: 26]. Далее ученый логично задается вопросом: «...неужели неперменным условием этимологии является наличие многовековой дистанции между временем происхождения слова и этимологом?» [там же]. Что весьма справедливо, особенно по отношению к идиоме, внутренняя форма которой воспринимается носителями современного языка не всегда однозначно, что может приводить к их различным интерпретациям, а также различной степени нюансировки значения, видением внутренней формы, мотивации.



Очевидно, что культурологическая информация воссоздается, в основном, путем все более глубокого погружения во внутреннюю форму фраземы. Однако, и детализированный анализ синхронной сущности фразеологизма, и наблюдение за его функционированием в тексте и контекстуальным отражением, и преобразованием символичности его компонентов могут способствовать реконструкции объективной этимологической информации или помочь ее скорректировать.

Как упоминалось выше, синхроническая мотивация идиомы часто не совпадает с диахронической - иногда они могут отличаться в какой-то степени, а иногда и противоречить друг другу. В связи с этим возникает вопрос: что важнее для функционирования идиом – синхроническая мотивация, отражающая новую интерпретацию значения идиомы, или диахроническая, которая передает ее этимологию? Кроме того, будучи продуктом своего времени, идиомы не могут быть объяснены без соотнесения с определенными ситуациями, которые в большинстве своем являются культурно-специфичными и этимологичны по своей природе.

С методологической точки зрения важно различать «модели концептов, представленные в языке, с одной стороны, и существующие на сегодняшний день модели концептуализации языка в речи носителей данного языка, с другой, т.е. различие между конвенциональным способом говорения и мышления» [Geeraerts, Grondelaers, 1995]. Принимая во внимание историческую природу языка, эти два фактора не всегда совпадают.

Согласно А. Саббан «референциальные фраземы тесно связаны с когнитивной областью культуры и с языком как инструментом мысли. Отсюда, они предназначены для категоризации и оценивания мира [Sabban, 2008: 236]. Иными словами, если денотативная информация «текста» идиомы является элементарным звеном для передачи смысла, то уже интерпретация денотативной информации, ее оценка с позиции ценностной картины мира, эмотивно-оценочная информация идиомы и ее культурная интерпретация находятся в прямой зависимости от культурно-языковой компетенции общающихся. Пройдя через культурную интерпретацию, образ идиомы «возвращается наполненным, обогатившимся культурно значимым смыслом; в процессе восприятия ФЕ осуществляется, таким образом, вплетение культурной семантики в языковую» [Голстой, 1995: 375].

Знания, связанные с историей культуры, не могут быть проигнорированы даже при синхронических исследованиях, которые способствуют установлению субъективной мотивации идиом носителей языка. В связи с этим данная проблема тесно связана с более общей проблемой, а именно: разделять или не разделять синхронию и диахронию при изучении вопросов, касающихся культуры.

Сравнение идиом в английской и русской лингвокультурах позволяет подчеркнуть образы, появляющиеся в сознании, которые могут совпадать или отличаться, несмотря на общий источник. Так, если посмотреть на библейские выражения, которые пришли из одного и того же источника, то логично было бы предположить, что они должны быть абсолютными эквивалентами. Но это происходит не всегда. По мнению Э. Пирирайнен «культурные компоненты, закодированные во фраземах, могут интерпретироваться как зеркало национальной культуры или национального менталитета» [Piirainen, 2008: 217].

В целом создаются предпосылки для формирования самостоятельной языковой действительности, наиболее существенными чертами которой являются: системная организация, внутренняя мотивированность знаков и, вытекающая из этого, способность к саморегуляции и саморазвитию, которая стимулировалась необходимостью обслуживать разнообразные и меняющиеся коммуникативные потребности.

Внутренняя форма в процессе исторического развития и употребления идиомы может затемниться и угаснуть по ряду причин. Однако процессу десемантизации и потери образности противостоят процессы обновления образности фразеологической единицы, что возвращает фразеологизму внутреннюю форму и экспрессивность. Фразеологическая истина – это не зеркальное отражение окружающей человека реальности, а отображение оценочное, субъективированное, в котором характеристики и масштабы изображенного могут быть весьма далеки от реальных. Реальная картина мира, конечно, отражает гораздо больше общих характеристик человеческого бытия, чем специфических. Но во фразеологическом зеркале человеческое познание помогает расставить именно те ценностные акценты, которые увидены социумом и стали своеобразными национальными и языковыми стереотипами. Вот почему многие фразеологические блоки (элементы), построенные (созданные) на вполне нейтральных реалиях, в языковом наследии разных народов укладываются (выстраиваются) по-своему, создавая национально своеобразные коннотации.

Библейское выражение 'не хлебом единым' впервые упоминается в Ветхом Завете, [Второзаконие, гл.8, ст.3]. Моисей, успокаивая свой народ, утомленный долгим возвращением из египетского плена, говорил, что Бог не зря подвергал народ израильский таким испытаниям. Данное выражение также встречается и в Новом Завете, в Евангелии от Матфея: когда Иисус был в пустыне и держал долгий пост, «приступил к Нему искушитель и сказал: если ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божих».

В англоязычной культуре фразеологизм '*not by bread alone*' обычно используется в контекстах, где наряду с предметами первой необходимости упоминаются и некие духовные потребности, которые противопоставляются материальным, такие как: любовь, дружба, искусство. В

данных ситуациях очевидна потеря связи с религией, с Богом. Кроме того, употребление данного фразеологизма без второй части широко эксплуатируется в рекламе. Например:

*Man does not live by bread alone, baby: the hilarious Amante GT brochure.*  
*Not by bread alone does man live: Potato Products.*

В современной России выражение приобрело дополнительную популярность после выхода в свет [1956 г.] романа «Не хлебом единым» Владимира Дудинцева. Смысл выражения - для полного счастья человеку мало материального благополучия, ему необходима духовная пища, моральное удовлетворение.

Хотелось бы отметить, что важна не столько степень популярности, вызванная этим романом, а то, что эта популярность послужила источником создания языковой игры, многочисленных трансформаций на базе данной идиомы: *не водкой единой пьян человек; не хлебом единым жив человек, но и воблой и пивом;* (заголовок к проведению фестиваля пива в Германии); *не нефтью одной* (заголовок к новостной ленте). Как видно из вышеприведенных примеров, значение и сфера употребления данного выражения полностью изменились. В настоящее время благодаря сарказму, присутствующему в семантике идиомы, изначальный образ, положенный во внутреннюю форму потерял свое значение. Очевидно, что первая часть идиомы остается прежней «не хлебом единым», что же касается второй части, то она имеет другой план выражения наряду с идентичным планом содержания: хлеба уже недостаточно и нужны какие-то дополнительные материальные блага, чтобы удовлетворить изменившимся со временем потребностям человека. Вот некоторые примеры:

*Не хлебом единым жив не только человек, но и человекообразные обезьяны.*

*Но, как говорится, не хлебом единым жив человек – а потому не только еда и напитки демонстрировались в холле, но и косметика, парфюмерия, а также услуги спортклуба и салона красоты.*

*Не хлебом единым жив человек – прежде хлеба он жив рекламой!*

Фраземы в отличие от лексем называют только отдельные важные, значительные моменты жизнедеятельности человека. Кроме того, то, что может быть важно для одного народа, может быть не так важно для другого. Интересно, что выражение «блаженны нищие духом» («блаженны нищие духом» ибо ... от Матфея, 5:3) никак не связано с экономическим или социальным положением. При прочтении данной идиомы может создаться ложное предположение, что бедность означает некое блаженство, ибо нищий человек получает дополнительную любовь и защиту от Бога. Данная интерпретация приводит к искажению цитаты: «Блаженны нищие, ибо их есть Царство Небесное». Это не то, что сказал Господь. Что значит быть «нищим духом»? Это то, что в основе лежит понимание вашей духовной пустоты, и что только благодаря вере, Богу вы можете ее заполнить. Речь идет об осознании духовной бедности, отсюда и осознание ваших потребностей: всякий, возвышающий сам будет унижен, и он унижающий себя возвысится [Евангелие].

Это особый вид христианского подвига возник в Византии в VI веке, но наибольшую известность он приобрел в России, начиная с XIV века. Желая просветить людей, глупые становятся для них как зеркало, пытаясь урезонить их, демонстрируют абсурдность тех пороков, которые являются общими для многих из нас. Нищие духом - это люди с сильной волей - библейские пророки, монархи, христианские святые, чей духовный подвиг превзошел все человеческие силы.

Данный фразеологизм в англоязычной культуре встречается как раз в контекстах, отражающих экономическое благосостояние:

*Blessed the Beggar: Who are the “Poor in Spirit”?* Здесь идиома обыгрывается в ситуации, при которой экономически незащищенные люди перестают верить в Бога, обвиняя его в несправедливости своего положения.

В стихотворении Элис Уоркер “Blessed are the poor in spirit”, в котором акцентируется не столько связь с Богом, сколько связь с человечеством, с ближними, автор придерживается точки зрения, что рай возможен и на Земле, если люди будут добры к друг другу:

*I, and you, might enter the heaven  
of right here  
through the door.  
In this spirit, knowing we are blessed,  
we might remain poor.*

Но что происходит с мотивацией при ослаблении связей между компонентами внутри идиомы, и, следовательно, к ее изменению. Именно это и произошло с русским эквивалентом данной идиомы. В историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» данная идиома маркирована пометой ‘неодобрит.’:

*Нищие духом. Книжн. неодобр. 1. О смиренных, лишенных гордости и собственного достоинства людях. 2. О нищих умом, лишенных духовных интересов людях. Выражение старославянское, заимствовано из Евангелия (Матфей, 5, 3; Лука, 6, 20), где оно характеризует смиренных, лишенных гордыни людей.*

В русскоязычном варианте данная идиома распалась на две самостоятельные части: «блаженный» и «нищие духом». Рассмотрим лексему «блаженный». «Блаженный» - это самый счастливый человек, потому что он может видеть Господа на небесах. В «блаженном неведении» - это состояние счастливого неведения», которое используется с иронической маркировкой. В лексеме



‘блаженный’ совмещено два противоречивых значения: первое – с позитивной коннотацией ‘самый счастливый человек’; второе – с отрицательной коннотацией ‘глупый, странный человек’, изначально означающее ‘юродивый’, а со временем они становятся синонимами. В русском языке такие выражения как ‘блаженный взгляд, блаженная улыбка, блаженное неведение’ весьма популярны и имеют значение «недостатка знаний или незнания о существовании какого-либо несчастья или стихийного бедствия». Иногда блаженными называли юродивых.

‘Юродивый’ (от старо-славянского ‘дурак, безумный’) – человек, взявший на себя подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения, другими словами, – намеренное старание казаться глупым, безумным. В православии юродивые – слой странствующих монахов и религиозных подвижников. Целью предполагаемого безумия (юрродство Христа ради) являлось внешнее обличение мирских ценностей, сокрытие своих достоинств и предание себя бесчестью и проклятию. Оставление позади всех мирских ценностей, аскетический образ жизни, мудрость, выраженная во внешнем безумии – все это является одной из граней святости. Люди часто находили глубокий смысл в бессознательных действиях юродивых, которые на их взгляд обладали даром предчувствия и предвидения.

Таким образом, изначально это выражение означало людей, которые считают себя недостойными, и поэтому ищут праведную жизнь, чтобы заработать самые высокие небесные благословения. Позже благодаря неправильной интерпретации данное выражение стало использоваться по отношению к людям «бедных разумом», “лишенных духовной жизни”.

Согласно В.Г. Гаку человек «не способен воспринимать ничего абсолютно нового. Прежнее наименование ассоциируется с некоторыми уже известными представлениями, оказывается тем мостиком, который человеческое сознание перебрасывает от известного к неизвестному» [Гак, 1998: 356]. Поэтому в синхронной мотивации внутренней формы данной идиомы можно проследить связь между мотивацией значения, которое развивается по аналогии: если “бедный” – это “человек, без денег”, то следовательно, “нищие духом” – это “люди, без потребностей”, что явно противоречит изначальной идее.

### Выводы

При анализе идиом весьма проблематично отследить психологическую реальность синхронной релевантности. Причиной этого, в основном, является временная дистанция между созданием идиомы и ее использованием. Кроме того, носитель языка не всегда способен реконструировать тот образ, который лег в основу внутренней формы данной идиомы.

Таким образом, два аспекта внутренней формы идиом и их мотивации – этимологический и синхронический – активно взаимодействуют между собой и способствуют более глубокому изучению семантического развития идиом, что, безусловно, создает более полную картину моделирования внутренней формы идиом, а также мотивированности их значения. В свою очередь синхронная этимология, способствующая более глубокому и правильному разъяснению образа, значения и употребления фразеологической единицы, приводит к улучшению качества фразеологических словарей, повышению фразеологической грамотности.

### Литература

- Бирих А.К. 2007. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф.словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., Астрель: АСТ: Хранитель, 926.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий 2006. Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М., АСТ-ПРЕСС КНИГА, 784.
- Гак В.Г. 1998. Языковые преобразования. М., Высшая школа, 768.
- Телия В.Н. 1988. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. В кн. Роль человеческого фактора в языке. М., Наука, 173-204.
- Толстой Н.И. 1995. Язык и народная культура. В кн. Очерки по славянской мифологии и этимологии. М., Индрик, 375.
- Топоров В.Н. 1960. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа. Вопросы языкознания, 3: 24-35.
- Cassiani C., Tabossi P. 2009. Preface: Idioms: processing, structure, and interpretation. New York, London: Psychology Press: 278.
- Collins Cobuild Idioms Dictionary. 2007. Glasgow: Harper Collins Publishers: 409.
- Dobrovolskij D., Piirainen E. 2010. Idioms: motivation and etymology. In: Yearbook of phraseology. Berlin, New York: Walter de Gruyter, Mouton: 73-96.
- Oxford Idioms Dictionary for Learners of English. 2006. Oxford: Oxford University Press: 465.
- Piirainen E. A 2008. Cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms. In: Phraseology: an interdisciplinary perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co: 243-258.
- Sabban A. 2008. Critical observations on the culture-boundness of phraseology. In: Phraseology: an interdisciplinary perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co: 227-241.
- Terban, Marvin, 2006: Scholastic Dictionary Idioms. New York: Scholastic Inc: 298.



УДК 811.111

**ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИ РЕПРЕЗЕНТИРУЕМЫХ КОНЦЕПТОВ  
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ****TYPES OF PHRASEOLOGICALLY REPRESENTED CONCEPTS IN ENGLISH****В.Л. Малахова  
V.L. Malakhova***Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,  
Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76**Moscow State Institute of International Relations at Ministry for Foreign Affairs of Russia,  
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia**E-mail: mv313@yandex.ru*

*Аннотация.* Статья посвящена исследованию фразеологии с позиций когнитивного подхода. В сфере внимания вовлекаются семантические и стилистические особенности функционирования фразеологически репрезентируемых концептов в английском языке. Автор обосновывает целесообразность применения принципов когнитивизма к изучению фразеологической системы английского языка, описывает перспективы исследования в ракурсе выбранного лингвистического направления, показывает возможность изучения фразеологических единиц с новых позиций. В результате исследования были выявлены такие типы фразеологически репрезентируемых концептов, как мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии (скрипты). Автор описывает основные характеристики и особенности выделенных типов фразеологических концептов, иллюстрирует их примерами.

*Abstract.* The article is devoted to the investigation of the phraseology from the standpoint of the cognitive approach. The attention is paid to semantic and stylistic features and functions of phraseological concepts in the English language. The author proves the feasibility of applying the principles of cognitivism to the study of phraseological system of the English language, describes the prospects of the research from the perspective of the selected linguistic area, shows the possibility to study phraseological units from new points of view. The author searches out such types of phraseologically represented concepts as reflective pictures, schemes, frames, scripts, describes their main characteristics and features, gives illustrating examples.

*Ключевые слова:* Английский язык, когнитивный подход, фразеологический концепт, репрезентация, типы, мыслительная картинка, схема, фрейм, сценарий (скрипт).

*Key words:* English, cognitive approach, phraseological concept, representation, types, reflective picture, scheme, frame, script.

В современной лингвистической науке все чаще прослеживается тенденция изучения языка с учетом его участия и функционирования в процессах жизнедеятельности человека. Значительную роль в сфере подобных исследований играет когнитивная лингвистика, принципы которой целесообразно применять и к изучению фразеологии. Использование когнитивного подхода при рассмотрении фразеологии дает возможность выявить роль фразеологических единиц в категоризации знаний о мире, а также описать их семантические и стилистические особенности. Таким образом, благодаря когнитивной лингвистике можно получить более полный и подробный анализ фразеологических единиц и фразеологии в целом.

Целью данной работы является выявление и описание типов концептов, которые репрезентируются во фразеологической семантике современного английского языка. В рамках поставленной цели представляется целесообразным достижение следующих задач: рассмотрение когнитивного подхода и его основных принципов для применения в исследовании; выявление и анализ различных подходов к определению понятия «концепт», которое является одним из центральных в когнитивной лингвистике; описание структуры концепта и способов его репрезентации; выявление и описание типов концептов во фразеологической системе английского языка; изучение специфики фразеологических концептов и особенностей их функционирования в дискурсе. При исследовании были использованы следующие методы: метод лингвистического наблюдения и описания, метод компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций,



метод концептуального анализа, метод корреляционного анализа, а также теоретические методы исследования: анализ литературы, научных работ других исследователей по теме.

Исследование фразеологии с позиций когнитивного подхода позволяет установить механизмы и степень участия фразеологических единиц в процессе отражения знаний и представлений человека об определенном объекте или явлении внеязыковой действительности. При этом особое внимание уделяется закономерностям познания человеком окружающей его реальности и участия языка в этом процессе, специфике человеческого мышления, а также правилам и нормам коммуникации. Как уже было отмечено, актуальность применения когнитивного подхода к исследованию фразеологических единиц заключается в возможности их классификации и категоризации. Это, в свою очередь, приводит к тому, что фразеологическая единица представлена в виде концепта, в основе структуры которого лежат специфические иерархические отношения и части которого заполняются конкретной информацией, отображающей представления людей о той или иной сфере действительности.

Специфика фразеологических единиц заключается в том, что выражаемые ими смыслы неразрывно связаны со структурами их репрезентирующими. Это обуславливает сложность правильного выбора и понимания фразеологических структур при порождении и восприятии речи. Когнитивный аспект в изучении фразеологии предполагает не просто описание объективных характеристик какой-либо ситуации, а скорее учет специфики ее восприятия, наличия необходимых знаний, способствующих этому, интенций, выбора дальнейшей перспективы, концентрации внимания на определенных элементах ситуации.

Итак, использование принципов когнитивного подхода к изучению фразеологии позволяет учитывать специфичность внешней формы и внутреннего содержания фразеологических единиц, сложность их функционирования, которая затрудняет правильное конструирование высказывания, с одной стороны, и его адекватное понимание, с другой.

Одним из основных понятий, используемых в рамках когнитивизма, является понятие «концепт». Согласно определению, данному Е. С. Кубряковой, концепт – это оперативная содержательная единица мышления, единица, или квант структурированного знания. Являясь дискретной единицей сознания человека, концепт отражает предметы и явления окружающего мира, хранится в национальной памяти носителей языка и занимает определенное место в национально обусловленной концептосфере языка [Кубрякова и др. 1996].

В процессе мыслительной деятельности человек оперирует концептами как единицами знания, структурированного определенным образом, комбинируя между собой существующие и формируя новые. Все знания человека, его опыт, полученные в процессе жизнедеятельности, результаты познания им окружающего мира предстают в виде концептов, которые в дальнейшем образуют систему знаний о мире, обобщая тот или иной фрагмент реальности, концепты возникают в процессе категоризации мира. Концепты определяют, как предметы или явления окружающего мира связаны между собой и как они категоризируются. Категоризация представляет собой анализ, осмысление, сортировку и группировку объектов реальности по их сходству или подобию. Иными словами, объекты выступают в качестве представителей определенного класса, или категории, подобных им объектов. В результате категоризации формируется типовой образ – прототип. Прототип понимается как ассоциация, возникающая в связи с определенной категорией, и характеризуется тем, что отражает категориально существенные свойства нашего представления об объекте, насколько он приближен к типичной или репрезентативной сущности концепта [Бабушкин 1996].

Формирование концептов в сознании человека опосредованно следующим:

- его чувственным опытом;
- его предметной деятельностью;
- мыслительными операциями с другими, уже существующими в сознании индивида концептами, результате чего могут возникать новые концепты;
- языковым общением.

Концепт формируется в сознании человека как чувственный образ, который в дальнейшем подвергается абстрагированию и превращается в образ мыслительный. При этом не теряет своей образной природы.

Итак, концепт представляет собой явление, одновременно свойственное не только разным уровням, но и относящееся к разным сферам – логической, интуитивной, индивидуальной, социальной, сознательной и бессознательной. В широком смысле концепт понимается как «универсальная единица предметного кода или оперативная содержательная единица, через которую осуществляется мировидение» [Фурманова 2002: 87]. Репрезентируемая концептами вербальная и невербальная информация формирует в сознании человека некую концептуальную систему, состоящую из образов, представлений, понятий и оценок. Концепт имеет вербальную и невербальную формы и определенную нежесткую структуру.

Говоря о структуре концепта следует особо отметить то, что для нее не типична жесткость, статичность. Это обусловлено тем, что она не имеет четких границ, фиксированной последовательности слоев и зависит от особенностей формирования концепта у каждого человека. Кроме того, постоянное оперирование концептами в процессе мышления, а также его взаимодействие с другими концептами приводит к активизации разных его составляющих, аспектов, характеристик, которые ложатся в основу его структуры в конкретной ситуации. Структура концепта может быть представлена по-разному. Так, например, в рамках теории З. Д. Поповой и И. А. Стернина концепт описывается в виде поля, которое обладает ядром и периферией [Попова, Стернин 1999]. К ядру исследователи относят наиболее чувственно-наглядные, конкретные, яркие образы, в то время как абстрактные представления образуют периферийные слои концепта. Однако периферийным концептуальный признак делает не его малозначительность в общем поле концепта, а его меньшая конкретности, наглядность и образность.

Как было отмечено, концепт индивидуален по своей природе. Однако на коллективном и национальном уровнях его содержание подвергается некоторой стандартизации. На основе этого в структуре концепта появляются соответствующие компоненты: групповой (характеристики, присущие той является его основным, главным слоем. К нему в дальнейшем добавляются дополнительные характеристики, слои и элементы. Конкретно-образные характеристики, или иной социальной, возрастной, профессиональной, половой и т.д. группам), региональный (характеристики, отражающие специфику конкретного региона) и общенациональный.

Далее рассмотрим классификации концептов, разработанные разными исследователями на основе разных признаков.

Так, Н. Ф. Алефиренко выделяет два типа концептов:

логические концепты – мыслительные образования, фиксирующие в сознании множество однородных предметов;

ономатопозитические концепты – мыслительные образования, не обладающие жестко детерминированной связью с реальной действительностью; на их основе формируются переносные значения слова и фразеологические единицы [Алефиренко 2000].

В классификации З. Д. Поповой и И. А. Стернина концепты подразделяются на следующие типы [Попова, Стернин 1999]:

Представление – обобщенный чувственный образ предметов и явлений.

Схема – пространственно-графический или контурный концепт, промежуточный типом концепта между представлением и понятием, которому присуща определенная степень абстракции.

Понятие состоит из наиболее общих, существенных, рациональных признаков предмета или явления и формируется на базе представления или схемы в результате абстрагирования от второстепенных, индивидуальных чувственно-воспринимаемых признаков объекта действительности, а также в результате взаимодействия с мыслительными компонентами других концептов.

Фрейм представляет собой многокомпонентный концепт, объемное представление, совокупность знаний о предмете или явлении. Фрейм отражает структуру научно-практической деятельности в сознании человека. Иерархическая структура данного типа концепта фиксирует разнообразные отношения – родо-видовые, причинно-следственные и другие. Фрейм отражает знание об определенной области действительности и представляет его в виде организованной определенным образом структуры.

Сценарий (скрипт) – последовательность эпизодов, элементов для которой типично некое развитие. Сценарий можно сравнить с фреймом, разворачиваемым во времени и пространстве.

Гештальт – комплексная целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт объединяет чувственные и рациональные элементы, а также сочетает динамические и статические аспекты объекта или явления, отображаемого в сознании.

Наиболее полная классификация концептов разработана Н. Н. Болдыревым. Он подразделяет концепты по содержанию и степени абстракции на следующие основные типы: конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт.

Конкретно-чувственный образ – это отпечаток конкретного предмета или явления в сознании человека, содержащий наглядные, внешние характеристики.

Представление (или мыслительная картинка) также передает обобщенные чувственные образы объектов и отражает совокупность их наиболее наглядных, внешних признаков, однако обладает большей степенью абстрактности.



Схема – это мыслительный образ предмета или явления, для которого типичен пространственно-контурный характер. Иными словами, это некий контур, схематичное представление.

Понятие включает в себя наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные характеристики. Формирование понятие осуществляется на основе представления или схемы в результате отсекаания второстепенных признаков.

Прототип характеризует объект, который является типичным для определенной категории. С помощью концептов данного типа человек структурирует свои знания и представления о предметах и явлениях реальной действительности в виде категорий.

Пропозициональная структура, или пропозиция – представляет собой некую модель определенной области знаний и опыта индивида, включающая в себя элементы (аргументы и базовый предикат), их характеристики и связи между ними. Данные концепты передают объекты с их свойствами и реально существующими отношениями. Поэтому имеют объективный характер.

Фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации.

Сценарий, или скрипт – это фрейм, представленный в динамике, т.е. разворачивающаяся во времени определенная последовательность событий.

Гештальт представляет собой концептуальную структуру, которая совмещает в себе как чувственные, так и рациональные компоненты. Гештальт может пониматься как начальная ступень процесса познания – самые общие, нерасчлененные знания. В то же время гештальт выступает и в качестве наивысшей ступени познания, когда человек обладает исчерпывающими знаниями об объекте, владеет разными типами концептов [Болдырев 2001].

Как показывает представленный анализ, каждый тип концепта репрезентирует знания человека о мире, его опыт как некую составляющую более сложной ментальной структуры, описывающую определенную ситуацию.

Итак, знания о мире представлены в сознании человека в виде концептов, которые обладают разной степенью сложности и абстрактности. Структура концептов не является застывшей, в ней все время появляются новые, индивидуальные характеристики. Сложность структуры, объемность содержания концептов, разнообразие способов их репрезентации подчеркивает неоднородный характер предметов и явлений окружающего мира. Это, в свою очередь, обуславливает многообразие и разноплановость языковых средств, используемых для их выражения. По способу репрезентации в языке выделяют лексические, грамматические и фразеологические концепты. Предметом рассмотрения в данной работе являются фразеологические концепты. Под фразеологически репрезентируемыми концептами мы понимаем концепты, передаваемые значениями фразеологических сочетаний.

Фразеологический концепт, как и лексический, обозначает то, что находится вне его самого. Но в отличие от лексического, фразеологический концепт является обозначением не только простого денотата (предмета в широком смысле слова), но и сложного, под которым понимается внеязыковая ситуация. Кроме того, фразеологически репрезентируемый концепт является единицей вторичной номинации, в основе которой лежит три ступени абстракции: понятие – образное представление – денотат. Фразеологический концепт – это «результат актов вторичной номинации, в основе которой лежит ассоциативная деятельность человеческого мышления» [Меликян 2000: 16].

В рамках когнитивного подхода фразеологически репрезентируемый концепт представляет собой текст. В своем содержании он включает денотацию, оценку, мотивацию, эмотивность и стилистическую маркированность. Кроме того, фразеологический концепт отображает культуру и традиции того или иного народа, поскольку обладает культурно-национальным элементом и в процессе употребления воспроизводит черты, типичные для конкретного народа.

Являясь единицей вторичной номинации, фразеологические концепты понимаются не буквально, а фигурально, т.е. в переносном, метафорическом, смысле. За ними стоят устойчивые концептуальные понятия, которые формируются лишь на определенном уровне развития человека. До этого он не обладает способностью осознавать двуплановость фразеологического концепта, поскольку у него нет достаточного коммуникативного опыта для понимания вторично-номинативного кода. В основе образной системы многих фразеологизмов могут находиться либо базовые, либо индивидуальные метафоры.

Фразеологические единицы занимают в семантическом пространстве любого языка особое место, т.к. они являются культурно-специфической формой репрезентации уникальных знаний и представлений индивида языкового коллектива. Опираясь на идею Е. С. Кубряковой о наличии внутри концептуальной картины мира, наряду с двумя зонами языкового воздействия, третьей зоны, в которой концепты мыслятся в каком-то невербальном субстрате (образов, схем, стереотипов, представлений), О. И. Быкова делает предположение о том, что именно в этой

третьей зоне, лежащей на стыке двух первых зон, формируются этноконнотации фразеологических концептов. Их культурно маркированные коннотативные значения как структуры глубинного содержания комплексного языкового знака, какой является фразеологическая единица, в культурной памяти этноса соотносятся с базисными кодами культуры (мифом, фольклором, литературным/философским произведением) [Быкова 2002]. На уровне глубинной семантики фразеологизмов содержатся кванты знаний, указывающие на культурно-историческое участие знаков при образовании нового понятия. Фразеологические концепты функционируют как семиотические символы культурно-специфической коммуникации, отражающие культуру разных народов и эпох. Репрезентация реального мира с помощью фразеологически репрезентируемых концептов носит образный, социокультурный характер и приобретает определенные специфические черты, свойственные только данному национальному общественному сознанию.

Внеязыковая действительность у разных народов по-разному отражается через понятие и, далее, словесное выражение. Поэтому репрезентация действительности с помощью фразеологически репрезентируемых концептов раскрывает особенности видения мира, образ жизни, понятийного мышления, культуры социума. Поскольку практически каждый фразеологический концепт включает в план содержания особый национально-культурный компонент, это осложняет процесс межкультурного общения, т.к. восприятие коммуникантами обозначенным этим фразеологизмом объекта основывается на разных ассоциациях. Кроме того, присущие фразеологическим концептам культурно-исторические ассоциации также могут осложнять их адекватную интерпретацию представителями других культур.

Фразеологически репрезентируемые концепты обладают образно-метафорическим, т.е. фигуральным значением, что обуславливает отсутствие их абсолютных эквивалентов в других языках. Это объясняется, с одной стороны, их национально-культурным своеобразием и, с другой стороны, различиями во вторичной номинации. Как следствие, наблюдаются различия либо в плане содержания идиом, либо их форм.

Фразеологически передаваемые концепты отображают национально-культурную специфику языка в большей степени, чем лексически передаваемые концепты. Они наиболее четко фиксируют в знаковой форме явления материального и духовного мира человека, отражают систему ценностных, моральных, этических и эстетических ориентаций определенного лингвокультурного сообщества, а также особенности его менталитета. Более того, фразеологические концепты ярче, чем лексические подчеркивают свойства, качества, состояния, характеристики объекта за счет образного восприятия. Языковая значимость фразеологизмов обусловлена их способностью выражения субъективных аспектов восприятия мира.

Метафорическая образность фразеологически репрезентируемых концептов приводит к сложностям в восприятии их значения представителями разных языковых сообществ и, как следствие, к невозможности в большинстве случаев дословного перевода. Например, если английские идиомы *a fish out of water* (человек не в своей стихии), *armed to the teeth* (вооруженный до зубов), *of two evils choose the lesser* (из двух зол выбирают меньшее) [Большой англо-русский фразеологический словарь 1998] имеют практически идентичное русским значение, то такие фразеологизмы, как *smell a rat* (чувать недоброе, неладное, подозревать нечестную игру), *a small fortune* (кругленькая сумма, целое состояние), *take a leaf from/out of smb's book* (брать пример с кого-л., следовать чьему-л. примеру, подражать) [Большой англо-русский фразеологический словарь 1998], требуют особого осмысления. Поэтому на другие языки они передаются с помощью фразеологических эквивалентов или аналогов. Специфика мировосприятия разных этносов, отображаемая фразеологическими концептами, может проследиваться даже в близких по форме и значению идиомах. Например, при сопоставлении английской и русской идиомы *to throw dust in/into someone's eyes* и пускать пыль в глаза кому-л. мы наблюдаем совпадение их форм и общего значения. Тем не менее, при абсолютной идентичности образной составляющей данным идиомам существенные различия оттенков значения. Так, английская идиома толкуется как *to confuse someone or take his attention away from something that one does not wish him to see or to know about* (сбивать с толку кого-л., отвлекать внимание кого-л. от чего-л., чего он, по мнению субъекта, не должен видеть или знать) [МакКормак 1990], в то время как русская идиома подразумевает с помощью эффектных поступков или речей представить кому-л. себя или свое положение лучше, чем они есть в действительности [Гуревич, Дозорец 1995].

Особенно сложными для правильного понимания представляют собой фразеологически репрезентируемые концепты, в структуру которых входят слова-реалии, типичные только для культуры определенного народа и не имеющие эквивалентов в других языках. Например, в русском языке это могут быть такие слова-реалии, как самовар, лапти, щи и др., выступающие главным компонентом в идиомах *ездить в Тулу со своим самоваром*, *не лаптем щи хлебать* и т.п. В английском языке это могут быть такие слова-реалии, как *the House*, *the Chiltern Hundreds*, др. и соответствующие идиомы *the floor of the House*, *to accept the Chiltern Hundreds* и др. Подобные



фразеологические концепты, участвуя в процессе концептуализации того или иного фрагмента действительности, наиболее ярко отражают национально-культурную специфику народа.

Тот факт, что одни фразеологические концепты легко понимаются представителями разных культур, а другие – нет, можно объяснить с помощью когнитивной теории метафоры (см., например, [Longman Dictionary of English Idioms 1979]). Это зависит в первую очередь от того, насколько различны концептуальные структуры, стоящие за соответствующими языковыми выражениями в разных языках. Когнитивно значимые различия, а, следовательно, сложности восприятия фразеологических концептов, прослеживаются при несовпадении когнитивных метафор.

Одним из существенных признаков фразеологических концептов является наличие в их семантике оценки. Эта оценка может быть как рациональной, так и эмоциональной (эмотивной). Рациональная оценка выражает мнение, она изначально закреплена во фразеологической единице, чаще всего постоянна, а не ситуативна. В отличие от рациональной оценки эмотивная оценка выражает чувства и отношение. Она непостоянна, может меняться в зависимости от контекста. В то же время определенный набор некоторых эмотивных оценок потенциально заложен во фразеологическом концепте, и в конкретной ситуации актуализируется один из возможных вариантов, чем вызывается необходимый перлокутивный эффект. Какой именно оттенок оценки будет обыгран в той или иной ситуации – зависит как от семантического, так и грамматического контекста.

Наличие оценочной составляющей в содержании фразеологически репрезентируемого концепта предполагает появление отрицательного, положительного и нейтрального фразеологического значения. В их основе лежат осуждение, одобрение или нейтральное отношение при описании какого-либо предмета или явления. Поэтому функция фразеологически репрезентируемого концепта не только называть, но и характеризовать объект реальной действительности, выражать положительное, отрицательное или нейтральное отношение к нему говорящего.

Еще одним характерным для фразеологических концептов свойством является экспрессивность. Экспрессивность предполагает, что когнитивные состояния человека обуславливают выбор конкретных фразеологических концептов и построение речи с определенной эмоциональной окраской. В результате речь приобретает значительную воздействующую силу, определенный прагматический эффект. Благодаря своей экспрессивной функции, ориентированной на выражение субъективных аспектов восприятия мира, фразеологические концепты обладают способностью усиливать или ослаблять качество действия или признака.

Необходимо также рассмотреть особенности семантики фразеологических концептов, которая характеризуется целостностью, идиоматичностью, единством, устойчивостью, обобщенностью, метафоричностью. Специфика семантики, или значения, фразеологически репрезентируемого концепта заключается в том, что она представляет собой устойчивую, фиксированную информацию, не порождаемую в каждом новом случае. Значительная роль в семантической структуре фразеологических концептов принадлежит коннотативному аспекту, благодаря которому происходит осложнение семантики данного типа концептов. Коннотация является важным элементом семантической структуры фразеологически репрезентируемого концепта, поскольку определяет его информативную ценность. Значения фразеологических концептов отражают взаимодействие человека и мира, которое проявляется как в чувственном восприятии мира, так и в оценочном отношении человека к миру. Они передают эмоциональные состояния и переживания человека и, следовательно, содержат в себе признак эмоциональности, ту или иную направленность которому придает определенное оценочное отношение. Таким образом, функция фразеологически репрезентируемых концептов состоит в выражении эмоционально-оценочного отношения человека к объекту реальной действительности.

Таким образом, фразеологический концепт обладает более сложной, чем слово, семантикой. Он является единицей устойчивого, постоянного контекста и по степени своей информативности представляет собой свернутый текст. Эти особенности фразеологически репрезентируемых концептов в основном обусловлены особенностями их внутренней формы и содержания.

Процесс вербализации концептов фразеологическими средствами состоит из нескольких этапов. Вначале осуществляется осмысление того или иного концепта. Человек соотносит в своем сознании смысловое содержание фразеологически репрезентируемого концепта с формой соответствующей фразеологической единицы. Затем происходит наложение вербальной структуры, в данном случае фразеологической единицы, на предварительно сформировавшиеся невербальные представления о предмете предстоящего высказывания.

Следует также отметить, что правильное понимание фразеологически репрезентируемых концептов обусловлено не только определенными фоновыми знаниями, но и дискурсом в целом.

Несмотря на то, что фразеологически репрезентируемый концепт по своей структуре соотносим со свернутым текстом, для активизации точного значения фразеологического концепта необходим соответствующий контекст, что позволит выстроить такую речевую структуру, которая бы полностью удовлетворяла условиям и целям акта коммуникации. Представляя собой, по сути, стереотипные заготовки, фразеологически репрезентируемые концепты раскрывают свое значение в конкретной ситуации, в определенной системе дискурса. В качестве примера возьмем фразеологизм *to put (the) words in smb's mouth*.

(1) You can't put words into the mouth of the witness [Gardner, 1969, p. 107].

(2) 'Come on, Mal, I never said that, nor did I even remotely imply it!'

'I'm not being accusatory, or trying to put words in your mouth. Still, it might well have been so.' [Bradford, 1996, p. 263].

В примере (1) данный фразеологически репрезентируемый концепт имеет значение «заставить кого-либо высказать те или иные мысли», в то время как в примере (2) – значение «приписывать кому-либо то, что он не говорил». Тот или иной смысл активизируется под действием общего дискурсивного пространства.

В качестве еще одного примера можно привести фразеологически репрезентируемый концепт *cool one's heels*, который может интерпретироваться как *be kept standing and/or waiting (usually with some loss of dignity)* и как *be preventing from doing something one wants to do until some time has elapsed* [Cowie et al., 1997, p. 116].

(3) Now what? He had hours to kill before his flight from Boston, and he had no wish whatsoever to sit around an airport, cooling his heels [Marton, 1999, p. 37].

В данной ситуации под воздействием дискурсивного пространства у представленного фразеологически репрезентируемого концепта активизируется значение «дождаться».

Репрезентация концептуального содержания с помощью фразеологических средств может рассматриваться как особый способ представления знаний о мире в языке. При вербализации концепта фразеологическими средствами необходимо установить когнитивный контекст или область знания, которая лежит в основе значения данного фразеологизма, и определенным образом ее структурировать. Кроме того, для восприятия фразеологически репрезентируемого концепта необходима его дешифровка и соотнесение с объектом или явлением окружающего мира, осмысление содержания дискурса, в котором он используется.

Говоря о разновидностях фразеологически репрезентируемых концептов, в рамках нашего исследования мы выделяем следующие их типы: мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии. Обратимся к их анализу более подробно.

Мыслительные картинки представляют собой обобщенные чувственные образы предметов или явлений и отражают совокупность их наиболее наглядных, внешних признаков. Данный тип концепта формируется в коллективном сознании носителей языка на основе присущих предмету характеристик. Зрительный образ предмета мысли, линейные, объемные параметры, особенности конфигурации и другие данные образуются в результате зрительного восприятия [Бабушкин 1996].

В своей концепции Н. Н. Болдырев для обозначения понятия «мыслительная картинка» вводит термин «представление». Представление репрезентируется фразеологическими концептами, называющими класс конкретных предметов. Собственно их значения передают обобщенные чувственные образы, совокупность наиболее наглядных, чувственно воспринимаемых признаков. Иными словами, концепт-представление, или картинка, передается за счет обозначения зрительно (или посредством других органов чувств) воспринимаемых признаков объекта или явления [Болдырев 2001].

З. Д. Попова и И. А. Стернин также придерживаются термина «представление», утверждая, что представления статичны и являют собой чувственное отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления [Попова, Стернин 1999].

Данный тип концептов можно проиллюстрировать такими фразеологизмами как, например:

(4) *skin and bone(s)* – very, or too, thin, emaciated [Cowie et al. 1997: 503].

Mrs. Fairfax, I saw, approved me: her anxiety on my account vanished; therefore I was certain I did well. Meantime, Mr. Rochester affirmed I was wearing him to skin and bone, and threatened awful vengeance for my present conduct at some period fast coming [Brontë 1999: 242].

(5) *mother's boy* – a boy or man whose character and conduct is too much marked by maternal influence (the implication being that he is effeminate or has restricted scope for normal development) [Cowie et al. 1997: 391].

'Your beards are all getting really long. I wonder what you'll look like when you shave them off at the end of the voyage.'

'What makes you think we're going to shave them off?' Pete asked her. 'I'm going to keep mine.' [...]



'I can't see my mother letting me keep mine,' Tony remarked, and got a lot of ribald remarks about being a mother's boy in return.' [Wentworth 1999: 105].

(6) full of beans – full of health, good spirits and energy [Cowie et al. 1997: 211].

Rosy was at least seventy. [...] She was stout, and she had a double chin; the skin of her bosom, although she had powdered it freely, was red, and her face was red too. But she looked well and full of beans [Maugham 2000: 241].

(7) apple-pie order – with everything tidy or arranged correctly [Cowie et al. 1997: 15].

She loved working about the studio she happened for a while to be living in and took pride in keeping it in apple-pie order [Maugham 2000a: 175].

(8) apple of smb's eye – somebody who is the main object of somebody's love, devotion, attention etc [Cowie et al. 1997: 15].

'[...] Mr. Mark he never liked much.'

Sir Henry interjected, 'And yet he had him with him constantly?'

'Yes. But that was for Miss Rosamund's sake. Mrs. Gaskell, that was. She was the apple of his eye. He adored her. [...]' [Christie 1983: 113].

Рассмотрим следующий тип фразеологически репрезентируемых концептов – схемы. Схема это определенная концептуальная структура, формирующая в сознании человека когнитивную картину мира. Схема во много напоминает мыслительную картинку, но в то же время может передавать более точное описание и оценку предметов и явлений окружающего мира. Абстрагируясь от конкретных деталей в описании с целью осуществления категоризации того или иного объекта или события, схема приобретает конкретное содержание в каждом отдельном случае. На основе этого происходит дальнейшее развитие и развертывание мысли и действия, основанных на категоризации. По мнению Н. Н. Болдырева, концепт-схема, с одной стороны, близка представлению (мыслительной картинке), поскольку может вызывать конкретный образ. С другой стороны, это уже следующая ступень абстракции на пути к понятию [Болдырев 2001]. Концепт-схема репрезентируется следующими фразеологическими концептами:

(9) with (a) bad/ill grace – bad-temperedly, with anger or resentment [Cowie et al. 1997: 591].

It was part of the deal that he walked them back to their hotel every night, but he did so with a bad grace, wanting to get back to the club and take advantage of any free drinks he was offered [Wentworth 1999: 6].

(10) odds and ends – a miscellaneous collection of articles or items, usually things of little value [Cowie et al. 1997: 423].

The pile of odds and ends in the flat wicker-work basket supplied exactly one of those missing links of social development which are of such interest to the student [Doyle 2000: 165].

(11) in cold blood – calmly, deliberately, callously, without passion, enthusiasm [Cowie et al. 1997: 302].

'What did Major Rich seem to you like on that fatal evening? As usual? Or not as usual?'

Linda Spence screwed up her eyes judicially.

'No, he wasn't himself. He was – different.'

'How, different?'

'Well, surely, if you've just stabbed a man in a cold blood – [...]' [Christie 2000: 38].

Е. С. Кубрякова говорит о схеме как о способе представления операциональной информации. Когнитивно перерабатываемые внешние сигналы (восприятия, ощущения) и внутренние возбуждения (представления о собственных импульсах к действию, чувства и т.п.) в своей временной последовательности составляют поток сознания. Конструирование понятий привносит в него порядок, так что сходные вещи отделяются от несходных. В результате получаются схемы. Кроме того, схемы, представляющие свойства некоторого типа концепта, «наследуются» всеми разновидностями этого концепта [Кубрякова и др. 1996: 180]. Схемы выступают в качестве когнитивных конструкторов которые служат для того, чтобы конкретные переживания и действия соотносить с ментальными репрезентациями [Кубрякова и др. 1996: 180]. На основе этого возникают отношения между участниками и обстоятельственными определенной ситуации. Сюда можно отнести такие фразеологически репрезентируемые концепты, как armed to teeth, out on a limb, a cup of tea, in one's senses, an open mind, face to face, out of character, a change of scene, blue blood, how the land lay, in a jiffy, mad as a hatter, out of smb's hair, when the cow comes home, in less than a pig's whisper, under the weather, on the verge of smth, on smb's heels, one's the best bet, as poor as a church mouse, the bright side, with both feet.

Например:

(12) 'The child ought to have change of air and scene,' he added, speaking to himself; 'nerves not in a good state.' [Brontë 1999: 19].

(13) She is going to marry a perfect hog of a millionaire for the sake of her father, who is as poor as a church mouse; and you must help me to stop her [Shaw 2001: 129].



(14) Others were like Malcolm, blue blood with lineage they could trace back past the May-flower to the aristocracy, even to the crowned heads of Europe, passionately proud that they were the great-great-nephews or whatever, nine times removed, of the prince regent of some idiotic duchy [Higgins 1996: 79].

Концепт-схема имеет в своем содержании постоянную основу, к которой в конкретной ситуации при конкретных обстоятельствах добавляются переменные временные характеристики. С помощью схем происходит быстрая и функциональная обработка информации.

В то время как мыслительные картинки, по мнению А. П. Бабушкина, репрезентируются образными семами, схемы объективируются пространственными семами. Близость схемы к мыслительной картинке объясняется тем, что одно и то же понятие может вызывать разные ассоциации у разных людей. Следует помнить, что один и тот же фразеологический концепт в плане своего содержания может интерпретироваться и как концепт-картинка, и как концепт-схема [Бабушкин 1996].

Далее перейдем к анализу такого типа фразеологических концептов, как фрейм. Фреймы представляет собой структуру данных, иерархически организованную и аккумулирующую знания о стереотипной ситуации. Фреймы являются целостными образованиями, элементы которых описывают отдельные части понятий, отражающих определенные явления окружающей действительности. Данный тип концепта также может описывать упорядоченную во времени последовательность событий и комплексную ситуацию.

Описывая объекты или события, фрейм характеризует, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств. В дальнейшем на основе этого происходит определенное развертывание ситуации. Однако, с другой стороны, фрейм допускает возможность разнообразных интерпретаций. Концепт-фрейм репрезентируется следующими фразеологическими единицами:

(15) man of the world – a person who has wide experience of life, especially one who enjoys expensive amusements of other people [Cowie et al. 1997: 379].

‘I’ve never set eyes on that girl in my life! I’m not that sort of man!’

‘That’s all right then. Shouldn’t blame you, you know. Man of the world. [...]’ [Christie 1983: 21].

(16) before you could say knife – very quick or suddenly, very soon [Cowie et al. 1997: 59].

There was a cry and before you could say knife Mrs. Driffield had come into the passage and was shaking my hands [Maugham 2000: 97].

(17) cold comfort – little, or no, comfort or consolation [Cowie et al. 1997: 108].

‘[...] He has said that for nine years we shall strive, and only in the tenth will the victory come.’

‘That is but cold comfort,’ said the priest [Doyle 2000: 8].

(18) in good part – without becoming angry or offended, not annoyed or provoked (by what somebody says etc) [Cowie et al. 1997: 307].

He was for ever bragging about the great schemes he had in mind, but he took in good part my jokes at the expense of his grandiose imaginations [Maugham 2000: 106].

Особенностью фреймов является то, что они вызывают в сознании человека целый ряд ассоциаций. В их значении отдельные детали, характеризующие называемый объект, сводятся в одну комплексную ситуацию, объемное представление. Знание этой ситуации, а также возможной последовательности событий в рамках этой ситуации позволяет правильно понимать значение конкретного фразеологического концепта. К данному типу концептов можно также отнести такие фразеологизмы, как *cast one’s mind back, take smb by surprise, shoot a glance at smb/smth, (as) clear as a bell, for one’s part, not to believe one’s ears, rise to view, have a good nose for smth, catch one’s breath, grasp at a straw, dollars to doughnuts, leave smb to himself, in point of fact, run one’s eye over smth, for two pins, step into the picture, pay smb a visit, keep a civil tongue in one’s head, like hell, stand a chance* и др.

Кроме того, как утверждает А. П. Бабушкин, термин «фрейм» можно представить и как систему выбора языковых средств – грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий, – связанных с прототипом сцены. Кроме связей внутри фрейма есть еще межфреймовые отношения, существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал, а элементы сцен сходны, определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанций, а также контекстом употребления в жизни человека [Бабушкин 1996]. Приведем еще ряд примеров, иллюстрирующих репрезентацию данного типа концепта фразеологическими единицами:

(20) keep one’s word – do as one has promised to do [Cowie et al. 1997: 332].

‘[...] Mr. Rochester asked me if I would like to go and live with him in England, and I said yes; [...] but you see he has not kept his word, for he has brought me to England, and now he is gone back again himself, and I never see him.’ [Brontë 1999: 89].

(21) lose one’s nerve – lose one’s courage or self-control; panic [Cowie et al. 1997: 366].

‘[...] As though he had “something on his mind”. I bet he had, too, if he had a body in the chest! Wondering how the hell to get rid of it!’

‘Why didn’t he get rid of it?’



'Beats me. Lost his nerve, perhaps. But it was madness to leave it until the next day. ...' [Christie 2000: 33].

(22) cold shoulder – reject somebody or be rejected by somebody [Cowie et al. 1997: 109].

He was giving a big luncheon on the following day and at the end of the week a grand dinner party. [...]

'You'll ask Larry, won't you?'

'He tells me he hasn't any evenings clothes,' Elliott sniffed.

'Well, ask him all the same. After all, he is a nice boy, and it wouldn't help to give him the cold shoulder. It would only make Isabel obstinate.' [Maugham 2000a: 62].

Особенностью концепта-фрейма является также то, что он конкретизирует, что для культуры определенного народа характерно и типично, а что – нет. Тем самым фреймы организуют не только наше понимание мира в целом, но и наше обыденное поведение.

Еще одним типом концептов можно выделить сценарии или скрипты, которые, как и фреймы, описывают не просто определенные факты, но последовательность действий, т.е. являются схемами событий. Для сценариев характерны факторы развития, динамики, с одной стороны, и фактор временного измерения, с другой. К данной категории следует отнести так называемые процессуальные фразеологические концепты. Некоторые фразеологические концепты-сценарии предполагают действие ролевого принципа – в процессах, обозначаемых подобными концептами должно быть, как минимум, два участника.

По мнению Е. С. Кубряковой, сценарий, или скрипт, – это «один из типов структур сознания, вид фрейма, выполняющее некоторое специальное задание в обработке естественного языка: первичные ситуации описываются скриптами как стереотипные смены событий» [Кубрякова и др. 1996: 172]. Н. Н. Болдырев также придерживается мнения, что сценарий репрезентируется фразеологизмами, в значении которых заложена определенная динамика развития событий, схема каких-либо действий [Болдырев 2001]. Данный тип концепта репрезентируется следующими фразеологизмами:

(23) rack one's brain about/with smth – make anxious and determinate efforts to think of, or recall, something specific or suitable [Cowie et al. 1997: 472].

Being on New York [...] I received one day a letter addressed in a handwriting I knew but could not place. [...] it would have been more sensible to open the letter at once, but instead I looked at the envelope and racked my brain [Maugham 2000: 239].

(24) take root – become rooted or firmly fixed [Cowie et al. 1997: 535].

I had a feeling already that he never took root anywhere, but was always prepared at a moment's notice, for a reason that seemed good to him or on a whim, to move on [Maugham 2000: 150].

Репрезентируя события, сценарии распадаются на несколько этапов, каждый из которых, в свою очередь, дробится на еще более мелкие эпизоды. Целостное адекватное восприятие сценариев обуславливается культурными и социальными факторами. В качестве этапов концепта-сценария можно выделить следующие: завязка, кульминация сюжета и развязка. Для сценария также характерно разделение ролевых функций его участников. Например:

(25) 'I couldn't sleep last night,' she said. 'I mean, after what Robert said at the club about not wanting another one of his ladies to loose her shirt [...]. I had the awful feeling he was talking about me, and I sensed suddenly that I'd made a terrible mistake.' [Higgins 1996: 161].

(26) Miss Marple said, 'His wife. They were married a year ago. They were keeping it dark until Mr. Jefferson died.' [Christie 1983: 138].

(27) He was sizing up Mark Gaskell as he spoke. He didn't much care for the fellow. A bold, unscrupulous, hawklike face. One of those men who usually get their own way and whom women frequently admire [Christie 1983: 52].

В основу сценария ложатся тематические, стандартные, стереотипные структуры, извлекаемые из памяти носителей языка.

Проведенное исследование, в результате которого были выявлены особенности фразеологически репрезентируемых концептов и их основные типы, показало целесообразность и продуктивность применения принципов и постулатов когнитивной лингвистики к изучению фразеологии.

Фразеологически репрезентируемые концепты – это концепты, передаваемые значениями фразеологических сочетаний. Они могут быть представлены такими типами, как мыслительные картинка, схемы, фреймы и сценарии.

Мыслительная картинка выражается фразеологическими единицами, называющими класс конкретных предметов. Собственно их значения передают обобщенные чувственные образы, совокупность наиболее наглядных, чувственно воспринимаемых признаков. Иными словами, мыслительная картинка передается за счет обозначения зрительно (или посредством других органов чувств) воспринимаемых признаков объекта или явления.

Схема – это абстрагированный от деталей образ, посредством которого становится возможным определять объекты или события в общую категорию. Концепт-схема наполняется конкретным содержанием в определенной ситуации. Один и тот же фразеологический концепт может интерпретироваться и как концепт-картинка, и как концепт-схема.

Фрейм представляет собой некий блок информации, которая описывает упорядоченную во времени последовательность событий. Концепт-фрейм – это схема сцен.

Сценарии или скрипты являются схемами событий. К данной категории следует отнести так называемые процессуальные фразеологизмы. Сценарии репрезентируются фразеологизмами, в значении которых заложена определенная динамика развития событий, схема каких-либо действий.

Выделяя типы фразеологически репрезентируемых концептов, следует помнить, что между концептами разных типов не существует резко обозначенных границ. Они обладают относительной подвижностью, способны утрачиваться со временем и формироваться заново. Выявленные типы фразеологических концептов не представляют собой замкнутую систему, их список может пополняться новыми моделями по мере анализа языкового материала.

Теория концептов позволяет по-новому взглянуть на многие проблемы (на проблему синонимов, антонимов и т.д.), дает новые перспективы для анализа языковых лакун, выявляемых в ходе сопоставления разных языков, а также создает базу для осмысления места и роли фразеологических единиц в системе языка.

### Литература

Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение и концепт // Когнитивная семантика: Материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитив. лингвистике / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2 ч. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – Ч. 2. – С. 33-36.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

Большой англо-русский фразеологический словарь: Около 20000 фразеологических единиц / под ред. А.В. Кунина. – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998. – 944 с.

Быкова О. И. Крылатые слова как комплексный знак культуры // Композиционная семантика: Материалы Третьей Международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике / Отв. ред. Н.Н. Болдырев и др.: В 2 ч. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 76-78.

Гуревич В.В., Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь. – М.: ВЛАДОС, 1995. – 583 с.

Копшукова Е.В. Фреймовый анализ юмора П.Г. Вудхауса // Наука и современность. – 2010. – № 2-3. – С.16-120.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 245 с.

МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358-386.

Меликян А. А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знания в семантические единицы языка. – Дисс. ... канд. филол. н. – Самара, 2000. – 186 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.

Фурманова В. П. Концепт в стратегии межкультурной коммуникации // Композиционная семантика: Материалы Третьей Международной шк.-семинара по когнитивной лингвистике / Отв. ред. Н.Н. Болдырев и др.: В 2 ч. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – Ч. 2. – С. 86-87.

Brontë C. Jane Eyre. – Wordsworth Editions Limited, 1999. – 409 p.

Christie A. Stories. – М.: Высшая школа, 1983. – 168 p.

Christie A. Selected stories. Сборник. На англ. яз. / Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – 272 с.

Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R. Oxford dictionary of English idioms. – Oxford University Press, 1997. – 685 p.

Doyle A. C. Tales of Long Ago. Сборник на англ. яз. / Составитель П. А. Гелева. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – 224 с.

Longman Dictionary of English Idioms. – Bath: Pitman Press, 1979. – 390 p.

Maugham W. S. Cakes and ale or the skeleton in the cupboard. Книга для чтения на английском языке. – М.: Издательство «Менеджер», 2000. – 256 с.

Maugham W. S. The Razor's Edge. Книга для чтения на английском языке. – М.: Издательство «Менеджер», 2000а. – 320 с.

Shaw G. B. Pygmalion. Heartbreak house. Серия «Читаем в оригинале». – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. – 224 с.

Wentworth S. Stormy voyage. – Great Britain: Mills and Boon Limited, 1999. –186 p.



УДК 81: 001.4

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЕРМИНА «КРЕДИТ»****THE PROBLEM OF SOMATIC FEATURES OF TERM «CREDIT»****Е.Н. Таранова<sup>1</sup>, Л.Р. Ермакова<sup>1</sup>, К.А. Колесникова<sup>2</sup>  
E.N. Taranova, L.R. Ermakova, K.A. Kolesnikova**

<sup>1)</sup> Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
<sup>2)</sup> Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

<sup>3)</sup> Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,  
Россия, 308024 г. Белгород, ул. Горького, 71

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*Belgorod Institute of Law MIA of Russia named by I.D.Putilin, 71, Gorky Str., Belgorod, 308024, Russia*

*E-mail: taranova@bsu.edu.ru, ermakova@bsu.edu.ru, belui@mvd.ru*

*Аннотация.* В статье представлено исследование лексических и семантических особенностей вербального репрезентанта базового кредитно-финансового понятия «credit». Разграничивается значение экономического и финансового термина, а также проводится сравнительный анализ обыденного понятия и специального (кредитно-финансового) понятия «credit».

*Abstract.* The paper presents the research of lexical and semantic features of basic credit and financial notion «credit» verbal representation. It states the difference between the meaning of the economic and the financial terms and gives a comparative analysis of the concepts of common notion and special (credit and financial) notion «credit».

*Ключевые слова:* термин, терминология, терминосистема, финансовая терминология, специальное понятие.

*Key words:* term, terminology, term system, financial terms, special notion.

В настоящее время язык, отражая современные реалии, становится все более информативно насыщенным, возрастает количество новых слов в языке и этот рост происходит пропорционально развитию научных и технических отраслей.

Проблема изучения профессиональных языков и отраслевых терминологий всегда привлекала внимание лингвистов, но в последнее время она стала особенно актуальной в связи с активным исследованием специфики профессионального образа мира.

Всплеск интереса к терминологии в лингвистике вызван усиливающейся интернационализацией терминов во всех областях жизни и деятельности, мировой глобализацией, что в свою очередь вызывает необходимость выработки правильного подхода к изучению этого явления.

Как известно, знания об окружающем мире выражаются в языке в виде понятий, определений и собственно терминов. Для получения как можно более широкого знания необходимо развивать полноту, четкость и краткость представления в языке. Термины как раз и служат одним из основных способов языкового выражения специальных и научных понятий.

Термины создаются с целью общения и обмена информацией в процессе профессиональной и научной деятельности. Сегодня возрастает значимость сфер деятельности человека, а это увеличивает интерес не просто к профессиональному общению, а к общению эффективному, ведущему к конкретному результату. Целью научного общения является процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи [Аликаев: 60-68].

Термин выступает как основной элемент механизма передачи и накопления специального знания. Являясь носителем коллективной профессиональной памяти, термины выполняют функцию посредников в процессе формирования специального знания. Как важнейшее средство научной коммуникации они включаются в процесс и результаты научного познания.

Понятие термин довольно многогранно, о чем свидетельствует наличие бесчисленного множества попыток дать определение этому феномену в лингвистике.

В современной лингвистике общепризнано, что термин – абсолютная универсалия, его наличие в языке обязательно и закономерно, глубинно обусловлено как экстралингвистическими факторами (социальной сущностью и культурной обусловленностью языка), так и самой природой языка как системы. Терминология находится как под влиянием лексики общелитературного языка, так и под влиянием системы научных понятий, поэтому нельзя не согласиться с мнением А.А. Реформатского о том, что «терминология как совокупность слов – это “слуга двух хозяев”: системы лексики и системы научных понятий» [Реформатский 1967:122].

При определении термина в большинстве работ, посвященных исследованию терминологии, на первый план выдвигается тезис о связи термина с понятием (Ахманова 1966, Виноградов 1947, Винокур 1939, Гвишиани 1986, Гринев 1993, Лейчик 2007, Реформатский 1967, Суперанская 2009, Шелов 2003, Pearson 1998, Sager 1980). В плане содержания это основополагающая характерная особенность, обуславливающая специфику терминов (по сравнению с общеупотребительными словами, именующими обычные объекты, встречающиеся в быту и повседневной жизни, связанные с общепринятыми понятиями) в таких аспектах, как полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, и наличие таких характеристик, как стилистическая нейтральность и отсутствие экспрессии, системность термина. В качестве желаемого требования для термина выделяют однозначность, что означает отсутствие у термина полисемических отношений, омонимов, синонимов.

Полисемия является отражением изменения плана содержания термина. Вместе с тем, основоположник Венской терминологической школы Е. Вюстер утверждает, что «абсолютная однозначность в сущности и не требуется. Достаточно, если обозначение однозначно в данной связи, т.е. достаточной является относительная однозначность. Нет, например, большого вреда, если одно и то же слово имеет различные значения, относящиеся к различным кругам понятий (например, лук в значении растения и в значении оружия)» [цит. по: М.А. Ковязина: 117].

Связь термина с понятием из определенной области знаний также определяет еще одну особенность, свойственную термину – специальную область употребления. В каждой из специальных сфер средством для общения является язык для специальных целей (см.: [Комарова 2010]), неотъемлемой частью которого является термин, функционирующий как лексическая единица, «выполняя важнейшую коммуникативную функцию – обеспечение взаимопонимания между представителями разных областей знания и научных дисциплин» [Шелов: 3].

Научные понятия обозначаются терминами – специальными лексическими единицами, значение которых строго ограничено рамками определенной терминосистемы. В обыденной жизни человек использует понятия, которые обозначаются обычными общеупотребительными словами, а в сфере научной коммуникации человек использует понятия, свойственные данной научной отрасли и обозначенные специальными лексемами. Причем, процесс вербализации во многом зависит от всей системы знаний в какой-либо области, при углублении знания, появляются новые понятия и термины, обозначающие эти понятия.

Л.О. Чернейко отмечает, что «термины, составляющие метаязык, фиксируют устойчивые, объективные характеристики познаваемого явления» [Чернейко: 177]. Таким образом, появление термина есть результат научного осмысления и вербализации понятия как элемента понятийного поля.

Вместе с тем значение терминов в системе науки меняется в связи с изменением ее понятий и уточнение термина не меняет его статуса – он по-прежнему остается в рамках терминологической системы. «Превращение термина, соотношенного с родовым понятием, в номен невозможно. Все изменения и уточнения значения термина, хотя и меняют его место в системе классификации, не выводят его за рамки терминологической системы» [Суперанская: 21].

Следует отметить, что термины существуют не просто в языке, а в составе определенной терминосистемы. Если в общем языке (вне данной терминологии) слово может быть многозначным, то попадая в определенную терминологию, оно получает однозначность.

Еще один важный момент, термину не нужен контекст как обычному слову, так он: 1) является членом определенной терминологии, что и выступает в роли контекста, 2) термин употребляется изолированно, 3) для этого термин должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии [Реформатский 1955].

В нашей работе под термином мы будем понимать слово или словосочетание, обозначающие понятия и объекты специальной области знания. Основанием для отграничения терминов от обычных слов для нас служит соотношенность термина с профессиональным, специальным понятием.

Понятия сферы кредитно-финансовых отношений являются неотъемлемой частью современного общества, и терминология данной сферы употребляется не только в специальной научной литературе, но и в других жанрово-стилистических видах произведений, что обуславливает ее близость к общеупотребительному пласту литературного языка.



Ученому, занимающемуся лингвистическим анализом финансовой терминологии приходится в определенной степени совмещать знания языковеда и финансиста. Стоит отметить, что эти две сферы долгое время существовали независимо друг от друга и лишь недавно пересеклись в области финансовой и экономической лексикографии, которая сама по себе является сравнительно молодой. Изменение словарного состава и семантических характеристик слов достойны на наш взгляд научного изучения.

В данной статье мы подробно остановимся на лингвистическом анализе лексических и семантических особенностей термина «кредит», который широко используется в общелитературном языке, в общей экономической терминологии и как узкоспециальный термин в финансовой терминологии.

Кредит является сложной экономической категорией, даже в рамках экономической теории отсутствует единый подход исследователей к содержанию понятия «кредит».

В рамках данного исследования необходимо установить отличия значения данной лексической единицы функционирующей в экономической и кредитно-финансовой сфере коммуникации. Для этого рассмотрим определения специализированных словарей «A Dictionary of Synonyms of the English Language», «A Handy Dictionary of Synonyms: With Which Are Combined the Words Opposite in Meaning», «Barron's finance and investment handbook», в которых представлены определения экономических и финансовых терминов, для того чтобы разграничить их значение. Так, например рассматриваемая лексема «credit» в словаре «Oxford Dictionary of Economics» детерминируется так:

1. *The system by which goods or services are provided in return for deferred rather than immediate payment. Credit may be provided by the seller, or by a bank or finance company* (Система, при которой товары или услуги предоставляются в обмен на отложенный платеж, а не срочный платеж. Кредит может предоставляться как продавцом, так и банком или финансовой компанией).

2. *The reputation for financial soundness which allows individuals or companies to obtain goods and services without cash payment* (Репутация финансовой стабильности, которая позволяет отдельным лицам или компаниям получить товары и услуги без оплаты наличными).

3. *A positive item, that is, a receipt or asset in accounts* (Статья дохода, то есть приход или актив в платежном балансе) [Oxford Dictionary of Economics: 98].

Лексикографический анализ термина «credit», представленного в специализированных словарях показал, что с собственно экономической точки зрения понятие «credit» включает в себя следующие концептуальные признаки:

1) **«отложенный платеж»**: «*the system by which goods or services are provided in return for deferred rather than immediate payment*» [Oxford Dictionary of Economics: 98] (система, при которой товары или услуги предоставляются в обмен на отложенный платеж, а не срочный платеж), «*The use or possession of goods and services without immediate payment*» (использование или приобретение товаров и услуг без произведения срочного платежа) [Dictionary of economics: 80];

2) **«финансовая надежность»**: «*the reputation for financial soundness which allows individuals or companies to obtain goods and services without cash payment*» (репутация финансовой стабильности, которая позволяет отдельным лицам или компаниям получить товары и услуги без оплаты наличными) [Oxford Dictionary of Economics: 98], «*Debt is the obligation to make future payments. Credit is the claim to relieve these payments*» (Дебет – это обязательство по осуществлению будущих платежей. Кредит – это требование, обеспечивающее эти выплаты) [Dictionary of Economics: 76], «*A person's or company's financial standing*» (финансовое положение компании или физического лица) [Dictionary of International Economics Terms: 65];

3) **«доходность»**: «*a positive item, that is, a receipt or asset in accounts*» (статья дохода, то есть приход или актив в платежном балансе) [Oxford Dictionary of Economics: 98].

Понятийная структура исследуемой ментальной единицы (концепта) представлена рядом признаков, которые содержатся в дефиниции языкового знака «credit» в специальных словарях экономических и кредитно-финансовых терминов. Сравнительный анализ определений толковых словарей общепотребительной лексики и терминологических словарей выявил ряд сходных семантических признаков, которые представлены в виде таблицы 1.

В то же время, обнаруживается ряд отличий, связанных с тем, что даже общие концептуальные признаки обыденного и специального понятия «credit» вербализованы различными способами. Так, например, информация о времени погашения кредита в словаре «Oxford Dictionary of Economics» репрезентирована предложением с пассивной конструкцией «*The system by which goods or services are provided in return for deferred rather than immediate payment...*» (подчеркнуто нами) [Oxford Dictionary of Economics: 98], в котором употреблены термины: «deferred payment» (отложенный платеж), и «immediate payment» (срочный платеж), что характерно для научного стиля изложения, в то время как, в словаре «Oxford Paperback Dictionary & Thesaurus» мы наблюдаем употребление глагола в активном залоге и использование общепотребительной лексики в своем прямом значении «*The system of doing business by trusting that a customer will pay at a later date for goods or services supplied*»

(подчеркнуто нами) [Oxford Paperback Dictionary & Thesaurus: 211] что облегчает восприятие адресатом неспециалистом данной информации.

Таблица 1

**Сравнительная характеристика семантических признаков языковой единицы «credit» в соответствии с данными словарей**

Толкования словарей общеупотребительной лексики	Дефиниции экономических терминов	Дефиниции финансовых терминов
<b>Oxford Paperback Dictionary &amp; Thesaurus:</b> « <u>The system</u> of doing business by trusting that a customer will pay at a later date for goods or services supplied» (система видения бизнеса, предполагающая, что клиент будет платить за предоставляемые товары или услуги, по истечении определенного промежутка времени)	<b>Oxford Dictionary of Economics:</b> « <u>The system</u> by which goods or services are provided <u>in return for deferred rather than immediate payment...</u> » (Система, при которой товары или услуги предоставляются в обмен на отложенный платеж, а не срочный платеж).	
<b>Oxford Paperback Dictionary &amp; Thesaurus:</b> « <u>an entry in an account</u> recording an amount received» (запись в счет полученной суммы);	<b>Oxford Dictionary of Economics:</b> «A positive item, that is, a receipt or asset <u>in accounts</u> » (Статья дохода, то есть приход или актив в платежном балансе). <b>Dictionary of International Economics Terms:</b> «A book-keeping balance that shows a profit ( <u>ie, on the right-hand side of the account</u> )» (бухгалтерский баланс, который показывает прибыль (т. е. правая сторона счета)).	<b>Standard &amp; Poor's Dictionary of Financial Terms:</b> «Credit is also used to mean <u>positive cash entries in an account</u> ». (Кредит также используется для обозначения положительных записей по кредиту счета).
<b>Merriam-Webster's Learner's Dictionary:</b> « <u>money</u> that a bank or business will allow a person to use and then pay back in the future» (деньги, которые банк или предприятие позволит человеку использовать, а затем, в будущем вернуть),	<b>Dictionary of Economics:</b> «Speaking broadly, credit is <u>finance made available</u> by one party to another». (В широком значении кредит – это финансы (деньги или другие ликвидные ресурсы), предоставляемые одной стороной другой стороне).	<b>Harriman's Financial Dictionary:</b> «In trading between two parties, credit is the value of goods which one will supply to another before payment is necessary» (В торговой сделке между двумя сторонами, кредит – это стоимость товаров, которые будут поставлены одной из сторон до срока поступления платежа)
<b>Longman Dictionary of Contemporary English:</b> « <u>an amount of money</u> that is put into someone's bank account or added to another amount [ <u>≠ debit</u> ]» (денежная сумма, вносимая на чей-либо банковский счет или прибавляемая к иной сумме [ <u>≠ дебет</u> ]), <b>Merriam-Webster's Learner's Dictionary:</b> « <u>an amount of money</u> that is added to an account» (количество денег, которые поступают на счет);		<b>Dictionary for business &amp; finance:</b> <u>A sum placed at a person's disposal in the books of a bank, etc., upon which he or she may draw to the extent of the amount...</u> » (Сумма, предоставляемая в распоряжение лица, фиксируемая в банковских книжках и т.д., посредством которых он или она может получать определенную сумму)

В дефинициях специальных словарей не просто раскрывается содержание понятия, а отражена связь с другими понятиями и категориями экономической и кредитно-финансовой картины мира, содержится богатый набор концептов-признаков. Кроме того, в толкование общеупотребительной лексической единицы содержится информация, которая получена в повседневном опыте, и которая отражает только лишь концептуальные признаки, являющиеся прагматически ценными сведениями, связанными с типичной бытовой ситуацией, что характерно для обыденного понятия.

При рассмотрении определений слова в словарях общеупотребительной лексики и специальных терминологических словарях необходимо помнить о таком явлении как «консубстанциональность» или «двойная детерминация» терминов и слов общего языка. Это явление описывается в лингвистической литературе, в частности, О.С. Ахманова рассматривает это явление в своей работе «Очерки по общей и русской лексикологии» на примере анализа значения термина «звезда» – «самосветящееся раскалённое мировое тело» и значения этого же слова, функционирующего как общеупотребительная лексическая единица. Различия в объёме информации и степени абстрактности понятия, свойственные для употребления этого слова в специальном контексте и в общем языке, разграничивают их не только в содержательном, но и, следовательно, функционально-стилистическом плане [Ахманова 1957: 29-30].

Вместе с тем, как показал дефиниционный анализ, наряду с признаками общеэкономического понятия, функционируя в кредитно-финансовой области термин «credit» в своем значении обогащается рядом дополнительных характеристик, которые представлены в таблице 2:



Таблица 2

### Концептуальные признаки кредитно-финансового понятия «credit»

Название признака	Словарные дефиниции
«отложенный платеж»	«the time allowed to the purchaser of goods or services for payment» (время, предоставляемое покупателю товара или услуги за плату) [Dictionary for business & finance 1995: 70]; «the promise to pay in the future in order to buy or borrow in the present» (обещание заплатить в будущем, чтобы купить или получить заем в настоящем) [Dictionary for business & finance 1995: 70]; «the right to defer payment of debt» (право отложить выплату долга) [Dictionary for business & finance 1995: 70].
«финансовая надежность»	«trustworthiness» (надежность), «credibility» кредитоспособность (Dictionary for business & finance 1995: 70); «Credit generally refers to the ability of a person or organization to borrow money...» (Понятие кредит, как правило, относится к способности человека или организации брать денежный заем) [Standard & Poor's Dictionary of Financial Terms 2007: 46]; «a person's or company's financial standing» (финансовое состояние лица или организации) [Dictionary of international investment and finance terms 2001: 64 ].
«мера стоимости»	«...the value of goods which one will supply to another before payment is necessary» т. е. (кредит – это стоимость товаров, которые будут поставлены одной из сторон до срока поступления платежа) [Harriman's Financial Dictionary 2007: 80].
«денежная сумма»	«a sum placed at a person's disposal in the books of a bank, etc., upon which he or she may draw to the extent of the amount; any note, bill, or other document on security of which a person may obtain funds» (сумма, предоставляемая в распоряжение лица, фиксируемая в банковских книжках и т.д., посредством которых он или она может получать (выписывать) определенную сумму; любой вексель, тратта, или другой документ, который гарантирует лицу получение средств) [Dictionary for business & finance 1995: 70].
«ценная бумага»	«...any note, bill, or other document on security of which a person may obtain funds» (вексель, тратта, или другой документ, который гарантирует лицу получение средств) [Dictionary for business & finance 1995: 70].

Следует отдельно выделить значение, которое термин «credit» приобретает при функционировании в сфере бухгалтерского учета: «the right hand side or page of a ledger in which are shown all items that reduce the charges of the account; opposite of debit» (правая сторона или страница бухгалтерской книги, в которой показаны все статьи, которые сокращают счета расходов, напротив дебета) [Dictionary for business & finance: 70].

Данное значение обнаруживается и в специализированных экономических словарях, и в словарях финансовых терминов. Это объясняется тем, что бухгалтерский учет, как и финансы, является прикладной дисциплиной экономики, следовательно, в сфере экономической коммуникации функционируют понятия смежных областей. Вместе с тем, в рамках данного исследования важно разграничивать данные значения.

В словаре «Barron's finance and investment handbook» мы находим такое определение «credit»:

«**In general:** loans, bonds, charge-account obligations, and open-account balances with commercial firms. Also, available but unused bank letters of credit and other standby commitments as well as a variety of consumer credit facilities.

On another level, discipline in which lending officers and industrial credit people are professionals. At its loftiest it is defined in Dun & Bradstreet's motto: «Credit – Man's Confidence in Man».

Accounting: entry – or act of making an entry – that increases liabilities, owner's equity, revenue, and gains, and decreases assets and expenses. See also CREDIT BALANCE.

**Customer's statement of accounting:** adjustment in the customer's favor, Or increase in equity» [Barron's finance and investment handbook: 314].

Очевидно, что в кредитно-финансовой сфере гипонимами данного термина будут являться: «loans» (займы), «bonds» (облигации), «charge –account obligations» (долговые обязательства по кредиту по открытому счету), «open-account balances with commercial firms» (открытые счета с коммерческими фирмами), «available but unused bank letters of credit» (действительные, но непогашенные аккредитивы), «consumer credit facilities» (источники потребительского кредита), в то же время, в определенном контексте они могут выступать в качестве синонимов слову «credit», поскольку они представляют субординатный уровень данной категории, в их значениях отражены определенные концептуальные признаки понятия «credit», которое является суперординатным понятием категории.

Таким образом, на основе лексикографического анализа, «credit» (кредит) в кредитно-финансовой сфере определяется как: «The right to defer payment of debt and the arrangements that are made for repaying the loan and the terms of the repayment schedule. In trading between two parties, credit is the value of goods which one will supply to another before payment is necessary». Другими словами, кредит – это отложенный платеж, и обязательства связанные с ним, кроме того, кредит может рассматриваться как стоимость товаров, которые будут поставлены одной из сторон до срока поступления платежа.

Исследование лексических и семантических особенностей вербального репрезентанта базового кредитно-финансового понятия «credit» показало, что лексема «credit» может выступать как



репрезентант обыденного понятия и специального (кредитно-финансового) понятия. Изучение лексикографических источников, включающих словари общелитературного языка и терминологические словари, в целях выявления семантических особенностей рассматриваемых единиц позволяет сделать вывод о том, что в рамках собственно экономической отрасли значение терминологической единицы «credit» оказывается содержательно шире и семантически ближе к слову обыденного языка. В то же время, обнаруживается ряд отличий. Толкование общеупотребительной лексической единицы содержит информацию, полученную в повседневном опыте, которая отражает только те концептуальные признаки, которые являются прагматически ценными сведениями, имеющими связь с типичной бытовой ситуацией, что характерно для обыденного понятия.

### Литература

- Аликаев, Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р.С. Аликаев – Нальчик: Эль-Фа, 1999. - 318 с.
- Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 294 с.
- Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. - М., 1996. - 608 с.
- Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов; МГУ. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.
- Винокур, Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г.О. Винокур // Тр. МИИФЛИ. Т.5. М., 1939. - 420 с.
- Гвишиани, Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии) / Н.Б. Гвишиани - М.: Высш. шк., 1986. - 280 с.
- Гринёв, С. В. Введение в терминоведение / С.В. Гринёв. - М.: Моск. лицей, 1993. - 309 с.
- Ковязина, М.А. Отражение понятийной структуры экологической терминологии в английском и русском толковом отраслевом словаре / М.А. Ковязина // Лексика, лексикография, терминография в русской, американской и других культурах: материалы VI Междунар. школы-семинара (Иваново, 12-14 сент. 2005 г.). - Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. - С. 117.
- Ковязина, М.А. Понтийное поле «Экология» в русском языке / М.А. Ковязина // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков и культур: [сб. ст.] – Тюмень: Издат-во ТюмГУ, 2005. – С. 115 – 119.
- Комарова, А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP) / А.И. Комарова, Изд. 3-е – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 192 с.
- Лейчик, В. М. Основные проблемы терминоведения / В.М. Лейчик // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве: тез. докладов международного круглого стола 27–28 июня 1991 г. - Омск, 1991. 190 с.
- Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. - М., 1955. - 396 с.
- Реформатский, А.А. Термин как член лексической системы языка / А.А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. - М., 1967. С. 103–125.
- Суперанская, А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В.Подольская, Н.В.Васильева. – 5-е изд. – М.: URSS: Либроком, 2009. – 243 с.
- Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2003. – 280 с.
- Чернейко, Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени: [моногр.] / Л.О. Чернейко. – 2-е изд., перераб. – М.: Наука, 1997. – 348 с.: ил., табл.
- A Dictionary of Synonyms of the English Language / ed. by W. Collins. – London: Adamant Media Corporation, 2006. – 370 p.
- A Handy Dictionary of Synonyms: With Which Are Combined the Words Opposite in Meaning / Н. С. Faulkner. – Kessinger Publishing, 2010 – 220 p.
- Barron's finance and investment handbook / J. Downes, J.E. Goodman. – USA: Barron's Educational Series, 6th ed., 2003 – 1400 p.
- Dictionary for business & finance / Terry, V. J. – USA: University of Arkansas Press, 1995. – 407 p.
- Dictionary of economics / G. Bannock, R.E. Baxter, E. Davis.– 4th ed. – UK: Profile Books, 2003. – 408 p.
- Dictionary of Economics / S. N. Chand. – Atlantic Publishers and distribution. – Delhi: Printing Press, 2006 – 384 p.
- Dictionary of International Economics terms / ed. by Clarck J. – UK: Les5ons Professional Publishing Ltd., 2006. – 300 p.
- Dictionary of international investment and finance terms / J. Clark. – UK: Global Professional Publishing, 2006. – 300 p.
- Harriman's Financial Dictionary / S. Briscoe, J. Fuller. – Great Britain: Harriman House Ltd., 2007. – 349 p.
- Oxford Dictionary of Economics / J. Black, N. Hashimzade, G. Myles. – New York: Oxford University Press Inc., 2009. – 505 p.
- Oxford Paperback Dictionary & Thesaurus / ed. by J. Stevenson. – Great Britain: Oxford University Press, 2009. – 1076 p.
- Pearson J. Terms in Context. Amsterdam - Philadelphia, 1998.
- Sager, J.C. English special languages: principles and practice in science and technology / J.C. Sager, D. Dungworth, P.F. McDonald. – Wiesbaden: Brandstetter, 1980. – 368 p.
- Standard & Poor's Dictionary of Financial Terms / ed. by V.B. Morris, K. Morris. – NY: Lightbulb Press, Inc., 2007. – 224 p.

УДК 811.11

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ЛЕСТИ КАК ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ И КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ****FLATTERY AS A FORM OF BEHAVIOUR AND COMMUNICATION REPRESENTED BY ENGLISH AND RUSSIAN IDIOMS****И.Э. Федюнина, И.В. Ляшенко  
I.E. Fedyunina, I.V. Lyashenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: fedyunina@bsu.edu.ru, rattle-snake@mail.ru*

*Аннотация.* В статье анализируются семантика и прагматика русских и английских фразеологических единиц с общим значением «Лесть». Исследование ведётся в рамках когнитивно-прагматического подхода. В фокусе внимания авторов находятся внутренняя форма и оценочный аспект коннотации фразеологизмов как основные факторы, обуславливающие характер их прагматического воздействия. Представлены фразеосемантические модели, репрезентирующие основные формы, сферы и цели применения лести. Выявляется специфика функционирования исследуемых фразеологизмов в коммуникативных ситуациях и определяются дискурсивные факторы, влияющие на прагматический эффект, оказываемый фразеологизмами. Также авторы стремятся определить общие тенденции и культурно-специфические черты признаковой и оценочной категоризации лести носителями русского и английского языков.

*Abstract.* The article deals with semantic and pragmatic properties of Russian and English idioms for flattery. The research is carried out within the boundary of cognitive-pragmatic approach. The authors are focusing on the inner form and axiological connotation which are considered to be the key factors affecting the pragmatic impact provided by the said idioms. The paper also provides phraseosemantic models that objectify the basic forms and spheres of flattery as well as the reasons flattery is used for. Attention is also paid to the ways the idioms under study “behave” in a particular communicative situation. The authors are defining discourse factors influencing the pragmatic impact. The study also seeks to reveal common trends and differences in the ways English and Russian native speakers perceive and categorize flattery from logical, rational, moral and emotional points.

*Ключевые слова:* фразеологизм, лесть, фразеосемантическая модель, прагматический эффект, оценочная коннотация, внутренняя форма, контекст

*Key words:* idioms, flattery, phraseosemantic model, pragmatic impact, axiological connotation, inner form, context.

---

**Введение**

Одним из базовых принципов современной лингвистики является принцип изоморфности, согласно которому действительность, наши представления о ней и их языковых репрезентации – это нетождественные, но изоморфные сущности: их организация и функционирование в целом управляются едиными законами, без чего невозможны были бы адекватная деятельность человека и коммуникация. В рамках исследования фразеологических единиц (ФЕ) данный принцип подразумевает тесную связь между изучаемым явлением и объективирующими его ФЕ [Kovecses, 2010]. Поскольку ФЕ в большей степени, чем какие-либо другие лингвистические единицы, связаны с культурой носителей языка, их межъязыковое исследование безусловно способствует пониманию специфики категоризации того или иного явления действительности представителями различных лингвокультурных сообществ. В данной статье сделана попытка исследовать ФЕ английского и русского языков с общим значением «лесть» в рамках когнитивно-прагматического подхода, который, по мнению исследователей, «предоставляет интересную информацию о взаимодействии универсальных принципов познания, культуры и фразеологии» [Granger, 2008, p. 14]. Хотя традиционно считается, что ФЕ имеют «стабильную семантическую структуру» [Fiedler, 2007, с. 19], сторонники когнитивно-прагматического подхода видят

семантику ФЕ как гибкий и подвижный феномен, тесно связанный с прагматическим воздействием. Один из базовых постулатов данного подхода состоит в том, что наряду с общим значением каждая ФЕ имеет дополнительное смысловое содержание, отражающее определенные признаки денотата, реализующееся исключительно в конкретной коммуникативной ситуации и связанное с экстралингвистической информацией различного характера: «Изначальными коммуникативно-прагматическими факторами концептуальной организации... дискурсивной идиомы в частности выступают не столько единичные денотаты и сигнификаты, сколько такие дискурсивные категории как событие, ситуация, presupposition...» [Алефиренко, 2008, с. 128]. Данный принцип вполне согласуется с представлением когнитивистов о креативном характере самого процесса категоризации, его зависимости от социокультурных, ситуативных и индивидуально-психологических факторов. Основными компонентами, влияющими на прагматический эффект, оказываемый ФЕ, считаются их внутренняя форма, оценочная коннотация и контекст употребления. Исследователи [Телия, 1996; Алефиренко, 2008; Красавский, 2008] также придают большое значение взаимодействию двух аспектов оценочной коннотации – рациональному и эмоциональному, в особенности когда речь идет о явлении, встречающем противоречивое восприятие со стороны носителей культуры.

Перед тем как приступить к анализу фразеологических средств репрезентации лести, отметим, что лесть как форма поведения и общения несет довольно сложную комбинацию признаков и смыслов, частично отраженную уже в дефинициях исходной глагольной лексемы: «Льстить – 1) хвалить кого-либо в глаза, зачастую неискренне, из корыстного желания доставить удовольствие и расположить к себе, чтобы в дальнейшем чего-то от этого человека добиться; 2) говорить о ком-либо лучше, чем есть на самом деле» [Oxford, 1997, p. 588]. Предложенные определения содержат семантические признаки ложности информации, своекорыстия и нечестности, неискренности, что позволяет рассматривать лесть как форму обмана и манипулирования. Вместе с тем четко обозначенная сема удовольствия и некоторая расплывчатость признака ложности информации предопределяют неоднозначность категоризации лести, особенно в оценочном плане. Социолог Дж. Барнс, изучавший ложь в профессиональном и межличностном общении, считает определенными формы лжи (в том числе лесть) «фундаментальным аспектом коммуникации» и заключает, что «ряд социальных институтов... может адекватно функционировать лишь при сохранении приличествующего минимума лжи» [Barnes 1994: 162], необходимого для нормального взаимодействия. Иными словами, в современном обществе лесть является своего рода социальным требованием. Кроме этого, в большинстве случаев лесть как форма коммуникации являет собой ситуацию т.н. прозрачного обмана, поскольку, как правило, любой разумный взрослый человек отдаёт себе отчет о своих реальных достоинствах, способностях и возможностях и, соответственно, не может не понимать, что собеседник их преувеличивает (или вовсе измышляет). Таким образом, можно предположить, что оценочная категоризация лести в значительной степени зависит от личных установок и психологического настроя коммуникантов.

Поскольку нашими основными целями являются выявление и межъязыковое сопоставление закономерностей признаковой и оценочной категоризации лести, основными методами исследования стали фразеосемантическое моделирование, а также контекстуальный и сопоставительный анализ. Перейдем к рассмотрению фактического материала.

### Исследование фразеологических единиц с семантикой лести

Применение метода фразеосемантического моделирования позволило представить ФЕ, объективирующие лесть, в виде двух основных семантических групп. В первую группу входят глагольные и субстантивные сочетания и сравнения, объективирующие признаки, качества и умения льстеца: *из уст мед льется, сладкие речи, as sweet as honey, smooth/quick-tongued, to have kissed the Blarney Stone* и др.

В рамках этой группы в первую очередь заслуживает внимания английская идиома *to have kissed the Blarney Stone* с культурно-специфичной внутренней формой. Blarney – название мифического замка в Ирландии; по преданию, тот, кто поцелует камень в зале этого замка, приобретает способность искусно льстить. Данная идиома не несет отрицательной оценки. Она скорее выражает признание мастерства льстеца (хотя и с некоторой иронией), обеспечивая ассоциации с формой игры, искусства: • You are so full of compliments today that you *must have kissed the Blarney Stone* [Christie, 1984, p. 67].

Остальные ФЕ имеют негативную коннотацию. Они проявляют высокую степень межъязыкового сходства образных основ, которые актуализируют признаки чрезмерной сладости и красоты, что имплицитно подразумевает неискренность и неблагоприятность намерений субъекта: • When they think they need our help they'll be *all sweet and honey*, but when they got no need for us they push us down and spit on us. Прагматический эффект усиливается за счет эксплицитного



противопоставления компонентов, несущих сему удовольствия (*honey, sweet*), и неприглядных поступков субъекта действия. Эту же тенденцию репрезентируют эквивалентные поговорки исследуемых языков: «В устах мед – под языком лед» и «A honey tongue – a heart of gall». Отрицательная оценка сохраняется и при экспликации корыстных (хотя и не враждебных) намерений субъекта или явной его неискренности, очевидных для реципиента. Важно отметить, что пейоративный импликационал ФЕ этой группы столь силен, что негативная, презрительная коннотация не ослабляется даже в тех ситуациях, где не актуализированы ни корыстные намерения, ни неприглядные поступки субъекта: • Федор Тучков... улыбнулся *сладкой улыбкой...*, сел, выражая полную готовность и внимание. Марина посмотрела на него с отвращением. Уж очень он ей не нравился... [Устинова, 2003, с. 22]. Заслуживают внимания также ФЕ с компонентом «язык», репрезентирующие красноречивость субъекта. Наблюдается универсальная тенденция крайнего недоверия к обладателю этого качества и частая контекстуальная экспликация его использования в неблаговидных целях, усиливающая прагматический эффект: • “Why didn’t they hang him!” “So many lies were told, and he had a *smooth-tongued* barrister... he could lie and deceive his way out of anything” [Cox, 2002, p. 78].

Вторую группу составляют глагольные ФЕ, объективирующие образ действий и поведение льстеца (как вербальное, так и невербальное): *извиваться вьюном/ужом, гладить кого-л. по шерстке, петь дифирамбы, to pay courts to smb, to keep smb sweet, to give smb the best butter* и др. ФЕ, составляющие данную модель, объединены общим значением «пытаться задобрить человека и добиться его расположения, чаще всего с целью получения выгоды». Анализ лексикографических источников показал межъязыковое расхождение в количественном составе модели: 5 ФЕ в русском языке и более 10 ФЕ в английском. На наш взгляд, такое существенное расхождение имеет две причины. Во-первых, в русском языке имеется ряд экспрессивных, стилистически маркированных лексем с семантикой лести – «подлизываться», «подмазываться», «подмасливать» и т.п., – с помощью которых и переводятся многие английские ФЕ. Во-вторых, в английском языке наблюдается более подробная градация сфер и целей применения лести, нашедшая отражение в соответствующих ФЕ с узкой семантикой, которые будут проанализированы ниже.

Подавляющее большинство ФЕ данной модели являются идиомами. Частные образные основы, на которых базируется их внутренняя форма, значительно разнятся, однако в целом метафорическая ситуация сводится к совершению действий, направленных на поддержание объекта в «ухоженном» состоянии и хорошем настроении. Ярким примером служит русская идиома *гладить кого-л. по шерстке*, для которой базовая метафора может быть сформулирована как «ласкать животное, чтобы привести его в хорошее настроение». Интересно отметить, что в дискурсе эта идиома часто подвергается контекстуальным трансформациям и её лексический состав может изменяться, сохраняя, однако, базовую метафору. Ценность этой ФЕ заключается в том, что она является репрезентантом образной категоризации отношения не только к субъекту, но и к объекту лести: • Инна дружила с журналистами, умела... и свои интересы соблюсти, и их *почесать за их острыми журналистскими ушами* [Устинова, 2004, с. 115]. В приведённой ситуации за счет вклинивания лексем «острый» и «журналистский» имплицитно признаются признаки любопытства, настороженности и потенциальной опасности объекта, в результате чего умение его задобрить приобретает статус искусства. Однако в большинстве случаев негативная оценочная коннотация данной идиомы не снижается. При всём разнообразии частных признаков, актуализируемых в контекстах, ведущую роль в создании прагматического эффекта играет именно внутренняя форма ФЕ, уподобляющая объект лести некоему животному, от которого надо добиться хорошего поведения. Негативная импликация данного компонента распространяется на значение ФЕ в целом, придавая ему некоторый цинизм и вызывая презрение к объекту лести, который соглашается на подобные действия. Сходная тенденция наблюдается и в английском языке: • Everyone knows the basic rules of prudent finance. *Keep the taxman sweet* while never letting him claim a penny he isn't entitled to [Collins, 2007, p. 358]. Резко негативное восприятие лести характерно также для коммуникативных ситуаций т.н. «невостребованной» лести, где, во-первых, неискренность слов и поведения субъекта очевидна для реципиента, а во-вторых, реципиент по тем или иным причинам в принципе не желает быть объектом лести; в таких случаях актуализируются гнев, раздражение и возмущение: • *Keep away! It will take more than a couple of compliments and a bunch of flowers to keep me sweet* [Longman, 1998, p. 335].

Остальные ФЕ рассматриваемой группы концентрируют внимание на субъекте лести через образ его действий. Для них характерна флукутирующая оценка. В большинстве случаев (около 80% контекстов) она близка к негативной. Контекстуальными факторами прагматического эффекта служат очевидность неискренности и корыстных намерений субъекта и нежелание реципиента ему подыгрывать. В таких случаях лесть категоризируется как грубое лицемерие: • ...кормят обедами и *поют мне... дифирамбы* и в то же время готовы меня съесть [Устинова, 2004, с. 197]. Особенно сильное презрение и отторжение лести вызывает в тех ситуациях, где ей эксплицитно противопоставляется поведение субъекта после того как реципиент стал для него

бесплезен. Однако следует заметить, что подобные контексты иногда актуализируют презрение не только к лицемерию и цинизму субъекта, но и к наивности или глупости реципиента, который по-прежнему ожидает внимания, услуг и т.п., не желая понимать истинного положения дел. В таких случаях негативная оценочная коннотация может частично «перенаправиться» на самого реципиента: • Никому ты не нужна и больше не будешь нужна никогда. Ты была нужна, пока твой муж был царь и к нему можно было подобраться поближе с твоей помощью. Тогда к тебе *подмазывались*, твоего расположения добивались..., а теперь... зачем стараться? [Устинова, 2004, с. 60].

Вместе с тем актуализируются коммуникативные ситуации, в которых лесть не встречает негативного отношения. Рассмотрим два примера. 1) • “Cool. You know, I got your bio on the firm’s site. The photo doesn’t your justice”. “Thanks”. Mary knew it was *a sweet talk*, but it was about time. ...she was attracted [Scottoline, 2004, p. 85]. В данном контексте лесть очевидна для реципиента, но приятна ему; кроме того, он не видит в ней опасности и испытывает симпатию к субъекту. Происходит концентрация на признаке удовольствия и корреляция с соответствующим концептом; признак неискренности отступает на второй план, и негативная коннотация ослабляется. 2) • “Of course it’s going to be difficult. Nobody but you could do it!” “You *give me the best butter* – hein?” “I’ve heard about you. The things you’ve done. The way you have done them. And you’ll know what happened...” Poirot rose to his feet. “Mademoiselle, I am honored! I will justify your faith in me” [Christie, 1984, p. 7]. В данном случае негативные семантические признаки лести практически не актуализируются, поскольку объект действительно до определённой степени обладает приписываемыми ему качествами. В результате лесть фактически квалифицируется как признание его достоинств и вызывает желание соответствовать высокому мнению о себе.

Теперь рассмотрим характерную особенность английского языка, о которой упоминали выше - наличие «специализированных» ФЕ, репрезентирующих различные формы и сферы применения лести. Одним из примеров таких ФЕ является идиома *to lick smb’s boots*, характеризующая форму поведения, которая в русском языке называется подхалимством и подразумевает чрезмерные проявления лести (как вербальные, так и поведенческие). Данная ФЕ имеет фиксированную отрицательную оценку, обусловленную доминирующей семой унижения, а её прозрачная внутренняя форма имплицитно указывает на крайнюю неразборчивость в средствах достижения цели и готовность идти буквально на всё, чтобы угодить объекту (как правило, руководителю или просто кому-то, от кого субъект зависит). Идиома обладает повышенной экспрессивностью и актуализирует чувства неприязни, брезгливости и отторжения: • I am not prepared *to lick somebody’s boots* to get a promotion [McCarthy, 2006, p. 238]. Интересно отметить, что от данной идиомы могут образовываться экспрессивные субстантивные лексемы *bootlicking* и *bootlicker*, несущие ту же оценочную коннотацию, что и сама идиома (их функционально-семантические соответствия в русском языке – «лизоблюдство» / «подхалимство» и «лизоблюды» / «подхалимы»): • Far too much *bootlicking* goes on in this office [там же].

Заслуживают внимания также две идиомы, репрезентирующие лесть преимущественно в сфере политики, бизнеса и профессиональной коммуникации – *to pay courts to smb* и *to oil the wheels*. Образная основа ФЕ *to pay courts to smb* – результат переосмысления значения устаревшего исходного сочетания («pay courts» – «ухаживать за женщиной»), несущая фиксированную негативную оценку и пренебрежительную коннотацию (ее функционально-смысловое соответствие в русском языке – пейоративная лексема «обхаживать»). • It is sickening to see the politicians *paying courts* to voters when they won’t keep one of their promises [Longman, 1998, p. 71]. В приведённой ситуации объективируемое ФЕ поведение категоризируется как циничный обман в целях личной выгоды и вызывает резкое неодобрение, отвращение. Прагматический эффект усиливается негативным интенсификатором *sickening*. Происходит отсылка к концептам «Предательство», «Унижение». Идиома *to oil the wheels* по лексическому наполнению идентична русской ФЕ *подмазывать колеса*, но имеет иное значение. Обозначаемые ею действия заключаются в создании у потенциальных партнёров позитивного отношения к говорящему, призваны наладить необходимые для успеха в бизнесе и политике контакты, и, как правило, не вызывают неодобрения, являясь примером т.н. конвенциональной лести: • Normally, Paul would have been talking to the other ambassadors, *oiling the wheels* [Longman, 1998, p. 383]. Характерной особенностью этой идиомы также является гибкость семантики. Она может использоваться в ситуациях личного общения (в том числе с близкими людьми), и в таких контекстах её значение трансформируется, характеризуя практически любые вербальные и невербальные действия, направленные на улучшение отношений, ситуации и т.п. При этом общая позитивная коннотация ФЕ сохраняется: • The best contribution you can make now is to support your wife emotionally *to oil the domestic wheels* as much as possible [Collins, 2007, p. 397].



### Заключение

Результаты анализа фразеологических репрезентаций лести как формы поведения и коммуникации можно обобщить следующим образом. Основная универсальная закономерность структурной категоризации лести выражена в наличии двух фразеосемантических моделей (групп), характеризующих качества и поведение (образ действий) субъекта лести. К внутриязыковым структурным закономерностям можно отнести: 1) малую представленность второй фразеосемантической модели в русском языке в сравнении с английским за счёт наличия в русском языке стилистически маркированных лексем-«заменителей» и более детальной градации форм льстивого поведения в английском языке; 2) наличие специализированных фразеосемантических микромоделей в английском языке, объективирующих лести в политике и бизнесе и лести-подхалимство. Неоднозначность категоризации представлений о лести обусловлена ослабленностью признака ложности информации, синтезом различных по оценке смыслов в образной основе ФЕ-репрезентантов и высокой степенью диффузности денотата, дающего три чётких признака-ассоциации: своекорыстная злонамеренная дезинформация (или лицемерие), удовольствие, игра. Оценочная категоризация и общий прагматический эффект ФЕ в большинстве случаев зависят от того, на каком из вышеуказанных признаков сконцентрируется субъект оценки. Расхождение между эмоциональной и рациональной оценкой этого явления имеет две формы: эмоциональное отношение негативно, но признаётся необходимость лести в определенных ситуациях для расположения реципиента к себе и успешного достижения цели; рациональная оценка негативна за счет осознания своекорыстных намерений субъекта, эмоциональная позитивна за счет получаемого удовольствия. В целом характерна высокая степень зависимости эмоционально-нравственного восприятия лести от психологического настроения реципиента. К специфическим проявлениям прагматического эффекта ФЕ с семантикой лести также относится частичное «перенаправление» негативной коннотации ФЕ с субъекта на реципиента; оно чаще всего осуществляется за счёт контекстуальной информации, эксплицирующей реципиента как инициатора лести, требующего от субъекта льстивого поведения как подтверждения собственной значимости и доминирующей позиции в отношениях. Культурно-специфической чертой англоязычных коммуникативных ситуаций является достаточно высокая представленность т.н. конвенциональной лести, являющейся социальной нормой, зачастую не преследующей корыстных или вредоносных для объекта намерений, приятной для реципиента и ни к чему не обязывающей обе стороны.

### Литература

- Красавский Н.А. 2008. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., Гнозис, 374.  
Алефиренко Н.Ф. 2008. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., Элпис, 271.  
Морозова Е.И. 2005. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект. Харьков, Экограф, 300.  
Телия В.Н. 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., Языки русской культуры, 288.  
Устинова Т.В. 2003. Мой генерал. М., Эксмо, 352.  
Устинова Т.В. 2004. Первое правило королевы. М., Эксмо, 352.  
Barnes J.A. 1994. A Pack of Lies: Towards a Sociology of Lying. Cambridge, Cambridge University Press, 200.  
Christie A. 1984. Five Little Pigs. New York, Berkley Books, 216.  
Collins Cobuild Idioms Dictionary. 2007. Glasgow, Harper Collins Publishers, 410.  
Cox J. 1992. Jinnie. London, Headline, 440.  
Fiedler S. 2007. English Phraseology: A Course Book. Tübingen, Gunter Narr Verlag, 296.  
Granger, S. 2011. Phraseology: An Interdisciplinary Prospective. New York, John Benjamins Publishing Company, 486.  
Kovecses Z. 2010. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford., Oxford University Press, 418.  
Longman Idioms Dictionary. 1998. London, Pearson Education Limited, 398.  
Oxford Advanced Learner's Dictionary. 1997. Oxford, Oxford University Press, 1780.  
Scottoline L. 2004. Killer Smile. London, Pan Books, 436.

---

# ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

---

УДК 811.161.1

## ТИПЫ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ДОСТОВЕРНОСТИ

### TYPES OF INFORMATIONAL SOURCES IN THE CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE AND THE ISSUES OF THEIR TRUSTWORTHINESS

**А.В. Белоедова**  
**A.V. Beloedova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: beloedova@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* Современная медийная практика обострила проблему надежности информации и обусловила необходимость теоретического исследования типов источников информации с позиции их достоверности. Категория эвиденциальности, в рамках которой изучаются способы получения информации, означает отношение говорящего к источнику сообщения. В основе этой категории находится личный опыт говорящего, его логические рассуждения и цитирование полученной информации. Наша статья обращена к анализу сложной цепочки отсылок к первоисточникам, которые активно используются российскими СМИ. Особое внимание уделяется языковым показателям, с помощью которых в журналистские медиатексты вводится чужая речь.

*Abstract.* The actual media practice has dressed the issue of validity of information and the need for theoretical research of the types of informational sources from the point of their trustworthiness. The category of evidentiality which frames the research of the means for getting of information, indicates the attitude of the speaker to the source of information. This category is based on the speaker's individual experience, its logical reasonings and quotations of the received information. The paper discusses the complex chain of references to informational origins which are widely used by Russian media. The special attention is paid at the linguistic indicators by which the speech is used in journalistic media texts.

*Ключевые слова:* эвиденциальность, достоверность, медиадискурс, медиатекст, типы источников информации.

*Key words:* evidentiality, trustworthiness, media discourse, media text, types of informational sources.

---

## Введение

Понятие достоверности информации имеет прямое отношение к ответственности журналиста как источника или посредника сообщаемых сведений перед своей аудиторией. Достоверность излагаемых в журналистских медиатекстах фактов соотносится с эпистемической квалификацией информации, то есть с оценкой того, каким образом она была получена и может ли претендовать на истинность. Следовательно, категория достоверности пересекается с понятием эвиденциальности, служащим для указания на источник получения информации говорящим, а точнее – для обозначения «пути доступа к сообщаемой информации» [Падучева 2014, [http](http://); см. работы Н.Д. Арутюновой, Г.А. Золотовой, Н.А. Козинцевой, Е.В. Падучевой, В.А. Плунгян, В.А. Храковского, А.Д. Шмелева, Т.В. Шмелевой и др.; L. Anderson, F. Palmer, Th. Willet и др.]. Наряду с термином «эвиденциальность» используется также другие названия – «авторизация», «засвидетельствованность», «пересказывательность».



### Основная часть

Для носителей русского языка этот тип субъективно-модальных значений может показаться непривычным, так как говорящие по-русски указывают на источник сведений только в том случае, если эта информация представляется им необходимой [15, с. 302]. Главными показателями эвиденциальности в русском языке считаются лексемы, репрезентирующие чужую речь: *говорят, слышать, слышно, кажется, как будто, вроде, якобы, дескать, мол, де* и др. Информация же, принадлежащая автору, может включать в себя указания на собственные наблюдения говорящего (я видел, я слышал), его умственную деятельность, жизненный опыт (я писал, я догадался, помню и т. п.). Ср.: **На моих глазах** за одного из избитых вступился его товарищ, пытаюсь объяснить хулиганам, что избитый – сам немец; Первая серьезная драка в марселе случилась в ночь с 9 на 10 июня. Она началась **у меня на глазах**; Некоторые англичане **рассказали мне** потом, что драка началась из-за того, что на них «прыгнули» местные фанаты. **Но я этого не видел. Казалось**, что все вспыхнуло спонтанно (Из репортажей Романа Анина, рассказывающих о стычках футбольных фанатов на Евро-2016. Новая газета, 12.06.2016).

Несмотря на различные подходы к истолкованию эвиденциальности, ее границ и средств выражения, общепризнанным является понимание того, что в основе этой категории находится личный опыт говорящего, личное свидетельствование или цитирование полученной информации. Учет способа получения информации позволяет ученым выделить следующие типы эвиденциальности:

- прямое свидетельство (attested evidence), или прямая непосредственная эвиденциальность, при которой источником информации является сам говорящий, получающий сведения с помощью зрения, слуха, осязания или всех чувств сразу («Я вижу/слышу, как...»);

- косвенное свидетельство (inferring evidence), или косвенная непосредственная эвиденциальность, при которой говорящий, не являясь свидетелем, восстанавливает ситуацию путем логического рассуждения или построения гипотез, основанных на личном знании мира («Я думаю, что...»);

- косвенное свидетельство (reported evidence), или косвенная опосредованная эвиденциальность, при которой информация получена «из вторых рук» (иначе – цитатив, пересказывательность) («Он сказал мне, что...») [Willet 1988: 57; Золотова и др. 1998: 75; Козинцева 1994: 92; Плуноян 2003: 322].

Эвиденциальность и достоверность тесно связаны между собой, поскольку любой тип информации может оцениваться с позиции ее достоверности/недостоверности. Так, недостоверность источника информации может возникнуть в результате ошибочного восприятия или в связи с ненадежностью источника, сомнительности информации, полученной из вторых, третьих и даже четвертых рук. Вследствие такой близости значения эвиденциальности могут включаться в состав категории достоверности (например: [25, с. 8]). Вместе с тем указание на источник сведений говорящего не обязательно содержит в себе информацию об уровне достоверности информации, и, как замечает Е.В. Падучева, «эвиденциальность сама по себе не подразумевает недостоверности» [13]. Поэтому более признанной считается точка зрения, согласно которой эвиденциальность и достоверность представляют собой разные квалификативные модусы, при этом один и тот же источник может оцениваться как достоверный или недостоверный разными говорящими и слушающими [9]. Однако верно и то, что данные модусные значения, теснейшим образом переплетаясь, могут быть репрезентированы одними и теми же языковыми средствами.

В данной статье мы сосредоточимся на тех знаках косвенной опосредованной эвиденциальности («информация из вторых рук»), которые частотны и наиболее востребованы в медийной речи. Журналистские медиатексты относят к полифоническим текстам, для которых доминантным является постоянное взаимодействие «своего» и «чужого» слова. Именно в медиасфере активизируются словесные перепалки, полемика, споры о мнениях и нравственных позициях тех или иных социальных групп, личностей и пр. [1, с. 668]. Косвенная опосредованная информация присутствует в текстах СМИ в виде ссылок на государственные структуры, официальные органы и представительства, мнения и оценки социальных групп и отдельных лиц и т. д., что свидетельствует, по словам Т.В. Шмелевой, об отработанной технике «включения чужого голоса, которое делает авторское начало менее или более сложным» [23]. Точное указание на источник сведений формирует объективность, достоверность, верифицируемость журналистской информации и повышает доверие к ней со стороны аудитории.

Источником информации может быть субъект, т. е. конкретное / обобщенное / неопределенное лицо и/или канал коммуникации. Например: **Бах** <прим. Томас Бах, глава МОК> **сказал**, что он не отвечает за форс-мажор, устроенный в канун Олимпиады - 2016. **Всемирное антидопинговое агентство заявило**, что сроки зависели от результатов исследований по поводу злоупотреблений (Новая газета, 03.08.2016);



Двукратный серебряный призер Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро в плавании брассом россиянка **Юлия Ефимова заявила**, что не держит зла на американских пловцов, которые негативно высказывались в её адрес (Московский комсомолец, 16.08.2016); **Зафиксировано рекордное число туристов, одновременно летом город столько курортников еще не принимал. Официальный номерной фонд полностью заполнен, – рассказал мэр столицы Игр-2014 Анатолий Пахомов** (Российская газета, 10.08.2016).

Наличие в медиатекстах ссылок на конкретные источники снимает с автора необходимость каким-то особым образом доказывать достоверность высказывания. Другой вопрос, что цитирование ньюсмейкеров может быть некорректным: «Воспроизведение цитат из высказываний должностных лиц и других источников информации должно быть точным и полным, исключая искажения смысла высказывания. Цитаты должны воспроизводиться в верно представленном контексте» [Короченский 2009: <http:///>]. Журналисты не всегда соблюдают этические рекомендации, произвольно изменяя смысловой контекст или приводя неточную / неполную / искаженную цитату. Примером может служить фраза премьер-министра Дмитрия Медведева, произнесенная им на встрече с жителями Крыма во время его официального визита в Феодосию 23 мая 2016 г. На жалобу о низких пенсиях, премьер заявил, что «индексации *«нигде нет»*. *«Просто денег нет. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья»*, – добавил тогда глава правительства» (РБК, 07.06.2016).

Данная цитата употреблялась в СМИ как в полном виде, так и в виде краткого выражения «денег нет, но вы держитесь», ставшего крылатым. Например: *В конце мая внимание пользователей соцсетей и СМИ привлекла беседа Дмитрия Медведева с жителями Крыма. В ходе диалога на тему пенсий местная жительница спросила, когда ждать индексаций выплат. Премьер ответил, что в бюджете страны денег нет и посоветовал жителям полуострова держаться. «Просто денег нет. Найдем деньги – сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья»*, – сказал он (Новая газета, 10.08.2016); *Премьеру тут же припомнили другую его знаменитую фразу про «денег нет, но вы держитесь»*, с которой политик обратился к крымским пенсионерам (Московский комсомолец, 10.08.2016); *Денег нет... Но вы держитесь!* «Фарме-2020» урезали финансирование. Постановление, суть которого можно обозначить одной крылатой фразой премьер-министра Дмитрия Медведева, было подписано им же в июне (Аргументы и факты, 29.07.2016); *В Улан-Удэ испекли чудо-пряники, вкусные и ароматные, да еще и с надписью – «Денег нет. Но вы держитесь!»*. Надо ли напоминать, что автор известной фразы премьер-министр Дмитрий Медведев? Да, «бросил» он ее в Крыму во время встречи с пенсионерами (Комсомольская правда, 23.06.2016). Фраза Дмитрия Медведева, обросшая шлейфом эмоциональных коннотаций, стала использоваться в СМИ как прецедентный текст, как «мем» для оценки сложных ситуаций, из которых власть не может найти решение. Ср.: *Денег нет, но вы учитесь*. Почему российский гражданам не нравится, что государство им плохо помогает, но они все равно на него надеются (Ведомости, 05.08.2016); *Лечения нет, но вы держитесь!* Почему медицина становится недоступной? Причин может быть две: недоработка, сбой в системе и недофинансирование (Аргументы и факты, 30.07.2016).

Если журналисту надо обосновать достоверность информации, но при этом сохранить конфиденциальность самого источника или канала, по которым получена информация, то «на первый план выдвигается не субъект речи, а результат его речевой активности» [Золотова и др. 1998: 290]. Проиллюстрируем речевые приемы, которыми пользуются журналисты: **По версии следствия**, осенью 2015 года подозреваемому перепала крупная денежная сумма за помощь одному из призывников уклониться от армии (Новая газета, 15.08.2016); **По предварительной информации**, самоубийство произошло из-за долговременной невыплаты заработной платы на протяжении последних 6 месяцев. **По информации, которую нам удалось получить** от членов кооператива, мужчине задолжали уже более 150-200 тысяч рублей (Московский комсомолец, 09.01.2015); Тем не менее, **источники издания на условиях анонимности признали** факт того, что иранские переговорщики «хотели бы получить что-то материальное», освобождая заложников. И этим «материальным» были наличные средства (Российская газета, 03.08.2016); **Знакомый человека, занимающегося приватизацией, подтвердил «Ведомостям» информацию «Интерфакса»** (Ведомости, 04.08.2016); В региональных центрах МЧС не верят, что этот год им удастся закончить без долгов перед личным составом – средства взять неоткуда. Одновременно растут долги перед коммунальными службами. «Идут суды, нам блокируют счета», – **подтвердили «Новой» на условиях анонимности в одном из региональных центров** (Новая газета, 01.06.2016). По нашим наблюдениям, такой способ предъявления информации используют СМИ различных форматов и достаточно часто. Однако может ли претендовать такая информация на достоверность и объективность? Согласно



деонтологическим постулатам, «журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен» («Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России», принят в 1994 г.). Таким образом, если журналист убежден в том, что источник надежен, но по объективным причинам желает остаться анонимным, автор текста имеет право включить такую информацию в свой материал. Более того, ФЗ РФ «О СМИ» в ст. 49.3 говорит следующее: «Журналист обязан сохранять конфиденциальность информации и (или) ее источника» [ФЗ «О СМИ»: <http://>]. Сохранение анонимности источника, который предоставил информацию на условиях конфиденциальности, в деонтологическом плане составляет профессиональную тайну, и принудить к ее нарушению и раскрытию источника никто не может. В кодексах профессиональной этики российского журналиста оговорен ряд исключительных случаев, когда анонимность источника может быть нарушена: 1) когда имеется подозрение, что источник искажил истину; 2) когда упоминание имени источника представляет собой единственный способ избежать тяжкого и неминуемого ущерба людям.

Зачастую об анонимности просят те, кто сообщает действительно социально важную информацию, которую хотели бы скрыть органы власти или другие властные структуры, например: *Повесившийся пилот прошёл освидетельствование во врачебной лётно-экспертной комиссии (ВЛЭК), и был признан годным к лётной работе в качестве пилота, – сообщил источник, пожелавший быть неназванным* («Пилот российской авиакомпания повесился после потери работы». Московский комсомолец, 04.02.2015); *«Лайф» со ссылкой на анонимный источник утверждает, что из-за ошибки пришлось раздать восемь памятных медалей, которые отдельно заказал для себя один из тренеров клуба (Медуза, 25.07.2016); Среди возможных кандидатов на его место – замминистра экономического развития Игорь Рева и руководитель департамента имущественных отношений Минобороны Дмитрий Куракин. Об этом рассказывают три федеральных чиновника* (Ведомости, 02.08.2016). Также конфиденциальными остаются источники, информация которых может повлечь угрозу их жизни и здоровью, например: *Как пояснил чиновник, пожелавший остаться неизвестным, участникам тренинга предоставляется информация о действующих сегодня экстремистских группировках, например об «Исламском государстве», и применяемых боевиками способах вербовки* (Лента.ру, 08.07.2016).

Ссылка на анонимный источник может использоваться журналистами, чтобы ввести в поле общественного обсуждения сенсационные и спорные мнения и суждения, которые нельзя считать в полном смысле достоверными и объективными. Ср.: *Прежде всего поэтому и не кажутся достоверными слова «анонимного источника» в МЧС, которые с подачи FlashSiberia пошли гулять по СМИ: «Есть задача – не допустить прошлогодних пожаров. Вот их и отправили, хотя экипаж сопротивлялся, говорил, что видимость никакая. Но руководство посчитало иначе и заставило парней лететь»* (Из материала Алексея Тарасова о причинах гибели спасателей-членов экипажа Ил-76 при тушении лесного пожара в Иркутской области. Новая газета, 05.07.2016).

В русском языке с категорией эвиденциальности (в узком понимании) обычно соотносят специфическое употребление частиц *мол*, *де*, *дескать*, которые информируют о том, что автор пересказывает чьи-то данные или мнения: *Брат Панова предполагает, что Евгения похитили с территории Украины. Дескать, Евгений – человек достаточно грамотный, понимает, что с новехоньким удостоверением УБД («участник боевых действий») появиться в российском Крыму было бы подобно самоубийству* (Московский комсомолец, 12.08.2016); *После 12 предварительных заездов 19-летнего виндсерфер <прим. Стефания Елфутина> делила первое место с итальянкой Тарталини. Итальянец пожал плечами: мол, она совсем молодая и не факт, что справится с давлением в решающей медальной гонке* (Российская газета, 15.08.2016); *Французы, правда, уверяют, будто выкупили права на слово «Простоквашино» у автора – Эдуарда Успенского. Информировуют, что инвестиции их в российскую экономику составляют \$2 млрд, что у них де 18 предприятий на территории России* (Ведомости, 21.06.2016). Н.Д. Арутюнова называет эти лексемы ксенопоказателями, т.е. «знаками чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [Арутюнова 2000: 437]. Эти частицы указывают на границу между «своей» и «чужой» речью, они как бы «маскируют квазипрямую речь» [Булыгина, Шмелев 1997: 304].

Чужая речь может обозначаться лексемами типа *вроде*, *кажется*, *как будто*, *якобы*, *как говорят*, *по слухам*, *за что купил...*, *слыхать*, *слышно* и др., содержащими в своей семантике компонент неуверенности говорящего в достоверности информации, полученной от других лиц. Используя эти маркеры, говорящий/пишущий ставит целью сообщить адресату, что автор не является очевидцем события и что он не вполне убежден в достоверности предлагаемой информации. Тем самым говорящий как бы снимает с себя ответственность за сообщаемое [Плунгян 2003: 302; Шмелева <http://>]. Отметим, что традиционно эти маркеры относят к

показателям достоверности информации (например, [Беляева 1990]). В работе [Булыгина, Шмелев 1997: 298-304] лексемы *кажется, как будто, вроде, говорят* включены в пространство эвиденциальности. По наблюдениям авторов, указанные лексемы используются тогда, когда говорящий «располагает непосредственной информацией об интересующем его положении дел» или «опирается на информацию, полученную от других лиц», хотя не вполне убежден в ее достоверности. Например: *99 процентов граждан имеют весьма смутное представление, что это такое: администрация Президента России. Ну вроде бы и что-то привычное, на слуху, но чем именно в точности, в конкретности она занимается – знают немногие* (Новая газета, 15.08.2016); *Журналисты намекают на манипуляции с пробами на допинг единственной российской легкоатлетки, допущенной до Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро* (Московский комсомолец, 15.08.2016); – *А землю здесь взяли бы? – Землю? – Ну да. Про бесплатный гектар слышали? – Кое-что, краем уха* (Российская газета, 24.02.2015).

Иногда журналист выстраивает свой материал на основе слухов и их опровержения или подтверждения. Примером может послужить материал колумниста Кирилла Мартынова «Проблемы слухократии», в котором он резюмирует все слухи, которые ходили в СМИ в августе 2016 г.: 1) возможные досрочные президентские выборы; 2) причины громких судебных дел против российских чиновников и их отставок; 3) усугубление экономического кризиса и обесценивание российского рубля; 4) обострение отношений с Украиной. Такое обилие слухов колумнист объясняет так:

*Слухи как потенциально наиболее ценный источник информации возникают в закрытом обществе, где нет свободных медиа, а правительство выведено из-под общественного контроля и подотчетно только одному человеку. С одной стороны, мы уже жили в развитой слухократии при позднем СССР и знаем, чем подобные истории могут кончаться, если вдруг прорвет. С другой – наша ситуация уникальна. Границы все еще открыты, есть возможность читать любые западные сайты. Но тот же интернет оказывается плодотворной средой для распространения домыслов, он населен троллями и ботами. Госпропаганда и вовсе приучила за последние годы к мысли, что любое слово, сказанное ею, лживо по определению. Так Россия становится пространством, на котором безраздельную власть получают слухи* (Новая газета, 15.08.2016).

Эти языковые средства манифестируют, по сути, нерасчлененность модальных значений достоверности и эвиденциальности. Такую же семантическую близость демонстрируют вводные слова *по-моему, по-нашему, на мой взгляд*, которые не столько указывают на источник сообщения, т.е. говорящего, сколько предлагают его неуверенную оценку, при этом субъект речи не настаивает на своей позиции. Подобные обороты, отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, «никогда не используются при ссылке на информацию, полученную «из вторых рук», а употребляются при ссылке на информацию чаще всего при выражении неуверенной оценки» [Булыгина, Шмелев 1997: 300]. Например: *На мой взгляд, здесь и обсуждать нечего. Ясно, что с такими скоростями, когда ракеты будут иметь возможность летать в атмосфере со скоростью в 7–12 раз превышающей скорость звука, все системы защиты от них достаточно ослабеют* (Лента.ру, 17.08.2016); *Где наши спортивные тренеры? У нас 14 спортивных высших учебных заведений. В одном только бобслее, по-моему, семь иностранцев работает* (Аргументы и факты, 21.07.2016); *Мое сузубо личное мнение, что никогда стрельба не мешала вопросу обмена пленными, это вопрос совершенно другого характера. Удастся нам договориться или нет, я в этом не уверена* (РИА Новости, 21.07.2016).

В толковых словарях *якобы* (союз и частица) имеет значение недостоверности или ложности сообщаемого: *Во всемирной паутине обнаружился двойник сайта Минздрава России. Его создали мошенники, чтобы продавать неизвестный препарат от паразитов. Ссылкой на это чудо-лекарство заканчивается статья, где якобы главный инфекционист страны рассказывает о том, что Карелия – лидер по заражению населения паразитами* (Московский комсомолец, 16.08.2016); *По версии следствия, в 2012-2013 годах обвиняемые требовали от директора компании «Радострой» 18 млн рублей за выполнение строительных работ по муниципальному контракту. В случае отказа дать взятку Урлашов с заместителями якобы угрожали не выплатить предпринимателю деньги за выполнение следующего контракта* (Новая газета, 15.08.2016); *В волгоградскую полицию поступило сообщение о взрывчатке, якобы заложенной в городском торговом центре «Гурман»* (Российская газета, 13.08.2016); *Ректор Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ) МИФИ Михаил Стриханов назвал сообщения о якобы взрыве реактора на территории учреждения провокацией* (Лента.ру, 20.08.2016).

Наряду со свернутыми ксенопоказателями (*мол, де, дескать*), журналисты активно вводят в тексты авторизованные конструкции, с детализацией как персон, так и организаций. Частотными в журналистских текстах оказываются специальные конструкции как *сообщил нашему корреспонденту советник президента, по заявлению официального представителя, по*



словам очевидцев и др. Например: **Как рассказывали очевидцы, автомобиль успел проехать два километра со скоростью 60–70 км/ч** (Новая газета, 16.07.2016); **Но собеседники корреспондента «Российской газеты» в спецслужбах и правоохранительных органах считают, что могут появиться ужесточения в правилах регистрации короткоствольного оружия. Более того, уже не раз звучали и предложения вообще запретить так называемую травматику** (Российская газета, 15.08.2016); **При крушении вертолета Ми-2 в Краснодарском крае 7 августа погибли два человека. Об этом заявил официальный представитель Южного следственного управления на транспорте СК РФ Сергей Бойко** (Медуза, 07.08.2016).

Для медийной речи характерны высказывания с усложненной модусной рамкой, расширяющейся за счет использования нескольких субъектов в качестве источников информации. Например: **Международная федерация футбола (ФИФА) выразила полное неприятие проявлений насилия в ходе чемпионата Европы во Франции, сообщает Интерфакс со ссылкой на сообщения Федерации** (Новая газета, 12.06.2016); **Как сообщает ВВС, представитель ЮНИСЕФ в Сирии Ханаа Сингер предупреждает, что ситуация в блокированных районах города создает серьезный риск для оставшихся там детей, и требует немедленно восстановить водоснабжение** (Ведомости, 09.08.2016); **Два эксперта по правам человека ООН призвали президента Филиппин Родриго Дутерте прекратить массовые убийства, связанные с масштабной кампанией по борьбе с наркотиками, передает Reuters** (РБК, 21.08.2016). Иногда весь материал может быть построен на пересказе и компиляции высказываний из различных источников (дайджесты, обзоры СМИ, обозрения). Ср.: **Власти Турции опровергли информацию о взрыве в центре Анкары, передает Sky News Arabia. По словам неназванного чиновника, в одной из квартир произошел пожар. Однако он отказался рассказать подробности и назвать причину пожара. Одновременно турецкая газета Hürriyet подтверждает, что СМИ начали распространять в соцсетях слухи о взрыве после того, как очевидцы опубликовали фотографии клубов дыма, поднимающихся над местом происшествия. Как передает специальный корреспондент «Новой газеты», пожар произошел в бедном районе Анкары, где находятся трущобы. Ранее Sky News сообщил о мощном взрыве, прогремевшем в столице Турции («В Турции опровергли информацию о взрыве».** Новая газета, 19.07.2016).

В ходе такой неоднократной пересказываемости выстраивается сложная цепочка отсылки, и читателю бывает непросто отследить первоисточник высказывания. В этом случае на первый план выходит такая категория, как «авторитетность»<sup>2</sup> источников информации, известных плюрализмом мнений и оценок, которым можно доверять. Сама диалогичность коммуникации, ее включенность в деятельность человека влечет за собой необходимость разделения ролей акторов по степени их влияния на эту деятельность. Авторитетный источник в журналистике – это источник, заслуживающий безусловного доверия. Среди основных маркеров авторитетности источника в политическом дискурсе, который близок медиадискурсу и с ним пересекается, В.Б. Кашкин выделяет (1) прямые, или статусные маркеры, к которым относит имена и титулы, и (2) косвенные – цитирование лидеров общественного мнения [Кашкин 2007: 15]. Ср.: (1) **Глава Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF) Себастьян Коу заявил, что необходимо вернуть российских спортсменов на международные соревнования. Об этом в воскресенье, 21 августа, сообщает РИА Новости** (Лента.ру, 21.06.2016); (2) **Стоимость строительства стадиона футбольного клуба ЦСКА составила 350 миллионов долларов. Об этом в субботу, 20 августа, сообщил президент ЦСКА Евгений Гинер. Его слова приводит ТАСС** (Лента.ру, 20.06.2016).

Традиционным объектом цитирования в массмедиа являются не только политики, деятели культуры, спортсмены, но сами СМИ. На уровень цитирования одних изданий другими влияет категория авторитетности. Чаще всего российские СМИ цитируют различные отечественные и зарубежные информационные агентства: Reuters, РИА Новости, Интерфакс, ТАСС, УНИАН и др., а также разнообразные печатные и интернет-издания. Стоит отметить, что в поле цитируемости попадают только те издания, которые можно отнести к «качественной» прессе. Такие издания при описании политических, экономических, культурных событий стремятся дать им объективную оценку.

<sup>2</sup> Под авторитетностью в Словаре русского языка понимается: «1. Общеизвестное значение, влияние, общее уважение. 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием [Ожегов 1990: 25]. Е.В. Темнева под авторитетом понимает ним «культурное понятие, под которым имеется в виду форма осуществления власти, общеизвестный ориентир (член группы, мнения и высказывания которого являются общепризнанными, или популярная тема), который существует среди членов микросоциальной группы и который является эталоном для подражания» [Темнева 2010: 248–249]. В теории журналистики понятие авторитета часто связывают с риторическим приемом аргументации и убеждения читателей путем ссылки на известную медиальность.

Однако ссылка на источник информации не всегда означает ее достоверность, особенно тогда, когда источником выступает фейк. Фейк (от англ. *fake* - «подделка, фальшивка») – это остроактуальное в мире современных медиа понятие. В журналистике эксперт – лицо значимое, авторитетное мнение которого повышает доверие к изданию или публикации. Но есть случаи, когда и эксперт может оказаться фейком. Примером такого «липового» эксперта может служить британский спортивный журналист Саймон Раунтри, твиттер которого стал источником новостей для некоторых британских и многих российских СМИ. В своем твиттере он якобы описывал нюансы агрессивного поведения английских фанатов во время и после матча сборных России и Англии:

*На его твиты в своих новостях ссылаются RT, «Чемпионат.com», РИА «Новости», «Аргументы и факты», «Лента.ру», «Взгляд», «Комсомольская правда» и другие СМИ (Медуза, 15.06.2016). Или еще один пример: Чаще всего в роли экспертов выступают политические фрики и скандальные личности. Например, о секретном плане «Белуга», организованном западными спецслужбами для подрыва авторитета Путина и всей России, сообщил «известный французский эксперт по вопросам безопасности» и «шеф контрразведки правительства Франции» Поль Барриль. На деле же он офицер национальной жандармерии и член антитеррористической бригады, участник событий в Руанде (после которых обвинялся в участии в геноциде), вербовщик наемников для поддержки африканского диктатора Мобуту, не раз оказывавшийся в центре скандалов, связанных с заказными убийствами, вымогательством и клеветой (Газета.ру, 16.04.2016).*

Фейк считают жанром, формой, способом предъявления информации, «имитирующей сообщение о факте, которого на самом деле не было» [Позник 2014: <http://>]. Часто на сфабрикованные события и сюжеты «покупается» большое количество СМИ, которые все чаще ищут новостные поводы в Интернете. Ср.: **Австралийская компания Woolshed Company из города Мельбурн призналась в подделке и публикации вирусных видеороликов на YouTube <...> Сфабрикованные видеозаписи за два года успели «засветиться» в новостных выпусках практически каждой телевизионной сети в Австралии. О них также сообщали такие крупные издания, как Mirror, Sun, The Telegraph и The Guardian (Лента.ру, 14.07.2016).** Фейк можно считать разновидностью современной «газетной утки». Впервые такой способ предъявления информации начало использовать американское агентство сатирических новостей «Онион» (*The Onion*), которое с 1998 г. выпускает собственный сайт и газету тиражом 400 тыс. экземпляров. Это СМИ не только комментирует и освещает реальные события, но и вымышленные, что не мешает ему иметь многомиллионную аудиторию [Фабрика газетных «уток»: <http://>].

Аналогичные издания существуют и других странах. Например, в России в январе 2012 г. появилось РИА FogNews (букв. «туманные новости»), которое само себя называло «агентством придуманных новостей». В разное время придуманные новости данного агентства транслировались вполне реальные и авторитетные издания. Одним из самых громких фейков, запущенных FogNews, стало интервью с телеведущим Владимиром Познером о том, что он уезжает на ПМЖ во Францию. Это псевдоинтервью стало одним из наиболее обсуждаемых в российской блогосфере, его прокомментировали и официальные СМИ, например, «Новая газета» (««Познер» закрывается, «Малахов+» возвращается», № 127 от 09.11.2012). Деятельности РИА FogNews давали разные оценки, среди которых преобладали такие: «А агентство «FogNews», без сомнения, открыло золотую жилу. Оно, откликаясь на запросы блогосферы, придумывает фейки, которые трудно отличить от правды, талантливо пародируя саму реальность, производящую новости, которые как раз кажутся чистым фейком. Немудрено, что люди путают уже, где правда, а где фальшивка» [Петровская 2012: <http://>]. Несмотря на первоначальный успех, в 2015 г. FogNews на своем официальном сайте сделали такую пометку: «мы сменили формат, теперь только реальные новости в сатирическом ключе» (<http://fognews.ru/o-redakcii>), окончательно попрощавшись с деятельностью сознательного производства фейков.

Современная жизнь рождает новые (или обновленные) формы получения информации, нарушающие все нормы межличностной и массовой коммуникации. Мы имеем в виду «пранкерство», претендующее на статус расследовательской журналистики (по мнению самих «пранкеров»). Как показывает наше исследование, медийными персонами, лидерами мнений в сегодняшних СМИ могут являться провокаторы, которых цитируют журналисты:

*На следующий день после конкурса пранкеры, еще вчера сами себе художники неизвестные, проснулись знаменитыми. Новостные программы Первого канала и «России» неумолимо цитировали розыгрыши НТВ в качестве разоблачения заговора Европы. Так на авансцену общественного сознания вырвались юные нечаевцы. Не самые яркие, не самые талантливые, не самые образованные молодые люди с лексическим запасом пэтэушников вершат социальную справедливость в эфире (Из материала Славы Тароциной «Время провокаторов». Новая газета, 18.05.2016).*



Некоторые редакционные коллективы создают свою систему знаков, с тем чтобы ранжировать надежность источников информации. Так, популярный сайт новостей «Медуза» довольно часто выносит на отдельную плашку не только прямое указание на источник информации, но и характеристику самого источника. Так, в материале «При крушении вертолета Ми-2 в Краснодарском крае погибли два человека» (Медуза, 07.08.2016) двойную помету надежности получает источник информации – РИА Новости. Итак, косвенная опосредованная информация образует обязательную часть журналистского медиатекста, присутствуя в ткани текста в виде хорошо отработанной системы отсылок к источникам информации. Современная медийная практика осложнила проблему достоверности и надежности как источников информации, так и циркулирующих в массмедиа текстов. Расширяется зона ответственности профессиональных журналистов перед своей аудиторией и возрастает необходимость корректной, грамотной работы с источниками информации.

### Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV. – 896 с.
- Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи: де, дескать, мол // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 437-449.
- Беляева Е.И. Достоверность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: «Наука», 1990. – С. 157 – 170.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мина (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Закон РФ о средствах массовой информации (Закон о СМИ) от 27.12.1991 № 2124-1 [Электронный ресурс] / Действующая редакция от 24.11.2014. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/smi/>
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А. Золотовой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
- Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория / В.Б. Кашкин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 5. – С. 12-18.
- Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России [Электронный ресурс] / Общественная коллегия по жалобам на прессу. – Режим доступа: <http://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty>
- Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 92-104.
- Короченский, А.П. Кодекс журналистов Белгородчины [Электронный ресурс] / А.П. Короченский. – Белгород, 2007. – Режим доступа: <http://journ.bsu.edu.ru/kodeks/text-2008.shtml>
- Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред. В.А. Успенский. Изд. 6-е, испр. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 296 с.
- Падучева Е.В. Модальность // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики / <http://rusgram.ru>. На правах рукописи. – М., 2014.
- Петровская, И. Фейк про Познера расстроил Сеть: кто, если не он, мог бы так эффектно хлопнуть дверью? [Электронный ресурс] / И. Петровская // ЛЕНИЗДАТ.РУ. – 2012. – 09 ноября. – Режим доступа: <https://lenizdat.ru/articles/1108375/>
- Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.
- Познин В.Ф. Современные СМИ: между правдой и вымыслом [Электронный ресурс] / В.Ф. Познин // Медиаскоп. – 2014. – Вып. № 2. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/1513>
- Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. Высших учебных заведений / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 928 с.
- Современный русский язык / Под ред. Л.Р. Дускаевой. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.
- Тенева Е.В. Эксплуатация авторитетов в публицистике / Е.В. Тенева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 3. – С. 248-255.
- Фабрика газетный «уток» [Электронный ресурс] // PlanetaSMI.ru. – 2013. – 07 августа. – Режим доступа: <http://planetasmi.ru/kontent/25765-fabrika-gazetnykh-utok>
- Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 600-632.
- Шмелева, Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994. – 45 с.
- Шмелева Т.В. Медийное речеведение: сборник статей // <http://Anderson L.P. Evidentials, Paths of Change and mental maps: typologically regular asymmetries // Evidentiality, the Linguistic Coding of Epistemology in Language. – Norwood, N.Y.: Ablex from Chafe and Nicholas, ed., 1986.>
- Palmer F.R. Mood and Modality. – Second edition. – Cambridge: University Press, 2001. – 236 p. (Пропозициональная модальность связана с отношением говорящего к достоверности или реальности пропозиции и подразделяется на эпистемическую и эвиденциальную модельность (с. 8).
- Willet Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality // Studies in Language. – Amsterdam, 1988. – Vol. 12. – № 1. P. 51-97.

УДК 159.2.072

**СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ  
КАК КОММУНИКАЦИОННЫЙ КАНАЛ****SPECIALIZED POINT MEDIA IN THE CULTURAL FIELD AS A  
COMMUNICATIONAL CHANNEL****Р.В. Зинин  
R.V. Zinin***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85**Belgorod State National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**e-mail: zinin roman@mail.ru*

*Аннотация.* Исключительно значимая роль средств массовой информации во всех сферах общества сегодня не подлежит сомнению, однако нужно иметь в виду также тот факт, что они функционируют в определенном социальном контексте, в котором действуют разные факторы. В статье рассматриваются российские специализированные издания в сфере культуры как коммуникационный канал, используемый в том числе для передачи целевым аудиториям рекламного контента.

*Abstract.* The exceptionally significant role of the media in all areas of society today is not doubt, however, we must keep in mind the fact that its operate within a social context, which are different factors. The article discusses the Russian specialized publications in the sphere of culture as a communication channel, using for the transfer to target audiences also advertising content.

*Ключевые слова:* культура, коммуникация, коммуникационный канал, российские специализированные издания, типологические признаки, маркетинговые коммуникации, реклама, рекламный контент.

*Key words:* culture, communication, communication channel, Russian specialized publications, typological features, marketing communications, advertising, promotional content.

Средства массовой информации, заняв сегодня доминирующие позиции в смысловом производстве общества, оказывают огромное влияние на жизнь каждого человека – на его сознание, эмоции, чувства, на характер его социальных практик и отношений. «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, – как замечает Н. Луман, – мы узнаём через массмедиа. Это относится не только к знанию общества и истории, но и к знанию природы. Мы узнаём о стратосфере так же, как Платон узнавал об Атлантиде: “люди говорят то-то и то-то”... Мы сопротивляемся их воздействию, подозревая, что нами манипулируют, но по существу это ничего не меняет, потому что знания, полученные нами из массмедиа, словно сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого укрепляют друг друга» [13, с. 9-10].

Исключительная роль средств массовой информации во всех сферах общества сегодня, конечно же, не подлежит сомнению, однако нужно иметь в виду тот факт, что они функционируют в конкретных условиях, в конкретном социальном контексте, в котором действуют разные факторы, стимулирующие разные, не всегда совпадающие по своим результатам процессы [2; 5; 6; 10; 20; 28]. Как замечает А.П. Короченский, журналистская деятельность «так или иначе вписана в систему отношений данного общества, испытывает влияние доминирующих экономических, идеологических, правовых, культурных факторов, а также профессионально-творческих и профессионально-этических установок и нормативов, сложившихся в рамках журналистского “цеха”» [8, с. 121]. Соответственно, то, насколько СМИ будут эффективны в своей деятельности, насколько успешно они смогут решать стоящие перед ними задачи, насколько смогут они соответствовать своему предназначению, зависит как от осознанной ими своей социальной роли, своей миссии, от качества публикуемых ими материалов, так и от их коммуникативного и экономического ресурсов, обеспечивающих их способность быть «видимыми» и узнаваемыми целевыми аудиториями в общем информационном пространстве.

Быстро меняющийся социальный контекст заставляет средства массовой информации изыскивать новые ресурсные возможности для своего развития и для обеспечения необходимого контакта с целевыми аудиториями, что и обуславливает внимание и практиков, и исследователей к повседневной реальности СМИ как коммуникационному каналу, который связан со всеми аспектами, со всеми особенностями жизни и деятельности общества [4; 26; 32]. В этом смысле в объективном научном анализе сегодня особенно нуждаются специализированные издания, которые, как и другие типы СМИ, не могут не реагировать на вызовы современного мира, среди которых – повышенная социальная динамика и жесточайшая «рыночная борьба за аудиторию» [15, с. 111].



**Объектом** рассмотрения в данной статье являются российские специализированные издания в сфере культуры, деятельность которых нацелена на информационные запросы социальных групп, объединенных формальными социальными отношениями или общими интересами. В качестве **предмета** исследования выступают специализированные издания в сфере культуры как коммуникационный канал, обеспечивающий целенаправленную передачу контента разного типа.

**Практическим материалом** для исследования заявленной проблемы стал контент ряда российских специализированных изданий (газет и журналов) в сфере культуры («Искусство кино», «Кинобизнес сегодня», «ДИ - диалог искусств», «Искусство - The Art Magazine», «Русская галерея - XXI век», «Музыкальная жизнь», «Звукорежиссёр», «Балет», «Студия Антре», «Литературная газета», «Юность», «Иностранная литература», «Наше наследие», «Культура», «Культура и время», «Театрал», «Театральная жизнь» и некоторые др.) за период 2005 – 2016 гг.

Ключевыми **методами** исследования, помимо общенаучных методов, стали типологический анализ и сравнительно-содержательный анализ. Типологический анализ позволил на основе обобщения признаков выявить своеобразие специализированных изданий в системе СМИ. Сравнительно-содержательный анализ опубликованных в издании материалов обеспечил возможность определить и соотнести присутствующие в нем совокупности журналистских и рекламных тематических блоков (идей, проблем, фактов).

Рассматривая специализированные издания, выходящие в России, необходимо иметь в виду масштаб их присутствия на рынке периодических изданий. Одним из объективных источников, отражающих актуальный перечень действующих на рынке периодических изданий, как нам представляется, можно считать каталог подписных изданий. Так, объединенный каталог «Пресса России» включает более 4000 газет и журналов различных тематик [17].

Сегодня сформировалась практика рассмотрения специализированных изданий как самостоятельного сегмента в системе СМИ. Созданием классификации специализированных изданий в различное время занимались многие исследователи, которые отмечали необходимость комплексного подхода к изучению типологических особенностей периодической печати. Так, А.В. Лим подчеркивает, что «специализированные издания рассматривались исследователями лишь в общем виде, в рамках изучения рекламной и отраслевой прессы в целом, и учитывались как один из ее компонентов. Научные труды, посвященные данной тематике, отличает универсально-тематический подход, стремление системно исследовать все многообразие российской журналистики» [12, с. 5].

В качестве определяющих параметров специализированных изданий как самостоятельного вида прессы исследователи называют (1) целевую аудиторию и (2) проблемно-тематическую специализацию. Отмечается, что специализированные издания ориентированы на удовлетворение потребностей и интересов разных, объединенных общими интересами, целями и задачами сообществ, на обеспечение возможности обмена внутри этих сообществ тематически организованной информацией и актуальным опытом, а также на транслирование определенной системы ценностей [1; 16; 18; 19; 29]. Е.П. Прохоров отмечает, что первостепенную роль в специализированных изданиях играют запросы целевой аудитории, ее социальные и культурные параметры, идейно-политические взгляды, потребности в сфере информации и др., что «порождает огромное количество строго ориентированных изданий и программ, специально обращенных к конкретной аудиторной группе» [23, с. 211]. С.Г. Корконосенко также обращает внимание на то, что «специализированная периодика рассчитана на аудиторию с более или менее четкими контурами, что придает ей устойчивость на рынке, хотя в большинстве случаев и не сулит грандиозного всеобщего спроса» [7, с. 201]. По словам П.И. Чукова, специализированные издания имеют «своим целевым назначением более определенные аудиторные группы, сегментированные по социально-демографическим признакам и интересам в различных сферах жизнедеятельности человека, что соответствует широкой проблемно-тематической модификации типов этого вида изданий и специфичности ее социальных функций» [31, с. 29].

Оценивая коммуникативную и экономическую эффективность российских специализированных изданий методологически важно помнить, что она зависит «как от их творческого и мировоззренческого потенциала, от уникальности их контента, так и от их способности к непрерывному возобновлению своей сущности, к сохранению и устойчивому продвижению своих содержательных структур» [23, с. 43]. Этими факторами обусловлено обращение специализированных изданий к тем механизмам, которые дают им дополнительный ресурс роста и продвижения. Одним из таких механизмов является реклама, обеспечивающая достижение более значимых как экономических, так и социальных результатов.

Реклама играет исключительно значимую роль в жизни современного общества и в жизни самого издания. Телевидение и радио, рекламные щиты, газеты и журналы, Интернет – везде есть то, что толкуется как «распространяемая в любой форме, с помощью любых средств информация о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях (рекламная информация), которая предназначена для неопределенного круга лиц и призвана формировать или поддерживать интерес к этим физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствовать реализации товаров, идей и начинаний...», то есть реклама [30]. Как пишет Е.Л. Варганова, «появление рекламы в средствах массовой информации оказалось неизбежным. Реклама создала единственную действенную бизнес-модель, которая позволила существовать СМИ относительно независимо. Ведь в условиях планового целевого финансирования масс-медиа любыми структурами – государством, политическими партиями, церковью или какими-либо другими социальными институтами, СМИ обязаны выполнять конкретный



заказ. В условиях же рекламной индустрии при всех возможных негативных последствиях, к которым может привести зависимость от рекламы, газеты, журналы, телевидение могут достичь определенной независимости. Хотя для многих стран, в том числе и России, условия достижения независимости СМИ – это прежде всего вопрос политической культуры политической и финансовой элиты, а также наличия в государстве просвещенного гражданского общества» [3].

Важнейшим сегментом специализированных изданий являются те газеты и журналы, которые ориентированы на сферу культуры. Раздел «Искусство. Культура. Эстетика» в объединенном каталоге «Пресса России» содержит 145 наименований изданий подобного типа [17].

Специализированные издания в сфере культуры обладают богатой традицией и высокой социальной значимостью, которая определяется их духовно-нравственным потенциалом [25, с. 108], их непосредственной нацеленностью не только на удовлетворение интеллектуальных и духовных запросов человека, но и на «на выработку значимой для общества формулы социального блага» [23, с. 19].

Среди специализированных изданий А.И. Акопов выделяет (1) культурно-просветительские издания, включающие журналы и газеты, которые посвященные проблемам культуры и которые нацелены на рассмотрение проблем просвещения и образования; (2) искусствоведческие издания, подразделяющиеся на общеискусствоведческие журналы и отраслевые [1, с. 156].

Ряд показателей, а именно степень подготовленности целевой аудитории, предмет отображения, характер финансирования, обнаруживает неоднородность специализированных изданий в сфере культуры. Среди ключевых свойств специализированных изданий в сфере культуры – ориентированность на целевую аудиторию с присущей ей совокупностью информационных потребностей и культурных ценностей, высокая информативность и содержательность контента, а также качество и достоверность передаваемой информации. Бесспорным преимуществом специализированных изданий в сфере культуры является высокий коэффициент социального доверия к ним как коммуникативному каналу, как к источнику информации.

Анализ российских специализированных изданий в сфере культуры позволил выделить основные направления (виды искусства), которым они посвящены. Среди них – (1) общекультурная проблематика, (2) киноискусство, (3) литература, (4) театр, (5) изобразительное искусство, (6) музыка, (7) балет.

Как показал проведенный нами анализ, рекламные обращения в специализированных изданиях в сфере культуры присутствуют, выполняя прежде всего функции информирования и просвещения, однако занимают все же незначительное место.

В целом рекламная информация в специализированных изданиях в сфере культуры составляет 1,7% от общего объема информации. Это объясняется особым отношением специализированных изданий в сфере культуры к рекламе, поскольку реклама – это не просто форма маркетинговой коммуникации, специфика которой проявляется в информировании конкретных социальных аудиторий об объекте и его качествах с целью решения экономических и социальных задач, а особый механизм, меняющий сознание человека, оказывающий влияние на систему его ценностей [9; 11; 14; 21; 24; 27]. Как замечает А.В. Полонский, «реклама активно участвует в формировании социального и ментального уклада жизни современного человека... Реклама, как правило, это не проникнутый бескорыстием “собеседник”, щедро и ненавязчиво, с соблюдением всех правил приличия предлагающий свои советы и рекомендации, а субъект, склонный к психологическому нападению и захвату, к подчинению себе “встречного сознания”, решительно и безапелляционно обозначающий сферы своих интересов и притязаний, всякий раз лишь выбирающий стратегию и тактику “нападающего удара” и продвижения, отдавая предпочтение тому типу “мягкой силы”, который обеспечивает проникновение на психологическую территорию визави, овладения его сознанием, изменения его идеологии и социальных практик» [22, с. 43].

В тематическом отношении рекламные обращения в изданиях, специализирующихся в сфере культуры, можно разделить на следующие группы: (1) культурные мероприятия (например, международная ярмарка АРТ Москва, театральные фестивали им. А.П. Чехова); (2) издательские дома (издательский дом «Панорама», издательский дом «Федоров»); (3) СМИ (Первый канал, СТС, ТНТ); (4) учреждения культуры (центр современной культуры «Гараж», музей ART4.RU); (5) торговые организации, в том числе специализированные (салон-магазин одежды «Grishko», Российский антикварный салон, балетные полы «Harlequin floors», мебель для библиотек «Радуга-ЛИК», магазин для дизайнеров «Талант», магазин фототехники «Aldus»); (6) техническая продукция (видеорегистраторы «Agestar», ТМ «Casio»); (7) прочие (чай «Greenfield», НК-Альянс, фарфор «Leanher» и др.).

Рекламные обращения подобного рода составляет 67,2% от общего объема рекламной информации в изданиях. Как видим, в количественном отношении закономерно доминируют рекламные обращения, посвященные различным культурным событиям, которые нацелены на организацию духовно-нравственного мира человека.

Однако заметим, что коммерческие организации и различные торговые марки также используют канал специализированных изданий в сфере культуры для рекламной коммуникации. Рекламные обращения подобного рода составляют 32,8%.

Таким образом, особая востребованность специализированных изданий обусловлена необходимостью взаимодействия с целевыми аудиториями для обмена специальной информацией и



продвижения культурных ценностей. Специализированные издания в сфере культуры – это уникальный коммуникационный канал, обладающий огромным потенциалом продвижения, тем не менее как канал рекламной коммуникации редакциями он используется достаточно осторожно, с учетом специфики социальной миссии издания.

Изучение специализированных изданий в сфере культуры во всех их аспектах, безусловно, требует дальнейших исследований, которые позволят осмыслить данный сегмент СМИ как феномен современной культуры и коммуникации.

### Литература

- Акопов А.И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных журналов). - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. - 96 с.
- Алмакучуков К., Мусатов Б. К вопросу о маркетинговой среде сферы культуры // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. 2013. № 6 (108). М.: Гребенников, 2013. С. 472-481.
- Вартанова Е.Л. О современном понимании СМИ и журналистики // Медиаскоп. 2010. Вып. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru>. Дата обращения: 25.12.2016.
- Грачев М.Н. Средства массовой информации в социально-политическом поле // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. - 2000. № 2. 224 с.
- Доценко Е.Л. Не будь попугаем, или Как защититься от психологического нападения. – Тюмень, 1994. 98 с.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. - М.: Эксмо: Алгоритм, 2009.
- Корконосенко С.Г. Основы журналистики. - М.: Аспект Пресс, 2001. - 287 с.
- Короchenский А.П. Мировая журналистика: история, теория, практика. Белгород: ИД. «Белгород», 2015. 240 с.
- Котлер Ф. Маркетинг в третьем тысячелетии: Как создать, завоевать и удержать рынок. М.: АСТ, 2000. 271 с.
- Кучма И. Медиа и власть: современные концептуализации. // Социология: теория, методы, маркетинг. - 2004. - № 2.
- Ламбен Ж-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок: Стратегический и операционный маркетинг. СПб.: Питер, 2004. 344 с.
- Лим А.В. Специализированные издания как фактор развития бизнес-коммуникаций. - Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10/ А. В. Лим. - Москва, 2006. 236 с.
- Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. 256 с.
- Менегетти А. Реклама: факт, корни и власть // Психология и психоанализ рекламы: Личностно-ориентированный подход. - Самара, 2007. - С. 3 - 14.
- Меринков В.Ю. Роль «желтой» прессы и субкультуры сплетен в создании полифонической коммуникативной среды // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: Сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25–27 сентября 2006 г.) / Ред. кол. А.П. Короchenский, М.Ю. Казак, А.В. Полонский, С.В. Ушакова, С.М. Нарожная. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С. 107 – 111.
- Новикова А. Эффективные коммуникации посредством специализированных СМИ // Ремедиум. 2010. Т. № 11. С. 49-50.
- Объединенный каталог «Пресса России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pressa-rf.ru/cat/1/subject/22/>. Дата обращения: 20.12.2015.
- Овсепян Р.П. Периодическая печать России. Система, типология. М., 1995.
- Олешко Е.В., Хижчая Е.В. Эффективные коммуникации посредством специализированных СМИ // Известия уральского федерального университета. - 2013. - № 2 (113). С. 54-58.
- Полонский А.В. Медиа и их текстовая реальность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 27. № 18. С. 17-24.
- Полонский А.В. Реклама как одна из форм современной коммуникативной практики // Вестник Тверского государственного университета. - Серия «Филология». 20146. - № 3. - С. 235 -241.
- Полонский А.В. Рекламный текст в современных масс-медиа // Реклама и современный мир: Материалы III Международной научной конференции. / Под ред. Смеловой М.В., Брызгаловой Е.Н. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014а. - С. 42 - 52.
- Полонский А.В. Сущность и язык публицистики. – Белгород: Политерра, 2009. 238 с.
- Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики ... СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2000. 310 с.
- Романов А.А. Тайны рекламы. - Тверь: ГЕРС, 1997. - 290 с.
- Свитич Л.Г. Феномен журнализма. – М.: Издательство Московского государственного университета, 2000. - 255 с.
- Система средств массовой информации России / Под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2011. 391 с.
- Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 232 с.
- Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. – 461 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text16/o71.htm>. Дата обращения: 26.01.2017.
- Типология периодической печати: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект-Пресс, 2009. 236 с.
- Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (редакция от 08.03.2015) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2015).
- Чуков П.И. Специализированные газеты как тип издания: автореф. дисс...канд. фи лол. наук. - Ростов-на-Дону. 2004. 201 с.
- McCombs D. Media Agenda-Setting in the Presidential Election. - N.Y., 1981. 344 p.

УДК 070

## ТИПЫ ПЕЧАТНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ

## THE TYPES OF PRINTED MUSICAL EDITIONS

И.И. Карпенко, Т.И. Максимова  
I.I. Karpenko, T.I. Maksimova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: karpenkoirina@bsu.edu.ru; maksimova\_t@bsu.edu.ru

*Аннотация.* В статье рассматриваются основные типологические признаки периодических изданий, на их основании представлена типология печатных музыкальных изданий, проанализированы основные представители различных типов печатных музыкальных изданий, выявлены их основные типологические признаки.

*Abstract.* The article considers the main typological features of periodicals, on their basis presents a typology of printed musical editions, analyzes the main representatives of different types of printed musical editions, identified their basic typological features.

*Ключевые слова:* типология СМИ, типологические признаки СМИ, музыкальные издания, музыкальные журналы, типы музыкальных изданий, типологические характеристики.

*Keywords:* Media Typology, Typological Features Of The Media, Music Publications, Music Magazines, Musical Editions Types, Typological Features.

Тип периодического издания определяется устойчивой совокупностью комплекса характерных черт, появляющихся под действием типообразующих факторов [Прохоров 2011, 254]. Однако их универсальной классификации в научном дискурсе не представлено – исследователи в области СМИ выделяют различные типологические признаки.

Так, Е. П. Прохоров приводит такой перечень типологических факторов [там же, 255-258]: плюрализм мнений, тематическая дифференциация, ориентация на аудиторию, тематическое пространство, регион распространения, периодичность и «творческое лицо» издания (стиль изложения, жанры, авторы). В свою очередь, М. В. Шкондин разделяет типоформирующие факторы на ведущие (характер аудитории, целевое назначение издания, характер передаваемой информации) и дополнительные (периодичность, время выхода, объем информации, формат издания) [Асташкин 2013, 79].

Согласно теоретико-типологическому анализу А. И. Аكوпова, можно выделить признаки типоформирующие (издающий орган, цели и задачи издания, читательская аудитория), вторичные (авторский состав, внутренняя структура, жанры, оформление) и формальные (периодичность, объем и тираж) [Акопов 1985, 36]. Среди типологических признаков журнальной периодики М. В. Шкондин и Л. Л. Реснянская выделяют: предметную среду, аудиторию и цель издания [Типология периодической печати... 2009, 80].

Таким образом, мы можем выделить **основные типологические признаки периодических изданий**, основываясь на приведенных выше классификациях:

- **аудитория** – основополагающий типологический признак. Каждая редакция стремится как можно полнее удовлетворять информационные потребности своей аудитории. Кроме того, в условиях постиндустриального общества отмечается дальнейшее развитие ниши тематических журналов. Адресуясь более узким группам читательской аудитории, журналы поменяли рекламную политику, привлекая рекламодателей четко очерченной целевой аудиторией [Вартанова 2003, 147];

- **целевое назначение издания** может определяться директивными, нормативными документами, или задачами издающего органа. Обычно по целевому назначению издания делятся на: информационные, литературно-критические, научные, досуговые и др.;

- **тематическое пространство.** По характеру обращения к тематическим пластам следует выделить универсальные издания, в поле зрения которых находятся практически все сферы жизни общества. Наряду с ними существуют издания многопрофильные, охватывающие ряд проблемно-тематических линий, связанных между собой определенным центрирующим направлением и характером информации. Для монопрофильных изданий, в свою очередь, характерна только одна проблемно-тематическая линия [Прохоров 2011, 256-257];



- **предметная среда** конкретизирует тематическое пространство издания. Предметом могут выступать различные сферы общественной жизни, такие как политика, экономика, наука, культура, искусство и др.;

- **технические характеристики** издания, среди которых: оформление, формат, внутренняя структура, тираж, объем, периодичность, регион распространения, издатель и учредитель.

Характерная для современных медиа тенденция адаптации зарубежных медиабрендов приводит к обозначению отдельного типологического признака современных журналов, так называемому **«гражданству» издания** [Средства массовой информации России... 2008, 138]. В силу произошедшей в переходный период (1990-е – 2000-е годы) экспансии западных изданий на российский рынок, сегодня мы имеем достаточно большое число изданий, представляющих собой русскоязычную версию одноименных зарубежных журналов, частично адаптированную к специфике современной России [там же, 138-139].

В рамках нашего научного исследования нас будет интересовать типология **монопрофильных изданий**, журналов, предметной средой которых является **музыкальный процесс**. Как уже было сказано ранее, аудитория – основополагающий типологический признак для определения специфика издания. Для музыкальных изданий **целевой аудиторией** будут являться люди, интересующиеся музыкальным процессом, которых, в свою очередь, можно разделить на следующие целевые группы:

1. Люди, интересующиеся музыкальным процессом вообще, самой разнообразной музыкой, чаще всего, популярной музыкой. В музыкальных изданиях они ищут ответ на вопрос «что интересно большинству?»;

2. Люди с вполне определенным кругом интересов в музыкальной сфере, предпочитающие одно или несколько музыкальных направлений. В музыкальных изданиях они ищут ответ на вопрос «что будет интересно именно мне?»;

3. Люди, интересующиеся музыкальным процессом в профессиональных целях: исследователи, музыканты, критики и др. В музыкальных изданиях они ищут ответ на вопрос «что влияло и влияет на музыкальный процесс?». Эту целевую группу можно разделить на две еще более конкретные: исследователи в области музыковедения и музыканты (как профессионалы, так и любители).

В соответствии с этим разделением аудитории, мы можем вывести следующие **типы музыкальных изданий**:

1. **Музыкальные издания общего направления**, рассказывающие о музыке и музыкантах самых различных стилей. Предназначены такие издания, чаще всего, для меломанов, интересующихся современным музыкальным процессом. Освещаемые ими новости – новости шоу-бизнеса и музыкальной индустрии, а основные герои их публикаций – мировые знаменитости. Очень часто такие журналы составляют свои собственные рейтинги музыкальных композиций, альбомов, видеоклипов и др., а рецензируемые ими музыкальные произведения не должны принадлежать к какому-либо конкретному музыкальному стилю. Такие издания интересуют музыкальный процесс на его поверхностном уровне. Их целевое назначение, как правило, досуговое, они выполняют рекреативно-гедонистическую функцию. Отличаются такие издания ярким оформлением и более частой периодичностью. Как правило, эти издания распространяются на нескольких континентах. Основные представители этого типа – западные издания о популярной музыке и исполнителях, имеющие региональные варианты на территориях других стран, например, такие американские издания как «Rolling Stone» и «Billboard» (и их русскоязычные версии) и британский «Q».

Американский журнал **«Rolling Stone»** был основан в Сан-Франциско (в настоящий момент его редакция находится в Нью-Йорке) в 1967 году Яном Уэннером и музыкальным критиком Ральфом Дж. Глисоном, с 2004 года выпускается на русском языке. В настоящее время выпускается американской издательской корпорацией «Wenner Media LLC» (в России издаётся издательским домом «СПИ-Медиа» по лицензии «Wenner Media LLC»). Кроме США журнал «Rolling Stone» распространяется на территории Австралии, Аргентины, стран Ближнего Востока, Болгарии, Великобритании, Германии, Индии, Индонезии, Испании, Италии, Китая, Колумбии, Мексики, России, Турции, Франции, Чили, Южной Африки и Японии. Его общий тираж на 2014 год составил 1 468 263 экземпляра. Журнал выходит два раза в месяц объемом от 72 до 108 страниц.

Основные рубрики журнала: «RollingStone.com», «Correspondence», «The Playlist, Rock&Roll», «Q&A», «Television», «Random Notes», «National Affairs», «Reviews». Рубрика «RollingStone.com» помещается на первых страница журнала и содержит в себе информацию о контенте официального сайта «Rolling Stone». Рубрика «Correspondence» содержит краткие новостные заметки о мире музыки и шоу-бизнеса. «The Playlist» – рубрика, посвященная отдельным песням, альбомам и видео, на которые журнал советует обратить внимание. Самая большая рубрика «Rock&Roll» включает в себя краткие описательные материалы о популярных исполнителях (не только рок-эн-ролла, как может показаться исходя из названия рубрики, но и ритм-эн-блюза, хип-хопа, электроники и др.), в рубрике могут выделяться служебные подрубрики, такие как «Hot Actress», «Profile», «In the Studio», «Books» и др. Традиционная рубрика «Q&A» отводится для информационных интервью. Рубрика «Television» – для новинок из мира телевидения. Разворот «Random Notes» – это красочные фотографии наиболее заметных событий мира шоу-бизнеса и жизни звезд. Социальная и политическая тематика в журнале «Rolling Stone» освещается в рубрике «National Affairs» – здесь мы можем наблюдать

преимущественно проблемные и полемические статьи от ведущих обозревателей издания. Для журнала характерно выделение двух-трех основных хедлайнеров – ведущих музыкальных групп или исполнителей, материалам про которых отведено несколько разворотов. Обычно название группы или имя исполнителя (в некоторых случаях название самого материала) выводится в служебную рубрику. Замыкает журнал рубрика «Reviews», в которой мы наблюдаем рецензии на новые альбомы и кинофильмы и музыкальные чарты (топ-10 лучших песен на «iTunes», топ-10 лучших альбомов, топ-10 лучших синглов и топ-40 лучших альбомов).

Американский музыкальный журнал «**Billboard**» основан в Цинциннати в 1894 году Уильямом Х. Доналдсоном и Джеймсом Хенниганом. В России журнал выходит с 2007 года. В настоящее время редакция журнала расположена в Нью-Йорке. Выпускается журнал медиа-компанией «Prometheus Global Media». Кроме США журнал распространяется на территории Бразилии, Великобритании, Греции, Испании, России, Турции и Японии. Тираж его американской версии на 2014 год составил 16 327 экземпляров. Журнал выходит ежемесячно объемом от 76 до 110 страниц.

Журнал «**Billboard**» освещает не только новости музыкального мира, но также и новости шоу-бизнеса. Так, например, в постоянной рубрике «**Topline**» мы наблюдаем новостные заметки, комментарии звезд к произошедшим событиям, новости концертной и звукозаписывающей индустрии, киноиндустрии и телевидения. Также в этой рубрике мы можем встретить аналитические интервью с именитыми профессионалами в этих областях. Рубрика «**The Beat: 7 days on the Scene**» напоминает рубрику журнала «**Rolling Stone Random Notes**», в ней также представлены фотографии самых запоминающихся событий из мира шоу-бизнеса. Чаще всего это официальные мероприятия (премьеры, концерты, благотворительные вечера и др.), занимающие несколько разворотов. Рубрика «**Style**» посвящена стилю и моде. Далее «**Billboard**» также выделяет хедлайнеров – три-четыре выдающихся личности, связанные с музыкальным бизнесом, обычно такие материалы занимают несколько разворотов и, чаще всего, не имеют громкого информационного повода. Материалы именно о музыкальных исполнителях и музыкальных группах помещаются в постоянной рубрике «**Music**», по объему они, как правило, меньше и имеют информационный повод – выход нового альбома или сингла, начало или конец большого концертного тура и др. «**Billboard**», как и журнал «**Rolling Stone**», имеет рубрику «**Reviews**», которая полностью посвящена рецензиям на новые музыкальные альбомы. Замыкает журнал основная рубрика «**Charts**», в которой публикуются лучшие песни, альбомы и видеоклипы по различным критериям. «**Billboard Hot 100**», например, содержит лучшие 100 песен вне зависимости от жанра, а «**Billboard Radio Airplay**» делит песни в зависимости от радиоформата.

Британский музыкальный журнал «**Q**» был основан в 1986 году Марком Элленом и Дэвидом Хепуртом. В данный момент журнал выпускается европейским медиахолдингом (с основным центром в Гамбурге) «**Bauer Media Group**». Распространяется на территории Великобритании и зависимых территориях, Австралии, Гонконга, Доминиканской республики, Индии, Ирландии, Канады, Мальты, Маршалловых островах, Новой Зеландии, Сейшелах, Сингапуре, США, Южно-Африканской Республики, Ямайки тиражом 48 353 экземпляра (на 2014 год). Журнал «**Q**» выходит ежемесячно объемом от 122 до 140 страниц.

Открывает журнал постоянная рубрика «**The Month in Music**» с подзаголовком «**If it matters, it's here**», в которой помещаются материалы о значимых событиях в музыкальном мире. Это могут быть интервью, новостные заметки, аналитические корреспонденции – самые различные в жанровом отношении материалы. Следующая рубрика «**Introduces**» рассказывает о подающих надежды молодых музыкантах и музыкальных группах (чего нет в американских общемузыкальных журналах). Весьма интересна с точки зрения способа взаимодействия с читателями рубрика «**Cash for Questions**», в которой публикуются ответы знаменитых личностей (в каждом номере одна личность) на вопросы от читателей «**Q**». За каждый опубликованный вопрос редакция обещает дать автору 25 фунтов. Под рубрикой «**Cover Story**» помещаются обширные материалы о музыкантах с обложки номера. Под рубрикой «**My 10 Commandments**» выходят стандартизированные материалы, в которых музыкальные исполнители рассказывают о своих десяти жизненных заповедях («не будь ленивым», «люби свою семью», «разделяй бизнес и дружбу» и т.д.). Под рубрикой «**Maverick**» помещаются портретные очерки, посвященные выдающимся деятелям музыкальной индустрии. Традиционная для общемузыкальных журналов рубрика «**Reviews**» в журнале «**Q**» также рассказывает о новых музыкальных альбомах, переизданиях, а также о новинках киноиндустрии и книжного мира. Однако в журнале «**Q**» мы также можем наблюдать концертные репортажи и фоторепортажи в подрубрике «**Reviews: Live**».

**2. Стилиевые музыкальные издания**, посвященные одному музыкальному направлению, например, блюзу, кантри, джазу или року. Согласно учебному пособию доктора искусствоведения, профессора Е.В. Назайкинского, музыкальный стиль – это отличительное качество музыкальных творений, входящих в ту или иную конкретную генетическую общность, которое позволяет непосредственно ощущать, узнавать, определять их генезис и проявляется в совокупности всех без исключения свойств воспринимаемой музыки, объединенных в целостную систему вокруг комплекса отличительных характерных признаков [Назайкинский 2003, 20].

Целевая аудитория стилиевых музыкальных изданий, таким образом, четко сегментирована – это поклонники конкретного музыкального стиля, люди с четко определенными музыкальными вкусами. Стилиевые музыкальные издания освещают только те новости, которые непосредственно

касаются конкретного музыкального направления. Герои их публикаций не деятели шоу-бизнеса, а талантливые музыканты и композиторы, придерживающиеся определенного музыкального стиля. Целевое назначение стиливых музыкальных изданий, как и общемузыкальных, в основном, досуговое, которое достигается посредством выполнения рекреативно-гедонистической функции. Конкретный музыкальный стиль, которому посвящено издание, отражается и в оформлении. Выходят такие издания, как правило, ежемесячно (реже – два раза в месяц или раз в два месяца) и распространяются в одном (реже в нескольких) регионах мира. Основные представители стиливых музыкальных изданий также, как и общемузыкальных, это зарубежные издания, посвященные одному или нескольким близким музыкальным стилям, некоторые из которых имеют региональные варианты на территориях других стран, например, американские «Alternative Press», «Country Weekly», «Down Beat» и британские «New Musical Express», «Gramophone», «Classical Music», «Uncut», «Future Music Magazine», «Metal Hammer» и «Classic Rock». В России стиливые музыкальные журналы представлены переводными «клонами» зарубежных изданий и собственно русскими изданиями «InRock» и «Dark City».

Британский журнал «**Gramophone**», посвященный классической музыке, был основан в 1923 году шотландским писателем Комптоном Маккензи. В настоящее время журнал выпускается издательством «Mark Allen Group». Журнал распространяется на территории Великобритании и зависимых территориях и на территории Северной Америки. Его тираж на 2014 год составил 25 280 экземпляров. Его объем варьируется от 120 до 138 страниц.

Открывает журнал постоянная рубрика «Gramophone Sounds of America», в которой публикуются новости о недавно вышедших записях академической музыки и прошедших концертах в Северной Америке. Далее следует рубрика «Gramophone Editor`s Choice», где помещаются мини-рецензии главного редактора журнала Мартина Коллинфорда на 12 вышедших в прошлом месяце альбомов академической музыки. В следующей далее рубрике «For the Record» размещаются последние новости из мира классической музыки. Далее журнал условно делится на две части, на две большие рубрики: «Reviews» и «Features», подразбики которых перемежаются друг с другом на протяжении всего журнала. Под рубрикой «Features» мы наблюдаем обширные материалы о выдающихся музыкантах, как современных, так и исследовательские статьи о биографии и творчестве великих композиторов и дирижеров. Под рубрикой «Reviews» помещаются рецензии (самых различных видов) на оркестровые, камерные, инструментальные, вокальные, оперные произведения, на переиздания классических музыкальных произведений и книги.

Американский журнал «**Down Beat**», посвященный джазу, блюзу и выходящему за их пределы («jazz, blues and beyond» – дословно – «джаз, блюз и за их пределами»), был основан в Чикаго в 1934 году, сейчас его редакция расположена в городе Элмхерст, штат Иллинойс. Журнал выпускается компанией «Maher Publications», распространяется на территории Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Канады, Португалии, России, США, Франции, Южной Африки и Японии. Его тираж доходит до 70 000 экземпляров. Журнал выходит ежемесячно в объеме от 116 до 196 страниц.

Журнал «Down Beat» можно условно разделить на три части: первая часть журнала полностью посвящена выдающимся джазовым и блюзовым музыкантам, чаще всего материалы предстают в жанрах интервью или портретного очерка. Чаще всего для разграничения материалов здесь используются служебные рубрики. Вторая часть журнала располагается под рубрикой «Reviews», где располагаются рецензии на новые альбомы и переиздания в стиле джаз, блюз и стилях, близких к ним. Третья часть журнала представляет из себя «справочную» часть – здесь мы видим, в первую очередь, подробную информацию о предстоящих джазовых фестивалях и концертах, иногда здесь можно наблюдать полные планы концертных туров оркестров, адреса музыкальных магазинов, а также (в некоторых номерах) ноты к знаменитым джазовым композициям 40-50-х годов. Журнал «Down Beat» наполнен рекламой различных музыкальных инструментов.

Американский таблоид «**Country Weekly**», посвященный кантри-музыке, был основан в 1994 году, его редакция находится в Нэшвилле, штат Теннесси (журнал содержит в себе региональное приложение «Nash Magazine»). Выпускается журнал частной американской издательской корпорацией «American Media Inc.», распространяется на территории США и Канады тиражом 37 230 экземпляров. Журнал выходит раз в неделю объемом от 62 до 90 страниц.

Журнал начинается с постоянной рубрики «The Mix», под которой помещаются краткие новостные заметки, иллюстрированные красочными фотографиями, о жизни звезд и самых заметных событиях в мире кантри-музыки. В следующей постоянной рубрике «Questions» мы наблюдаем короткие информационные интервью. Следом помещаются служебные рубрики: «Country Style», «Get Cookin`» и др., после чего место отводится для регионального приложения, 16-тистраничного «Nash Magazine», также посвященного кантри-музыке, но делающего акцент на местных событиях и исполнителях. Далее, в продолжении самого «Country Weekly» мы наблюдаем материалы очеркового характера, посвященные кантри-звездам и выдающимся личностям индустрии шоу-бизнеса, так или иначе связанной с кантри-музыкой. Замыкают журнал традиционные рубрики «Reviews» и «Charts». Журнал «Country Weekly» содержит в себе основные черты таблоидной прессы: короткие новости, большие фотографии и крупные заголовки [Варганова 2003, 141], аналитические материалы здесь можно наблюдать крайне редко.

Британский журнал «**Uncut**», сосредотачивающий свое внимание на роке и альтернативной музыке, был основан в 1997 году Алланом Джонасом. В данный момент журнал принадлежит медиакорпорации «Time Inc. UK» и распространяется на территориях англоговорящих стран тиражом 51 562 экземпляра. Журнал выходит ежемесячно объемом 124 страницы.

Журнал открывает постоянная рубрика «Instant Karma!» (одноименная с песней Джона Леннона), в которой публикуются расширенные и иллюстрированные новостные материалы «мира «Uncut» (из подзаголовка рубрики), то есть мира рок-музыки. Следующая рубрика «An Audience with...» напоминает рубрику «Cash for Questions» журнала «Q» – интервью с рок-звездами, полностью составленное из вопросов, присланных читателями. Журнал также имеет своих хедлайнеров (4-5 музыкальных исполнителей на номер), имена которых, как правило, выносятся в служебные рубрики. Следующая постоянная рубрика «The Making of...», в которой о процессе создания культовых альбомов. Рубрика «Album by Album» содержит в себе рецензии на самые успешные альбомы знаменитых рок групп (в каждом номере по одной группе) в хронологическом порядке. Постоянная рубрика «New Albums» содержит гранд-рецензии (очень часто сопровождаемые информационными интервью) и мини-рецензии на вышедшие за месяц альбомы. В среднем в рубрике рецензируется до 100 альбомов. Следующая рубрика «Archive» построена по такому же принципу, но рецензирует альбомы, ставшие классикой в своем музыкальном стиле. Рубрики «DVD&Blu-ray» и «Films» содержат мини-рецензии о новинках киноиндустрии, рубрика «Books», соответственно, содержит рецензии на книги. Отчеты с прошедших фестивалей и концертов помещаются под рубрикой «Live».

Британский журнал «**Future music magazine**», специализирующийся на «музыке будущего», т.е. музыке, созданной с помощью компьютерных технологий, был основан в 1992 году. В данный момент журнал принадлежит издательской корпорации «Future Publishing Ltd.», распространяется на территории Великобритании и англоговорящих стран тиражом 11 181 экземпляр. Журнал выходит ежемесячно объемом до 120 страниц.

Новости «музыки будущего» помещаются под рубрикой «Filter. The Future of Music», которая, чаще всего, содержит в себе краткие обзоры технических средств создания музыки. Рубрика «Filter» также имеет вторую подрубрику «Classic Album», в которой мы можем наблюдать мини-рецензии на культовые альбомы электронной музыки. Следующая рубрика «Albums: Reviews» рассказывает о современных музыкальных альбомах. Под рубрикой «In The Studio With» обычно помещаются материалы, рассказывающие о знаменитых ди-джеях и композиторах «музыки будущего». Чаще всего под этой рубрикой помещаются аналитические интервью. Рубрика «Technique» (самая обширная рубрика в журнале) содержит объемные обзоры на новую музыкальную технику и музыкальное ПО, также под этой рубрикой публикуются советы и рекомендации по работе с обозреваемой техникой, пошаговые инструкции и уроки. Под рубрикой «Interview», что логично, помещаются интервью со знаменитыми исполнителями и композиторами электронной музыки. На последних страницах журнала мы снова наблюдаем рубрику «Reviews», но теперь уже со служебными подрубриками, которые содержат краткие обзоры на новую музыкальную технику и музыкальное ПО. Под замыкающей журнал рубрикой «Q&A»: Experts answer your questions публикуются ответы на вопросы читателей журнала.

Российский журнал «**InRock**», посвященный рок-музыке, был основан в 2000 году. В данный момент его издателем является ООО «Старлес», учредителем и директором является В.Н. Миловидов. Однако, если верить официальному сайту журнала, редакции у него нет и весь контент создается исключительно благодаря безвозмездному сотрудничеству с молодыми авторами. Журнал распространяется на территории России и стран СНГ тиражом 10 500 экземпляров. Журнал выходит раз в два месяца объемом до 64 страниц.

Ввиду того, что как такового фиксированного состава редакции журнал не имеет, постоянных рубрик мы можем выделить только четыре: «Chronical, Show Time», «Интервью» и «Есть компакт», в каждой из которых выделяются двусоставные служебные подрубрики. Первая часть служебной подрубрики – стиль, о котором пойдет речь в помещенном под рубрикой материале, вторая – имя (название) музыкального исполнителя. Под рубрикой «Chronical» публикуются краткие новостные заметки из мира как зарубежного, так и российского рока (однако материалы о зарубежных исполнителях в журнале преобладают). В рубрике «Show Time» содержатся репортажи и фоторепортажи с прошедших в России рок-фестивалей и рок-концертов. Под рубрикой «Интервью» помещаются интервью с зарубежными рок-звездами, в основном, взятые российскими журналистами. В рубрике «Есть компакт» традиционно помещаются рецензии на новые музыкальные альбомы как зарубежных, так и отечественных исполнителей.

**3. Академические музыкальные издания** посвящены научному осмыслению музыкального процесса, рассчитаны на довольно узкий круг читателей и имеют небольшой тираж. Их целевая аудитория – профессионально занимающиеся проблемами музыкального процесса сотрудники университетов, консерваторий, музыкальных учебных заведений и др. Читатели академических музыкальных изданий должны обладать специальными знаниями в области музыкальной теории, методики и педагогики. Целевое назначение академических журналов, как правило, научное, они выполняют просветительскую и популяризаторскую функции. Оформление таких изданий чаще всего соответствует оформлению классического научно-критического журнала (см. приложение 4). Чаще всего такие издания являются ежеквартальными и распространяются по подписке. Среди современных академических изданий самыми распространёнными являются



зарубежные «Journal of Music Theory», «Music Theory Spectrum», «Perspectives of New Music» и российские «Старинная музыка» и «Музыкальная академия».

Академический научный журнал Университета Дьюка «**Journal of Music Theory**», специализирующийся на вопросах анализа и теории музыки, был основан в 1957 году. Издается «Duke University Press» и распространяется на территориях высших учебных заведений США и посредством розничной продажи в сети Интернет. Журнал выходит раз в два года в двух книгах, объем каждой из которых доходит до 180 страниц.

Научный журнал «**Perspectives of New Music**», также специализирующийся на вопросах музыкального анализа и теории музыки, был основан в 1962 году в Сиэтле, Вашингтон. В настоящий момент выпускается раз в два года одноименной издательской корпорацией и распространяется на территориях США и Канады, а также посредством онлайн-продаж. На официальном сайте издания представлены образцы музыкальных произведений, освещаемых в последних выпусках.

Академический журнал «**Music Theory Spectrum**», специализирующийся на музыкальном анализе и теории музыки, был основан в Оксфорде в 1979 году. Журнал является официальным печатным органом Общества музыкальной теории и издается университетской прессой Оксфорда («Oxford University Press»). Журнал выходит раз в два года и распространяется на территориях высших учебных заведений США и посредством онлайн-продаж.

Российский научно-теоретический журнал «**Музыкальная академия**» был основан в 1933 году. Журнал выпускается ООО издательством «Композитор». В данный момент его учредителями являются: Союз композиторов Российской Федерации, Министерство культуры Российской Федерации, ООО издательство «Композитор» и коллектив журнала «Музыкальная Академия». Журнал распространяется по подписке (в розницу – в редакции и в магазине «Ноты» выпускающего журнал издательства «Композитор») и выходит ежеквартально (4 раза в год).

«Музыкальная академия» позиционирует себя освещающей едва ли не все стороны культурной и научной жизни России в области музыкального искусства. Также журнал входит в список журналов, рекомендованных для опубликования результатов исследований докторских и кандидатских диссертаций по искусствоведению.

Российский музыковедческий журнал «**Старинная музыка**» выпускается с 1998 года. Его учредителем и издателем является ООО Литературное агентство «ПРЕСТ», созданное в 1992 году на базе Издательского отдела Всесоюзного методического кабинета по учебным заведениям искусств и культуры. Журнал распространяется по подписке и выходит ежеквартально (4 раза в год). Журнал также был включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

**4. Журналы-хобби и музыкальные журналы для профессиональных музыкантов** чаще всего бывают посвящены конкретному музыкальному инструменту (например, гитаре или бас-гитаре) или способу создания музыки (чаще – именно электронной музыке). Их аудитория также четко сегментирована по профессиональному признаку – это люди, не только умеющие играть на определенном музыкальном инструменте, но и постоянно совершенствующие свой навык, возможно, занимающиеся музыкальным творчеством на профессиональной основе. Целевое назначение журналов-хобби и музыкальных журналов для профессиональных музыкантов можно определить как досуговое, но, помимо выполняемой такими изданиями рекреативно-гедонистической функции, они также выполняют популяризаторскую или образовательную функции, т.к. именно в таких изданиях мы чаще всего можем наблюдать ноты к конкретным музыкальным произведениям, новаторские решения в собственно создании музыкальных композиций, мастер-классы от именитых музыкантов и др. Оформление подобных изданий отличается большим количеством иллюстративного материала. Чаще всего такие издания выходят ежемесячно. Самые распространенные зарубежные представители среди журналов-хобби и музыкальных журналов для профессиональных музыкантов это британские «Computer Music», «Guitar Techniques» и американские «Guitar Player Vault» и «Guitar World». Среди российских изданий выделяется журнал «Music Vox».

Британский журнал «**Computer Music**», основной темой которого является создание электронной музыки с помощью компьютерных устройств, был создан в 1998 году. В настоящий момент журнал выпускается издательской корпорацией «Future Publishing Ltd». и распространяется на территории Великобритании и англоговорящих стран тиражом 12 920 экземпляров. Журнал «Computer Music» выходит ежемесячно объемом от 108 до 120 страниц.

На первых страницах журнала мы наблюдаем рубрики «News», в которой помещаются краткие новостные заметки из мира компьютерных технологий, так или иначе связанных с музыкой, и рубрику «Download», в которой журнал дает краткие обзоры на ПО, которое предлагает скачать со своего сайта (при условии обязательной регистрации). Основная и самая крупная рубрика журнала «Make Music Now», в которой помещается большинство материалов, обычно маркированных служебными подрубриками. Здесь мы наблюдаем материалы, рассказывающие о том, как эффективнее пользоваться компьютерным ПО и техническими средствами для создания музыки. Рубрика изобилует иллюстративным материалом. На последних страницах традиционно помещается рубрика «Reviews», где можно наблюдать рецензии и мини-рецензии на новинки компьютерного мира, которые так или иначе могут помочь в создании музыки.



Российский журнал «**Music Box**», позиционирующий себя как «издание для музыкантов, звукорежиссёров и меломанов», выходит с 1995 года. Его учредителем является А.В. Большаков, издателем – ООО «Мьюзик бокс». Журнал распространяется на территории Российской Федерации через оптовые компании, почтовую рассылку и продается в магазинах музыкальных инструментов. Его тираж достигает 10 000 экземпляров, объем – до 100 страниц. Выходит журнал «Music Box» ежеквартально (4 раза в год).

Среди постоянных рубрик наиболее заметной является рубрика «Workshop», содержащая полезные советы начинающим и зрелым музыкантам, тайны творческого и технологического процессов создания музыки, мастер-классы, истории легендарных производителей музыкальных инструментов. Новости из мира музыкальных технологий традиционно помещаются под рубрикой «Новости». Журнал (по аналогии со стиливыми музыкальными изданиями) имеет своих хедлайнеров, имена которых выносятся в служебные рубрики, а материалы занимают по несколько разворотов.

Таким образом **основными типологическими характеристиками печатных музыкальных изданий** являются:

**1. Музыкальные издания общего направления:**

- целевое назначение – досуговое, выполняют рекреативную функцию;
- предметная среда – популярная музыка и музыканты самых различных стилей;
- аудитория – меломаны, интересующихся современным музыкальным процессом;
- освещаемые новости – новости шоу-бизнеса и музыкальной индустрии;
- основные герои публикаций – мировые знаменитости;
- имеют яркое оформление;
- являются, как правило, транснациональными.

**2. Стиливые музыкальные издания:**

- целевое назначение – досуговое, которое достигается посредством выполнения рекреативной функции;
- предметная среда – музыка и музыкальные исполнители одного музыкального направления;
- целевая аудитория четко сегментирована – это поклонники конкретного музыкального стиля, люди с четко определенными музыкальными вкусами;
- освещают только те новости, которые непосредственно касаются конкретного музыкального стиля;
- герои их публикаций не обязательно мировые знаменитости, а талантливые музыканты и композиторы, придерживающиеся определенного музыкального стиля;
- их оформление отражает конкретный музыкальный стиль, которому посвящено издание;
- распространяются в одном (реже – в нескольких) регионах мира;
- имеют четко определенную структуру: часть, посвященная новостям и исполнителям, часть, посвященная рецензиям на музыкальные альбомы, и часть, посвященная концертной индустрии.

**3. Академические музыкальные издания:**

- целевое назначение исключительно научное;
- предмет – научное осмысление музыкального процесса;
- целевая аудитория – профессионально занимающиеся проблемами музыкального процесса сотрудники университетов, консерваторий, музыкальных учебных заведений и др.;
- оформление соответствует оформлению классического научного журнала;
- чаще всего являются ежеквартальными и распространяются по подписке.

**4. Музыкальные журналы для профессиональных музыкантов:**

- целевое назначение – досуговое, однако выполняют они рекреативную, популяризаторскую и образовательную функции;
- предметная среда – конкретный музыкальный инструмент или способ создания музыки;
- аудитория четко сегментирована по профессиональному признаку;
- оформление отличается большим количеством иллюстративного материала.

**Список литературы**

Акопов А. И. Методика типологического исследования периодических изданий (на примере специальных изданий). – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. – 96 с.

Асташкин А.Г. Типологическая характеристика журнала «Мир искусства» // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 13. Сер. Филология. Журналистика, вып. 1.

Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 520600 и специальности 021400 «Журналистика». – М.: Аспект Пресс, 2003. – 334 с.

Назайкинский Е.В. Стиль и жанр в музыке: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 248 с.

Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 520600 и специальности 021400 "Журналистика" / Е. П. Прохоров. – 8-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 349 с.

Средства массовой информации России: учеб. пособие для студентов вузов. -2-е изд., испр. и доп. / ред. Я.Н. Засурский; науч. ред.: Е.Л. Вартанова, М.В. Шкондин. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 389 с.

Типология периодической печати: Учеб. пособие для студентов вузов / М. Е. Аникина, В. В. Баранов, О. А. Воронова и др.; Под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 236 с.



УДК 070

**«ЭТОТ ТОВАР ГОВОРIT САМ ЗА СЕБЯ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ  
МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ В ТЕЛЕМАГАЗИНЕ****«THIS ARTICLE SPEAKS FOR ITSELF»: CONSTRUCTION OF MEDIA REALITY ON  
HOME SHOPPING TV****Е.А. Кожемякин, Т.Р. Красикова  
E.A. Kozhemyakin, T.R. Krasikova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85**Belgorod State National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В данной статье мы ставим целью дать конструктивистское описание ключевых характеристик формирования реальности особого типа, в которой рекламируемый товар включён одновременно в сеть конструирующей системы телевидения и в сеть рекламной коммуникации, выступая в качестве актора и участвуя в процессах самоописания медиасистемы (телевидения). Авторы предпринимают попытку синтеза системной теории Н. Лумана и акторно-сетевой теории Б.Латура с целью определения ключевых инореференциальных и самореференциальных операций, направленных на конструирование образа рекламного товара, а также описания характера его включённости в социотехническую сеть рекламной медиареальности. В качестве внешних референтов телерекламной коммуникации выступают: область эмоций адресата, социальные ценности, повседневные ситуации. Внутренние референты представлены функциональными и дизайнерскими характеристиками товара, его экспериментальной «устойчивостью» и количественной спецификацией. Авторы приходят к выводу об «эпистемической агрессии» дискурса телемагазина, его экспансивности, которая проявляется в вовлечении внешней среды в конструирование медиареальности.

*Abstract.* The paper aims at the constructionist description of the key aspects of the formation of a special sort of reality where the advertised article is included both into the network of constructing TV system and the web of advertising communications. It acts simultaneously both as an actor and as a member of self-descriptive (autopoietic) processes in media system (television). The authors take an attempt to synthesize the system theory of Niklas Luhmann and the actor-network theory of Bruno Latour in order to define the self-reference and other-reference operations of advertised article image construction. This sort of theoretical synthesis also helped the authors to describe the manner by which the advertised article is included into the sociotechnical network of advertisement media reality. The other-references in the TV advertisement communication are emotions of addressees, social values, and routine situation. The self-references are functional and design features of an article, its experimental “stability” and quantitative specification. The authors conclude about the “epistemic aggression” of the home shopping TV discourse, its expansivity, which is evident through the external environment involvement into the construction of media reality.

*Ключевые слова:* конструирование, телемагазин, реклама, телевидение, инореференция, самореференция, аутопоиетизм, акторно-сетевая теория

*Key words:* construction, home shopping TV, teleshopping, advertisement, other-reference, self-reference, autopoiesis, self-description, actor-network theory

**Постановка проблемы и теоретическая база исследования**

Телевидение как канал передачи информации имеет немало преимуществ, что делает рекламу посредством этого канала коммуникации более эффективной и рентабельной. Во-первых, ТВ обладает богатым набором выразительных средств. Так, благодаря синхронной визуальной и аудиальной репрезентации, телевидение способно настолько интенсивно «нагрузить» органы чувств потребителя информацией, что он воспринимает информационное поле как автономную действительность и, следовательно, он становится более расположенным к объекту рекламирования. Во-вторых, телевизионная реклама оказывает сильное психологическое воздействие, «связанное с личностным характером обращения к телезрителю, что делает рекламное обращение близким по эффективности к личным продажам» [10]. В-третьих,

телереклама имеет возможность одновременного охвата большой целевой аудитории, что особенно важно в системе продаж.

В результате, технологические, коммуникационные и дискурсивные характеристики телевидения в сочетании с лингвопрагматическим потенциалом рекламы усиливают эффективность последней. Этот тезис является общепризнанным и развивается в различных исследовательских перспективах, например, в рамках теории медиазависимости (см, например, [11]), теории медиарегулирования (см., например, [16]), теории медиавоздействия ([13]) и других. Особое теоретическое и практическое развитие он получает в русле конструктивистской парадигмы исследований массмедиа (включая и телевидение, и рекламу), представленной в работах целого ряда авторов (Н. Луман [4, 5, 6], С. Хилгартнер и Ч. Боск [12], К.А. Антонов [1], Е.Л. Сайко [9] и многие другие).

В работах, выполненных в конструктивистском ключе, исследовательское внимание сфокусировано на процессах и средствах конструирования медиареальности как реальности особого типа, специфика которой определяется не столько её соотнесённостью с предметной, привычной, «константной» реальностью, сколько с особым ментально-когнитивным, социально разделяемым представлением о том, каковой реальность должна быть или является. Иными словами, для конструктивистской парадигмы медиаисследований характерно искать ответ не на вопрос «как медиа отражают реальность», а на вопрос «какую реальность и какими средствами представляют массмедиа в качестве объективной / социально значимой / актуальной». Как поясняет Е.Л. Сайко, «реальность, формируемая в процессе функционирования массмедиа, не является копией или искажением «подлинной» действительности, а выступает в качестве самостоятельной данности - медиареальности, в которой внутренние закономерности функционирования и развития СМИ являются также механизмами воздействия на человека и его восприятие мира» [9: 9].

Так, и телевидение, и реклама, с конструктивистской точки зрения, не столько что-то сообщают о существующих во внешней по отношению к ним «вещам», сколько формируют особое смысловое пространство существования этих «вещей», которое, в свою очередь, меняется в зависимости от реакций адресата на телевизионные и рекламные сообщения. В таком контексте массмедиа могут рассматриваться как «эпистемический объект». По мнению Е.Н. Ивахненко и Л.И. Агтаевой, «(эпистемический объект) порожден и продолжает свое развитие путем постоянной подпитки знанием, которое привносят в него субъекты, полагающие, как правило, что только пользуются им (фондовая торговля, интернет-коммуникация). Кроме того, эпистемическое влияние на сложные социальные объекты оказывают не только отдельные субъекты. Их разрастание в (...) «обществах знания» (...) подпитывается усиливающимся влиянием экспертных систем» [2: 98].

«Вещи» в медиареальности, формируемой телевидением и рекламой, являются не столько «вещами» в предметном смысле, сколько проекцией наших представлений о них. Причём в качестве «экспертных систем», определяющих эпистемический статус медиарепрезентаций, выступают не только эксперты как представители академических и профессиональных сообществ, но и телезрители и потребители рекламы, мнение которых о телеконтенте и рекламируемых товарах представлено в виде рейтингов, объёма продаж, звонков в студию и т.п. и оказывается решающим при конструировании телевизионной и рекламной реальности. Более того, в этом случае происходит то, что в социальной эпистемологии обозначается как «объектуализация» предмета: рейтинг телеканала, продажи и прямая реакция аудитории на медиасообщения становятся самостоятельным, автономным объектом, оказывающим влияние на характер конструируемой медиареальности.

Такого рода объектуализированные феномены, по выражению Б. Латура, «дают отпор» действиям коммуникатора [14]. По утверждению Е.Н. Ивахненко и Л.И. Агтаевой, «экспертиза / исследование в этом случае перестает быть разновидностью «инструментального действия» и становятся разновидностью социального со-действия и со-производства социальной реальности» [2: 99]. В этом смысле важным является рассмотрение репрезентируемых телевидением объектов как гибридного элемента самой системы телевидения, как элемента медиареальности. В процессе функционирования массмедиа репрезентированные объекты становятся такими же «актерами», как и ньюсмейкеры, ведущие телепередач, главные герои программ, участники телешоу и т.д. Сама система массмедиа наделяет их таким статусом.

В связи с этим мы считаем продуктивным обратиться к элементам акторно-сетевой теории Б. Латура, суть которой состоит в том, что любой артефакт или неживой предмет интерпретируется как актер, действующий в определенной системе социальных отношений. Теория Латура даёт возможность рассмотреть объектуализированные медийные феномены как центры, наделенные определённым спектром самостоятельных действий, который в то же время вовлечен в «паутину отношений (web), связывающих гетерогенные сущности» [3: 65].



Особенно явно конструирующая функция массмедиа представлена таким феноменом массовой коммуникации, как «телемагазин» (англ.: shopping channel, TV-shop, DRTV shopping, teleshopping, home shopping TV): сращение прагматики телевидения и рекламы позволяет рассматривать его как уникальный и в то же время типичный предмет конструктивистского медиаисследования.

В данной статье мы ставим целью дать конструктивистское описание ключевых характеристик формирования реальности особого типа, в которой рекламируемый товар включён одновременно в сеть конструирующей системы телевидения и в сеть рекламной коммуникации, выступая в качестве актора и участвуя в процессах самоописания медиасистемы (в нашем случае – телевидения).

### **Телемагазин: функциональные и содержательные характеристики**

Само наименование «телемагазин» стало распространённым и узнаваемым после выхода на экраны первого для страны подобного телепроекта, появившегося, правда, не в формате целого телевизионного канала, а в рамках одной специализированной телепередачи, - «Магазин на диване».

Что представляет собой телемагазин? Исходя из основных признаков, его можно определить как специализированный массмедийный телеканал, транслирующий сюжеты и программы, побуждающие аудиторию к совершению покупки того или иного товара, услуги. Основной контент телеканалов этого типа состоит из подробной демонстрации предмета рекламы и объяснений ведущими его характеристик, функциональности, особенностей использования. Ведущий, в кадре или за кадром, демонстрирует какой-либо предмет, рассказывая о его преимуществах и особенностях, формулируя установки, как правило, директивного характера («звоните», «покупайте», «забирайте»). Нередко и упоминание о короткосрочных акциях и спецпредложениях (Пример: *«Только сегодня вы получите этот товар со скидкой», «На этот товар установлена скидка, которая действует всего 20 минут. Успейте приобрести товар!»*).

Важно отметить, что ассортимент, представленный в телемагазинах, в определённой степени претендует на уникальность и эксклюзивность. Так, «телемагазины раскручивают весьма непривычные устройства, например, блоки для экономии света, экономайзеры бензина, всяческие овощерезки» (Журнал «Теле-Спутник», август, 2013). Примечательно, что каналы этого формата не продают товары известных марок и брендов, да и ассортимент отличается от того, что покупатель видит в обычном магазине. Если и присутствуют бренды, то, как правило, только те, которые создаются специально для конкретного телемагазина.

Интересна история появления подобного формата массмедиа. Во второй половине 1970-х гг. в штате Флорида местный предприниматель не смог оплатить рекламу, заказанную им на одной из радиостанций. Вместо денег он предложил СМИ свой товар – 112 электрических консервных ножей. Владельцу радиостанции ничего не оставалось делать, как попытаться реализовать их в прямом эфире. К всеобщему удивлению, ножи раскупили довольно быстро. А хозяин СМИ запустил в эфир новую программу «Барганьеры (от англ. bargain – выгодная покупка) Солнечного побережья». В начале 1980-х эта программа транслировалась уже на местном ТВ.

Стоит отметить, что контент телемагазина ориентирован преимущественно на «домашних покупателей» (homeshoppers; см., например: [15]), которые представлены преимущественно домохозяйками. Это объясняет специфику предлагаемого ассортимента: товары для дома, кухонные принадлежности, косметика, украшения, сувениры, женская одежда. Часть программ рассчитана и на мужчин пенсионного возраста, поэтому спектр товаров включает еще и принадлежности для автомобилей, рыбалки, спорта, инструменты для ремонта.

Телемагазины функционируют на платформе спутниковых либо кабельных сетей. На эфирных каналах обычно появляется лишь отдельный контент в виде сюжетов или программ, что, впрочем, случается довольно редко по той причине, что допустимый объем рекламы ограничен российским законодательством до 9 минут в час. Крупные телеканалы стараются не использовать эту квоту в полном объеме, чтобы обилие рекламы не раздражало зрителей. К тому же, эфирным каналам невыгодно использовать в своем вещании ролики телемагазинов, им достаточно традиционных рекламодателей, которые более известны и востребованы, а также всегда готовы оплатить эфирное время.

Телемагазины стремятся присутствовать в социальных пакетах. Это возможность получить массовый охват и, следовательно, значительно расширить аудиторию. Кроме того, это своеобразная претензия на распространение социально востребованной информации. Следуя современным тенденциям, почти все телемагазины имеют интернет-версию с разными способами оплаты, позволяя делать покупки, не выходя из дома. Тем не менее, телемагазин остаётся лишь «небольшой нишей рынка дистанционной торговли» (Журнал «Теле-Спутник», август, 2013).

Трансляция в телемагазине осуществляется как в записи, так и в прямом эфире. Последний вариант вещания в свое время существенно увеличил возможность показа большего числа

товаров, поскольку демонстрация товара в прямом эфире длится значительно меньше. А это, в свою очередь, тенденция к росту числа продаж, поскольку «в итоге на одного зрителя приходится пять-семь покупок в год вместо одной-двух» (Журнал «Теле-Спутник», август, 2013).

Для большего понимания сути функционирования телемагазина, выражаясь образно, стоит отметить, что это даже не телевидение в традиционном понимании, это скорее своеобразная торговая площадка, основанная на правилах прямых продаж (direct marketing): «Телемагазин – не реклама. Ведь мы не занимаемся рекламой брендов. Наша цель – прямые продажи. Наш бизнес исключает рекламу, телеканал просто торговая площадка. Мы продаем товар в те минуты, когда показываем его, делаем ставку на эксклюзивность предложения, чего в прямой рекламе нет» (Из интервью Ларисы Михайловой, учредителя TV Club, Журнал «Теле-Спутник» - 5 (139), май 2007 г.).

На территории России на сегодняшний день ведут трансляцию несколько подобных каналов, среди которых, например, ShoppingLive, «Бум-ТВ», Topshop, Shop24, TV Sale, «Домашний магазин» и другие.

Одним из современных проектов в этой области стал телемагазин ShoppingLive. Он создан в 2011 году компанией ООО «Директ Трейд», занимающейся интернет-торговлей. Позже канал приобрела международная компания Home Shopping Europe GmbH. Сегодня Shopping Live позиционирует себя как первый немецкий телемагазин в России. «Первый немецкий» - это выражение стало неформальным названием канала, нередко звучащее и из уст его ведущих. Ассортимент вполне стандартный для любого телемагазина. Примечательно, что ежедневно на канале выходит порядка 6 часов прямого эфира, что является важным показателем качественного подхода в системе продаж: «Прямая трансляция – это залог достоверного показа товаров. Здесь невозможно что-то скрыть или исправить – вы видите товары так, как будто они находятся перед вами» ([www.shoppinglive.ru](http://www.shoppinglive.ru)). ShoppingLive позиционирует себя как телемагазин, соответствующей европейской культуре телешопинга, «где телемагазин – это большой супермаркет, в котором можно не выходя из дома приобрести самые разные товары, от брендовой одежды до бытовой техники. Покупатель сам выбирает удобный для себя формат шопинга: заказ товаров из телеэфира или покупки через интернет-магазин» ([www.shoppinglive.ru](http://www.shoppinglive.ru)). Кстати, возможность после просмотра ТВ-передачи вернуться к интернет-каталогу стала хорошим подспорьем в увеличении числа продаж.

Руководство канала, описывая преимущества телемагазина, говорит, прежде всего, о наглядности и детальности представления товара: «Представьте, что вы отправились за покупками в сопровождении личного консультанта... Ведущие подробно и понятно рассказывают обо всех товарах и обязательно показывают их «в действии». Если это техника для дома, вы не только узнаете о функциях прибора, но и научитесь им пользоваться» ([www.shoppinglive.ru](http://www.shoppinglive.ru)).

### **Репрезентация товара в телемагазине: инореференция и самореференция**

Одной из характерных для телемагазина операций является **инореференция**, под которой понимается, по Луману, отсылка к тому, что находится вне системы массмедиа [5: 21-29]. Товар репрезентируется таким образом, что он «встраивается» в сеть ситуаций, категорий и правил, не присущих самому предмету медиареференции. В результате, образ товара приобретает те качества, которые лишь условно характеризуют товар в предметной реальности, но в то же время являются его неотъемлемыми атрибутами в медиареальности. Так, предмет рекламы может приобретать, например, качество социально значимого, элитарного, жизненно необходимого и т.п. На примере канала ShoppingLive мы рассмотрим основные характерные для телемагазина приёмы репрезентации товара с помощью инореференции.

Одной из групп таких «внешних референтов» является *область эмоций адресата*.

Представляя товар, ведущие прямого эфира нередко прибегают к *приему образности*. В своей речи они моделируют бытовые сцены, которые для потенциальных потребителей являются отражением позитивных ситуаций, психологически положительных примеров поведения, установок. Так, рекламируя домашнее платье, ведущие говорят: «Только представьте, ваши дети, ваш муж, однажды вас обняв, точно захочет задержаться в ваших объятиях». Сценаристы канала обращаются к воображению покупателей, побуждая их погружаться в комфортные для них представления.

Создавая образ товара, авторы нередко делают *акцент на приобретении как осуществлении мечты*. Практически весь ассортимент представлен в контексте программ как то, что каждый непременно хотел бы иметь в своем доме. При этом предмет преподносят как то, что изменит жизнь его обладателя в лучшую сторону. Например, рекламируя домашнее платье, ведущие отмечают, что в нем его хозяйка выглядит как «идеальный образ любимой женщины и юной мамы – легкой и воздушной – вот какое чувство дарит это платье». Или «это мечта, которая может сбыться» (о наборе сковородок). Акцентируется и простота использования в быту, что, по мысли коммуникатора, также должно облегчить ведение хозяйства. Рассказывая о



посуде, ведущая подчеркивает: *«Можно не мыть, достаточно протереть тряпкой»*. Безусловно, то, о чем мечтали, с приобретением товара, репрезентированного ShoppingLive, становится ближе, тем более, что практически никаких усилий для этого не нужно, – апелляции к подобного рода установкам нацелены на эмоциональную контекстуализацию товара. За счет обращения к эмоциям зрителя как элементу внешней по отношению к массмедиа системы, товар интегрируется в широкую сеть операций и элементов, среди которых – не только сам товар, производители, рекламисты и маркетологи, повседневные ситуации его использования, но и эмоции и переживания адресата. При этом нормализуется не только такой статус товара, но в целом вся сеть, в которую он включён: *«Раньше за такими блюдами мы ходили в ресторан, теперь это можно сделать и дома, если у тебя правильная посуда»*.

В качестве «внешних референтов» выступают также *социальные ценности*. Сценаристы программ обращаются к достаточно широкой аксиологической тематике. Часто в центре внимания оказывается концепт «здоровье». Ведущие намекают, что использование их товара позволит сохранить хорошее самочувствие: *«Это набор сковородок, который позволяет жарить без масла, а значит – потреблять меньше холестерина»* или, рекламируя осеннюю обувь, ведущие подчеркивают: *«Это же ваше здоровье, вы не промокаете, ваши ноги всегда в тепле»*.

Достаточно частотной является ценностная категория «забота»: *«Если любите своих близких и заботитесь об их здоровье, надо пользоваться хорошей посудой»*.

Отдельного внимания заслуживают характеристики, которыми в программах ShoppingLive наделяют товары, наделяя их ценностными характеристиками популярности или уникальности. Обычно, это ёмкая фраза с акцентом на том или ином преимуществе товара, отражающая их «трендовую» характеристику: *«последний тренд из мира моды и бижутерии»* (о колье), *«одежда oversize сейчас в тренде»*, *«всемирно известный бренд»*, *«настолько это изящная, модная обувь»*, *«невероятно дорого смотрятся»* (об обуви), *«обувь с современными технологиями»*. Нередко в эфире ставят акцент на уникальности товара, реализуемого на ShoppingLive: *«Ни в одном супермаркете вам такого не предложат»*, *«это уникальные демисезонные ботинки»*, *«это эксклюзивная технология»*. Репрезентация товара как в контексте моды, так и собственной уникальности позволяет характеризовать его как узловой элемент и социальных отношений, и индивидуальных предпочтений.

Одним из наиболее распространённых типов «внешних референтов» являются *повседневные ситуации*.

При демонстрации товара используется приём *обращения к проблеме*. В рекламе продукции делается упор на решение бытовых вопросов, причём повседневная ситуация проблематизируется в том числе с помощью ряда визуальных средств (монокромное изображение ситуации, гротескное изображение неудачных инструментальных действий и т.п.). Зритель покупает товар, чем значительно упрощает ведение своего хозяйства, и забывает о трудностях в быту. В прямом эфире канала показывают это на примере нестандартных способов применения вещи: *«Одеть эту силиконовую крышку, вы можете даже на арбуз или на жестяную банку»*, – говорят ведущие, продавая вакуумные крышки.

Эффективность решения проблемы часто демонстрируется за счёт привлечения *«экспертной репрезентации»* товара в телемагазине. Эксперт может рассказать историю, призывающую потенциального покупателя задуматься о качестве товара и его значимости для быта. Так, к примеру, Елена Вуйович, представитель сербской компании Metalac, рассказывая о продукции этой фирмы, отмечает надежное и качественное выполнение изделий: *«Этот ковш я приобрела 15 лет назад. Прошли годы, но он до сих пор не изменился. Получил коррозию только винт»*. В данном случае сам эксперт выступает в качестве узлового элемента внешней системы, который в медиатизированной реальности выступает как тесно связанный с рекламируемым товаром. Включение товара в сеть повседневных действий, контролируемых или осуществляемых экспертами, с одной стороны, позволяет перенести товар из медиареальности в привычную адресату действительность, но с другой стороны, с помощью той же самой операции, возвращает его в медиатизированный мир, представленный компетентными пользователями, специалистами и экспертами, что в итоге позволяет наделять товар статусом «прошедшего экспертизу», и следовательно – надёжного и необходимого.

Технологии телевидения позволяют демонстрировать товар не только в сети его внешних связей, в системе инореференций, но и в системе *самореференций*. Под самореференцией вслед за Луманом мы понимаем операцию самоотнесения; использования себя в качестве референта для определения себя же. В данном случае, определение свойств товара осуществляется за счёт обращения к самому товару; товар начинает «говорить сам за себя» (дословно в эфире ShoppingLive: *«посмотрите на эту вещь. Этот товар говорит сам за себя»*).

Наиболее типичной самореференциальной операцией является *прямая демонстрация функциональности и внешнего вида* товара. В течение многих минут с различных ракурсов мы

наблюдаем за тем, как выглядит товар, как он используется в своём привычном инструментальном контексте.

Однако, чтобы продемонстрировать преимущества товаров, ведущие в прямом эфире часто проводят *эксперименты*. Нередко для большей убедительности это доверяют специалистам, выступающим в роли со-ведущих. Кухонные принадлежности и бытовую технику тестируют повара – в прямом эфире готовят разные блюда. Так, проверив, качество столовых аксессуаров, эксперты заключают: *«Грязеотталкивающий, жаростойкий силикон. Очень приятные шумовки, к тому же не царапают керамику»*. Проверяя качество обуви, эксперты по качеству полностью погружают в воду ботинки, демонстрируя их непроницаемость.

Товар помещается в категорию ему подобных или идентичных и приобретает таким образом *количественные характеристики*, которые, в свою очередь, указывают на его востребованность. *«Таких платьев у нас остаётся менее десяти»*, - заявляют покупателям в прямом эфире. Через несколько минут предлагают новое сообщение, касающееся этой же вещи: *«у нас осталось всего пять платьев»*. С одной стороны, это и способ подчеркнуть востребованность товара, его значимость, с другой – метод стимулирования продаж. Нередко на телеканалах демонстрируется счётчик времени, показывающий количество минут, оставшихся до окончания акции, в течение которых у зрителя есть возможность приобрести товар со скидкой. При этом, по мере сокращения времени акции, ведущие декларируют с нарастающей эмоциональностью, представление товара становится всё более агрессивным, апелляция к эмоциям – всё более выраженной. Товар как будто приобретает тем большую значимость, чем меньше шансов остаётся его приобрести.

Итак, инореференциальные связи, в которые включён товар, позволяют репрезентировать его в широком контексте (эмоций, ценностей, бытовых проблем), в результате чего расширяется смысловая «аура» товара. В то же время, самореференциальные операции направлены на конструирование образа товара как автономного, самоочевидного, функционального субъекта, говорящего сам за себя.

Инореференции и самореференции переводят товар в категорию актёра, который функционирует в телевизионной реальности практически так же, как и, например, главный герой репортажа или ньюсмейкер: он обладает идентифицирующими свойствами, он включён в цепь событий и сохраняет (и даже развивает) свою идентичность в различных контекстах.

### Медиатизированный товар как актёр

Следуя теории Б. Латура, артефакт, наделяемый статусом объекта наблюдения, не просто включается в определённую социотехническую сеть, - он часто становится её центром [14]. Таким центром можно назвать и рекламируемый в телемагазине товар, поскольку он образует вокруг себя социотехнические цепи, состоящие из людей и «не-людей» (М. Каллон). Эта «актёрская сеть» репрезентирована в коллективных действиях. В программах ShoppingLive образ товара как актёра показан с помощью репрезентации социотехнической сети. На это указывают следующие особенности.

Во-первых, в каждой презентационной программе ведущие отмечают производителя рекламируемого товара. Это может быть, как указание на бренд, так и на страну-производителя: *«уникальная коллекция бренда Helena Vera»* или *«немецкая блуза, созданная немецкими дизайнерами, вдохновлёнными изящными французженками»*.

Во-вторых, в презентациях упоминают актёрскую сеть, указывая на технологию изготовления товара. Это как раз та часть социотехнической сети, которая представлена в терминологии Латура и Каллона как «не-люди». Так, к примеру, рекламируя платье, ведущие отмечают, что ткань для него создавалась в технике квилтинг. Или, презентуя посуду, в программе говорят, что при производстве использовались самые современные технологии: *«утолщенное дно, трехслойная эмаль, нержавеющей овод, бакелитовая ручка, - все это о турке бренда Metalac»*.

В-третьих, репрезентация актёрской сети в категории «люди» показана посредством характеристики потенциального покупателя, как правило, через отнесение к конкретной (типичной) социальной группе: *«такие брюки должны быть в гардеробе у каждой модницы»*.

Сам товар как актёр часто репрезентирован как персонаж рекламной истории. В рекламных ТВ-программах происходит его персонификация, «очеловечивание». Именно посредством надления товара особенностями и функциями присущими человеку, предмет рекламы в телевизионном выпуске становится актёром, живущим на экране независимо от того, кто его представляет. Происходит это, прежде всего, при следующих вербальных ситуациях:

- товар наделяют чертами, свойственными человеку: *«Эти брюки не капризные, не мнутся, садятся идеально»*, *«Не боятся стирки, не надо гладить, с ними не церемонятся»*, *«обаятельная турка»*;



- рекламируемые предметы, в частности, кухни и гардероба, часто наделяют действиями и функциями, которые тоже присущи человеку: *«обнимая ваше тело, платье меняет конфигурацию»*, *«эта посуда вас никогда не предаст»*;
- реже встречаются такие номинации товара, которые конструируют его образ как живого персонажа: *«Это наша малышка объемом всего 2 литра»* (о кастрюле) или *«Эти брюки прекрасные спутники в путешествиях»*;
- ведущие указывают на действия, которые совершает товар. При этом они свойственны функциональному набору предмета репрезентации, но в то же время товар выполняет их самостоятельно. Например, *«посуда сербской марки Metalac готовит любые блюда»*, *«кастрюля хорошо варит суп»*.

Что касается визуального аспекта, то в каждой презентационной программе обязательно крупным планом показывают товар. Примечательно, что примерно каждые 40 секунд в выпуске или прямом эфире кадр, в центре которого находится предмет продажи, длится нестандартно долго для телевизионных программ.

Кроме того, интересна структура построения подобного телевизионного выпуска. Как правило, в ходе стандартной презентации возникает некий конфликт. Он касается функциональных особенностей товара: к примеру, сможет ли посуда справиться с приготовлением определенного блюда или средство для уборки очистить загрязненную поверхность? Ведущие моделируют своеобразный конфликт, ситуацию-препятствие: создают посредством эксперимента определенное испытание для товара. К примеру, чтобы протестировать систему Cleanmaxx на полу разливают краску. Стоит ли говорить, что в итоге в каждом случае предмет презентации справляется с задачей на «отлично»? *«С нашим товаром дня уборка превращается в удовольствие»*, - заключают ведущие.

Продолжительная демонстрация товара в телемагазине возможна при условии включения его как в сеть локальных операций (*«посмотрите, что делает наша овощерезка!»*), так и в более развернутый во времени семиотический (синтаксический) ряд другой рекламной информации (*«вам говорят, что пылесос известной марки работает тихо? Сравните с нашим пылесосом...»*, *«мы уже рассказывали о полюбившейся многим кекснице. Теперь у нас есть её новая модель»*).

Товар в телемагазине всегда находится в прогрессивном состоянии, более того – в активно-преобразующем состоянии по отношению к наблюдателю. Это проявляется двояко: во-первых, ситуация без товара репрезентируется в эфире как ситуация до товара, т.е. худшая, нежели сейчас. Товар помещается таким образом в темпоральную перспективу. Во-вторых, темпоральность товара в сочетании с его «прогрессивностью» изображается в процессе (само)презентации предмета рекламы. Зрители становятся очевидцами того, как товар становится лучше, эффективнее, и его совсем недавнее состояние заметно начинает проигрывать по сравнению с тем, которое наблюдается «здесь и сейчас». В терминологической перспективе конструктивизма, аутопойезис рекламной коммуникации выражается в бесконечно прогрессивной (само)репрезентации предмета рекламы. Товар репрезентируется как идеальный, но он ежесекундно становится ещё более идеальным вплоть до момента его приобретения.

## Заключение

Подведём основные итоги.

Медиареферентация – это не просто инструментальное действие системы массмедиа, не просто операция с внешней реальностью, но и со-конструирование реальности, детерминированное системой массмедийных норм по принципу рекурсивности: объект «объектуализируется» и затем вновь помещается в среду дискурса, которому он имманентен, и тем самым наделяется особыми смысловыми характеристиками. Показательным в данном случае является процесс конструирования медиареальности в телемагазине как уникальном случае сращения характеристик медиасистемы рекламы и телевидения. Рекламуемый в телемагазине товар включён одновременно в сеть конструирующей системы телевидения и в сеть рекламной коммуникации, выступая в качестве актора и участвуя в процессах самоописания медиасистемы (в нашем случае – телевидения).

Рекламная информация в телемагазине обращена как к внутренней (посредством самореферентальных операций), так и к внешней (посредством инореферентальных операций) по отношению к массмедиа среде. В качестве внешних референтов выступают: область эмоций адресата, социальные ценности, повседневные ситуации. Внутренние референты представлены функциональными и дизайнерскими характеристиками товара, его экспериментальной «устойчивостью» и количественной спецификацией.

Медиатизированный (репрезентированный с помощью массмедиа) предмет рекламы приобретает статус «незавершённого объекта», находящегося в состоянии постоянного



становления. Он одновременно и участвует в самоописании рекламной системы («говорит сам за себя») и перестаёт быть самим собой, постоянно совершенствуясь, становясь лучше, привлекательнее и эффективнее.

При этом, в отличие от новостной журналистской информации, которая по Луману, «порождается в рекурсивной связи операций системы и не зависят от того, подтверждает ли их внешний мир» [5: 63], конструирование медиареальности в телемагазине происходит в большей степени на основе обращения к внешним референтам. Обыгрывание сцен повседневной жизни, демонстрация бытовых проблем, проблематизация обыденных неурядиц – всё это характерно для медиареальности телемагазина и свидетельствует о большей ориентированности рекламной информации во внешнюю среду. Сеть, в которую включён товар, расширяется за пределы функциональной системы телевидения и актуализируется в виде гетерогенной, псевдо-открытой системы, условием коммуникации которой является не столько реакция адресата на уже усвоенную информацию, сколько «узнавание» им себя и привычной реальности.

Однако это псевдо-открытость. Как и в случае с новостным телевидением, событийность рекламной информации редуцируется к моментальным операциям («стимулирование продаж» - покупка) и обесценивает всю ранее полученную информацию, лишает ее значимости, и тем самым вносит свой вклад в воспроизводство рекламной системы. Однако на рекламном ТВ это делается с помощью инореференциальных связей, вовлечения внешней среды в воспроизводство системы. В этом отношении этот канал массмедиа является более экспансивным, «эпистемически агрессивным», нежели традиционное новостное телевидение.

Ещё одним важным выводом мы полагаем следующий: мы видим перспективы комбинированного использования системной теории Н. Лумана и акторно-сетевой теории Б. Латура в рамках медиаисследований: синтез анализа аутопойетических процессов и анализа (вос)производства социотехнических сетей в процессе конструирования медиареальности представляется нам достаточно продуктивным.

### Литература

Антонов, К.А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования. Медиареальности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук : 23.00.02 / К.А. Антонов. – Кемерово, 2009.

Ивахненко Е.Н., Аттаева Л.И. Аутопойезис «эпистемических вещей» как новый горизонт построения социальной теории / Е.Н. Ивахненко, Л.И. Аттаева // Вопросы социальной теории. – Том VII. – Вып. 1-2. – 2013-2014. – С.96-106.

Каллон, М. Акторно-сетевая теория / М. Каллон / Перевод с английского – Кузнецов А.Г. по изданию : International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Elsevier Science Ltd., 2001. Pp. 62-66. Режим доступа: [https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон\\_М.\\_Акторно-сетевая\\_теория.pdf](https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон_М._Акторно-сетевая_теория.pdf)

Луман, Н. Медиа коммуникации. Пер. С нем. / А. Глухов, О. Никифоров. – М.: Логос, 2005. – 280 с.

Луман Н. Реальность массмедиа. Пер. С нем. / А. Ю. Антоновский. – М.: Праксис, 2005. – 256 с.

Луман Н. Самоописания. Пер. С нем./ А.Антоновский, Б.Скуратов, К.Тимофеева. - М.: Издательство "Логос", ИТДК "Гнозис". 2009 - 320 с.

Маградзе, Р. Станет ли спутниковый телемагазин TV Club торговой площадкой для российских производителей? / Р. Маградзе // Теле-Спутник, – май, 2007

Маградзе, Р. Тенденции развития телемагазинов / Р. Маградзе// Теле-Спутник, - август, 2013

Сайко, Е.Л. Культурфилософский анализ СМИ: механизмы конструирования медиареальности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 24.00.01 / Е.Л. Сайко. – Томск: ТГУ, 2012. – 23 с.

Телевизионная реклама. Теория и практика рекламной деятельности [Электронный ресурс] // Индустрия рекламы. [Http://adindustry.ru/television-advertising](http://adindustry.ru/television-advertising)

Currás- Pérez R., Ruiz- Mafé C., Sanz- Blas S. What motivates consumers to teleshopping?: The impact of TV personality and audience interaction // Marketing Intelligence & Planning, Vol. 29 Iss: 5, 2011. Pp.534 - 555

Hilgartner S., Bosk Ch. L. The rise and fall of social problems: a public arenas model // American journal of sociology. 1988. Vol. 94 (No 1). P. 53-78.

Komar S. The Effects of Verbal and Non-Verbal Features on the Reception of DRTV Commercials //ELOPE: English Language Overseas Perspectives and Enquiries. 2016. Т. 13. №. 2. 181-197.

Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. – 1st ed. – N. Y.: Oxford University Press, 2005. – 301 p.

Lim, C.M., Kim Y.-K. Older consumers' TV home shopping: Loneliness, parasocial interaction, and perceived convenience // Psychology and Marketing. Vol. 28 (8). 2011. 763-780.

Pramoda C. L. Teleshopping: Regulatory Scenario in India // Interface. 2016. 12-22.



УДК 070(091); 316.77(091)

**ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ДНЕВНИКЕ А.В. ЖИГУЛИНА  
В ПЕРИОД ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»****SPACE AND TIME IN THE DIARY OF A.V. ZHIGULIN IN THE PERIOD  
OF KHRUSHCHEV'S «THAW»****В.В. Колобов  
V.V. Kolobov**

*Воронежский государственный университет, 394006, Россия, г. Воронеж, пл. Университетская, 1  
Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394006, Russia*

*E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

*Аннотация:* в статье исследуются пространственно-временная связь в писательском дневнике крупнейшего поэта второй половины XX века, уроженца Воронежа, бывшего узника сталинских лагерей Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000) в период хрущевской «оттепели». Материалы писательского архива А.В. Жигулина (дневниковые книжки, рабочие тетради, письма), поступившие в 2011–2013 годах на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И.С. Никитина, открывают новые, ранее неизвестные, страницы жизненной и творческой биографии поэта и отечественной журналистики послесталинской эпохи.

*Abstract:* the article explores the spatial-temporal relationship in the literary diary of major poets of the second half of the twentieth century, a native of Voronezh, a former prisoner of Stalin's camps Anatoly V. Zhigulin (1930–2000) in the period of the Khrushchev «thaw». Materials writer's archive A.V. Zhigulin (diaries books, workbooks, letters) received in 2011–2013 for permanent storage in the Voronezh regional literature Museum named. I.S. Nikitin, opening up new, previously unknown pages of life and creative biography of the poet and Patriotic journalism the post-Stalin era.

*Ключевые слова:* Анатолий Жигулин, Александр Твардовский, дневник, история отечественной журналистики.

*Keywords:* Anatoly Zhigulin, Alexander Tvardovsky, a diary, history of Russian journalism.

---

**Писательский дневник А.В. Жигулина [1]** – уникальный литературно-исторический и мемуарно-публицистический документ минувшей эпохи. В нем, как в зеркале, отразились его поэтическая деятельность, литературный процесс, отношение к основным общественно-политическим событиям в стране и мире, личная и семейная жизнь.

**Целью статьи** является определение **пространственно-временной связи** (хронотопа) в дневнике А.В. Жигулина периода хрущевской «оттепели» (неофициальное обозначение десятилетнего периода в истории СССР после смерти И.В. Сталина).

По определению М.М. Бахтина, **хронотоп** (*др.-греч. – время и место*) – это изображение (отражение) времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии. Ученый применил этот термин в литературоведении для выражения неотделимости пространства и времени друг от друга [2, с. 234–407].

В отличие от художественного произведения, где основу текста составляет виртуальная действительность, в дневнике писателя, например, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Н.А. Добролюбова, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского и др., отражаются реальные факты и события, конкретные даты и имена, психологические или философские размышления и воспоминания. В науке писательский дневник – неисчерпаемый источник биографических сведений, комментариев к литературным произведениям. Вместе с тем, необходимо признать, что как жанровая форма писательский дневник мало изучен.

А.В. Жигулин всегда старался как можно подробнее и точнее фиксировать в дневнике основные события литературной, общественно-политической и личной жизни. Впоследствии эти записи помогали ему в работе над стихами, публицистикой и автобиографической прозой.

Первые записные книжки датируются весной 1954 года, когда А.В. Жигулин был этапирован в Воронеж в рамках переследствия «по делу КПМ». Краткая справка: в сентябре 1949 года студент первого курса Воронежского лесотехнического института Анатолий Жигулин был арестован и объявлен «врагом народа» за участие в создании и деятельности подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ). Наказание отбывал в исправительно-трудовых учреждениях в Сибири и на Колыме, после смерти Сталина был освобожден и полностью реабилитирован.

С тех пор поэт вел дневник практически ежедневно (за исключением отдельных периодов, связанным с состоянием его здоровья, подорванным в лагерях и тюрьмах) вплоть до ухода из жизни 6 августа 2000 года.

Несомненную ценность для исследователей жизни и творчества А.В. Жигулина представляет тема его личных и творческих отношений с главным редактором журнала «Новый мир» **А.Т. Твардовским**, великим писателем, лауреатом Нобелевской премии по литературе **А.И. Солженицыным**, поэтами **Е.А. Евтушенко**, **А.А. Вознесенским**, **Б.Ш. Окуджавой**, **Б.А. Ахмадулиной** и др.

Условно содержание дневникового и эпистолярного наследия А.В. Жигулина можно разделить на **четыре периода**. Стоит отметить, что в целом мы согласны с периодизацией творчества А.В. Жигулина, предложенной Г.В. Марфиным: **1 период** – становление героя в процессе испытаний и познания жизни (конец 1950-х – середина 1960-х годов); **2 период** – обретение устойчивости в пространстве и времени (середина 1960-х – 1970-е годы); **3 период** – поиск устойчивости в пространстве истории (1980-е годы); **4 период** – утрата найденной гармонии (1990-е годы) [3].

Вместе с тем, данная периодизация (особенно 1-го этапа) требует уточнения [4, с. 95-98].

В дневнике А.В. Жигулина периода хрущевской «оттепели» запечатлены характерные для этого времени формы хронотопа: антисталинские XX (февраль 1956-го) и XXII (октябрь 1961-го) съезды КПСС, полет Юрия Гагарина в космос (апрель 1961-го), публикация в журнале «Новый мир» повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (ноябрь 1962-го), расстрел участников забастовки в Новочеркасске Ростовской области 1-2 июня 1962 года и др.

В жизни А.В. Жигулина этот период был тесно связан с деятельностью Воронежской писательской организации, Воронежского книжного издательства, журнала «Подъем», областных газет «Коммуна» и «Молодой коммунар».

Воронежское отделение Союза советских писателей в то время насчитывало 13 членов и кандидатов в члены ССП и более 20 членов литературного актива. Необходимо назвать имена прозаиков К. Локоткова, Ю. Гончарова, Ю. Третьякова, Г. Троепольского, Ф. Волохова, М. Булавина, О. Кротовой, А. Шубина, Н. Коноплина, В. Кораблинова, поэтов Г. Пресмана, П. Касаткина, Г. Воловика и других.

Выйдя в июле 1954 года на свободу, А. Жигулин начинает активно писать стихи и публиковаться сначала в местных газетах и журнале «Подъем», а затем и в центральных изданиях.

С 1952 года по 1956 год главным редактором «Молодого коммунара» был Б.И. Стукалин, возглавивший впоследствии Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР. С позиции сегодняшних дней можно однозначно сказать, что это был один из лучших редакторов воронежской молодежной газеты за всю историю ее существования. Именно в «эпоху Стукалина» в газете начинали делать первые шаги на профессиональном поприще многие люди, ставшие впоследствии известными на всю страну писателями и журналистами, в том числе Лауреат Ленинской премии Василий Песков, поэты Алексей Прасолов и Анатолий Жигулин.

В 1950-е годы при редакции «Молодого коммунара» действовал литературный клуб, в котором регулярно проводились встречи и занятия с творческим активом. Здесь бывали практически все известные писатели и начинающие литераторы. В том числе студент лесотехнического института Анатолий Жигулин, сразу ставший, по единодушному признанию критиков, одним из лучших воронежских поэтов.

Всего в 1954-1963 годах на страницах молодежной газеты было опубликовано 40 стихотворений Анатолия Жигулина, в том числе ставшие классикой «Рельсы» («Минус сорок показывал градусник Цельсия...»), «Случай на руднике» («Обрушилась глыба гранита...»), «У костра» («Мороз лютует три дня подряд...»), «Родина» («Помню я: под сенью старых вишен...»). Для сравнения: в областной газете «Коммуна» за этот период было опубликовано всего семь его стихотворений.

Первая публикация в журнале «Подъем» вышла в третьем, мартовском, номере за 1958 год – это было стихотворение «Земляника» («Их было мало, этих сочных ягод...»), «Якорь» («Бывало, в детстве, понаслышав много...»). В 1959 году «Подъем» дважды был благосклонен к начинающему поэту: во втором номере вышло стихотворение «Сердце майора» («Врач произнес негромко...»), в пятом – «На Острожном бутре». Два стихотворения были опубликованы на страницах шестого номера журнала в 1960 году: «У костра» («Мороз лютует три дня подряд...») и «Костыли» («Сосны пьют ледяную крупкой...»).

Судя по дневниковым записям, А.В. Жигулин в эти годы бывает в редакции журнала чуть ли не ежедневно. Со многими редакционными работниками он находится в дружеских отношениях. Летом 1960 года в редакции журнала образовалась временная вакансия. Не удивительно, что руководство «Подъема» предложило Жигулину попробовать себя в качестве журналиста.

Непродолжительное время – с 15 августа по 1 октября 1960 года – А.В. Жигулин работал в редакции журнала «Подъем» сначала в должности редактора отдела критики, затем – редактора отдела поэзии.

С 6 марта по 19 апреля 1961 года А.В. Жигулин временно исполнял обязанности редактора художественной литературы Воронежского книжного издательства. Следует отметить, что с журналом «Подъем» и книжным издательством поэт плодотворно сотрудничал на протяжении всей жизни.

Особо хотелось бы отметить роль доктора филологических наук, профессора ВГУ **Анатолия Михайловича Абрамова** (1917-2005) в судьбе и творчестве поэта. Известный в ту пору литературный



критик, талантливый и неравнодушный человек, А.М. Абрамов был одним из первых, кто заметил и поддержал Жигулина в начале творческого пути (что особенно важно). Фрагмент из его статьи, опубликованной в газете «Литература и жизнь»: *«Мы сейчас все чаще говорим о четвертом поколении советских поэтов. К сожалению, разговор нередко ведется узко. Упомянуты Е. Евтушенко, А. Вознесенский и еще два-три имени, что, конечно, мешает понять истинное лицо этого поколения. Думая об этом, хочется рассказать об Анатолии Жигулине, молодом инженере-строителе, уже лет пять серьезно выступающем в поэзии и выпустившем в Воронеже книгу «Огни моего города». Книга А. Жигулина сразу нашла своего читателя. Несмотря на то, что она поступила только в магазины Воронежского книготорга, в продаже ее уже нет. На недавнем диспуте о младшем поколении советских поэтов в Воронежском университете стихи А. Жигулина получили высокую оценку»* [5].

Именно А.М. Абрамов в сентябре 1961 года послал письмо о стихах А. Жигулина и его сборник «Костер» главному редактору журнала «Новый мир» А.Т. Твардовскому, с которым находился в творческой переписке. «Очень хотелось, чтобы как можно больше людей – во всяком случае из литературно-художественной среды – узнало, что в русскую поэзию пришел новый замечательный поэт», – вспоминал Анатолий Михайлович [6]. Вскоре на домашний адрес А.М. Абрамова пришла телеграмма: **«НАПИШИТЕ ДЛЯ НОВОГО МИРА РЕЦЕНЗИЮ НА КОСТЕР ЖИГУЛИНА ЗПТ ПЕРЕДАЙТЕ АВТОРУ МОЮ ПРОСЬБУ ПРИСЫЛАТЬ НОВЫЕ СТИХИ – ТВАРДОВСКИЙ»**. С этой телеграммы началось сотрудничество поэта Анатолия Жигулина с легендарным журналом «Новый мир».

**Первая встреча** А.В. Жигулина и А.Т. Твардовского состоялась в редакции «Нового мира» 4 ноября 1961 года. Только что в Москве закончился XXII съезд КПСС, проходивший с 17 по 31 октября 1961 года в Кремлевском Дворце съездов. Под натиском Н.С. Хрущева на нем было принято решение об усилении мер борьбы с культом личности Сталина, в частности, о выносе тела «вождя всех времен и народов» из Мавзолея, переименовании городов и объектов в СССР, названных его именем, снятии памятников и т. д.

А.Т. Твардовским был не только делегатом съезда, но и одним из выступающих на злободневную тему о задачах советской литературы в современных условиях. С трибуны съезда А.Т. Твардовский вновь напомнил о главной задаче писателя – стремиться воплотить в своих произведениях всю полноту правды, не ограниченную никакими требованиями, откуда бы они ни исходили (текст его выступления был опубликован в газете «Правда» 29 октября 1961 года).

В этот день Жигулин оставляет в дневнике лаконичную запись: *«Поехал в «Новый мир»... Встречу с Твардовским я подробно опишу после. А сейчас скажу только, что он очень тепло меня принял, похвалил стихи. «Флажки», «Ночная смена», «Земля» намечены в первый номер журнала»*.

В январском номере «Нового мира» за 1962 год была опубликована подборка стихотворений А.В. Жигулина, отобранных к печати лично А.Т. Твардовским. Уже в первых строчках читателю нетрудно было почувствовать мотивы болезненной для общества темы политических репрессий: *«Флажки на трассе в снежной шире, / Но будет речь о них потом. / А раньше Слово о цифире, / Напитке горьком и густом...»* (Флажки); *«Из штольни вышли в пыльных робах, / На свет взглянув из-под руки. / И замелькали на сугробах / Густые черные плевки...»* (Ночная смена); *«Мы сначала снимали / Твой снежный покров. / Кисти мерзлой брусники / Алели, как кровь...»* (Земля). [7, с. 78–79.].

В один из тех дней Жигулин скромно записывает в дневнике:

*«20 января 1962 года, суббота.*

*«...» Вышел «Новый мир». Три стихотворения – как и намечалось. Только во «Флажках» поправили вместо «Мы вновь те дали...» – «Мы ту дорогу...» Потерялось слово «вновь». Но ничего – сойдет»*.

В марте 1962 года Анатолий Жигулин был принят в Союз писателей СССР. Запись в дневнике:

*«18 марта 1962 года, воскресенье.*

*«...» Сегодня почта принесла радостное известие. Пришло письмо из Правления СП РСФСР. Утвердили меня в Союзе еще 13-го числа. Ура!.. Был у Абрамова, поделился новостью. У него был в это время Н. Задонский. Рассказывал о генерале Муравьеве. Очень интересно. Беседовали также о борьбе литературных группировок в Москве. Очень сложное это дело»*.

В 2015 году руководство Воронежской областной организации Союза писателей России передало на **постоянное хранение** в областной литературный музей им. И.С. Никитина **«личное дело» А.В. Жигулина**. Это две небольшие папки, датированные 1961-м годом. В них – личный листок по учету кадров, автобиография поэта, его характеристика, рекомендации для вступления в Союз писателей СССР, справка об опубликованных произведениях, выписка из протокола общего собрания писательской организации и другие бумаги.

В рекомендации члена Союза писателей СССР Владимира Гордейчева читаем: *«Анатолий Жигулин автор двух сборников стихотворений, изданных в Воронеже. Последняя книжка, вышедшая год спустя после первой, говорит о значительном росте молодого поэта. Лучшие стихи ее («Треска», «Рельсы», «Костыли», «Песня» и другие) написаны со зрелым мастерством. Я уверен, что Анатолий Жигулин напишет еще немало добротных книжек»*.

А вот слова из рекомендации ответственного секретаря Воронежского отделения Союза писателей СССР Константина Локоткова: *«Из поэтов Воронежа Анатолия Жигулина считаю*

наиболее подготовленным к приему в члены Союза писателей. У него свой голос, искренний, проникновенный, и пишет он о современности, о нашей славной молодежи. Это для него – главная тема творчества».

Строки из рекомендации члена СП СССР Анатолия Абрамова: «*Стихи Анатолия Владимировича Жигулина уже несколько лет появляются в нашей печати. Еще до выхода его первой книги «Огни моего города» (Воронежское книжное издательство, 1959 год) А. Жигулин стал известен в литературной среде и в какой-то мере среди молодежи, любящей поэзию, как интересный поэт, поднимающий важные вопросы жизни, труда и борьбы. Вера в человека, в его счастье, в труд человека, в дружбу, любовь, делающие людей сильнее и чище, помогающие им переносить самые суровые испытания, простота и искренность в выражении всего этого душевного мира современников великой эпохи – таковы, говоря кратко и, конечно, общо, характерные особенности поэзии А. Жигулина.*

В протоколе общего собрания членов Воронежского областного отделения Союза писателей РСФСР от 24 октября 1961 года записано: «*Слушали: заявление поэта Жигулина Анатолия Владимировича с просьбой принять его в члены Союза писателей. Докладывает тов. Локотков К.П. Выступили: В. Гордейчев, А. Абрамов, Ф. Волохов, В. Петров. Постановили: рекомендовать в члены Союза писателей РСФСР Жигулина Анатолия Владимировича. Просить Правление СП РСФСР принять его в члены Союза писателей.*»

На самом деле, как пишет в дневнике А.В. Жигулин, собрания в тот день не было. Руководитель писательской организации собрал мнения своих коллег методом опроса (по телефону или в личной беседе). Но это ни в коей мере, конечно, не снижает значимости события.

Подводя итоги, можно констатировать, что журнал «Подъем», газеты «Коммуна» и «Молодой коммунар» сыграли важную роль в раннем периоде творчества А.В. Жигулина, а «**Новый мир**» **А. Т. Твардовского** открыл ему путь в большую литературу, что, собственно, и отражено на страницах его писательского дневника. Подробно об этом рассказывается в документальных книгах «Жигулинский век» [8] и «Читая дневники поэта... (А.В. Жигулин о времени и о себе)» [9].

В 1963-м вышел в свет первый «московский» сборник стихов А.В. Жигулина – «Рельсы», который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР и переезжает на постоянное место жительства в столицу. При этом Воронеж навсегда остался для него **духовной и физической колыбелью**.

А.В. Жигулин всегда с большой теплотой и благодарностью вспоминал людей, поддержавших его в **начале творческого пути**. Например, 20 сентября 1979 года в его дневнике появилась такая запись: «Кто поможет мне? Для начала надо сказать, что сам я ни к кому за помощью не обращался. Более всего помогли мне мои собственные стихи. Мне помог А. Твардовский. И поддержали меня многие московские писатели. Б. Слуцкий (рецензия), В. Цыбин (публ<икация> в «Мол<одой> гв<ардии>»), Валерий Дементьев (вдохновенные строки в «Дне поэзии»). Статьи поэтов: Б. Слуцкий, В. Цыбин, И. Белосинская, Д. Ковалев».

А вот запись от 17 января 1985 года: «А. Абрамов – автор двух рецензий на мою первую книгу. Послал мои книги с письмом А. Твардовскому. Образно говоря, взял за руку и привел в «Н<овый> м<ир>»».

Спустя много лет после того, как А.Т. Твардовского не стало, Жигулин признавался: «Сейчас понимаю, как много значили для меня даже нечастые общения с Твардовским, и для моего творчества, и даже – не побоюсь сказать – для окончательного формирования моего мировоззрения. Не говоря уж о самом прямом участии Твардовского в моей судьбе...» [10, с. 288–289].

### Литература

Жигулин А.В. Материалы писательского архива / А.В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. : Сб. – М. : Худож. лит, 1975.

Марфин Г. Человек и мир в лирике А. Жигулина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Марфин Г.В. // Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2003.

Колобов В.В. К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина / В.В. Колобов // Коммуникация в современном мире. Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. «Проблемы массовой коммуникации» 11-12 мая 2012 г. Часть II. – Воронеж, 2012.

Абрамов А. Один из молодых / Абрамов А.М. // Литература и жизнь. –1961, 1 февраля.

Абрамов А.М. Письма Александра Твардовского / А.М. Абрамов // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rodym.ruspole.info/node/1657>

Жигулин А. Флажки. Ночная смена. Земля / А. Жигулин // Новый мир. – 1962. – №1.

Колобов В.В. Жигулинский век: документальная повесть / В.В. Колобов. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. – 328 с.

Колобов В.В. Читая дневники поэта... (А. В. Жигулин о времени и о себе) / В.В. Колобов. – ООО «Тамбовский полиграфический союз». – Тамбов, 2016. – 320 с.

Жигулин А.В. «Слезам нужно верить...» / А.В. Жигулин // Воспоминания об А. Твардовском (сборник). – М., Изд-во «Советский писатель», 1978.



УДК 811.161; 911.3

**ПРОБЛЕМАТИКА «РУССКОСТИ» В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ  
В.А. ПЬЕЦУХА****ISSUE «RUSSIANNES» IN PUBLICISM BY V.A. PIETSUKH****О.С. Могилевская  
O.S. Mogilevskaya***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: olga-mosk-grigorova@yandex.ru*

*Аннотация:* В повестке дня современной России особую значимость имеют вопросы, связанные с осмыслением культурных ценностей и традиций русского народа. Исключительно важную роль в этом процессе играет публицистика, которая пытается осознать характер русской одухотворенности в контексте многополярного, поликультурного и чрезвычайно динамичного современного мира. В статье рассматриваются особенности осмысления русской темы в публицистике Вячеслава Пьецуха.

*Abstract:* The agenda of modern Russia special importance are questions relating to the understanding of cultural values and traditions of the Russian people. A special role in this process is played by journalism, which tries to understand the nature of Russian spirituality in the context of a multipolar, multicultural and highly dynamic world. In the article we study the reflection of Russian topics in the journalism of Viacheslav Pietsukh.

*Ключевые слова:* русская культура, публицистика, общественная повестка дня, русский вопрос, Вячеслав Пьецух.

*Keywords:* Russian culture, Russian literature, journalism, public agenda, Russian question, Viacheslav Pietsukh.

---

В повестке дня российского общества сегодня особую значимость обрели вопросы, связанные с осмыслением культурных ценностей и традиций русского народа в контексте многополярного, поликультурного и чрезвычайно динамичного мира. Сегодня как ученые, так и все те, для кого привычно «размышлять не только о своем достатке, но и о жизни и о счастье ее гармонии» [2, с. 5] пытаются «увидеть Россию заново», осознать ее суть как «не географического, а духовного феномена» [3, с. 16].

Особую роль в процессе осознания социальной действительности и формирования вектора ее культурной динамики играет публицистика. И это понятно, поскольку она, как пишет Е.П. Прохоров: «предлагает особый тип ориентации – не столько в законах действительности и в эпохах развития общества, сколько в текущих событиях во всем их многоцветии и разнообразии... публицистика призвана помочь практически процессу духовного сознания мира народными массами, способствовать правильному, глубокому, всестороннему ориентированию их в текущей действительности. Именно публицистика... в наибольшей степени соответствует особенностям формирования и функционирования этого типа сознания» [11, с. 175]. Публицистика, по определению А.В. Полонского, это «важнейшая система порождения социальных смыслов, которая посредством побуждающей репрезентации, комментирования, объяснения и социального оценивания вводит их в общественное сознание» [7, с. 57]; это «особая форма освоения мира, главным “когнитивным ключом” которой является “социальное я” публициста, предполагающее... его активную гражданскую позицию» [6, с. 127]; это «одна из самых выразительных возможностей реализовать право личности на самостоятельную разработку социальной идеи, на самостоятельную мысль и публичное ее предъявление как точку зрения, как ценностное суждение, как гражданскую позицию, как социальную заявку на обусловленное мировоззренческими установками личности будущее»; это та форма творческой деятельности, целью которой является «формирование общественного мнения, гармонизация жизни человека в обществе, соотнесение форм его поведения и системы оценок с принятыми в обществе традициями и санкционируемыми обществом нормами культуры» [9, с. 112].

Предметом данного исследования является публицистическое творчество В.А. Пьецуха, одного из самых известных российских мыслителей, настойчиво выносящих вопрос о «русскости» (В. Пьецух) на широкое открытое обсуждение. В фокусе исследовательского внимания находятся публицистические высказывания В. Пьецуха в период 2005 – 2016 гг., – время активного поиска российским обществом своей национальной идеи и разработки концепции своей культурной идентичности, осмысления устойчивой совокупности «индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров...», позволяющей ответить на вопросы: кто я и кто мы» [5, с. 91].

В исследовании использовались как общенаучные, так и специализированные методы, позволяющие проанализировать содержательный аспект публицистического творчества В. Пьецуха, его ключевые идеи и понятия, провести стилистико-риторический анализ публицистических текстов с целью выявления особенностей личности автора, его интенций, системы взглядов и ценностей, рассмотреть те культурно-исторические и глобальные контексты, которые повлияли на характер мысли и слова публициста.

Пьецух Вячеслав Алексеевич (род. в 1946 году) – известный российский писатель и публицист, который в своем творчестве обращается к очень непростым вопросам жизни русского человека. Это – тот автор, который пытается осмыслить «уроки родной истории» (В. Пьецух), определить «ментальные границы русского мира в его территориальной и временной парадигмах» [8, с. 258], осознать особенности влияния на русского человека современных мировоззренческих тенденций [1; с. 3]. Его публицистическое творчество – это глубоко личностное размышление о смысле жизни русского человека.

Значительная часть публицистических произведений В. Пьецуха написана в жанре эссе, в котором в максимальной степени обнаруживается личность публициста, особенности «движения» мысли и чувства автора, его настроенности на серьезный разговор со своей аудиторией на социально значимые темы – «русскость», особенности исторического пути России, загадочность русской души.

Описывая особенности уклада жизни русского человека, Вячеслав Пьецух обращается к сопоставлению его с другими культурами. При этом публицист вовсе не стремится подчеркнуть превосходство одного над другим, а показывает читателю самобытность каждой культурной традиции, ее неповторимость и кажущуюся на первый взгляд парадоксальность.

Мир русских людей в одном из своих эссе В. Пьецух называет миром «русаков» [20], то есть тех, кто родился и вырос в России, кто является носителем и наследником русской культуры, кто живет по ее нравственным законам и обладает всеми чертами русского национального характера.

Вячеслав Пьецух, подчеркивая историческую и культурную миссию русского народа в европейском масштабе, изображает «русака» со всеми его достоинствами и недостатками.

Среди несомненных достоинств публицист называет смелость, благородство, умение любить свою Родину и жертвовать собой ради нее: «...Кто как не мы, единственный народ на всем нашем древнем континенте, сумели привести в чувство двух навуходоносоров – Бонапарта с Гитлером, в то время как перед ними спасовали многие прочие высококультурные племена...» [20].

В. Пьецух высоко оценивает самоощущение русского человека, его чувство собственного достоинства и связанное с этим поведение: «...Это чувство не смогли вытравить ни практика телесных наказаний, ни дух самодержавия, ни беззаконие, ни всезависимость от чужой воли – под него только подкопались большевики. А помещика наш хлебопашец даже считал узурпатором и похитителем угодий, поскольку он от века стоял на том, что земля Божья, грибы ничьи») [22, с. 291]. Русский человек – творец, сущность которого проявляется в «повседневном созидании»: «...Мы народ вообще художественный, мы и живем-то так, точно прозу пишем, а не живем...» [22, с. 278].

Творческий потенциал русского человека, связанный с изобретательностью, гибкостью и незаурядностью его, в публицистике В. Пьецуха становится и предметом жесткой иронии: «Через свою изобретательность мы додумались до личной всемирности, рыбного дня, экономной экономики, интеллигентности и души, то есть до таких отвлеченностей, которые могут даже и напугать...» [20].

Эти «изъяны», которых немало, судя по публицистическим текстам В. Пьецуха, в характере русского человека, не оказываются вне поля зрения публициста и его оценки. Среди качеств, которыми русскому человеку не стоит хвалиться, Вячеслав Пьецух называет непредсказуемость, нелогичность, неуравновешенность: «Через свою неуравновешенность мы можем совершенно разоружиться в течение суток, а можем в течение суток выслать за Полярный круг какой-нибудь особо строптивый этнос, который не желает соответствовать точке зрения русака...» [20], а также склонность к крайностям: «...Русаки не признают Горацеву “золотую середину” и любят крайности, как никто. Наши уж если пьют, то до положения риз, если



*воюют, то до последнего человека, если любят, то до самозабвения, если проигрываются, то в прах. Та же мода у нас наблюдается и по общественной линии: то мы существуем на положении белых рабов, и главное органично существуем, то нам подавай царство Божие на земле» [22, с. 317].*

Душа русского человека, как замечает В. Пьецух, чрезвычайно многогранна. Она способна вместить в себя множество качеств, как положительных, так и отрицательных. Обращаясь к творчеству В. Пьецуха, Н. Лейдерман говорит о «композиционности» (то есть, всеохватности) русской души [4]. Так, описываемые публицистом персонажи проявляют великодушные и жадность, страх и самопожертвование, аскетизм и склонность к разгулу, воровство и богобоязненность, агрессивность и смирение. В этом публицист видит особенность уклада русской жизни, самобытность души русского человека: *«На самом деле загадочность русской души разгадывается очень просто: в ней есть все... и созидательное начало, и дух всеотрицания, и экономический задор, и восьмая нота, и чувство национального достоинства, и витание в облаках» [23, с. 263].* Подводя итог размышлениям об особенностях русской души, публицист делает вывод: *«Тайна русского человека заключается только в том, что в нем есть все от Бога и от врага» [14, с. 340].*

Недостатки характера «русака» публицист зачастую оправдывает теми или иными условиями – политическим устройством государства, историческими событиями, которые повлияли на мировоззрение и уклад жизни русского человека, социально-экономическим неблагополучием: *«...Главная наша народная беда заключается в том, что частная жизнь у нас всегда переплетена с историческим процессом и почти всякая человеческая биография – это прямая история, а не жизнь. Вот у голландца, родившегося в 1910 году, только на веку и было истории, что немцы пришли, а потом ушли. У нашего же горемыки детство пало на две революции подряд, юность – на каторжную индустриализацию и зубодробительную коллективизацию, молодость – на десятилетние сроки за здорово живешь, зрелость – на самую кровопролитную войну в истории человечества, старость – на «перестройку», то есть крушение веры и всех начал» [22, с. 285].*

Размышляя о судьбе русского человека, В. Пьецух подводит итог восклицанием: *«Всю Россию сердечно жаль!» [20].* По его мнению, царские времена и семьдесят лет советской власти не были для России счастливыми, но и смена политического режима и приход в страну демократических ценностей не принесли ей ожидаемого благоденствия и перемен к лучшему. Современность Вячеслав Пьецух называет *«грустной порой»*, *«временем довольно подлым»*, а состояние культуры и систему общественных отношений – *«гегемонией пошлого дурака»*, где *«кроме веры... не остается фактически ничего» [15, с. 414].* Смена режима и переход к рыночным отношениям, по мнению публициста, повлекли за собой смену ценностей, которая отразилась не только на межличностных, бытовых отношениях, но и в профессиональной и общественной среде: *«Сейчас вместо “подлеца” во всем мире фигурирует коммерсант, посредник, специалист по работе с общественностью, парламентарий, оппозиционер, астролог, народный целитель и хиромант; в свою очередь, место подлости повсюду занимают, например, трезвый расчет, акцент на норме прибыли...» [20].*

В эссе «Русаки» публицист размышляет о том, как вместе с принятием таких реалий, как *спичрайтер, менеджер, спикер* в российскую действительность входят чуждые для нее ценности, как, например, умение сколачивать капитал, авантюризм, и отходят на задний план честность, порядочность и интеллигентность, на первый план выходит тип успешного дельца, которого в русской литературе впервые представил Н.В. Гоголь: *«...И гоголевский Чичиков, и Чичиков новейшего образца повлекли за собой целую субкультуру, совершенно безвредную для скольконибудь просвещенного человека, но вообще губительную для огромного большинства...» [20].*

Этим новым ценностям публицист противопоставляет традиционные русские образы и реалии, которые занимают важное место в русском мире: русская деревня, отечественная история, русский язык и литература, родная культура, русская интеллигенция и русская женщина. Деревня в публицистике В.А. Пьецуха олицетворяет всю Россию в ее сложном, но настойчивом поиске своей *«духовно-нравственной формулы социального блага» [9, с. 27].* Деревня предстает как спасение от «чужого» города: *«Представьте себе: раннее утро, полям вокруг края не видно, земля из-под лемеха валит жирная, как шоколадное масло, в сумке припасена на завтрак краюха домашнего хлеба, шмат сала, бутылка парного молока, и на сто пятьдесят верст кругом ни одного спичрайтера-дурака... Предчувствую: если способ существования в нашей деревне – норма, если будущее за нами, то рано или поздно московское правительство останется не у дел» [17, с. 322-323].*

Рассказчик Вячеслава Пьецуха путешествует по ключевым вехам истории России, словно по тематическим залам музея, что-то пропуская, а где-то надолго останавливаясь и раздумывая, возвращаясь назад и, главное, пытаясь найти потайные ходы, соединяющие удаленные во времени друг от друга эпохи, чтобы обнаружить в них общие черты. Публицист напряженно ищет общие



нравственные законы, послужившие стимулом для того или иного поворота в российской истории, а значит, и оказавшие влияние на непрерывно формирующееся национальное самосознание. Но поиски приводят его к заключению, что именно загадочная и необъяснимая русская душа, национальный характер становятся объединяющим началом, связующей нитью между историческим прошлым России, ее настоящим и будущим, что именно парадоксальность русского характера и есть причина сложного хода истории нашей страны.

Одной из главных ценностей русского мира в публицистике Вячеслава Пьецуха предстает русская культура. Она впитала в себя многовековой опыт русского народа, хранит его нравственные ориентиры. Русская культура в публицистических произведениях В.А. Пьецуха предстает как среда, в которой вырос и был воспитан русский человек. В эссе «Забывшие слова» он так обозначает границы русского мира: *«Все мы родились в одних и тех же пределах, между Неманом и Тихим океаном, вскормлены молоком русских матерей и воспитаны в правилах одного и того же великорусского языка»* [15, С. 431].

Вячеслав Пьецух отмечает, что русские – это *«нация, живущая по преимуществу языком, и слова для нее всегда значили больше, чем самые значительные дела... То есть русский человек – прежде всего человек слова, но не в том смысле, что он не обманет, коли пообещает (и даже он скорее всего обманет!), а в том смысле, что слово для него – все»* [15, с. 414-415]. В его публицистических произведениях говорится о том, что необходимо бережного относиться к родному слову. Не случайно, в эссе «Забывшие слова» главными «героями» становятся важные для русской культуры понятия: «честь», «совесть», «интеллигент» и другие.

Вячеслав Пьецух стоит на позиции необходимости возвращения русской литературы на гуманистические рубежи, сделавшие ее во второй половине XIX века всемирным явлением: *«...У нас и первоклассных писателей так много, и писатели четвертого ряда могли бы составить славу любой национальной литературы, и мы так избыточно богаты по департаменту изящной словесности, что можем себе позволить распатронить “Душечку” в пух и прах»* [16, с. 307].

Давая оценку современному состоянию культуры в России, Пьецух пишет, что она *«развивается по убывающей, ибо квалифицированный читатель постепенно вымирает, телевидение безнаказанно дебилизирует простака, властитель дум в России давно не поэт, а думец с Охотного ряда, и, в общем, дело идет к тому, что, как сто лет назад, русак перестанет понимать фразу, если в ней больше десяти слов»* [22, с. 276].

Как один из способов сохранения русских традиций, русской культуры и русской нации в целом В. Пьецух видит в интересе к родной культуре, в изучении родной истории и преемственности поколений, в *«родовой памяти»* (В. Пьецух), которую нарушил современный ход истории: *«...Насколько наша жизнь была бы благопристойней, имей мы полное представление о деяниях наших предков, каким владели выходцы из наших боярских семей, знавших свое генеалогическое древо, как “Отче наш”. Ну какой отчаянный балбес пойдет в наемные убийцы, если у него прапрадед по женской линии брал Измаил и его сам Александр Васильевич Суворов как-то потрепал за молодечество по плечу?.. То есть, хочешь не хочешь, а надо держать ранжир»* [18, с. 164].

Образ русской женщины публицист возвышает и ставит в один ряд с важнейшими ценностями русского мира. Он называет ее хранительницей традиционных ценностей, напоминая читателю о женских образах из классических произведений отечественной литературы: *«Небо... послало нам в спутницы эту опору и спасение – русскую женщину, в образе ли Татьяны Лариной, родной матери, подруги или жены... Можно как угодно выкобениваться и сколько угодно дурака валять, не опасаясь за результат, поскольку все равно последнее-то слово за Татьяной Лариной, хранительницей нравственности народной и жидительницей домашнего очага»* [16, с. 316].

Что же такое для публициста русскость как собирательный образ? Ответ находим в эссе «Русский – это как?»: *«Русскость – это такая сила, которая вечна и бесконечна, как материя»* [21, с. 149].

Точка зрения, выводы и прогнозы публициста о будущем «русака» не всегда радужны: *«...Что такое ожидается впереди? Возможно, новое Возрождение, а возможно, «пустые хлопоты, дальняя дорога, казенный дом»* [24]. Тем не менее он не оставляет читателя без прорисованной социальной перспективы.

Таким образом, публицистика В. Пьецуха напоминает «философский» разговор «среди своих» с переходами то к современным социальным проблемам, то к «долгосрочным мировоззренческим понятиям». Она отражает напряженный поиск российским обществом своей культурной парадигмы, осмысление традиционных культурных ценностей в контексте глобального мира.



### Литература

- Глушкова В.Г. Глобализация и общечеловеческие ценности // Италия – Россия: парадигмы межкультурной коммуникации: Сб. научных работ / Отв. ред. У. Перси, А.В. Полонский. – Белгород-Бергамо: Политерра, 2012. – С. 12 – 14.
- Есин С.Н. Увидеть родное // Киселев А.Ф. Увидеть Россию заново. М.: Дрофа, 2010. – С. 5 – 14.
- Киселев А.Ф. Увидеть Россию заново. М.: Дрофа, 2010. – 391 с.
- Лейдерман Н. Современная русская литература. 1950-1990-е годы. Т. 2. 1968 – 1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://modernlib.ru/books/leyderman\\_n/sovremennaya\\_russkaya\\_literatura\\_19501990e\\_godi\\_tom\\_2\\_19681990/read\\_38/](http://modernlib.ru/books/leyderman_n/sovremennaya_russkaya_literatura_19501990e_godi_tom_2_19681990/read_38/). Дата обращения: 12 января 2017 г.
- Лысак И.В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91–95.
- Полонский А.В. Публицистика как вид социальной деятельности: объект и предмет // Журналистика в XXI веке: Материалы международной научной конференции. 1-3 октября 2007 г. / Под ред. А.П. Короченского, М.Ю. Казак, А.В. Полонского. – Белгород: БелГУ, 2007. С. 126 – 129.
- Полонский А.В. Публицистика как особый вид творческой деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. № 1. Т. 11. С. 56 – 61.
- Полонский А.В. Российские масс-медиа в диалоге культур // Этничность и власть: Международные конфликты, терроризм, и новые угрозы глобальной безопасности: Материалы X международного семинара. 12 – 15 мая 2011 г. г. Ялта / Гл. ред. Т.А. Сенишкина. – Севастополь: Изд-во «ВЕБЕР», 2012. – С. 258 – 264.
- Полонский А.В. Сущность и язык публицистики. – Белгород: Политерра, 2009. – 238 с.
- Полонский, А.В. Самотуга Е.А. Ключевые особенности дискурса глянцевого журналов // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. - 2010. - №18, вып.7.-С. 227-235.
- Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2011. 351 с.
- Пьецух В.А. Базаров как альбатрос // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 277 – 302.
- Пьецух В.А. Возвращение Чичикова // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 168 – 181.
- Пьецух В.А. Дневник читателя // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 337 – 453.
- Пьецух В.А. Забытые слова // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 412 – 444.
- Пьецух В.А. Литературоведение по часовой стрелки // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 6. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 299 – 335.
- Пьецух В.А. Новая «Буколика», или Прелести сельской жизни // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 315 – 325.
- Пьецух В.А. Пособие по воспитанию хорошего человека // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2007/4/p7.html>
- Пьецух В.А. Происхождение и облик русской цивилизации. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. Повести и рассказы / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 475 – 523.
- Пьецух В.А. Русаки // Сборник «Искусство существования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2007/11/p4.html>
- Пьецух В.А. Русский – это как? // Пьецух В.А. Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории. М.: НЦ ЭНАС, 2006. С. 149 – 150.
- Пьецух В.А. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. Эссе / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 275 – 340.
- Пьецух В.А. Центрально-Ермолаевская война // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. Рассказы / Вячеслав Пьецух. – М.: Зебра Е, Хорошая книга, 2016. – С. 263 – 285.
- Пьецух В.А. Что такое литература, и как это делается? // Журнал «Октябрь». 2015. №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/october/2015/1/5p.html>. Дата обращения: 15 января 2017 г.

УДК 004.77+316.77

**ИНТЕГРАЦИЯ ПЕЧАТНЫХ МАССМЕДИА КРЫМА  
В НОВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО (2014–2016 гг.)****INTEGRATION OF PRINTED MEDIA MASS CRIMEA IN THE NEW INFORMATION  
SPACE (PERIOD FROM YEAR 2014–2016)****А.В. Платонова  
A.V. Platonova**

*Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского, Таврическая академия,  
Республика Крым, г. Симферополь, 295007, проспект академика Вернадского, 4*

*Crimean Federal University. Vernadsky Taurian Academy,  
Republic of Crimea, Simferopol, 295 007, avenue Academician Vernadsky, 4*

*E-mail: njmaxx@mail.ru*

*Аннотация.* В статье анализируется проблема интеграции печатных массмедиа Крыма в информационное пространство Российской Федерации. На основе исследования количественных изменений таких актуальных для печатных СМИ показателей, как время регистрации издания, место издания, территория распространения, язык издания, наличие он-лайн версии, форма собственности, которые произошли после вхождения Крыма в состав России, автор выявляет ключевые направления интеграционных процессов, анализирует влияние нового правового поля на развитие печатных СМИ Крыма, рассматривает процессы конвергенции печатных массмедиа в интернет-пространство. Автор приходит к выводу о том, что первичная интеграция печатных массмедиа в российское информационное пространство состоялась без существенных потерь. Однако печатным СМИ Крыма предстоит расширить интеграцию этнических изданий и активизировать усилия по освоению интернет-пространства.

*Abstract.* The article analyzes the problem of the integration of printed mass media of Crimea in the information space of the Russian Federation. Based on the study of quantitative changes of relevance to the print media figures as of publication time of registration, place of publication, distribution, territory, language, availability of on-line version, type of ownership that occurred after the Crimea joining Russia, the author identifies the key areas of integration processes. It analyzes the impact of the new legal framework for the development of the print media of the Crimea, considering the processes of printed mass media convergence in the internet space. The author concludes that the initial integration of print mass media in the Russian information space took place without significant losses. However, the print media of the Crimea will enhance the integration of ethnic publications and to intensify its efforts on the development of the Internet space.

*Ключевые слова:* интеграция, печатные массмедиа, крымский полуостров, рекламные печатные СМИ, общественно-политические СМИ, информационное пространство, конвергентные медиа.

*Keywords:* integration, printed mass media, Crimean Peninsula, print media advertising, social and political media, information space, convergent media.

В связи с переходом Крыма в состав Российской Федерации перед печатными массмедиа крымского полуострова остро встал вопрос о необходимости интеграции в новое территориальное, информационное, правовое и экономическое пространство. И, поскольку публицистика выступает как «важнейшая сфера общественной мысли, в которой формируются ключевые для общества идеи и ценностные суждения» [Полонский, 2016, с. 66], изменения, происходящие в крымских печатных СМИ, неизбежно влияют на изменения не только информационного пространства крымского региона, но и на трансформацию его социального пространства.

Прежде всего, печатные медиа как одно из средств массовой информации, реализуют общие массово-коммуникативные функции, включающие: интеграцию отдельных индивидов в социальные группы и общности; внутреннюю дифференциацию общества, составляющих его групп, общностей, социальных институтов; отделение и обособление общества и различных групп друг от друга в процессе их общения и взаимодействия, что приводит к более глубокому осознанию ими своей специфики, к более эффективному выполнению присущих им функций; создание предпосылок и основных компонентов для подготовки, принятия и осуществления управленческих решений [Зелинский, 2008]. По словам А. В. Полонского «массмедиа стали

статусным контекстом, где обретают свои культурные формы все социальные процессы, разрабатываются актуальные модели социальной идентичности, определяется характер доминантных смысловых и идеологических векторов общественного сознания» [Полонский, 2015].

Кроме того, печатные медиа имеют свои преимущества. Так, А. А. Мирошниченко отмечает, что «к газетной или журнальной статье можно вернуться спустя день или столетие. Кроме того, проигрывая в оперативности, газета может выигрывать за счет публицистичности, аналитичности, специфически-газетного репортажного своеобразия, литературных симуляций и т.п. Текст дает больший простор для воображения, нежели визуальный ряд или звук» [Мирошниченко, 2008]. Многие журналисты считают невозможным даже представить современное информационное пространство без печатных медиа. Для многих читателей печатные медиа остаются основным источником информации, которому они доверяют. Поэтому исследование проблемы интеграции печатных массмедиа Крыма в новых территориальных и политических условиях, сложившихся в связи с переходом крымского региона в новое правовое и территориальное поле, является особенно актуальным.

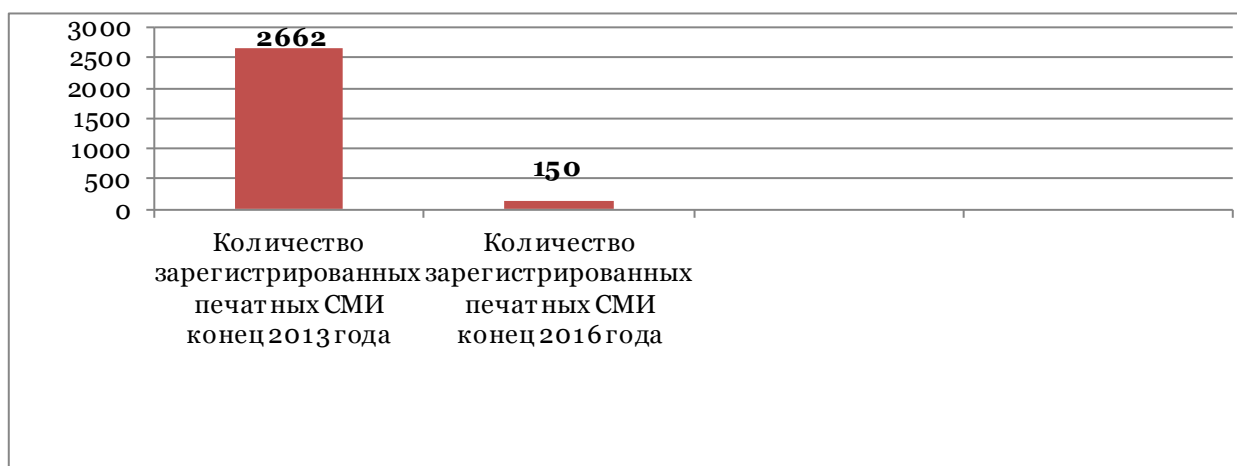
Исследовать процессы интеграции печатных массмедиа Крыма мы будем посредством сопоставительного анализа всех зарегистрированных печатных СМИ до вступления Крыма в состав Российской Федерации (до 2014), а также после вступления Крыма в состав Российской Федерации, опираясь на такие ключевые характеристики массмедиа, как год регистрации издания, место издательства, языковой аспект, форма собственности и степень конвергенции печатных массмедиа в интернет пространство.

Рассматривая процесс интеграции печатных массмедиа Крыма, мы, прежде всего, проследим количественную динамику печатных массмедиа АРК до вступления Крыма в состав Российской Федерации (до 2014), а затем, в период после подписания договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов (после 1 апреля 2014). Для этого будет использован такой показатель как год регистрации периодического печатного издания.

В результате анализа перечня наименований зарегистрированных печатных СМИ, имеющегося в открытом доступе Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также данных исследования, проведенного Л. Г. Егоровой и М. А. Чумичевой (2013) нами были получены следующие результаты (табл.1): в конце 2013 года по данным Республиканского комитета по информации АРК в Крыму было зарегистрировано, 2662 печатных издания, а после вступления Крыма в состав Российской Федерации в конце 2016 года количество печатных СМИ, по данным Роскомнадзора, сократилось до 150 наименований [Егорова, Чумичева, 2013].

Таблица 1

#### Динамика становления печатных массмедиа Крыма по году регистрации



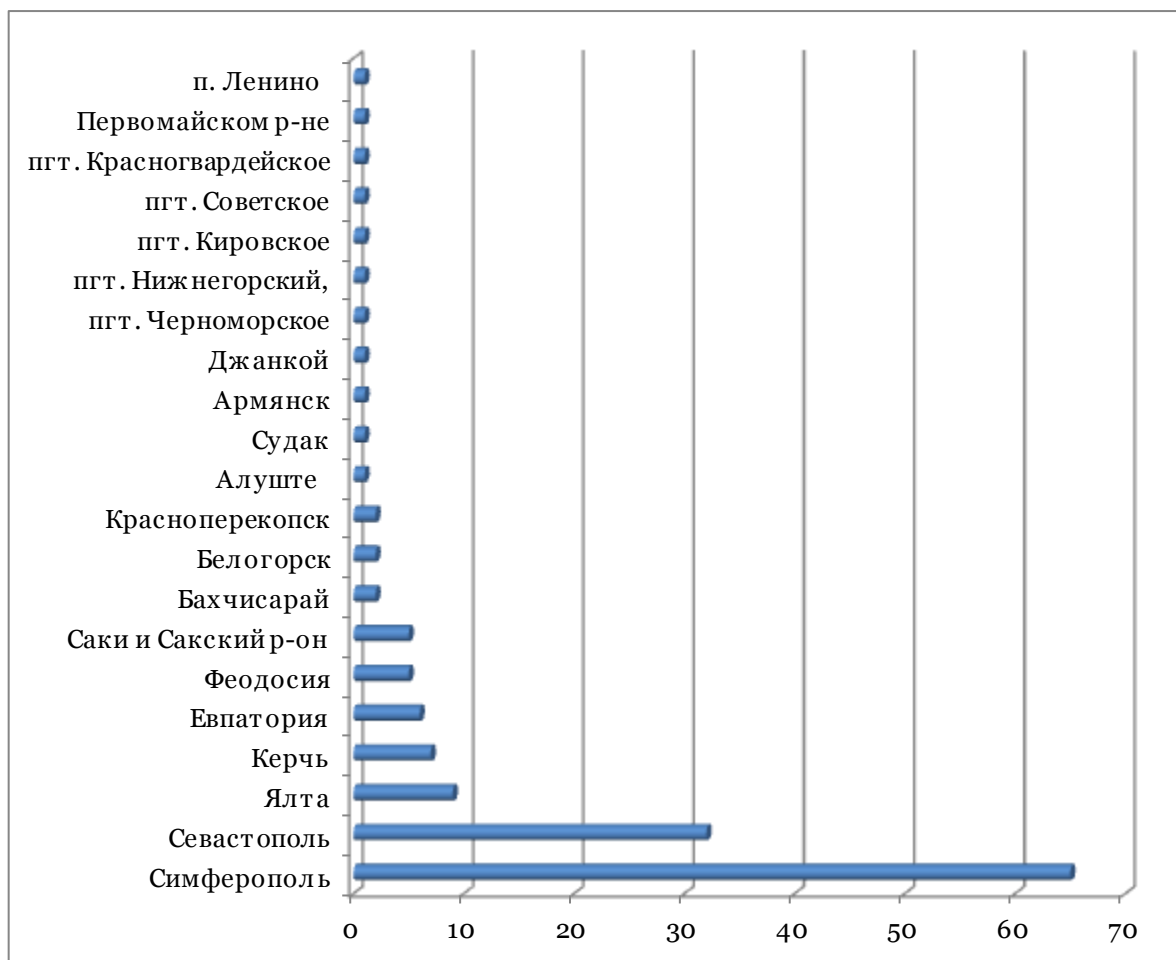
Однако необходимо отметить, что по данным исследования, проведенного Л. Г. Егоровой и М. А. Чумичевой в конце 2013 года, из официально зарегистрированных 2662 печатных изданий в Крыму реально выходило 222. Из этого факта можно сделать вывод, что в результате перехода Крыма в состав Российской Федерации число печатных СМИ на территории полуострова сократилось в незначительной степени. По нашим предположениям, данное сокращение произошло в результате того, что не все печатные СМИ смогли пройти процесс перерегистрации, столкнувшись с новыми правовыми и нормативными требованиями в оформлении документов, принятыми в России. Отметим

также, что согласно проведенному нами мониторингу из 150 зарегистрированных печатных СМИ в Крыму – 117 газет, 20 журналов, 10 сборников, 2 альманаха и 1 бюллетень [<https://rkn.gov.ru>].

Анализ адресов издательств печатных медиа Крыма помог нам выявить следующие результаты. Самое большое количество печатных изданий зарегистрировано в Симферополе – 65, из них газет – 46, журналов – 12, сборников – 5, альманахов – 1, бюллетеней – 1; Севастополе – 32, из них газет – 22, журналов – 5, сборников – 4, альманахов – 1; Ялте – 9 из них газет – 5, журналов – 3, сборников – 1; Керчи – 7 изданий (только газеты); Евпатории – 6 изданий (только газеты); Феодосии, Саках и Сакском районе – по пять изданий (только газеты); Бахчисарае, Белогорске и Красноперекопске – по два издания (только газеты); Алуште, Судак, Армянске, Джанкое, пгт. Нижнегорский, пгт. Черноморское, пгт. Кировское, пгт. Советское, пгт. Красногвардейское, Первомайском р-не и п. Ленино – по одному печатному изданию (только газеты). Также нами было выявлено три газеты, издательства которых находятся в таких городах как Москва, Абакан и Екатеринбург (табл. 2).

Таблица 2

**Перечень печатных изданий Крыма по месту издательства**

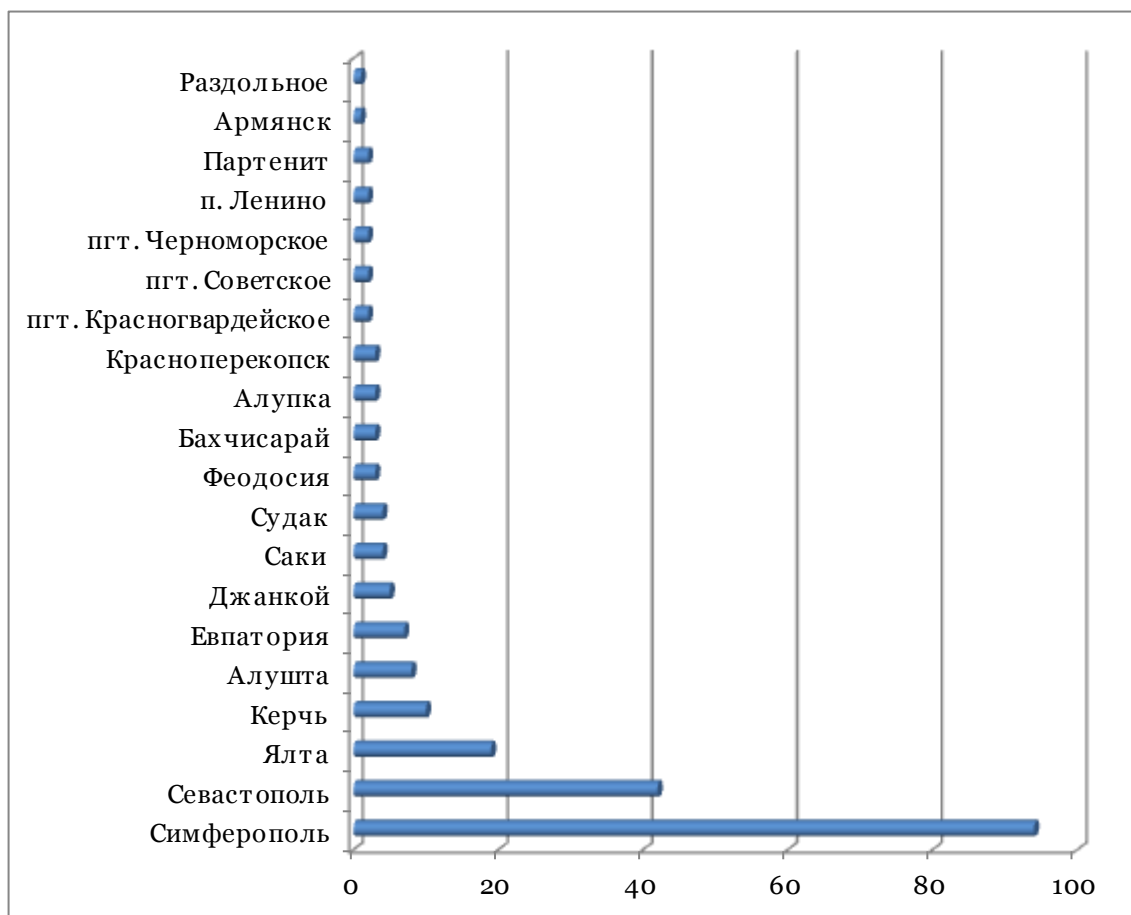


Из данных таблицы видно, что лидерами среди городов Крыма являются Симферополь, Севастополь, Ялта и Керчь. Стоит также отметить, что до 2014 года лидерами по выпуску печатных изданий являлись эти же города (табл. 3).

В ходе исследования интеграции Крымских печатных медиа в новое информационное пространство мы посчитали необходимым проанализировать их языковой аспект, поскольку Крым является многонациональным регионом. Так, в ходе проведенного мониторинга нами были получены следующие данные: исключительно на русском языке на территории полуострова издается – 122 издания, исключительно на крымскотатарском языке – 1 издание (газета «Янты Дюнья»), на русском, крымскотатарском и украинском языке – 8 изданий, на русском и крымскотатарском – 3 издания, на русском и украинском – 2 издания, на русском и английском – 3 издания, на русском, крымскотатарском, английском и украинском – 8 изданий, на русском, английском, немецком и французском – 1 издание, на русском и армянском – 1 издание, на русском, английском, болгарском и греческом – 1 издание.

Таблица 3

## Общее количество печатных изданий Крыма по городам на 24.04.2013 г.



Обратившись к нашему предыдущему исследованию, которое касалось спектра этнической периодики полуострова [Платонова, 2011], можно констатировать следующее. В связи с интеграцией Крыма в новое информационное пространство на территории полуострова, по-прежнему, сохранилась тенденция преобладания русскоязычных печатных СМИ, поскольку до 2014 года исключительно на русском языке в Крыму было зарегистрировано 1006 печатных массмедиа. В отношении печатных СМИ, издаваемых исключительно на крымскотатарском языке, мы можем наблюдать существенный спад, поскольку до 2014 года регулярно печатались такие издания, как: обществено-политическая газета «Янъы Дюнья», газета для работников образования «Маариф ишлеры», газета «Къырым», газета «Авдет» литературные журналы «Йылдыз», «Тасиль», «Къасевет», «Арманчикъ». Сегодня все газеты, кроме «Янъы Дюнья», прекратили свое существование.

В отношении печатных СМИ, издаваемых в Крыму только на украинском языке ситуация также существенно ухудшилась, поскольку до 2014 на полуострове регулярно печатались такие издания, как: газета «Крымська світлиця», приложение к газете «Крымские известия» – «Крымський діалог», молодежная газета «Будьмо», газета для детей «Джерельце». Сегодня газет исключительно на украинском языке на территории Крыма нет вовсе.

На разных языках в Крыму до его вступления в Российскую федерацию было зарегистрировано и/или издавалось следующее количество печатных массмедиа: на украинском и русском языках – 344 издания; на крымско-татарском и русском языках – 18 изданий; на английском и русском языках – 15 изданий; на немецком и русском языках – 7 изданий; на армянском и русском языках – 2 издания; на греческом и русском языках – 3 издания; на болгарском и русском языках – 1 издание; на литовском и русском языках – 2 издания; на эстонском и русском языках – 1 издание [Платонова, 2011]. Как мы видим, сегодня многие печатные издания на смешанных языках в процессе интеграции прекратили свое существование. Особенно это касается изданий, в которых печатались материалы на литовском и эстонском языках, существенно также сократилось количество изданий на русском и украинском языках.

Далее в исследовании было проанализировано распределение печатных изданий Крыма по такому показателю, как форма собственности. В результате нами были получены следующие данные: 52 печатных массмедиа принадлежат частным лицам, 46 печатных массмедиа принадлежат

обществам с ограниченной ответственностью, политическим партиям – 7 изданий, государственным, городским и районным советам – 12, религиозным организациям – 3, индивидуальным предпринимателям – 3, муниципальным бюджетным учреждениям – 3, государственным бюджетным образовательным учреждениям – 12, государственным комитетам – 2, общественным организациям – 6, смешанной форме собственности – 4. Как мы видим, основными собственниками печатных массмедиа полуострова на сегодняшний день являются частные лица и общества с ограниченной ответственностью.

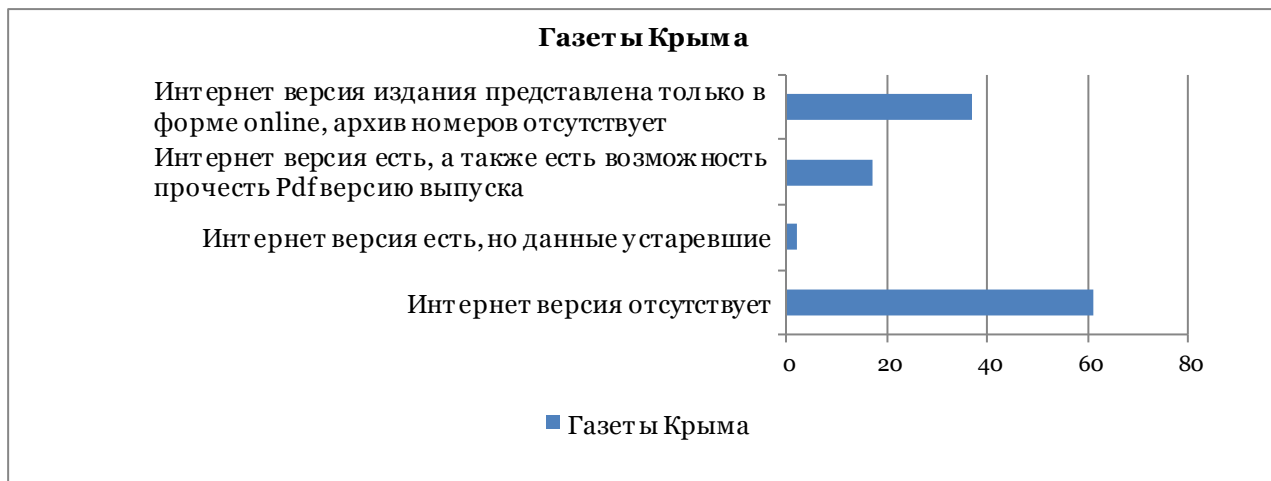
В продолжение исследования интеграционных процессов крымских массмедиа в новое информационное пространство был проанализирован процесс их конвергенции в интернет-пространство. Согласно Л. Г. Егоровой и Д. В. Туманову, конвергенция массмедиа подразумевает техническое слияние в одном издании различных способов донесения контента до потребителя [Егорова, Туманов, 2015]. В современном мире ключевым центром процессов, связанных с конвергенцией массмедиа, без которых осуществление этого процесса стало бы невозможным, является интернет. Ключевым фактором этого процесса является появление гиперизданий, которые по словам А. Калмыкова, включают в себя различные комбинации: газета + интернет, телевидение + газета + интернет и т.п. Интернет в этих связках, по его мнению, является основным локомотивом конвергентных процессов и одновременно плацдармом, на котором они разворачиваются [Калмыков, 2016].

Таким образом, рассматривая интернет как информационный канал, который способствует процессу преобразования формы и способа подачи информации, мы проанализировали, в какой степени процесс конвергенции затронул печатные массмедиа Крыма. В результате мониторинга печатных массмедиа (газеты, журналы) Крыма на предмет наличия у каждого из них интернет-версии издания, нами были получены следующие результаты (табл. 4, 5).

Согласно данным, представленным в таблице 4, можно сказать, что из 117 газет, официально зарегистрированных на территории полуострова, 61 издание не имеет онлайн-версии. Под онлайн-версией мы подразумеваем собственный сайт издания. Наличие собственного сайта, а также Pdf версии номеров газеты есть у 17 изданий. У двух изданий есть собственный сайт, но в результате исследования мы выявили факт того, что информация, представленная на сайте, является устаревшей (последний раз информация обновлялась в 2015 году). У 37 газет Крыма мы выявили наличие собственного сайта, но особенность данных интернет-изданий заключается в том, что информация предоставляется в режиме онлайн, при этом рубрики интернет-издания отличаются от печатной версии газеты (Pdf формат и архив номеров в изданиях такого типа, как правило, отсутствует).

Таблица 4

**Конвергенция газет Крыма в интернет пространство**



Анализируя данные таблицы 5, мы пришли к следующим выводам. Из двадцати журналов зарегистрированных на территории Крыма семь изданий никаким образом не представлены в интернет-пространстве. Исключительно в социальных сетях (vk.com; ОК; facebook.com) представлены шесть изданий полуострова. Имеют собственный сайт семь изданий, но лишь три из них дают возможность читателю просмотреть Pdf версию издания.

В нашей работе мы исследовали печатные СМИ Крыма с целью проследить процессы интеграции, которые прошли данные массмедиа в связи с изменением информационного пространства крымского региона. В ходе исследования мы систематизировали данные путем создания актуального на сегодняшний день реестра печатных СМИ используя такие классификационные характеристики, как год регистрации издания, место издательства, языковой аспект, форма собственности издания. Также в рамках исследования мы проанализировали процесс конвергенции

печатных массмедиа Крыма в интернет-пространство, используя такие характеристики, как наличие или отсутствие собственного сайта издания, наличие или отсутствие Pdf версии издания, а также актуальность и новизна предоставляемого материала.

Таблица 5

### Конвергенция журналов Крыма в интернет пространство



Учитывая факт того, что Крым по сей день является поликультурным регионом, на территории которого проживают более 125 национальностей, нам представляется важным проанализировать, с научной точки зрения, информационное пространство региона для более глубокого понимания информационно-коммуникативных процессов на примере печатных массмедиа.

В ходе исследования перечня наименований зарегистрированных СМИ Российской Федерации было выявлено, что к концу 2016 года на территории Крыма зарегистрировано 150 печатных СМИ, из которых 117 газет, 20 журналов, 10 сборников, 2 альманаха и 1 бюллетень. Исходя из полученных данных можно сделать вывод о том, что в процессе интеграции рынок печатных массмедиа Крыма потерпел небольшие потери по количеству вновь зарегистрированных и перерегистрированных изданий, а, значит, жители крымского полуострова имеют на сегодняшний день возможность в достаточно полном объеме получать информацию посредством данного канала ее распространения. Исследование также показало, что для многих печатных массмедиа существуют положительные перспективы для вхождения в информационное пространство региона.

Лидерами по выпуску печатных изданий среди городов Крыма стали Симферополь, Севастополь, Ялта и Керчь, поскольку именно в этих городах нами было зафиксировано наибольшее количество издательств печатных СМИ. Эти данные наиболее ярко демонстрируют факт того, что процесс интеграции в новое информационное пространство Российской Федерации никоим образом не повлиял на тенденции развития печатных массмедиа, которые мы прослеживали до 2014 года, поскольку эти же города являлись лидерами и ранее. Однако, необходимо на наш взгляд, выделить города, которые заняли второе место по количеству издательств: Евпатория, Феодосия, Саки. А также города, оказавшиеся на третьем месте: Бахчисарай, Белогорск, Красноперекоск. Наименьшее количество издательств зарегистрировано нами в таких городах как Армянск, Судак, Алушта и Джанкой, а также в поселках городского типа Черноморское, Советское, Красногвардейское. Анализируя полученные результаты отметим, что в тех городах и поселках городского типа, которые не вошли в число лидеров, жители испытывают определенные трудности в получении необходимого объема информации о политических, экономических и культурных событиях, происходящих в Крыму, поэтому данным городам для полноценного насыщения информационного пространства необходимо увеличение числа издаваемых печатных массмедиа.

Анализ языкового аспекта печатных изданий показал, что на территории полуострова сохранилась тенденция преобладания русскоязычных печатных СМИ (122 издания). При этом произошел существенный спад в отношении крымскотатарских СМИ (1 издание) и кризисная ситуация в отношении печатных СМИ на украинском языке (ни одного издания). Существенным изменениям в процессе интеграции в новое информационное пространство подверглись печатные массмедиа, издаваемые на смешанных языках, где также зафиксирован существенный спад. В перспективе, на наш взгляд, государству необходимо обратить внимание на интеграцию этнических печатных массмедиа в новое территориальное и информационное пространство и приложить максимальные усилия для облегчения и интенсификации данного процесса, поскольку этнические меньшинства, проживающие в поликультурном пространстве полуострова, также нуждаются в полном



информировании об экономических, политических и культурных событиях, происходящих в крымском регионе.

Обращаясь к такой характеристике массмедиа, как форма собственности нами было отмечено, что основными собственниками печатных массмедиа полуострова на сегодняшний день являются частные лица и общества с ограниченной ответственностью. Данный факт свидетельствует о том, что на территории Крыма информация, подаваемая в печатных СМИ, может быть подвержена субъективному влиянию владельцев данных медиа. Соответственно в перспективе государству необходимо упорядочить контроль за частными владельцами СМИ, в том числе, контроль за достоверностью излагаемых в них материалов, исключая тем самым возможность информационной дестабилизации в регионе.

Что касается конвергенции печатных массмедиа Крыма в интернет-пространство, то в ходе исследования нами было выявлено, что из 137 изданий, 68 изданий (61 газета и 7 журналов) не имеют онлайн-версии. Изданий, которые зарегистрированы только в социальных сетях, таких как «вконтакте», «одноклассники» и «facebook» нами было зафиксировано только шесть. Проблемой остальных 63 изданий, которые по нашим данным имеют свои сайты или онлайн-версии, является то, что на некоторых из них информация давно не обновлялась, многие онлайн-версии не предоставляют своим читателям возможность ознакомиться с архивом номеров ни в онлайн-версии ни в формате Pdf. Но важно заметить, что «в социальном плане особенность информационного общества состоит в том, что его граждане не могут вести полноценный образ жизни без доступа к средствам создания и распространения информации» [Осипова и др., 2014, с. 227].

Отметим также, что для многих печатных массмедиа полуострова интернет является не только новой формой подачи информации, но и перспективным потенциальным информационным каналом, посредством которого откроется возможность привлечь большее количество аудитории. Увеличение аудитории приведет к росту рейтинга издания и повышению интереса к нему, а значит, сможет повысить экономическую составляющую, без которой существование и развитие печатного массмедиа сталкивается с большими трудностями.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сказать, что процесс интеграции печатных массмедиа в новое информационное пространство Российской Федерации состоялся. Большинство печатных СМИ без существенных изменений продолжили функционировать на территории Крыма, усовершенствовав каналы и способы подачи своего контента. Что же касается этнических печатных массмедиа Крыма, то факт их сокращения свидетельствует о том, что им еще предстоит долгая и кропотливая работа над способами и формой подачи материала.

Проведенное исследование процессов интеграции печатных массмедиа в новое информационное пространство Российской Федерации не только предоставляет актуальные статистические и фактические данные, но и служит основой для дальнейшего исследования интеграционных процессов печатных массмедиа Крыма в формате нового государственного устройства. Данные полученные в результате исследования могут быть использованы как в исследовательской работе, так и в практической деятельности журналистов, рекламистов, политологов и других представителей смежных специальностей. Результаты исследования могут также представлять интерес для работников рекламных агентств и редакторов печатных СМИ, которые в силу своей профессии вовлечены в процесс интеграции печатных СМИ и нуждаются в получении аналитической информации об этом процессе.

### Литература

- Егорова Л. Г., Туманов Д. В. 2015. Медiatekst как мир-текст в конвергентных массмедиа. БелГУ., 27: 126-133.  
 Egorova L. G., Tumanov D. V. 2015. Mediatekst kak mir-tekst v konvergentnyh massmedia. BelGU., 27: 126-133.  
 Егорова Л. Г., Чумичёва М. А. 2013. Пространство печатных СМИ Крыма: концепция презентации. Симф., 110-119.  
 Зелинский С. А. 2008. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. СПб., СКИФИЯ, 407.  
 Калмыков А. А. Конвергенция – возможность универсального журнализма в рамках профессиональной идентичности [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2231>  
 Мирошниченко А. А. 2008. Коммуникации и деловое общение в инновационной сфере. М., Книжный мир, 384.  
 Осипова Е. А., Орлова И. В., Соколова И. В. 2014. Социология массовых коммуникаций. М., Академия, 400.  
 Платонова А. В. 2011. Печатные массмедиа Крыма: языковой спектр и перспективы развития. Симф., Доля, 140.  
 Полонский А. В. 2015. Медиа и их текстовая реальность. БелГУ, 27: 17-24.  
 Полонский А.В. 2016. Образ «земли за океаном» в очерке В. М. Пескова и Б. Г. Стрельникова: пропагандистский канон или опыт нравственного сознания? Век информации. 2: 66-69.  
 Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://rkn.gov.ru/mass-ommunications/reestr/media>.



УДК 070

**РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ЗАНЯТИЯМ СПОРТОМ И СДАЧЕ НОРМ КОМПЛЕКСА ГТО: СИСТЕМНЫЙ АСПЕКТ****THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE PROJECT ON ENGAGEMENT OF PRIMARY SCHOOLERS TO SPORT ACTIVITIES AND “READY TO WORK AND DEFENSE” COMPLEX (GTO): SYSTEM APPROACH****Е.В. Хованова**  
**E. V. Khovanova**

*Аннотация.* В статье обосновано применение системного подхода к разработке и реализации проекта по привлечению младших школьников к сдаче норм ГТО. Последовательно рассмотрены системно-исторический, системно-целевой, системно-функциональный, системно-структурный, системно-элементный, системно-ресурсный, системно-интеграционный и системно-коммуникационный аспекты. Обосновано применение метода семантического дифференциала для оценки коммуникативной эффективности проекта.

*Abstract.* The article deals with system approach to the development and implementation of the project on engagement of primary schoolers to sport activities and “Ready to Work and Defense” complex (GTO). The article discusses system-historical, system-purpose, system-functional, system-structural, system-element, system-integration and system-communication aspects. Semantic differential method is applied to assess the communication efficiency of the project.

*Ключевые слова:* системный подход, комплекс ГТО, здоровый образ жизни, метод семантического дифференциала.

*Keywords:* system approach, all-Russian sports complex “Ready to Work and Defense” (GTO), healthy lifestyle, semantic differential method.

Интерес исследователей к предметной области «связи с общественностью» чрезвычайно высок. Специалисты-практики рассматривают успешные PR-кампании и предлагают практические рекомендации по PR-сопровождению в коммерческом секторе [11, 18]. В то же время проблемы PR в социальной сфере остаются, на наш взгляд, недостаточно изученным.

Социальная сфера обладает высоким потенциалом в формировании общественных ценностей и способствует установлению благоприятного общественного фона [2,14]. Как отмечает В. Л. Кириллова, такие моменты как отсутствие бюджета, сложность постановки целей и определения концепции деятельности снижают эффективность PR в некоммерческом секторе [6].

Особое значение в социальной сфере приобретает PR по формированию здорового образа жизни населения. По данным опроса ВЦИОМ, в котором приняли участие 1600 человек из 130 населенных пунктов России, лишь 16% респондентов регулярно тренируются и только треть (36%) употребляет в пищу полезные продукты [17].

Многие исследователи отмечают, слабую физическую подготовленность современных школьников, более того их физическое состояние продолжает ухудшаться [7, 13]. Необходима эффективная PR-программа, направленная на создание позитивного общественного мнения по вопросам занятия физической культурой и спортом, мотивации к оздоровлению и стимулирования спроса на профилактические и спортивные мероприятия [22].

Ряд отечественных и зарубежных исследователей рассматривают теоретические и практические аспекты PR-деятельности в сфере ЗОЖ [3, 9, 22-26]., однако отсутствует описание успешных российских проектов на региональном уровне, что актуализирует обращение к данной теме.

Н.Г. Швед отмечает, что в сфере ЗОЖ выделяют три направления PR: этический, включающий в себя формирование этических норм и ценностей по ведению здорового образа жизни; потребительский, связанный с продвижением товаров и услуг; мотивационно-агитационный, мотивирующий человека на ведение здорового образа жизни, позволяющий сделать этот образ его личной социальной ценностью [23]. В данной статье рассматривается мотивационно-агитационное направление построения PR-стратегия в системном аспекте.

Системный подход – направление методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связи между ними, то есть рассмотрение объекта как системы. Какое бы явление или объект, независимо от их природы и масштаба, мы ни взяли – везде мы имеем дело с целостной системой, существование которой обусловлено взаимовлиянием ее компонентов [5].

Системный подход предполагает изучение и использование ряда аспектов: системно-исторического, системно-целевого, системно-функционального, системно-ресурсного, системно-элементного, системно-структурного, системно-интеграционного и системно-коммуникационного [4]. Рассмотрим последовательно выделенные аспекты для реализации PR-стратегии по привлечению младших школьников к занятиям спортом и сдаче норм комплекса ГТО.

1. *Системно-исторический аспект* позволяет выяснить условия возникновения, пройденные этапы, современное состояние, а также возможные перспективы развития исследуемой системы. Исторический анализ развития комплекса ГТО, дифференцированный по годам и основным направлениям государственной политики в области физической культуры и спорта представлен в статье Р.И. Платоновой, С.И. Колодезниковой, С.Д. Халыева «Социальный потенциал комплекса ГТО в формировании физически активного населения» [15].

Авторы выделяют этап становления ГТО (1931-1934 г.г.) с акцентом на массовости и общедоступности упражнений и видов спорта, включенных в нормативы. На втором этапе – содержательном (1935-1958г.г.) уточнены уровни нормативных требований, система упражнений и возрастные границы, а также произошло развитие массового и детского спорта. Третий этап (1972-1984г.г.) был нацелен на физическое развитие и общественную активность, стимулирующую здоровьесберегающую деятельность. В 90-х годах XX в. снижение значимости и популярности комплекса постепенно привели к его исчезновению.

В марте 2014 года Президент Российской Федерации подписал указ «О всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (далее – всероссийский комплекс), в котором провозглашается поэтапное возрождение в России комплекса ГТО – одной из основ физического воспитания и пропаганды здорового образа жизни в советские годы [19].

Внедрение комплекса должно обеспечить реализацию «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2020 года» и способствовать увеличению доли населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом к 2020 году до 40%, а среди обучающихся до 80%.

А.И. Данилина и С.П. Миронова отмечают, что проблемным моментом выступает ознакомление с идеологическим содержанием и нормативами данного комплекса, представляющего собой реалию советского периода, в основном представителей старшего поколения. Среди молодых людей не прослеживается понимание его цели, задач, содержания и принципов [3]. По данным опроса «Нормы ГТО: готовность № 1!», проведенного ВЦИОМ 5-6 декабря 2015 года 23% респондентов никогда не слышали о ГТО и пока не готовы к выполнению комплекса упражнений 52% [10].

Для привлечения школьников к занятиям спортом, популяризации здорового образа жизни, подготовке к сдаче нормативов ГТО мы разработали PR-стратегию проекта «ГТОшка». Предлагаемый нами проект является уникальным, поскольку ориентируется на младших школьников 6-8 лет, т.к. именно на этом этапе формируется интерес к здоровому образу жизни, мотивация к здоровому питанию и занятиям спортом.

Анализ литературы позволил выявить проект «ГТО-НИКА» по внедрению комплекса ГТО в физическое воспитание и социализацию детей и молодежи. В ходе реализации проекта в общеобразовательных учреждениях Саратовской области в сентябре 2015 года автор проекта С.А. Фирсин отмечает большой социально-педагогический потенциал игровой и соревновательной деятельности при подготовке детей и молодежи к выполнению норм ГТО, а так же улучшение физического состояния школьников [20].

2. *Системно-целевой аспект* определяет необходимость научного определения целей и подцелей системы, их взаимной увязки между собой. В качестве стратегических целей мы определили популяризацию комплекса ГТО среди младших школьников, повышение уровня физической подготовленности обучающихся, пропаганда здорового образа жизни, создание условий, мотивирующих к занятиям физической культурой и спортом. В качестве тактической цели – создание позитивного персонажа ГТОшка и его использование в подготовке младших школьников к сдаче нормативов ГТО.

К целевой аудитории проекта мы отнесли учащихся начальных классов, которые смогут познакомиться с веселым озорным человечком ГТОшкой, изучить «Азбуку полезных советов», получить возможность участвовать в спортивных соревнованиях в игровой форме. У родителей учащихся начальных классов появится инструмент вовлечения детей в регулярные занятия физической культурой и спортом и организовать времяпровождение детей во внеурочное время.

Учителя физической культуры получают механизмы для пропаганды здорового образа жизни на уроках физической культуры, формирования условий, призывающих к регулярным занятиям физической культурой и спортом. Департамент образования и Управление физической культуры и спорта получает возможность участия в пилотном проекте по возрождению норм ГТО, опыт привлечения детей младшего школьного возраста к сдаче норм комплекса ГТО.

3. *Системно-функциональный аспект* направлен на выявление функций, для выполнения которых создана и существует соответствующая система. Мы выделили следующие функции проекта: популяризирующая (через повышение привлекательности нового комплекса ГТО для

младших школьников), мотивирующая (содействие формированию здорового образа жизни через знакомство с ГТОшкой), апробирующая (апробация внедрение новых механизмов привлечения младших школьников к сдаче нормативов ГТО).

4. *Системно-элементный* аспект позволяет выявить элементы, составляющие рассматриваемую систему. Стратегия состоит из двух основных элементов: продвижение в виртуальной среде и продвижение в реальной среде. Необходимо отметить, что применение онлайн технологий в образовательной среде для обеспечения физкультурно-спортивного комплекса ГТО рассматривается Н.И.Синявским, А.В. Фурсовым, А.А. Камартдиновой, Н.Н. Герегой. Предлагаемый сервис ориентирован на упрощение трудоемких операций в повседневной методической работе учителей по физической культуре, педагогов дополнительного образования, методистов в образовательных организациях [16].

Традиционные каналы распространения информации о ГТО (стенды, листовки) теряют эффективность в школьной среде. Необходим выход в виртуальное пространство, на «поле» младших школьников и их родителей, которые являются активными пользователями онлайн информации [8]. Д. О. Королева анализирует использование мобильных технологий и социальных сетей в образовательном процессе и отмечает, что их возможности недооценены. Современные учащиеся - представители netgeneration, «цифрового поколения»: Интернет, мобильные устройства, социальные сети составляют привычную и комфортную для них среду.

5. *Системно-структурный* аспект состоит в выявлении внутренних связей и зависимостей между элементами системы. Продвижение в реальной среде включает следующие элементы:

1) подготовка сувенирной и наградной атрибутики (изготовление стендов-банеров, информационных буклетов, игрушки-символа ГТОшка, значков, комплектов футболок и кепок).

2) Проведение муниципального фестиваля «ГТОшка» среди обучающихся двух общеобразовательных учреждений города Белгорода (май 2016 года), включающего шаги по разработке Положения Фестиваля и проведение предварительного тестирования.

Программа Фестиваля включает в себя спортивные соревнования и конкурс «Визитная карточка». Программу спортивных соревнований составляют спортивное многоборье (тестирование физической подготовленности по видам испытаний I ступени ВФСК ГТО) и спортивная эстафета «Веселые ГТОшки». Конкурсная программа фестиваля предусматривает показ командами музыкально-художественной композиции (Визитной карточки), дающей представление об образовательном учреждении, его деятельности образовательного учреждения по физкультурно-спортивному и гражданско-патриотическому воспитанию обучающихся и его работе по внедрению ВФСК ГТО.

Для продвижения нашего проекта мы использовали средства массовой информации (9 публикаций за 2015-2017 года), деловые мероприятия (участие в Летней школе проектного управления «Пегас»), специальные мероприятия – проведение муниципального фестиваля ГТОшка.

Продвижение в виртуальной среде предполагало создание интернет контента (группы в социальных сетях, сайт на доменах .RU, .РФ) и разработку интерактивного приложения для мобильных устройств (заключение договора с разработчиком, подбор контента, запуск приложения). Мы полагаем, что виртуальная стратегия имеет высокий потенциал, поскольку количество мобильных устройств устойчиво продолжает расти, и объем мобильного трафика будет увеличиваться [1]. Макет мобильного приложения представлен на рис. 1.



Рис.1. Макет интерфейсов мобильного приложения «ГТОшка ищет друзей»

6. *Системно-ресурсный* аспект заключается в тщательном выявлении ресурсов, требующихся для функционирования системы. Основную часть финансовых затрат составил областной и местный бюджеты, на втором месте - вклад личных средств руководителей и спонсоров. Проект был признан победителем конкурса «Лучших проектных идей» для реализации на региональном уровне в сфере физической культуры и спорта.

К рискам проекта мы отнесли недостаточное количество школьников, изъявивших желание знакомиться с ГТОшкой и сдавать нормы ГТО, отсутствие условий для реализации проекта в общеобразовательных учреждениях города Белгорода, нехватка информационных и технических ресурсов для реализации проекта.

7. *Системно-интеграционный* аспект может быть раскрыт через возможность интеграции модели в различные спортивные мероприятия: на школьном уровне (знакомство первоклассников МАНОУ «Шуховский лицей» с ГТОшкой – 2015-2017 года, проект «ГТОшка среди чемпионов»); на городском уровне (участие в «Дне зимних видов спорта» и «Лыжне России»); на всероссийском уровне (победитель конкурса «Займись спортом. Навстречу комплексу ГТО»)).

8. *Системно-коммуникационный* аспект направлен на выявление коммуникативной эффективности проекта. Результаты анкетного опроса, проведенного среди первоклассников МАНОУ «Шуховский лицей» (N=100) показали, что 93% респондентов не знают что такое «ГТО». В результате проведенных мероприятий осведомленность о ГТО выросла до 100%. Проведенное после «Фестиваля ГТОшки» интервью показало, что предложенный первоклассникам персонаж ГТОшка (рис. 2) им понравился, и они хотели бы они продолжить с ним дружбу.



Рис. 2. Графический образ «ГТОшка»

Мы провели оценку коммуникативной эффективности графического образа «ГТОшка» методом семантического дифференциала [12, 21]. Использование бимодальной шкалы для оценки объекта «ГТОшка» по факторам «Оценка», «Сила», «Активность», позволило интерпретировать их по шкалам «Оценка» (глупый – умный, приятный – неприятный, красивый – отталкивающий), «Сила» (храбрый – трусливый, сильный – слабый), «Активность» (быстрый – медленный, веселый – грустный, активный – пассивный).

Опрос респондентов – учащихся первых классов МАНОУ «Шуховский лицей» и МБОУ «Гимназия №3» г. Белгорода, участников «Фестиваля ГТОшки» (N=20) показал, что данный персонаж, моделируемый для учащихся младших классов, оценивается как красивый (общее значение фактора 2,52), сильный (2,63), храбрый (2,29), быстрый (2,61), веселый (2,93) человек, который мотивирует респондентов к занятиям физической культурой и к сдаче норм ГТО.

В результате реализации проекта появился позитивный ГТОшка, мотивирующий младших школьников заниматься спортом и сдавать нормы ГТО, комплексом ГТО заинтересовались учащиеся младших классов и их родители, младшие школьники получили положительный опыт реального участия в сдаче нормативов ГТО. Перспективы развития проекта связаны с созданием спортивного комплекса, который позволяет осуществлять замеры времени и средней скорости прохождения дистанции с фото и видео фиксацией участников. Круглосуточная работа комплекса позволит соревноваться не только младшим школьникам (на уроках физкультуры и при сдаче норм ГТО), но и всем желающим. Все результаты будут фиксироваться и по желанию пользователя отображаться на портале.

Поскольку реализуемый проект является социальным, это определяет специфику его продвижения, связанную с необходимостью привлечения и взаимодействия широких групп общественности (педагогов, родителей, учеников). Для каждой из групп необходимы свои механизмы взаимодействия. Поскольку проект не имеет коммерческой составляющей, возникает необходимость поиска источников финансирования. Необходимы административные ресурсы для масштабирования проекта на региональном уровне.

### Литература

Бугаев Л. Мобильный маркетинг: Как зарядить свой бизнес в мобильном мире [Текст] / Л. Бугаев.- М.: Альпина Паблишер, 2012. - 214 с.



- Воробьева Т. А. PR-сопровождение: понятие и концепция [Текст] / Т. А. Воробьева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - № 26 (197). - 2014. - С. 75-79
- Данилина А. И., Миронова С. П. Информационное PR-сопровождение всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО в высших учебных заведениях / А. И. Данилина, С. П. Миронова // Физическая культура, спорт и здоровье студенческой молодежи в современных условиях: проблемы и перспективы развития : материалы Региональной студенческой научно-практической конференции, 8 апреля 2015 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург, 2015. - С. 42-45.
- Ильяева И.А., Хованова Е.В. Межкультурные коммуникации в региональном вузе / И. А. Ильяева, Е. В. Хованова. [Текст]. - Белгород: Изд-во БГУ, 2009. - 203 с.
- Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / Джозеф О'Коннор и Иан Макдермотт; Пер. с англ. - 7-е изд. - М.: Альпина Паблишер, 2013. - 254 с.
- Кириллова В. Л. PR в некоммерческом секторе [Текст] / В. Л. Кириллова. - М.|Берлин : Директ-Медиа, 2015. - 127 с.
- Козлова Н. С., Некрасова А. В., Горбунова И. Л. Формирование здорового образа жизни у детей младшего школьного возраста [Текст] / Н. С. Козлова, А. В. Некрасова, И. Л. Горбунова // Молодой ученый. - 2014. - №10. - С. 387-389
- Королева Д. О. Всегда онлайн: использование мобильных технологий и социальных сетей современными Лебедева А. М., Нархов Д. Ю. К вопросу о коллаборации рекламы и PR в сфере массового спорта / А. М. Лебедева, Д. Ю. Нархов // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27-28 февраля 2015 г.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. - Екатеринбург: УрФУ, 2015. - С. 271-274.
- Нормы ГТО: готовность № 1! Опрос ВЦИОМ от 15.12.2015. - [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115514>
- Основы PR в бизнесе [Текст] / под ред. В.Д.Соловья. - М.: ЭКСМО, 2016. - 416 с.
- Павлов, О. Ю. Бренд-менеджмент: глубинный семантический дифференциал бренда / О. Ю. Павлов // Креативная экономика №9 (69) 2012. - С. 96-106.
- Перова Е. И., Куренцов В. А., Голубев В. П., Егорычева Э. В. Физическое состояние и готовность студенческой молодежи к выполнению нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО 2014 года [Текст] / Е. И. Перова, В. А. Куренцов, В. П. Голубев, Э. В. Егорычева // Вестник спортивной науки. - №2. - 2014. - С. 55-60
- Петрошина С. И. Инструменты создания социальной рекламы и средства ее распространения [Текст] / С. И. Петрошина // Проблемы развития территории. - №6. - 2013. - С. 83-89
- Платонова Р. И., Колодезникова С. И., Халыев С. Д. Социальный потенциал комплекса ГТО в формировании физически активного населения [Текст] / Р. И. Платонова, С. И. Колодезникова, С. Д. Халыев // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. - №3(18). - 2014. - С. 169-171
- Синявский Н. И., Фурсов А. В., Камартидинова А. А., Гергега Н. Н. Применение онлайн технологий в программно-методическом обеспечении всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) [Текст] / Н. И. Синявский, А. В. Фурсов, А. А. Камартидинова, Н. Н. Гергега // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - №3 (121). - 2015. - С. 133-136
- Скажем спорту «да»?! Опрос ВЦИОМ от 20.05.2015. Пресс-выпуск №2837 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115256>
- Студеникин Н. PR-защита бизнеса в корпоративных войнах: практикум победителя [Текст] / Студеникин Н. - М.: Альпина Паблишерз, 2016. - 384 с.
- Указ Президента РФ от 24 марта 2014 г. № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО)» // Режим доступа: URL: <http://www.gto-normy.ru/ukaz-prezidenta-rf-putina-o-gto/> (дата обращения: 20.01.2017 г.)
- Фирсин С. А. Проект «ГТО-НИКА» в физическом воспитании детей и молодежи [Текст] / С. А. Фирсин // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. - №2 (1132). - 2016. - С. 194-197
- Хованова Е. В., Замощникова И. В. Оценка коммуникативной эффективности графического образа методом семантического дифференциала / Е. В. Хованова, И. В. Замощникова. - Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Международный научный семинар. Белгород, НИУ «БелГУ», 5-7 октября 2016 г.: сборник научных работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. - Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. - С. 331-335.
- Черепанова В. Н., Савицкая Ю. П. Роль PR в формировании здорового образа жизни населения [Текст] / В. Н. Черепанова, Ю. П.Савицкая // Здоровый образ жизни российской молодежи : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию программы утверждения и сохранения Трезвости в России «Трезвость - воля народа!» / под ред. Н.Г. Хайруллиной - Тюмень : ТюмГНГУ, 2014. С.100-104
- Швед Н. Г. использование PR-коммуникаций в контексте стратегии внедрения ценностей здорового образа жизни, в общественное сознание [Текст] / Н. Г. Швед // Наука и современность: сборник статей международной научно-практической конференции (7 марта 2015 г., Уфа). - Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. - С. 155-158
- Lessons Learned from Public Health Mass Media Campaigns: Marketing Health in a Crowded Media World // Annual Review of Public Health Volume 25, 2004 Randolph, pp 419-437 <http://annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.publhealth.25.101802.123046>
- Public Health Communication: Evidence for Behavior Change / Edited by Robert Hornik. - London: Lawrence Erlbaum Associates. - 2002
- Social Marketing for Public Health: Global Trends and Success Stories / Edited by Hong Cheng, Philip Kotler, Nancy Lee. - Boston: Jones and Bartlett Publishers. - 2011

## ПЕДАГОГИКА

УДК 377

### ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОЛЛЕДЖЕ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПАРАДИГМ ВОСПИТАНИЯ

### ARRANGING EDUCATION PROCESS AT THE COLLEGE IN THE CONTEXT OF THE CHANGING PARADIGM OF UPBRINGING

**О.Е. Кучерова, О.А. Шаталов**  
**O.E. Kucherova, O.A. Shatalov**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: Kucherova\_O@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* Авторы данной статьи затрагивают важные вопросы в деле организации воспитательной работы в организации среднего профессионального образования. Рассматривая смену парадигм воспитания, как необходимость времени, авторы, производя краткий экскурс в историю термина, отмечают, что смена парадигм воспитания способствовала появлению новых прогрессивных педагогических идей в теории и методике воспитания.

В статье говорится о том, что важно учитывать то обстоятельство, что организация процесса развития и саморазвития личности во многом определяется воспитательной средой и тесно связано с повседневной жизнью, а кроме этого указывает на различия между новой и уходящей парадигмой воспитания.

Новая воспитательная парадигма, став основой для построения воспитательного процесса в колледже, предполагает психолого-педагогическое сопровождение воспитанников, с целью самостоятельного построения ими траектории социально приемлемых ценностных ориентаций; толерантности; ориентацию на формирование научного мышления и т.п.

Также в своей статье авторы выделяют ведущие педагогические идеи, на которые стоит опираться при построении воспитательной работы в организации среднего профессионального образования (колледже).

*Abstract.* The article deals some important issues of arranging education in the organization of vocational secondary education. Considering the changing paradigms of education as the need of time, the authors make a brief excursion into the history of the term, note that the paradigm shift of upbringing contributed to the emergence of new progressive pedagogical ideas in the theory and methodology of upbringing.

The article states that it is important to take into account the fact that the organization of the process of development and self-development of personality is largely determined by upbringing environment and is closely related to daily life, and furthermore indicates the differences between the new and the outgoing paradigm of upbringing.

A new educational paradigm, as a basis for building the educational process in the College, involves psychological and pedagogical support of the pupils, to build their trajectory in socially acceptable value orientations: tolerance; orientation on the formation of scientific thinking, etc.

Also in his article, the author identifies the leading pedagogical ideas, which should rely on the construction of upbringing work in organizations of secondary vocational education (College).

*Ключевые слова:* воспитание, парадигма, колледж, среднее профессиональное образование, обучающиеся, преподаватель-воспитатель.

*Keywords:* upbringing, paradigm, College, vocational secondary education, students, dean.

### Введение

Как социальный институт образование на сегодняшний день значительно изменило свой статус, что повлекло за собой преобразования в такой его немаловажной составляющей, как воспитание. Радикально изменились и основные педагогические понятия, изменилась сама парадигма образования, а соответственно и воспитания.



### Основная часть

Широко употребляемый ныне термин «парадигма», вошел в широкий научный оборот после выхода в свет книги Т. Куна «Структура научных революций», где он был использован для объяснения смены физических теорий. Кроме того, термин известен издавна в биологии и химии, но наиболее осмысленно был использован в лингвистике со времен Бодуэна де Куртенэ и Фердинанда де Соссюра для различения двух основных видов связей слов в предложениях – синтагматических и парадигматических.

В данном контексте, возможно, вспомнить и идеи Платона, которые, собственно, изначально назывались парадигмами, воспроизводящимися во множестве реальных вещей. Реальная же связь вещей друг с другом соответствовала синтагме. То есть речь шла о синтагматической и парадигматической связи вещей в реальном или идеальном мире [Ильин, 2015]

Также стоит вспомнить и психологическую концепцию, согласно которой мир психических процессов делится на сознательный и неосознаваемый, бессознательный. И если миру сознания соответствует привычная, логическая, синтагматическая связь вещей и явлений, то миру бессознательного соответствует парадигматическая, асоциальная, не укладывающаяся в привычные рамки представлений и переживаний – «логика бессознательного».

Если же говорить о парадигме педагогической, то из сказанного следует, что это, прежде всего, совокупность основных представлений, не всегда осознаваемых, которые лежат в основе педагогических теорий и педагогической практики. При каких условиях возникает необходимость смены педагогической парадигмы? Прежде всего, тогда, когда осознается несоответствие ранее сложившихся и ставших традиционными представлений нынешней педагогической практики новым фактам и процессам, т.е. тем, которые не укладываются в прежние представления. Именно это осознание несоответствия позволяет выявить прежнюю, в какой-то мере ранее несознаваемую парадигму, а так же выявить черты новой педагогической парадигмы. И, как отмечалось выше, это касается не только процесса обучения, где происходит радикальная перемена с процесса прямого воздействия на учащегося, а сегодня определенные качества обучающийся может получить не только от учителя или из учебника, но и из иных источников информации, даже вне стен образовательной организации, но и в процессе воспитания, где приоритетным становится субъект-субъектный, личностно-ориентированный и др. подходы, являющиеся основой гуманизации процесса образования в целом.

Смена парадигмы воспитания способствовала возникновению целого ряда новых прогрессивных педагогических идей в теории и методике воспитания.

Не преминем отметить, что воспитание как организация процесса развития и саморазвития личности во многом определяется воспитательной средой и тесно связано с повседневной жизнью, в которой существует индивид. Немаловажную роль здесь играют особенности жизнедеятельности региона, в котором проживают молодые люди, состояние их социальной активности и пр. Каждый воспитанник образовательной организации среднего профессионального образования прежде всего часть социального целого: народа, нации, региональной общности, с которыми его связывают неразрывные духовные связи, а сам он является субъектом соответствующей культуры.

Говоря о смене воспитательной парадигмы в новых социально-экономических условиях, мы предполагаем, что она сохраняет естественный характер и порядок социализации индивида, способствует освоению им культурных форм поведения, от повседневной культуры, культуры непосредственного социального окружения через наполнение социальной деятельности соответствующим духовным содержанием, нравственным смыслом, ведет каждого индивида к более широкому социокультурным горизонтам.

В то же время отметим ее разительное отличие от парадигмы уходящей, которую мы представляем как некую структуру, в общем и целом направленную через ценности и цели в ней заложенные, на социальную ориентированность, репродуктивность в отношении транслируемых в воспитательном процессе ценностей и т.д.

Руководствуясь в своей деятельности п. 1 статьи 68 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которая гласит: «Среднее профессиональное образование направлено на решение задач интеллектуального, культурного и профессионального развития человека и имеет своей целью подготовку квалифицированных рабочих или служащих и специалистов среднего звена по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, а также удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования» [Федеральный закон «Об образовании в РФ» 2013:68], мы выстраиваем собственную стратегию организации воспитательной работы в учреждении среднего профессионального образования (колледжа).

При организации воспитательного процесса в образовательной организации среднего профессионального образования стоит учесть, что новая воспитательная парадигма предполагает



психолого-педагогическое сопровождение воспитанников, с целью самостоятельного построения ими траектории социально приемлемых ценностных ориентаций; толерантности; ориентацию на формирование научного мышления; восприятие и принятие культуры как полисистемного образования, аккумулирующего в себе разногласие эпох, народов, различных позиций по отношению к человеку, миру и самому себе и т.п. Кроме этого, следует сделать акцент на формировании личности выпускника образовательной организации среднего профессионального образования согласно эталону, заданному обществом, на гуманистической идее создания в процессе воспитания оптимальных условий для разностороннего, гармоничного развития личности обучающегося, и, конечно, его самоактуализации в статусе полезного члена общества на базе потребностей и потенциальных возможностей.

Здесь важно, что при организации педагогического взаимодействия осуществляется управление инициативой самого воспитанника (по К.Г. Митрофанову это «наивысший пилотаж» в педагогическом общении - манипулятивный стиль) [Митрофанов, 1991]. То есть педагог поддерживает воспитанника и одновременно создает условия для его самореализации, с помощью чего стимулируется способность личности к успешной адаптации в социуме.

Анализ социально-педагогической ситуации последних десятилетий, основополагающих документов в сфере среднего профессионального образования, педагогической литературы по вопросам воспитания в организациях среднего профессионального образования позволяет выделить ряд ведущих педагогических идей, на которые стоит опираться при построении воспитательной работы в колледже.

1. Прежде всего, стоит помнить о том, что воспитанник колледжа (обучающийся) в современной гуманистической парадигме воспитания рассматривается как наивысшая ценность. При этом важно воспринимать и принимать его таким, каков он есть, чтобы более эффективным был процесс его дальнейшего разностороннего развития. Исповедуются принципы А.С. Макаренко: «походить к человеку с оптимистической гипотезой», в личности воспитанника опираться только на положительное, а также мажорный тон и стиль в отношениях с ним.

2. «Высокая» цель воспитания – разностороннее гармоничное развитие самоактуализирующейся личности воспитанника в коллективной творческой деятельности, организуемой в колледже. Именно это основание позволяет выстроить систему воспитания.

3. Обратим внимание на такие важные постулаты, как: внутренняя свобода педагога и воспитанника, признаваемая своеобразным стержнем культуры воспитания, основанного на свободном творчестве, действительном (а не мнимом) демократизме и гуманизме взрослого и ребенка (подростка); опора на «педагогику свободы» (по О.С.Газману), которая позволит обучающемуся в условиях поддержки и заботы не только проявить себя в более высоких формах поведения, но и вступить в новую стадию культурно-нравственного взаимодействия и сотрудничества со взрослыми; формирование (в некоторых случаях корректировка) жизненной позиции обучающегося, развитие отношений его к обществу, людям, ценностям (материальным и духовным), к самому себе, погружение в ситуации выбора ценностей: экономических, нравственных, эстетических и пр.; активизация жизненной позиции как субъекта саморазвития и воспитывающей деятельности [Газман, 2000].

4. Воспитывающая деятельность, организуемая в колледже, призвана обеспечивать обучающимся активную позицию, независимо от того, какова эта деятельность: познавательная, общественная, трудовая, художественная или какая-то иная. Обращаясь к трудам известных педагогов Е.В. Бондаревской, Н.Е. Щурковой и др., акцентируем внимание на том, что основная идея воспитания заключается в «создании» «человека культуры». Краткий экскурс в историю данного термина позволил заметить, что возник он вместе с необходимостью обозначения нового качества культурного человека. В соответствии с этим прогнозируется и образ выпускника средней профессиональной организации: человек, наделенный активной жизненной позицией, обладающий широким кругозором, наделенный активной жизненной позицией, с достаточно развитым коммуникативным интеллектом, способствующим успешной социализации.

Обратившись к концепции Н.Е. Щурковой, с которой мы вполне солидарны, отметим, что структурно воспитательный процесс по ее мнению состоит из ряда элементов:

- осмысление воспитанником своей жизни в контексте современной культуры, как субъекта среды и субъекта деятельности;
- воспитывающая среда;
- воспитывающая деятельность [Щуркова, 2000, 50-67].

Опираясь на данную концепцию, мы выстраиваем основные направления работы в колледже, согласно культурологическому подходу, а новая парадигма воспитания позволяет определить основные свойства понятия «Человек культуры» достаточно полно. Итак, «Человек культуры» - это: *свободная личность* (воспитание таких взаимосвязанных свойств, как высокий уровень гражданского самосознания, чувство собственного достоинства, самоуважения, самостоятельность, самодисциплина, независимость суждений, уважение к мнению других людей,

способность к ориентировке в мире духовных ценностей и в ситуациях окружающей жизни, способность принимать решения и нести ответственность за свои поступки, осуществлять свободный выбор содержания своей жизнедеятельности, линии поведения, способов своего развития и профессионального самоопределения); *гуманная личность* (воспитание готовности оказывать помощь близким и дальним, понимания ценности и неповторимости каждого человека, неприкосновенности каждой человеческой жизни, стремления к миру, согласию, добрососедству, умения проявлять терпимость и доброжелательность ко всем людям, независимо от расы, национальности, вероисповедания, положения в обществе, личных качеств и т.п.); *духовная личность* (воспитание и развитие духовных потребностей, в т.ч. в познании, самопознании, рефлексии, красоте, в творчестве, поиске смысла жизни, счастья, идеала и пр.); *творческая личность* (воспитание в творчестве – основной постулат. Здесь уделяется внимание развитию способностей обучающихся, потребностей в преобразующей деятельности, сочетанию аналитического и интуитивного мышления, способности и стремлению к жизнотворчеству); *личность практичная* (стоит отметить идеи Дж.Дьюи, актуальные для современности. Главнейшей задачей новой прогрессивной школы ученый видел в развитии у детей навыков рефлексивного мышления и адаптации в социуме, а в воспитании – активных, самостоятельных людей – личностей [Дьюи, 1924]). Выпускник средней профессиональной организации – человек готовый к жизни в условиях рыночного хозяйствования, диалога культур, межнационального общения, бережно относящийся к своему физическому и психическому здоровью, умеющий вести здоровый образ жизни.

5. Мы акцентировали внимание на использовании в воспитательной работе колледжа личностно-ориентированного подхода, когда главным принципом является «последовательное отношение педагога к воспитаннику как к личности, как к самостоятельному ответственному субъекту собственного развития и как к субъекту воспитательного взаимодействия».

И здесь четко обозначается новая роль преподавателя-воспитателя: он становится естественным, принимаемым и желанным СОучастником и СО- работником жизнедеятельности обучающихся колледжа.

6. Нельзя не актуализировать в свете сказанного и идеи педагогической поддержки (О.С. Газман), которые в контексте нашего исследования представляют собой некую превентивную и оперативную помощь обучающимся в решении его индивидуальных проблем различного характера (учеба, здоровье, общественная деятельность, семейная ситуация, профессиональное самоопределение и т.п. [Газман, 2000]. Сам ученый, теоретически обосновывая свою идею, отмечал, что суть ее состоит в том, чтобы помочь обучающемуся преодолеть то или иное препятствие, трудность, ориентируясь на имеющиеся у него реальные и потенциальные возможности и способности, развивая потребность в успешности самостоятельных действий. Ключевое слово здесь – «помощь» [Курников, 2012: 74-76].

7. И, конечно же, стоит обратить внимание и на такую важную составляющую организации процесса воспитания в колледже, как диалоговое общение преподавателей и воспитанников. Обратившись к трудам М. Бахтина, отметим, что ученый замечал: «Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения» [Бахтин, 1979]. Здесь важно развивать диалоговые формы отношений, всячески способствовать конструктивному диалогу всех субъектов воспитательного процесса.

Таким образом, считаем необходимым выделить основные направления воспитательной работы в колледже, согласно обозначенных нами педагогических идей. Это

- гражданское воспитание будущего специалиста;
- формирование профессионально значимых качеств личности будущего специалиста;
- формирование человека культуры;
- экономическое воспитание;
- формирование социально активной личности;
- художественно-эстетическое воспитание;
- формирование здорового образа жизни и физическое воспитание.

Учитывая вышесказанное, нами была разработана Концепция воспитательной работы, которая в основе своей опирается на Международную конвенцию о правах и основных свободах человека, Федеральную программу развития образования в России, Закон Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями, Проект Федеральной межведомственной программы «Студенчество России», Устав областного государственного автономного профессионального образовательного учреждения «Белгородский индустриальный колледж», Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования (приказ МОРФ от 14.06.13. №464) и другие документы, регламентирующие образовательную и внеучебную деятельность.

Рассматривая качественную подготовку специалистов как взаимосвязанный процесс обучения и воспитания, администрация колледжа планомерно создает целенаправленную систему воспитания обучающихся, представляющую условия, способствующие индивидуальному развитию обучающихся и их коллективному взаимодействию.

В колледже реализуется комплексная программа внеурочной деятельности «Сотрудничество», которая включает в себя шесть подпрограмм:

1. Подпрограмма «Родина – Россия – Белгородский край».

Цель программы: формирование патриотического сознания – решение задач, способствующих развитию личности, обладающей качествами гражданина – патриота Родины.

Включает в себя:

- духовно-нравственное воспитание;
- патриотическое воспитание;
- нравственно-эстетическое воспитание;
- нравственно-экологическое воспитание;
- правовое воспитание;
- гражданское воспитание;
- профессиональное воспитание.

Пути реализации программы показаны на рисунке 3.

2. Подпрограмма «Создай себя сам»:

Цель программы:

- создание условий для психологического самосовершенствования;
- обеспечение психологического благополучия личности.

Включает в себя:

- формирование межличностных отношений среди обучающихся;
- психологическую реабилитацию молодежи.

3. Подпрограмма «Человек – имя тебе»:

Цель программы:

- воспитание нравственности на основе общечеловеческих ценностей;
- профилактика правонарушений в среде обучающихся;
- формирование толерантного сознания.

4. Подпрограмма «Я люблю тебя, жизнь»:

Цель программы:

- развитие концептуально обоснованного системного подхода к профилактике злоупотребления психоактивных веществ среди обучающихся;

Включает в себя:

- профилактику употребления психоактивных веществ среди обучающихся;
- профилактику распространения ВИЧ;
- использование здоровьесберегающих технологий.

5. Подпрограмма «Лидер»:

Цель программы:

- развитие в колледже самоуправления обучающихся, деятельность которого строится на общечеловеческих принципах демократии, гуманности, гласности, открытости.

Включает в себя:

- создание личностного имиджа обучающихся, навыков общения, коммуникативных умений;

- волонтерское движение.

6. Подпрограмма «Профессионал»:

Цели программы:

- формирование конкурентоспособного специалиста;  
 - создание условий для развития конкурентоспособного молодого человека, имеющего специальность, сделавшего выбор профессии, способного трудоустроиться или продолжить профессиональное образование.

Включает в себя:

- научно-практическую деятельность;
- развитие технического творчества обучающихся;
- профориентационную работу;
- привлечение к участию в олимпиадах, ярмарках профессий;
- сотрудничество с службой занятости обучающихся.

В колледже большое внимание уделяется социальному партнерству, создана особая система взаимодействия с социальными партнерами (привлекаются социальные партнеры не только города, но и области) с целью организации и проведения культурно-массовых, научных и спортивных мероприятий, тематических семинаров, школы студенческого актива, взаимодействия



с общественными молодежными организациями, с органами по делам молодежи города и области, органами охраны правопорядка, профилирующими предприятиями области, музеями, библиотеками и другими культурными учреждениями области. Такое партнерство позволяет говорить о создании социально-воспитательного пространства с активно действующими внутренними и внешними субъектами. И здесь же целесообразно сделать акцент на сотрудничестве данных субъектов и создании в колледже особой модели человеческих отношений, атмосферы духовности, в которой могла бы самореализоваться личность каждого воспитанника.

Кроме того, в нашей концепции учитывается естественное стремление человека к красоте, а значит и его желание красоты, следовательно, наша задача помочь обучающемуся «очеловечиться», научить всех общеэтическому важной для нас становится возможность пробудить эмоциональное чувство принципу «благоговения перед жизнью». Таким образом, можно сказать, что наша концепция ориентирована на человековедческий подход, учитывающий психологию обучающихся.

Мы считаем, что задачи формирования специалистов современного уровня могут быть решены при наличии следующих условий:

- вовлечение каждого обучающегося в активный познавательный процесс, четкое осознание ребятами, где, каким образом, для каких целей его знания могут быть применены на практике;
- работа обучающихся в сотрудничестве при решении разнообразных проблем, когда требуется проявлять соответствующие коммуникативные умения;
- свободное, широкое общение ребят со сверстниками из других учебных групп;
- доступ обучающихся к необходимой информации с целью формирования своего собственного мнения - независимого, но аргументированного - по той или иной проблеме;
- постоянное испытание студентами своих интеллектуальных, физических, нравственных сил для определения возникающих проблем действительности и умения решать их совместными усилиями, исполняя подчас разные социальные роли.

Организация воспитательной работы в колледже требует целенаправленной организации действий, а именно:

- разработки плана общих мероприятий, отражающих все направления внеурочной деятельности студентов, их взаимодействие с социальной средой;
- составления планов работы психолога, педагогов-организаторов и кураторов учебных групп;
- разработки плана спортивно-массовой и оздоровительной работы;
- разработки плана работы общежития.

В колледже создан и эффективно работает ряд важных для воспитательной деятельности структур: кружок «Поэтическое слово», кружок молодого избирателя, кружок «Театральная студия», кружок вокала, вокально-инструментальный ансамбль и т.п.

Данная концепция служит основой для разработки комплексного плана воспитательной деятельности в колледже, конкретных целевых программ по различным задачам воспитательной деятельности, отдельных планов воспитательной работы в группах, на отделениях, в общежитии.

Для реализации концепции необходимы следующие предпосылки и условия:

- воспитательный аспект должен стать приоритетным в профессиональной подготовке специалистов;
- воспитательный процесс основывается на взаимодействии преподавателей и обучающихся, их сотрудничестве;
- необходима координация действий всех звеньев системы воспитания;
- требуется постоянный контроль над воспитательным процессом, коррекция действия субъектов воспитания;
- целенаправленность, систематичность и последовательность в воспитательной работе;
- внедрение в воспитательную работу лучшего педагогического опыта преподавателей;
- дальнейшее развитие и совершенствование системы самоуправления обучающихся;
- система воспитания, несомненно, должна носить динамичный характер, поэтому данная концепция должна постоянно творчески развиваться и обогащаться.

### **Заключение**

Воспитание студентов в организации среднего профессионального образования направлено на преодоление противоречий и разногласий социально-культурной среды, которые проявляются в тенденции к девиантному поведению среди молодежи, девальвации ценностей духовных и преобладании ценностей материальных и пр.

Поэтому важным в воспитательной работе колледжа является формирование, развитие и становление личности студента - будущего специалиста, который должен сочетать в себе высокую образованность, глубокие профессиональные знания, активную гражданскую позицию, широкий кругозор, гуманизм, любовь и уважение к истории и традициям Родины, желание участвовать в

сохранении и развитии лучших традиций отечественной культуры, национальных культур народов России [Митросенко, 2009:52]

В ходе целенаправленной воспитательной работы в колледже формируется аксиологический потенциал личности который заключается в сформированности чувства уважения к родному краю и колледжу, дружбы, сотрудничества; собственного достоинства; долга и ответственности, терпимости; и таких качеств как чуткость, отзывчивость, оптимизм, гуманизм, активность в общественных делах, а также нравственности и духовности.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что новая парадигма воспитания, дает широкий простор преподавателям-организаторам воспитательной работы в колледже, позволяя учитывать основные ее принципы и методы с опорой на личностные особенности воспитанников.

### Литература:

- Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. - М.: Художественная литература, 1979.
- Газман, О.С. Педагогика свободы: путь в гуманистическую цивилизацию XXI века/ О.С. Газман // Классный руководитель. – 2000. – № 3.
- Гурина, В.К. Актуальные проблемы социально-психологической адаптации студенческой молодежи / В.К. Гурина //Профессиональное образование в Сибири.-1997. – № 1. – С.124-126.
- Дьюи, Дж. Школа и общество / Дж. Дьюи. – М.: Госиздат, 1924. – 168 с.
- Ильин, Г.Л. Инновации в образовании / Г.Л. Ильин: Учебное пособие. - Прометей, 2015.
- Колобков, В.Ф. Сущность социально-профессиональной адаптации студентов сузуа // Проблемы духовно-нравственного воспитания учащейся молодежи. – Москва-Чебоксары, 2006.
- Коменский, Я. А., Локк, Д., Руссо, Ж.-Ж., Песталоцци, И. Г. Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1988.
- Курников, Д.В. Сущность понятия «педагогическая поддержка» в образовании/ Д.В. Курников // Мир науки, культуры, образования. № 5 (36) 2012. – С.74-76.
- Лихачев, Б.Т. Воспитание: необходимость и свобода / Б.Т. Лихачев // Педагогика. – 1994. – № 3.
- Луков, Вл. А., Луков, Вал. А., Ковалева, А. И. Уроки Макаренко / предисл. С. М. Миронова. М. : Ключ-С, 2006.
- Магадиева, Г.Г. Подходы к проектированию компетентностной модели специалиста / Г.Г. Магадиева // Гуманизация образования в России : сб. науч. тр. регион. науч. интерактив. конф. – Магнитогорск : МаГУ, 2007. – С. 126-131.
- Макаренко, А. С. Педагогические сочинения : в 8 т. М. : Педагогика, 1983.
- Митрофанов К. Г. Учителское ученичество/ К.Г. Митрофанов. - М., 1991.
- Митросенко, С.В. Воспитательная работа в учреждениях среднего профессионального образования/С.В. Митросенко. Учебное пособие-Красноярск,2010.-205 с.
- Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ. – М. : Издательство «Омега – Л», 2013. – 134 с. – (Закон Российской Федерации).
- Прибыткова, Е.А. Компетентностный подход в среднем профессиональном образовании. Навигатор: сборник методических материалов: Выпуск 2. – Иркутск: Издательство Иркут. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 92.
- Принципы воспитания [Электронный ресурс]. – URL: <http://libsib.ru/pedagogika/obschie-osnovi-pedagogiki/printsipi-vozpitanija> (дата обращения 18.08.2016).
- Чурикова, И.Э. Воспитательное пространство педагогического колледжа как средство адаптации студентов к новым социальным условиям // Воспитательное пространство образовательного учреждения: Материалы конференции. – Рязань: РГПУ имени С.А. Есенина, 2003. - С. 189-190.
- Щуркова, Н.Е. Новое воспитание / Н.Е. Щуркова -М., 2000. – С.50-67.
- Юрьева, Е.Г. Управление развитием самоконтроля студентов средней профессиональной школы // Омский научный вестник. Сер. «Общество. История. Современность». – 2008. – № 3 (67). – С. 129–133.



УДК 37.013.42 (075.8)

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ  
И ЮНОШЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ  
И СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ**

**FORMATION OF ETHNOCULTURAL IDENTITY OF ADOLESCENTS AND YOUNG  
PEOPLE AS A PROBLEM OF MODERN PSYCHOLOGY AND SOCIAL PEDAGOGY**

**А.В. Репринцев, И.С. Сухоруков  
A.V. Reprintsev, I.S. Suhorukov**

*Курский государственный университет, Россия, 305000, г.Курск, ул.Радищева, 33*

*Kursk State University, 33, Radichev Str., Kursk, 305000, Russia*

*E-mail: reprintsev@mail.ru; idmentium@mail.ru*

*Аннотация.* Авторы обращаются к анализу феномена этнокультурной идентичности личности, размышляют о сложностях и противоречиях формирования такой идентичности в современном поликультурном мире. В поле зрения авторов оказываются важнейшие элементы этнической культуры, которые осваиваются входящим в жизнь человеком и становятся идентификационными индикаторами. Авторы приводят результаты эмпирических исследований, иллюстрирующих осложнение процессов инкультурации молодежи, формирования ее этнокультурной идентичности в современном полиэтничном мире.

*Abstract.* The authors refer to the analysis of the phenomenon of ethnic and cultural identity of the individual, time-Myshlyaev about the complexities and contradictions of the formation of this identity in a modern, multicultural world. In the view of the authors are critical elements of the ethnic culture, which develops within the life of a person and are indicators of identity. The authors present the results of empirical studies that illustrate the complicated process of inculturation of youth, formation of its ethnic and cultural identity in the modern multiethnic world.

*Ключевые слова:* философия образования, социальная педагогика, социальное воспитание, социализация, инкультурация, этнокультурная идентичность личности, культурная трансмиссия.

*Keywords:* philosophy of education, social pedagogy, social education, socialization, inculturation, ethno-cultural identity of the individual, cultural transmission.

В последние годы внимание многих исследователей сконцентрировано на проблеме глобализации культуры, становлении информационной цивилизации. К концу XX века в мире получила реальное выражение постмодернистская формула разрушения культурно исторического хронотипа. В одном пространстве оказываются совмещенными прошлое, настоящее и будущее, старое и новое, где крестьянская периферия, индустриально-капиталистическая окраина и постиндустриальный центр превращаются в «глобальную деревню». Факты свидетельствуют о том, что современный мир на рубеже столетий представляет собой сложную целостную систему, самоорганизующуюся в ситуации постоянного производства и воспроизводства хаосами порядка, моделирования различных сценариев глобального культурно-цивилизационного прогресса, неожиданных поворотов и возрастания роли сознательного выбора путей социокультурного развития. В подобных условиях людям необходимо приложить множество усилий для сохранения собственной «самости» в этой «глобальной деревне». Исследователи дают мрачный прогноз о будущем мировой национальной культуры в XXI в., вписывающийся в сценарий глобальных культурно-цивилизационных кризисов. Яркими примерами могут служить международный терроризм и войны на Балканах, в Ираке, Чечне, Афганистане, которым придают этнорелигиозную окраску; рост сепаратизма во всех странах мира, в том числе и в России. Динамические процессы, происходящие в культуре России, сочетаются с процессами, направленными на определение идентичности, становлении культурной автономии и акцентировании уникальности отдельных культур. Сосуществование разных этнокультурных идентичностей наряду с общероссийской, является не только свидетельством исторической уникальности нашего государства, но и серьезной социально-психологической и педагогической проблемой.

Современные исследователи особенностей формирования этнокультурной идентичности утверждают, что единство страны может проявляться через многообразие народов и этноидентичностей, через их взаимообогащение и взаимодействие. Таким образом, государственную

монолитность определяет культурная идентичность. Интеграция полиэтнического населения в единую политическую нацию – одна из ключевых проблем российского государства. Поэтому важную роль в ее разрешении играет разработка целостной социально-педагогической системы формирования этнокультурной идентичности с учетом этнокультурных особенностей, ведь именно подрастающее поколение является основной питательной средой для распространения экстремистских идей.

Проблемы идентичности составляют существенный пласт в научных трудах, посвященных проблемам инкультурации личности, ее социализации. Э. Эриксон был одним из первых исследователей, обратившихся к анализу «кризиса идентичности». Сегодня проблемы идентичности исследуются социологами, психологами и культурологами. Этнокультурная идентичность является сложным не только психологическим, но и социальным феноменом, который обусловлен потребностью каждого индивидуума в получении представлений о самом себе и «своем месте» в мире; в обретении единства с окружающей его действительностью, которое можно достичь посредством включения в культурное символическое пространство локального социума при использовании различных форм замещения (политической, религиозной, языковой общности и др.) [Российская идентичность 2007:24]. В феномене этнокультурной идентичности есть связь между понятиями «социальная идентичность», «этническая идентичность» и «культурная идентичность». Все эти понятия имеют близкий смысл и не всегда правомерно отождествляются в научной литературе. Этническая идентичность представляет собой один из компонентов идентичности социальной.

Этнокультурная идентичность имеет свою структуру, которая содержит в себе ценностно-ориентировочный, когнитивный, поведенческий, эмоционально-оценочный, аффективный компоненты.

*Когнитивный компонент* сочетает в себе знания об отличительных особенностях своей этнической группы, принятие себя как члена этой группы, основываясь на этнодифференцирующих компонентах и признаков [Стефаненко 2001: 275]. М. Баретт, занимаясь проблемой этнокультурной идентичности детей, выделил составляющие части когнитивного компонента:

1. Знание о существовании этнокультурных групп. Основной идеей является то, что ребенку необходимо иметь знания о других существующих этнокультурных группах, для принятия своей этнокультурной принадлежности;

2. Позиционирование себя как члена определенной этнокультурной группы. Чтобы понять собственную этнокультурную идентичность, ребенку необходимо категоризировать себя как члена конкретной этнокультурной группы;

3. Знание о традициях, символах, обычаях, событиях истории, представляющих этнокультурную группу. Ребенок при формировании собственной этнокультурной идентичности должен иметь представления о своей культуре;

4. Знание о территории, на которой проживает этнокультурная общность. Ребенку необходимо иметь знания о географической территории, на которой проживает его этнокультурная общность;

5. Ребенок должен иметь представления о своем происхождении и степени родства с членами собственной этнокультурной общности;

6. Знания об особенностях своей этнокультурной общности. Прежде всего, сюда относят стереотипы внешности, поведения и национального характера.

Т.Г. Стефаненко отмечает некоторые элементы в составе когнитивного компонента этнокультурной идентичности: осведомленность этническая, которая включает представления об этнокультурной общности, об отличительных особенностях культуры, обычаях и истории народа; самосознание этническое, под ним подразумеваются этнокультурные «ярлыки» [Стефаненко 2001:329].

*Аффективный компонент* этнокультурной идентичности содержит в себе чувство принадлежности к конкретной этнокультурной общности и оценка ее характеристик. Советские авторы утверждают, что именно в аттитюдах проявляется аффективный компонент этнокультурной идентичности. Позитивные аттитюды содержат в себе желание членов этнокультурной общности принадлежать ей, отмечается состояние гордости за представителей своей народности (Т.Г. Стефаненко, И.С. Кон) [Стефаненко 2001:329].

*Поведенческий компонент* этнокультурной идентичности содержит в себе механизмы принятия себя как члена конкретной этнокультурной группы, построение взаимоотношений в группах. Отмечается активное вовлечение в социум с использованием языка, религиозной принадлежности и поддержании культурных традиций. Занимаясь исследованием данного компонента, ученые получили неоднозначные результаты. Некоторые авторы выразили свое несогласие по поводу выделения поведенческого компонента. Так, Т.Г. Стефаненко, утверждала, что следует четко разграничивать установки на этнокультурную идентичность и конкретную

вовлеченность в нее, так как названные явления не совпадают. С.А. Тагилин и В.Н. Павленко, придерживаются противоположной точки зрения, доказывая, что поведенческий компонент помогает сохранить традиционные взгляды и установки на жизнь, соблюдать народные обряды и традиции [Стефаненко 2001:258].

*Эмоционально-оценочный* компонент этнокультурной идентичности содержит в себе истинное понимание и знание духовно-нравственной культуры, чувствительность и наличие подлинного отношения к своей этнокультурной среде. Изучением проблем эмоционального компонента этнокультурной идентичности занимались многие авторы, в числе которых Дж. Тернер, Р. Бернс, Л. Шнейдер, Н.И. Сарджвеладзе, С.Р. Пантелеев, Э. Шостром. Так, Н.И. Сарджвеладзе, смог выделить эмоциональный компонент наряду с когнитивным компонентом, в качестве компонента самоотношения. В своей методике «Самоактуализационный тест» Э. Шостром отметил наличие двух показателей эмоционального компонента этнокультурной идентичности – самоуважение и самопринятие [Стефаненко 2001:259].

*Ценностно-ориентировочный* компонент этнокультурной идентичности содержит в себе понимание и уважение других мировых культур, межнациональную толерантность, готовность к взаимодействию с представителями других этнокультурных сообществ.

В этнокультурной идентичности ярко выражено чувство принадлежности к конкретной этнической общности. С точки зрения деятельностного подхода процесс идентификации человека с такой общностью является зависимой величиной, с помощью которой определяется содержание деятельности между группами. В.С. Агеев, утверждал, что идентичность представляется как следствие дифференциации между группами, и обеспечивает условное деление членов группы на своих и чужих. Одновременно, автор выделяет, что процессы в группе не сводятся только к дифференциальным. У группы отмечается стремление к интеграции. Проведенные исследования, позволили В.С. Агееву выделить некоторые групповые особенности:

- групповая аффилиация, которая выражается в желании быть неотъемлемой частью более широкой этнокультурной группы;
- групповая открытость, которая выражается в желании к взаимодействию между группами, социальным процессам более высокого порядка;
- межгрупповая референтность, которая выражается в зеркальном обращении к внешней группе, для определения норм и ценностей.

Данные факты позволяют выделить всю важность постоянно изменяющихся межгрупповых процессов, которые ответственны за создание аутентичности и этнокультурной идентичности той группы, к которой принадлежит человек. Ведь каждая личность желает сохранить или достичь позитивную этнокультурную идентичность. Позитивная этнокультурная идентичность в большинстве своем реализована на некоторых сравнениях собственной этнокультурной общности с другими чужими общностями, свою группу необходимо воспринимать как отличную от релевантных групп. Примером может служить ребенок, который воспринимает себя членом своего народа. Для формирования успешной этнокультурной идентичности следует понимать, что по каким-то параметрам культура его народа лучше другой [Скворцов 1997:28].

Социокультурная среда оказывает существенное воздействие на формирование этнокультурной идентичности детей. Д. Рисман описывал следующие маркеры этнокультурной идентичности: язык, народные обычаи и традиции, специфика культуры, сходные черты характера, место жительства, внешность и историческое прошлое. Л.Г. Почебут, изучая этнокультурную идентичность, описывает следующие факторы ее формирования: культура, язык, статус этнокультурной группы, степень осведомленности человека в процессе взаимодействия между группами. Т.Г. Стефаненко описала другие факторы: отличия этнокультурной социализации в семье и других ее институтах социализации; отличия этнокультурной среды; место этнокультурной общности в более широком социуме, взаимоотношения между группами [Стефаненко 2001:329]. Ф.С. Файзуллин и А.Я. Зарипов в собственном исследовании также описали факторы формирования этнокультурной идентичности по степени своей важности: индикатор общей территории; национальность родителей; культура и язык; история своего народа; общность традиций и обычаев; иные факторы (например, чувство малой родины). Так, авторы описывают множество факторов формирования этнокультурной идентичности, которые выполняют аналогичные функции и задачи в процессе формирования этнокультурной идентичности людей. Существующие сегодня подходы к пониманию природы и структуры этнокультурной идентичности позволяют вполне успешно вести диагностику этого феномена, отслеживать его динамику в различных социальных и возрастных группах. Эта возможность относится и к выявлению степени сформированности этнокультурной идентичности школьников разного возраста, что позволяет судить среди прочего и об эффективности реализации социализирующей миссии современной школы.

Какова же реальная ситуация с формированием этнокультурной идентичности у обучающихся? Наши эмпирические материалы показывают, что небольшая часть молодых людей



(12% опрошенных старшеклассников курских школ и студентов курских вузов) на вопрос «Какие чувства у тебя вызывает слово русский?» отвечают, что гордятся своей принадлежностью к русскому этносу; 43% испытывают чувство стыда; 45% респондентов безразличны. На вопрос «Какие чувства у тебя вызывают мигранты?» 64% опрошенных ответили «отрицательные», 36% относятся к мигрантам равнодушно. Интересные результаты были получены на вопрос «Согласен ли ты с утверждением «Россия – для русских»? абсолютное большинство – 93% респондентов ответили «да, согласен». Полученные нами эмпирические данные говорят о том, что у молодежи практически отсутствуют установка на консолидацию, сплоченность со своим этносом, ценностно-ориентационное единство, приверженность традициям и нравственным нормам русского мира. В сознании подростков и юношества нет внутреннего ощущения принадлежности личности к целому – к этносу, к гражданскому обществу, к культуре, к национальной истории, а ведь это основополагающее свойство, фундамент этнокультурной идентичности личности. Восполнить эти пробелы можно лишь включением молодежи в социально значимую деятельность, в общественно-полезный коллективный труд, реализующий не только общие цели коллективной деятельности, но и формирующий всю социальность, всю систему жизненных координат входящего в самостоятельную взрослую жизнь гражданина.

Анализ массового опыта социального воспитания детей в учреждениях общего и дополнительного образования показывает: для создания позитивной этнокультурной идентичности необходимо найти баланс интересов семьи, школы, государства, конкретного региона и приоритета личности ребенка, с учетом его интересов и способностей. В полиэтничных школах в основном используются разрозненные, случайные формы работы, не претендующие на системность, целесообразность реализуемого содержания и форм. Результаты наших исследований убеждают в том, что различные компоненты национальной культуры (обычай, традиции, праздники, игры, музыка, сказки, пословицы, народное творчество и т.д.) рассматриваются преимущественно лишь с одной стороны – в качестве средства трудового, патриотического, интернационального, нравственного воспитания. При этом мы не нашли примеров систематической работы в этом направлении, реализуемой в учреждениях общего и профессионального образования. Исключение составляют лишь некоторые учреждения дополнительного образования детей, в которых такая работа строится на основе специально разработанных образовательных программ. Наиболее интересным может служить пример вологодской Школы традиционной народной культуры (директор – З.К. Бакулина), в которой дети (преимущественно старшие дошкольники, младшие школьники и меньше – подростки) имеют возможности вести системную исследовательскую деятельность по изучению традиционной народной культуры региона, сбор материалов, издание книг, в которых отражены результаты реализации исследовательских проектов детей. Но это уникальный случай, который не меняет общей ситуации в стране с организацией этнокультурного образования и воспитания детей и молодежи. Кроме того, в имеющемся опыте формирования этнокультурной идентичности детей и юношества, их инкультурации акцент делается на работе с юношеством, а наиболее чувствительным для этого является подростковый и младший школьный возраст – именно в эти периоды развития для детей характерна высокая степень готовности к усвоению новых образцов поведения, к освоению социальных стандартов поведения и отношений, но уже не на уровне подражания, а осмысленного следования принятым в обществе нормам. Школьникам необходимо иметь представления о культуре своего и других этносов, традициях, – именно эти знания помогут в будущем сформировать принятие людей других народностей на основе плюрализма культур, а также помогут в выстраивании межнациональных отношений.

Как же выглядит ситуация с уровнем сформированности этнокультурной идентичности детей и молодежи в Центральной России? В частности, насколько типичны процессы, происходящие в этом плане в среде детей и подростков Курской области? Мы провели углубленное исследование состояния этнокультурной идентичности детей и молодежи в ряде школ города Курска. Целью исследования являлось выявление реального уровня сформированности этнокультурной идентичности (познавательный, эмоциональный, поведенческий критерии) у детей младшего школьного возраста и подростков. В исследовании приняли участие 450 курских школьников в возрасте 10-12 лет. Среди респондентов 58% составили представители русского этноса (261 чел.); 15% – представители украинского этноса (69 чел.); армяне – 12% (53 чел.); грузины 5% (24 чел.); азербайджанцы – 5% (22 чел.); корейцы – 5% (21 чел.).

В ходе исследования были использованы «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева); «Шкала оценки выраженности этнической идентичности» (Н.М. Лебедева); методика оценки позитивности и неопределенности этнической идентичности (А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева); шкальный опросник О.Л. Романовой для исследования этнической идентичности детей и подростков. Рассмотрим подробнее полученные результаты. «Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева) позволяет осуществить оценку эмоциональной окрашенности (валентности) этнической

идентичности. Методика соответствует типу шкал Лайкерта, направленных на оценку социальных установок, а также оценку отношения к собственной этнической идентичности. Следовательно, шкала в методике построена таким образом, чтобы оценить позитивность этнической идентичности.

С детьми был проведен ряд бесед, в одной из которых им необходимо было ответить на основной вопрос, какие чувства вызывает у них этническая принадлежность к своему народу. Были получены следующие результаты:

- 12 % воспитанников ощущают крайне негативные переживания к своему народу и собственной принадлежности к нему, которые выражаются в появлении у них чувства ущемленности или даже униженности;

- 18 % опрошенных детей не испытывают никакого проявления чувств по отношению к своему народу, что свидетельствует об их отстраненности, отсутствии интереса к социальной жизни собственной этнической группы, а также проявлении ассимиляции культуры;

- 42 % респондентов отмечают чувство «спокойной уверенности» к своей национальности, с глубоким уважением относятся к почитанию традиций, знают родной язык, поддерживают нерушимую связь с родственниками;

- 28 % школьников чувствуют гордость за свой народ, его традиции и обычаи, но при этом считают свой народ единственно уникальным и некорректно выражают свое отношение к представителям других народностей.

Анализируя полученные результаты, отметим нарастание позитивности чувств от самых негативных (таких как ущемленность и униженность) к гиперпозитивным (например, гордость). Эти чувства по своему содержанию являются отрицательными и не способствуют закреплению позитивного самосознания детей в процессе формирования их этнокультурной идентичности. А критерием нормы является именно чувство «спокойной уверенности».

«Шкала выраженности этнической идентичности» (Н.М. Лебедева) позволила оценить, насколько школьники ощущают себя представителями своего народа и носителями своей культуры. При этом школьникам необходимо было также указать в анкете свою национальность. Результаты исследования представлены ниже в виде диаграммы: степень выраженности этнической принадлежности опрошенных нами детей колеблется от полного ее отсутствия до ощущения в полной мере (рис.1).

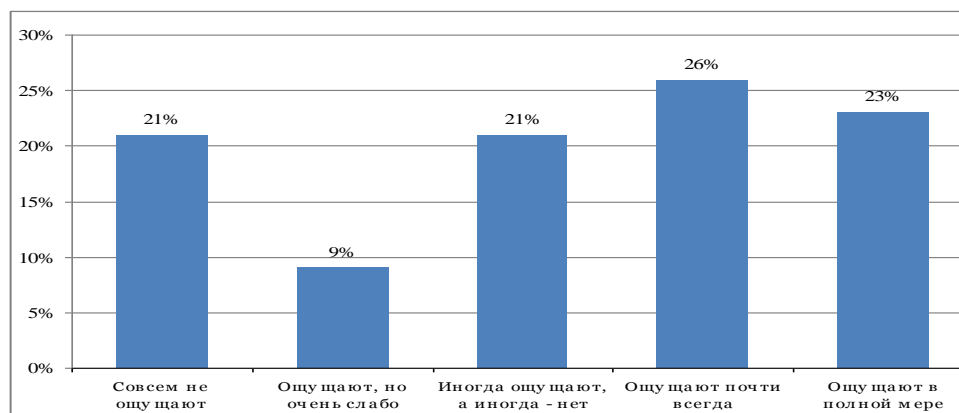


Рис. 1. Шкала выраженности этнической идентичности школьников

Оказалось, что 51% респондентов слабо ощущают или вовсе не ощущают принадлежность к своему народу, а значит, их этническое самосознание размыто, сформировано недостаточно. Чувство этнической принадлежности в границах нормы отмечается лишь у 49 % детей, ощущающих себя представителем своей народности в полной мере. Практически половина детей, принявших участие в нашем исследовании, нуждаются в организации целенаправленной работы по формированию этнокультурной идентичности.

«Оценка позитивности и неопределенности этнической идентичности» (А.Н. Татарко и Н.М. Лебедева) строится на основе двух шкал, а каждая шкала, в свою очередь, состоит из четырех вопросов. Все шкалы включают как прямые, так и обратные вопросы. Причем обратные вопросы перед началом обработки подлежали перекодировке. Первая шкала создана для оценки эмоционального компонента этнической идентичности, точнее, эмоциональной окрашенности (валентности) этнической идентичности. Таким образом, данная шкала позволяет дать конкретную оценку степени позитивности этнической идентичности. Вторая же шкала призвана дать оценку тому, насколько ясно респондент ощущает себя представителем своего народа, то есть вопросы в данной шкале направлены на оценку степени неопределенности этнической идентичности респондента. При обработке данных исследования по этой методике учитывалось

среднее значение по каждой шкале. Детям предлагалось выразить степень своего согласия или несогласия с имеющимися в методике утверждениями. Анализ проведенного исследования по двум шкалам (шкале позитивности этнической идентичности и шкале неопределенности этнической идентичности) позволил выделить следующие характеристики:

- 45 % опрошенных положительно относятся к своей национальности, испытывают чувство гордости при любом упоминании о ней; хорошо владеют родным языком (как устно, так и письменно); всегда ясно осознают свои этнические корни, соблюдают национальные традиции и обычаи в своих семьях. Кроме того, они испытывают чувство радости при осознании себя представителями именно своего народа и даже выражают стремление «не смешивать разные нации в одной семье»;

- 19 % респондентов обладают знаниями о своей принадлежности к этнической группе, владеют родным языком, но уже только на разговорном уровне, в целом положительно относятся к своему народу, но интерес к обычаям и традициям несколько ниже, нежели у первой группы;

- 36 % школьников имеют ряд особенностей – у них отсутствует четкое представление о своей этнической принадлежности, они испытывают дискомфорт при разговорах об их этнической группе. В семьях слабо соблюдаются традиции и обычаи, родным языком владеют в основном родители, дети же общаются дома и в социуме на русском языке. Более того, 14 % из них отметили, что если бы у них появилась возможность сменить национальность, они бы непременно этим воспользовались. Этот факт напрямую свидетельствует о негативном отношении к собственной национальности и отсутствии сформированности этнического самосознания, этнокультурной идентичности детей.

Использование опросника О.Л. Романовой позволяет выявить степень информированности подростков и юношей о существовании различных этнических общностей, их особенностях и различиях, знания о собственной этнической группе, об этнической принадлежности – своей и родителей. Респондентам предлагалось выразить свое согласие/несогласие в соответствии с предложенными утверждениями. Нами были получены следующие результаты:

- у 67 % респондентов отмечается устойчивый интерес к истории и культуре своего этноса; они считают, что представители одной национальности должны между собой общаться только на родном языке; чувствуют гордость, когда слышат о достижениях представителя своей этнической группы; одновременно с этим, придерживаются мнения о том, что в дружбе и браке следует ориентироваться на национальность человека;

- 18 % опрошенных с уважением относятся к своей и другим национальностям, считая при этом, что в общении с людьми нужно ориентироваться на их личностные качества, а не национальную принадлежность; также утверждают, что в многонациональном государстве у власти должны находиться представители разных национальностей;

- 15 % детей не могут четко идентифицировать себя с конкретной этнической группой, не знают традиционного образа жизни своего этноса, не следуют национальным обычаям; и даже в ситуациях обвинения в адрес собственного народа, как правило, не относят это на свой счет.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что школьники обладают относительно невысоким уровнем сформированности этнической идентичности.

Мы провели опрос родителей и учителей школьников, стремясь выявить отношение взрослых к проблеме формирования этнокультурной идентичности их детей, меру их включенности в процесс формирования этнического самосознания воспитанников. Опрос родителей показал: 68 % из них регулярно рассказывают детям о своем народе, своих традициях и обычаях, знакомят их с национальной кухней, разговаривают дома преимущественно на родном языке; 22 % опрошенных родителей отмечают, что довольно редко общаются на родном языке, предпочитают общаться на русском, лишь иногда рассказывают об истории своего народа и имеющихся традициях; 10 % родителей утверждают, что необходимо рассказывать детям о национальной культуре той страны, в которой они проживают, а не о родной культуре и обычаях. Опрос педагогов убеждает: лишь 43% из них считают необходимым давать детям знания и формировать представления о различных этносах. Учителя отмечают, что в классе иногда случаются конфликты между детьми на национальной почве; 27 % педагогов признаются в том, что подобные беседы и мероприятия с детьми проводят не часто из-за большой загруженности и отсутствия достаточных знаний в этой области; 23 % учителей считают проблему формирования этнического самосознания «не самой важной в образовательном процессе».

Столь невысокая эффективность влияний школы и педагогов на формирование этнокультурной идентичности детей и подростков связана, на наш взгляд, с целым рядом причин, среди которых не только отсутствие системности в этой работе, но не в меньшей степени – с состоянием социокультурной среды, отсутствием внятной социальной политики государства в этой сфере.

Конечно, в некоторых школах и учреждениях дополнительного образования проблематика формирования этнокультурной идентичности детей и молодежи не остается без внимания, – есть примеры удачной реализации ряда акций и программ с ориентацией на развитие толерантного отношения воспитанников к «другим» этносам и культурам, накоплению школьниками опыта жизнедеятельности в поликультурном мире. Но такие акции все-таки не решают проблемы в целом, ситуация во многих регионах страны остается относительно напряженной, не стабильной. Подобные программы включают материал, ориентированный на достижение ребенком элементарной грамотности в области этнической культуры и этнических культур других людей, на освоение минимума знаний, умений и моделей поведения, которые способствуют межнациональному взаимодействию и взаимопониманию. Из этого следует череда совместных дел детей (тренинги, ярмарки, праздники, фестивали). Кроме того, создаются условия для формирования умения строить взаимоотношения на основе взаимопонимания и сотрудничества, готовности принять обычаи, традиции и привычки других людей, то есть такими, какими они есть. С этой целью организуются диалоговые рефлексии (дискуссии, беседы, анализ ситуаций и др.). Такие мероприятия выстраиваются таким образом, чтобы происходило чередование теоретических представлений с накоплением и закреплением практического опыта воспитанников. Из этих акций и дел происходит «восхождение» ребенка от восприятия культуры собственного народа к культуре соседних народов, а уже затем – к пониманию ценностно-смысловых основ «мировой» культуры, ее общечеловеческих универсалий, в которых всюду повторяется одна общая нравственная идея: «Относись к другим людям так же, как бы ты хотел, чтобы они относились к тебе». Конечно, такая модель социального взаимодействия может служить основой для взаимопонимания и сотрудничества людей в сложном и противоречивом современном полиэтничном мире с характерным для него сосуществованием множества культур.

Следует обратить внимание и на то, что в процессе формирования этнокультурной идентичности возможны некоторые отклонения, сложности, проблемы. В частности, возможно возникновение синдрома «патологии идентичности», выражающегося в таких опасных состояниях как регрессия личности к инфантильному уровню и желание как можно дольше отсрочить обретение взрослого статуса; смутное, но устойчивое состояние тревоги; чувство изоляции и опустошенности; постоянное пребывание в состоянии чего-то такого, что может изменить жизнь; страх перед личным общением и неспособность эмоционально воздействовать на лиц другого пола; враждебность и презрение ко всем признанным общественным ролям, вплоть до мужских и женских; презрение ко всему отечественному и иррациональное предпочтение всего иностранного (по принципу «хорошо там, где нас нет»). В крайних случаях имеет место поиск негативной идентичности, стремление «стать ничем» как единственный способ самоутверждения [Эрикссон 1996:231].

К сожалению, социокультурная ситуация в обществе, неконтролируемое влияние СМИ, социальных сетей и Интернета оказывают в целом негативное влияние на формирование этнокультурной идентичности детей и молодежи.

Весьма выразительным следствием происходящих социокультурных трансформаций, усугубляющих преодоление юношеством кризиса идентичности, является заметно увеличивающееся количество молодежи, которую можно с полным основанием отнести к рыночному типу личности... Такие молодые люди открыто презирают традиционную русскую культуру и мораль, иронично относятся к национальной истории и традициям, убеждены в преимуществах западного образа жизни, либеральных ценностей, верят в абсолютную свободу и демократию, ориентированы на развлечения, потребительство, гедонизм, плотские утехы. Для таких молодых людей всякие попытки просвещения, приобщения к достижениям науки и культуры предстают как обременительная и ненужная деятельность; они не привыкли к интеллектуальному и духовному напряжению, мобилизации своей воли и физических сил, – их влечет яркая и беззаботная жизнь клубных тусовок, светских раутов, – все, что составляет образ жизни звезд шоу-бизнеса, крупных бизнесменов... Жизнь для таких молодых людей предстает бесконечным калейдоскопом ярких красок, удовольствий, приключений. В ней нет каждодневного труда и волевого напряжения, в ней не идет речи об общественном благе или пользе, в ней нет ничего социального! Это уже та стадия «социального декаданса», за которой неизбежно следует моральное разложение, духовное опустошение, распад личности, ее окончательное и необратимое отторжение от социальной среды, от пуповинной связи ее с национальной культурой, со своим этносом. Такие кризисы идентичности «золотой молодежи» сегодня встречаются все чаще, проявляя не только несоответствие деятельности институтов образования «растущим потребностям общества», но и нарастание социальной стратификации в обществе, эскалацию отрыва социальной элиты от других социальных страт, усиливающиеся антагонизмы между ними [Репринцев, 2013].

Наши исследования и эмпирические материалы показывают устойчивые тенденции нарастания негативных явлений в подростково-молодежной среде, ощутимый рост экстремизма, националистических настроений. Здесь мы солидарны с оценками И.Е. Булатникова, который

охарактеризовал в своих работах тенденции социального отчуждения, индивидуализации человеческого бытия, сокращения межпоколенного, межвозрастного взаимодействия; тенденции «варваризации» культуры, гедонизации сознания молодежи, иллюзорности восприятия мира молодыми людьми; тенденцию сокращения коллективных форм организации социально значимой и досуговой деятельности молодежи. Необходимость преодоления этих тенденций, их минимизации может и должна составлять важный аспект деятельности образовательных учреждений, социального и профессионального воспитания будущих граждан России [Булатников 2012:146-152]

Сохранение национальной культуры является важнейшей стратегической задачей российского общества: сохраним культуру – сохраним и Россию. Миссия институтов социального воспитания состоит в обеспечении процесса формирования этнокультурной идентичности молодежи за счет активного приобщения к истории и культуре своего народа, уважительного отношения к традициям отцов и дедов, понимания своей ответственности за сохранение целостности и уникальности нашей огромной страны. «В этом процессе сегодня становится особенно важной и значимой деятельность институтов социального воспитания юношества, в первую очередь – семьи и школы. Их миссия чрезвычайно ответственна. Но она может быть успешной лишь тогда, когда их социальный статус высок, когда к голосу родителей и учителя прислушиваются, когда с ними считаются; когда позиция старшего поколения не высмеивается и не подвергается остракизму, когда духовно-нравственный опыт предшествующих поколений не становится предметом политических спекуляций и фальсификаций...» [Булатников 2015:27].

Конечно, И.Е. Булатников абсолютно прав: «Интересы сохранения целостности российского государства, консолидации, сплочения всего общества, обеспечения его суверенитета, его социально-экономического и культурного развития требуют восстановления традиционных нравственных ценностей, коллективистской общественной морали, целенаправленного развития в молодежи ответственного отношения к своему народу, своей истории, культуре, национальному достоянию, колоссальным природным богатствам, к своему труду, совершаемому во благо всего общества, а не отдельного человека» [Булатников 2015:11-27]. Только на этой основе будет возможно новое Возрождение России, ее прорыв в передовые державы мира, ее уверенное движение по пути прогресса и демократии. А ее главным богатством и важнейшей ценностью были и остаются люди, живущие в России, во благо России, во имя ее будущего.

### Литература

- Булатников, И.Е. «Кризис культуры» и русское образование: социально-нравственные основы сохранения и воспроизводства русского мира // Русский мир и русское образование в условиях глобализации культуры. Перечитывая философско-педагогическую антропологию Е.П. Белозерцева. Монография / Под ред. И.Е. Булатникова, А.В. Репринцева. – М.: Издательство «АИРО-XXI», 2015. – 256 с. – С.11-27.
- Булатников, И.Е. Деструкция морального сознания современного российского общества как проблема теории и практики социального воспитания молодежи // Вестник Костромского государственного университета им. Н.К. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». – 2012. – №1. – С.146-152.
- Булатников, И.Е. Этические основы русского образования в философско-педагогической концепции Е.П. Белозерцева // Психолого-педагогический поиск. – 2015. – № 1 (33). – С. 110-133.
- Репринцев, А.В. Антропологическое измерение социальных реформ: от кризиса идентичности – к деструкции культуры этноса // Психолого-педагогический поиск. – 2013. – №1 (25). – С.26-39.
- Репринцев, А.В. Проблемы приобщения юношества к истории и культуре Отчего края в контексте традиций и опыта русской педагогики // Известия РАО. – 2014. – № 3 (31). – С.75-93.
- Репринцев, А.В. Русская школа в контексте глобализации культуры: от буржуазных реформ – к пробуждению самосознания этноса. Предисловие ко второму изданию книги // Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы. Изд. 2-е. – Курск: Мечта, 2013. – С. 5-19.
- Российская идентичность : Аналитический докл. Ин-та социологии РАН. – М., 2007.
- Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – 462 с.
- Скворцов, Н.Г. Индивид и этническая среда: проблема этничности в символическом интеракционизме // Социология и социальная антропология. – СПб., 1997. – С.303-321.
- Современная этнопсихология. Хрестоматия / Под общ. ред. А.Е.Тараса. – Мн.: Харвест, 2013. – 368 с.
- Социальные трансформации в России / ред. В.А.Ядов. – М.: Флинта: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2005.
- Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология. – М.: Норма, 2013. – 329 с.
- Стефаненко Т.Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформации идентификационных структур в современной России. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 11–30.
- Фомина Ю.И. Содержание этнических представлений современной российской молодежи // Молодой ученый. – 2013. – №11. – Т.2. – С.129-139
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

УДК 378.046.2

**АНДРАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КУРСА ПЕДАГОГИКИ БУДУЩИМИ БАКАЛАВРАМИ****ANDRAGOGICAL AS A BASIS TO IMPROVE MOTIVATION OF THE BACHELORS DURING THE COURSE OF PEDAGOGIC****В.Л. Холод  
V.L. Kholod***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: holod@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В настоящей статье рассматривается андрагогический подход как основа повышения мотивации при изучении курса педагогики будущими бакалаврами в ходе получения ими непедагогических специальностей: «Таможенное дело», «Туризм», «Государственное и муниципальное управление», «Социология» и др. Выбор такого подхода обусловлен необходимостью реализации федеральных образовательных стандартов нового поколения. Автор опирается на использование опыта образования взрослых в системе повышения квалификации в Германии, а также на современную педагогическую литературу. На основе интерактивных методов и приемов обучения коренным образом изменились способы взаимодействия преподавателя и обучающихся вуза. Использование методики модераторской деятельности при проведении практических занятий позволяет значительно повысить мотивацию будущих специалистов.

*Abstract.* The article deals with the question of andragogical as basis to improve motivation of the bachelors during the course of pedagogic for non-pedagogical professions: "Customs", "Tourism", "State and municipal administration", "Sociology" and others. The choice of this method is conditioned by the need of realization of next generation education standards. The author relies on the adult education experience in the career development system in Germany and modern pedagogic literature. Interactive education methods and techniques have changed the ways of interaction between the professor and students. The moderator methodic usage during the practical exercises allows to improve the motivation of the future specialists.

*Ключевые слова:* повышение квалификации, андрагогическая модель, мотивация, модератор, модерация, бакалавр.

*Keywords:* improving motivation, andragogical model, motivation, moderator, moderation, bachelor.

**Введение**

При внедрении новых ФГОС – образовательных стандартов третьего поколения в высшей школе особый упор делается на формирование необходимых компетенций: общекультурных, профессиональных и др. [Приказ МО РФ 2015 №206].

Отрадно, что основы педагогических знаний теперь изучаются бакалаврами, обучающимися по непедагогическим специальностям: «Таможенное дело», «Государственное и муниципальное управление», «Социология», «экономика и управление предприятием» и т.д. Ими изучаются такие темы как: «Педагогика в системе наук о человеке. Основные категории педагогики», «Личность как субъект профессиональной деятельности. Воспитание в целостном педагогическом процессе», «Профессиональный коллектив и его функции. Межличностные отношения в группе, групповая динамика. Преодоление конфликтов в профессиональном коллективе», «Общение как педагогическая категория. Коммуникативная культура личности. Профессиональное общение. Педагогические аспекты профессиональной деятельности специалиста».

И если для студентов – будущих педагогов-бакалавров курс педагогики является одним из основных, то и для студентов непедагогических специальностей и направлений необходимо организовать систему работы, нацеленную на создание не только необходимых и достаточных условий, но и на обеспечение повышенного внимания к педагогическим проблемам. Ведь

подготовка педагогов в настоящее время взята на контроль государством в качестве приоритетной среди всех направлений вузовского образования.

В связи с переходом на двухступенчатую систему высшего образования, в практику работы с будущими бакалаврами, обучающимися по другим, непедagogическим специальностям, согласно новому стандарту, вузовскими преподавателями созданы новые рабочие программы.

Свою задачу мы видим в разработке и реализации новых подходов к осуществлению высшего образования в новых условиях. При этом мы опираемся не только на сложившийся личный опыт работы в качестве «обучающих» (от слова «доцент»), но и достижения в области образования взрослых как в России, так и за рубежом.

### Основная часть

Чтобы обеспечить формирование обозначенных ниже соответствующих компетенций, в самом начале процесса образования будущих специалистов-бакалавров считаем необходимым сформировать у них повышенную мотивацию при освоении не только специальных, но гуманитарных дисциплин. В этих целях используем имеющиеся в нашем арсенале наработки в области педагогики общего образования.

Лабораторией воспитательных пространств БелГУ, под руководством автора статьи, в течение 3-х лет проводилось социально-педагогическое исследование по проблеме повышения мотивации учителей-предметников в рамках новой системы оплаты труда (на материалах общеобразовательных учреждений Белгородской области: в Грайворонском, Новооскольском, Ровеньском районах и в г.Белгороде). По его результатам составлено учебно-методическое пособие и разработан курс лекций в электронном виде [Герасименко, Холод 2009:298].

А с сентября 2009 года, на базе Беловской СОШ Белгородского района, по 2013 г. проведен формирующий эксперимент по повышению мотивации педагогов этой школы на осуществление более качественного образования сельских школьников [Цыбина, 2011:115]. Тема исследования: «Методика повышения мотивации учителей-предметников МОУ «Беловская средняя общеобразовательная школа» Белгородского района Белгородской области в рамках новой системы оплаты труда». Педагогический коллектив школы на конец 2012 года составлял 29 человек, из них 25 – имели высшее образование, что составляло 86% от всего коллектива, 1 педагог имел неоконченное высшее образование.

Вышеназванная тема исследования выбрана не случайно. Его суть состояла в том, чтобы побудить коллектив функционирующей сельской школы начать переход в новое качественное состояние. Показателем начала такого перехода и является вступление в фазу формирующего педагогического эксперимента. На основе Концепции была разработана и утверждена Программа развития на 5 лет. Работая по ней, педколлектив постепенно, пошагово «прирастал» педагогами, повысившими или вновь получившими квалификационную категорию. И, если в начале эксперимента, таковых было единицы (с высшей категорией работали 2 учителя-предметника), то уже через четыре года – 8 (восемь!) (27,5 %). На день завершения эксперимента первую категорию имели 16 (61,5) педагогов. Без категории «осталось» только 3 человека (10%).

Начало исследования послужило своеобразным катализатором, способствующим быстрейшему протеканию процесса повышения квалификации каждого (!) коллеги до определенного уровня. Сказалось воодушевляющее управление как внешнее, так и внутреннее: со стороны органов управления образованием и со стороны администрации и управляющего совета школы.

Слово «повышение» для педагогов стало ключевым, т.к. повышая мотивацию, мы повышаем и квалификацию, и качество знаний, и компетенции обучающихся. А в целом – свою профессиональную компетентность.

Из психолого-педагогической литературы известно, что мотивация – есть процесс побуждения человека к деятельности ради достижения определенных целей. Целью нынешнего образования является не только воспитание, обучение и формирование разносторонне развитой личности. Современное общество выдвинуло новую образовательную парадигму: подготовить человека компетентного.

Но что же можно предложить нынешним первокурсникам – будущим специалистам не педагогам, чтобы не только заинтересовать их педагогикой, «сформировать у них профессионально-ценностную установку» [Ерошенкова, 2010:139], повысив при этом их мотивацию на новый для них предмет, но и действительно сформировать обозначенные компетенции.

Например, для направления подготовки 38.05.02. «Таможенное дело» ОК-2 характеризуется готовностью к саморазвитию, самореализации, использованию творческого потенциала. ОК-3 предполагает владение способностью к самоорганизации и самообразованию. А для направления подготовки 100400.62 «Туризм» ОК-4 представлено способностью работать в команде, толерантно воспринимать социальные, этнические, конфессиональные и культурные



различия. Особенно важны те компетенции, которые помогут бакалаврам в предстоящей постдипломной и профессиональной деятельности.

В «портфеле» преподавателя высшей школы много форм и методов, достаточно описанных в педагогической литературе. К примеру, в трудах профессора И.Ф. Исаева, изданных на основе деятельности его авторской школы по формированию профессионально-педагогической культуры [Исаев, 2011:130]. По И.Ф. Исаеву – понятие профессиональной компетенции педагога выражает единство его теоретической и практической готовности в целостной структуре личности и характеризует его профессионализм [Исаев, 2011:3-10].

В научных изданиях профессора М.Т. Громковой [Громкова, 2006:372, 2012] широко представлен андрагогический подход, столь необходимый в системе образования взрослых.

Активно развивающаяся в последние годы наука андрагогика (хотя ей уже более 100 лет) занимается теорией и практикой образования взрослых и вполне заслуживает внимания кадровых служб, менеджеров разного уровня [Громкова, 2006:495]. Она стала востребованной на рубеже 20 и 21 веков, когда повысилось внимание к образованию взрослых. А теперь, когда в силу вступило Болонское соглашение и, согласно Закону РФ «Об образовании в Российской Федерации», высшее образование стало двухступенчатым (бакалавриат и магистратура), потребность в реализации андрагогического подхода ещё более возросла [Закон РФ, 2012].

В зарубежной педагогике известен опыт немецких ученых – педагогов земельного института школы и переподготовки кадров Земли Северный Рейн-Вестфалия, основательно представивших идею модерации в ходе образования взрослых [Браунек и др. 1997].

Анализ научных работ педагогов современной Германии, опыта, сложившегося в Федеральной Земле Северный Рейн-Вестфалия, основательно изученный А.П. Пересыпкиным, «...показывает, что одной из эффективных форм повышения квалификации работников образования является модерация. Исследование различных подходов к понятию «модерация», сложившихся в трудах немецких педагогов, позволило рассматривать ее в качестве особой формы консультирования и руководства деятельностью групп взрослых людей в процессе обучения, при этом главным в этой форме является не содержание, а пути и методы, которые должны помочь группе использовать свои внутренние резервы для решения профессиональных проблем (П. Браунек, У. Даушер, Г. Израэль, Ю. Майбаум, Н. Поссе и др.) [Пересыпкин, 2002].

Изучая теоретические подходы российских и зарубежных учёных, получив практические навыки их реализации в ходе нашего непрерывного образования и на основе личного опыта многолетней педагогической деятельности, хотелось бы остановиться на андрагогическом подходе как методе повышения мотивации [Холод, Сиротина 2009:129]. Мы согласны с Л.Д. Рагозиной, в совершенстве владевшей методикой подготовки модераторов, что «...образовательный процесс настолько многолик, пёстр, разнообразен, что отражает в себе, как капелька росы солнечный свет, все типы взаимодействия. Мастерство преподавателя позволяет выбрать оптимальный тип взаимодействия со студентами и направить их действия на продолжение приобретения опыта в зависимости от социальной ситуации, в которой они здесь и сейчас находятся» [Рагозина 2006:139].

Суть андрагогического подхода состоит в том, что с первых дней пребывания в университете студент как бы проходит своеобразную инициацию. А в конечном результате став свободной самостоятельной, ответственной счастливой самодостаточной личностью.

Анализ зарубежной педагогической литературы [Германия, 1996:462-468], а также опыт преподавателей, выезжающих в Германию, США, Францию на стажировку показывает, что важен момент «погружения» в программу вуза и дальнейшее сопровождение будущего бакалавра. Неценима наша помощь первокурсникам в составлении индивидуального образовательного маршрута со стороны преподавателя, модератора, тьютора. В роли сопровождающих (тьюторов) в образовательном пространстве Белгородского государственного университета выступают преподаватели, кураторы студенческих групп, научные руководители студентов, руководители кружка, секций, библиотекари и сотрудники научно-образовательного психолого-педагогического центра «Ресурс» (педагоги, психологи) [Ерошенкова, 2010:133].

Особенность взаимодействия преподавателей и студентов – его причинная взаимообусловленность и связь. При этом «...каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны, что обуславливает развитие объектов и их структур». Как отмечают авторы «Методической копилки» [Браунек и др., 1997], усваивая новые формы отношений преподавателя с обучающимися, модераторы тем самым обогащают свой собственный репертуар.

Главная задача – ориентация вчерашнего абитуриента в новых для него условиях (в пространстве и во времени). В выборе курсов ознакомление с набором обязательных к изучению предметов, уточнение количества часов, которые он должен набрать за семестр и за весь период обучения в бакалавриате. Тут же происходит ознакомление с балльно-рейтинговой системой (БРС)



при оценке знаний, умений, навыков и опыта их применения, а так же с уровнем необходимых компетенций по каждому предмету.

Выбор тех или иных форм организации предстоящих учебных занятий осуществляется нами с учетом их образовательной эффективности [Кирий, Боруха, 2010:198-202]. Кроме знакомства с рабочими программами, Балльно-рейтинговой системой, нами применяются педагогические техники, способствующие сплочению членов первичной группы. Так, в период знакомства студентов друг с другом мы совместно составляем так называемое «зеркало группы». Где указаны фамилия, имя, отчество, что потом необходимо для обращения обучающихся друг к другу и преподавателя к ним [Браунек и др., 1997].

Обязательно идет личное представление студента и преподавателя в учебной группе. Каждый указывает образовательную организацию, которую он закончил, наличие медали за курс средней школы (это важно для последующего индивидуального сопровождения студента, уже имеющего повышенную к учёбе мотивацию). Студент сообщает о своих интересах, увлечениях, что помогает для их объединения в микрогруппы, опять-таки, по интересам. Это также способствует сплочению группы и созданию в ней коллектива. «Зеркало» вывешивается в аудитории при проведении занятий в этой же группе в период проведения практических занятий. А на следующий год уже будет использована другая техника: «кто с кем знаком». В обязательном порядке будущие модераторы знакомятся с содержанием методической копилки [Браунек и др., 1997].

Студентам интересны такие методики как «ролевая игра», «деловая игра», «мозговая атака», «работа над проектом», «дебаты «за» и «против», «педагогическое мнение», «опрос эксперта», «нарисуй картину, составление кары мыследеятельности», «ну что, как прошёл семинар?», «телеграмма». Из нескольких десятков будущие модераторы выбирают наиболее подходящее к содержанию практического занятия, в котором они будут участвовать.

Педагогическая техника, используемая преподавателем в процессе проведения практических и семинарских занятий, осуществляется с опорой на всех обучающихся, давших согласие выступать в роли модераторов. Преподаватель проводит их обучение, инструктаж, оказывает помощь в составлении плана-конспекта и презентации. Обучающиеся, назначенные для участия в проведении семинара (практического занятия), тщательно отрабатывают методику его организации, априори становясь субъектом активной деятельности. Причем, распределение поручений происходит в самом начале изучения курса педагогики (после прохождения первых лекций). Тем самым мы повышаем не только ответственность за полное усвоение теоретического материала, излагаемого на лекции, но и мотивацию на последующее его закрепление.

Используя балльно-рейтинговую систему учета и оценки знаний, умений, навыков, опыта их применения, мы осуществляем пропедевтику андрагогической деятельности. В строгом соответствии с ФГОС формируются обозначенные в РПД (рабочей программе дисциплины) необходимые компетенции. Позже мы увидим самооценку тех студентов, которые «примерили на себя» роль организатора-модератора. Многие выразили мнение о том, что такая андрагогическая технология запомнилась им на всю жизнь, так как они впервые выступали в роли педагога.

Приведём некоторые методики, разработанные нашими немецкими коллегами и апробированные нами на занятиях в процессе освоения двухгодичной программы повышения квалификации в г. Зост (Германия) и в НИУ «БелГУ». Они доступны для студентов – будущих бакалавров [Браунек и др., 1997].

Техника «Ролевая игра». Даются примерные вопросы и задания. Модератор комментирует ситуацию, описание которой получили все обучающиеся группы. Кроме того, каждый из них получает ролевую карточку, на которой описана та роль, которую он возьмет на себя. После быстрой рефлексии начинается игра. По окончании игры всем исполнявшим роли предоставляется возможность высказаться. Комментировать высказанные мнения не разрешается. Первоначальный обмен мнениями об игре заканчивается чётко организованной модератором дискуссией, во время которой слово предоставляется также и членам группы наблюдения. При проведении занятий по педагогике данную методику целесообразно использовать при изучении функций сотрудников коллектива предприятия, организации (директор, его заместители, начальники отделов, менеджеры, специалисты).

Техника «Деловая игра». Деловая игра является чрезвычайно сложным методом, требующим основательной подготовки и затрат времени для ее проведения. Перед ее началом нужно определить цели и задачи игры. Осуществить планирование, подготовку к игре. Уточнить ролевые позиции каждой микрогруппы, установить правила игры. Целесообразно при проведении практических занятий по таким темам как: «Воспитание», «Общение».

Техника «Мозговая атака». Модераторы записывают проблему или тему на доске или демонстрационном стенде. Если у студентов появляются вопросы по теме, модераторы сразу на них отвечают. После этого модераторы поясняют следующие правила и одновременно вывешивают их на отдельных карточках для общего обозрения на какое-либо видное место:любая



идея приветствуется, даже если она на первый взгляд кажется ошибочной или нереальной; количество важнее, чем качество; критика запрещается; пусть идеи других вдохновляют вас. Обучающиеся в течение заранее установленного времени высказывают по предложенной теме (проблеме) любые идеи, которые тут же фиксируются модераторами на доске или демонстрационном стенде. Применение данной техники уместно на обобщающих занятиях по всему разделу.

Техника «Пчелиный улей». По окончании этапа восприятия информации (в устной или письменной форме, через ТСО) или этапа интенсивной индивидуальной работы всем студентам предоставляется возможность в непринуждённой форме обменяться мнениями со своими соседями о том, кто что узнал. Для этого студенты делятся на микрогруппы из двух, трёх или четырёх человек. Обмен мнениями в микрогруппах можно использовать для обдумывания и разработки вопросов к модератору, докладчику, вопросов по тексту, вопросов по поводу увиденного и услышанного. Данную методику можно использовать на любом занятии по педагогике.

Составление карты мыследеятельности. Модераторы выбирают содержательную по объёму тему и предлагают ее слушателям. Это может быть тема «Педагогика в системе наук о человеке. Основные категории педагогики». Сначала обучающиеся концентрируются на спонтанно возникающих относительно предложенной темы мыслях, чувствах, воспоминаниях или идеях. Затем они фиксируют их на бумаге, записывая соответствующие слова и короткие предложения, комбинируя их с рисунками и небольшими графическими символами. Название темы пишется обычно в центре листа так, чтобы вокруг него могла возникнуть своего рода графическая карта продуманного, всплывшего в памяти или запланированного и желаемого, позволяющая модератору среди прочего проследить движение мысли студентов, путь их логического мышления.

Моделирование ситуации «Ну что, как прошел семинар?». Обучающиеся выбирают себе партнера. Затем каждая пара моделирует ситуацию возвращения домой. Студент, взявший на себя роль члена семьи, спрашивает возвращающегося с семинара другого студента «Ну что, как прошел семинар?». На что тот должен дать краткий, но ёмкий ответ. После этого студенты меняются ролями. Позже тот же самый вопрос задаётся ещё раз, но уже при встрече с «другими людьми» (студентом другой группы, куратором, тьютором). Данная техника может использоваться при подведении итогов каждого занятия.

Чтобы более глубоко мотивировать обучающихся на содержание изучаемой дисциплины, преподаватель кафедры педагогики передает им в электронном виде рабочую программу (РПД), знакомит с содержанием предстоящих лекционных и практических занятий, компетенций, с уже вышеназванной БРС, со списком литературы и методическими рекомендациями. Как уже было отмечено, тут же осуществляется ознакомление со шкалой оценивания результатов изучения курса каждым студентом.

Тем самым – задается самая «высокая планка», а именно возможностью получения зачета «автоматом» при наборе необходимого количества баллов.

Предлагаются темы для докладов, презентаций и другие задания для самостоятельной работы и доводятся инструкции по их выполнению. Важно, что кроме списка литературы, на электронный адрес учебной группы в системе «Рунет» НИУ «БелГУ» нами пересылаются базовые учебные пособия. Например, учебное пособие В.А. Сластенина и И.Ф. Исаева «Педагогика» [Сластенин, Исаев, 2007:576], М.А. Громковой «Андрагогика» [Громкова, 2006:495] и другие.

Как уже было сказано, в период лекционных занятий формируются микрогруппы модераторов, которые будут выступать на практических занятиях. Отметим важность идеи, апробированной ещё великим педагогом А.С. Макаренко – «института дежурных командиров». Продолжая формирование повышенной мотивации (победности), по А.С. Макаренко, интереса не только к получению, но и применению педагогических знаний, мы поступаем с обучающимися как с равными! В течение 15 лет применения нами этой методики никто из студентов, выступающих в роли модераторов, не сорвал практическое занятие.

А опыт, полученный в ходе реализации идеи модерации в ходе изучения нашего предмета, как отмечают сами выпускники, очень пригодились им на практике. Работая с будущими учителями-предметниками, мы на практике убедились в важности такого подхода. Выходя на педагогическую или производственную практику (которая теперь есть у бакалавров), они уверенно чувствуют себя на уроках, при проведении внеурочной и внеклассной воспитательной работы.

Для преподавателя очевидна важность включения всех и каждого студента в самостоятельную работу по предмету – с помощью раскрываемых в данной статье методик. Кроме того, идет процесс «воспитания в коллективе и через коллектив» (А.С. Макаренко). Выступая сегодня в роли модератора (дежурного командира), он завтра становится рядовым членом группы. При этом каждый просто обязан подготовиться к семинару, предстоящей дискуссии, быть готовым к ним.

В конце каждого занятия оценивается (заметим – модераторами, а не только преподавателем), активность всех и каждого члена группы. С другой стороны – уровень и качество модерации (студентами). В «зеркале группы» находит отражение реальной «победности» каждого в ходе изучения курса педагогики.

Следующий аспект, отмечаемый в процессе работы с взрослыми обучающимися – необходимость ориентации на применение получаемых знаний в будущей профессии. Кроме того, у первокурсников продолжается активный процесс профессионального самоопределения. Как отмечает В.Н. Кормакова, что выбор профессии – важный и ответственный этап в жизни молодого человека. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы помочь юношам и девушкам окончательно утвердиться в правильности выбранного ими жизненного пути [Кормакова, 2113:18-25].

Изучая проблемы работы в коллективе (команде, как принято теперь говорить), мы просим акцентировать внимание будущих специалистов на особенностях трудового коллектива.

В соответствии с рабочей программой, обращаем внимание на умение преодолевать конфликты. Причём не только в будущей работе, но и в нынешней, повседневной деятельности [Тонков, 2000:434].

И ещё: для каждого студента делом чести считается не только «скачать» из «Интернета» должностную инструкцию по своей профессии, но и «защитить» свою специальность на занятии. К примеру, профессионально-педагогическая культура должна обеспечить работу учителя как субъекта педагогической деятельности. Модель личности представлена в профессиограмме (профессиограмма – система признаков, описывающих ту или иную профессию, а также включающая в себя перечень норм и требований, предъявляемых этой профессией или специальностью к работнику) [Валуйский, 2015:89].

Так, выпускник бакалавриата - учитель английского языка «должен соответствовать всем квалификационным требованиям профессионального стандарта учителя».

Он должен обладать такими психолого-педагогическими умениями, как: самостоятельно анализировать педагогические явления; анализировать передовой педагогический опыт; проводить самоанализ; проявлять эмпатию к обучающимся; организовывать себя, управлять своим состоянием.

В профессиограмме будущего таможенного специалиста отражены такие личностные и профессиональные особенности, как общение, готовность к сотрудничеству, отзывчивость, приспособляемость, легкость включения в групповую активность. На выработку таких качеств мы как раз и акцентируем внимание при изучении курса «Педагогика».

Немаловажным считаем подготовку к заключительному занятию по теме «Общение», которое можно провести в описанной ранее форме «ОДИ» - организационно-деловой игры. В ходе игры студент выступает в роли специалиста, а сокурсники – в роли посетителей, в роли потребителей услуг, клиентов и т.д.

Заканчивая курс педагогики, студенты отмечают, что они научились не только ставить цели на каждое занятие (требование ФГОС), но и оценивать результаты достигнутого, причем не только общие, но и личные (в виде саморефлексии).

Как отмечают Н.В. Кирий, Л.В. Верзунова и А.П. Пересыпкин, студент должен приобрести определенные компетенции, которые будут выражаться в «способности организовывать образовательную деятельность. То есть использовать имеющийся опыт студентов, слушателей, обеспечивать непрерывность этого процесса, инициировать его, противостоять поспешным решениям, учить критически подходить к содержанию обучения, к использованию научных знаний» [Кирий, Верзунова, Пересыпкин, 2010:199].

В целях повышения интереса к изучаемой дисциплине нами разработаны типовые контрольные задания или иные материалы, необходимые для оценки знаний, умений, навыков и/или опыта деятельности, характеризующие этапы формирования компетенций в процессе освоения образовательной программы по педагогике.

При устном опросе развернутый ответ обучающегося должен представлять собой связное, логически последовательное сообщение на определенную тему, показывать его умение применять определения, термины, отвечать на дополнительные вопросы.

При оценке ответа основными являются следующие критерии: полнота и правильность ответа; степень осознанности, понимания изученного; языковое оформление ответа; ответы на дополнительные вопросы.

Может быть предложен и развернутый письменный ответ по типовым заданиям:

1. Дайте развернутый письменный ответ по теме «Конфликт в профессиональном коллективе».
2. Дайте определения основных понятий темы «Педагогика как наука».
3. Найдите в словарях определение следующих понятий и запишите их в свой педагогический словарь (педагогическая задача, педагогическая ситуация, педагогическая



эрудиция, педагогическое целеполагание, педагогическое мышление, интуиция, импровизация, педагогическое творчество, педагогический оптимизм, педагогическая рефлексия).

4. Приведите примеры, иллюстрирующие функции воспитательного процесса из своей личной жизни, из школьной практики, из литературных и кино (видео) источников (организация многообразной и разносторонней деятельности учащихся, охрана физического и психического здоровья воспитанников, использование общения со сверстниками и взрослыми в целях формирования системы ценностных отношений к окружающему миру и людям и социализации воспитанников).

5. Допускаете ли Вы авторитарное и гуманистическое воспитание, обучение? Почему? Аргументируйте свой ответ.

Критерии оценивания компетенций (результатов): развернутый письменный ответ обучающегося должен представлять собой связное, логически последовательное сообщение на определенную тему, показывать его умение применять определения, термины, отвечать на дополнительные вопросы.

Обучающимся, у которых сформирована повышенная мотивация, предлагается подготовить доклад-презентацию по определённой тематике (в пределах изученного курса педагогики). Так же, как и при устном и письменном опросе, доводятся критерии оценивания компетенций (результатов).

Оценивается умение найти в отечественной и зарубежной литературе, а также в сети Интернет, и выделить наиболее важные и современные работы по теме, структурировать изложение темы, уровень владения понятиями, качество представления доклада, умение ответить на вопросы. Доклад оценивается по 4-х балльной шкале. Студент может пройти тестирование, набрав при этом дополнительное количество баллов, учитываемых при рейтинговании.

Полный фонд тестовых заданий и размещен в системе электронного обучения «Пегас» (<http://pegas.bsu.edu.ru/course/view.php?id=3952>) и предназначен для самоконтроля и контроля знаний студентов по дисциплине «Педагогика». Во время тестирования студенту последовательно предъявляются тест-кадры. К базовой группе тест-кадров относятся: информационный кадр, задание закрытого типа, задание открытого типа, задание на установление правильной последовательности и задание на установление соответствия.

В конце последнего занятия нами применяется ещё один из способов оценки достигнутого: блиц-опрос по методу «Телеграмма» из одиннадцати слов [Браунек, 1997]. В ней, в сжатом виде, идет оценка значения изученного курса педагогики в будущей практической деятельности бакалавра.

Вот как оценили значение педагогики обучающиеся группы №05001621 – будущие менеджеры на итоговом занятии 22.12.2016 г.:

- курс педагогики дал мне начальные знания о работе с людьми;
- курс педагогики помог мне более просто общаться с людьми;
- курс педагогики дал для меня возможность научиться общаться в процессе руководства;
- курс педагогики дал мне представление о самовоспитании и воспитании других людей;
- курс педагогики дал мне знания, которые помогут правильно и грамотно взаимодействовать с людьми;
- я научилась общению, правильному обращению к людям, узнала много нового, полезного;
- я научилась ставить цели, быть модератором и вести коллектив за собой.

### Заключение

Нами рассмотрена проблема повышения мотивации обучающегося вуза на основе андрагогического подхода при изучении курса «Педагогика» будущими бакалаврами в ходе получения ими непедагогических специальностей. В результате проделанной работы установлено, что на основе интерактивных методов и приемов обучения коренным образом изменились способы взаимодействия преподавателя и обучающихся вуза. Использование методики модераторской деятельности и андрагогического подхода при проведении практических занятий по педагогике позволяет значительно повысить мотивацию будущих бакалавров. А в целом, применяя балльно-рейтинговую систему оценки знаний, умений, навыков, обеспечить накопление опыта взаимодействия с членами коллектива, освоение необходимых для практической деятельности компетенций.

### Литература

Браунек, П., Урбанек, Р. Циммерман Ф. Методическая копилка. Новые идеи и примеры для модерации/перевод на рус. язык под науч. редакцией М.Н. Костиковой. Зюст. – 1997. – 240 с.

Валуцкий, В.А. Проблемы переподготовки и повышения квалификации работников образования / Педагогика и образование в системе научного знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. / Отв. ред. И.Ф. Исаев, В.Н. Кормакова – Белгород: ИД «Белгород», 2015. – 460 с.

Герасименко, О.А. Холод, В.Л., Холод А.В. Содержание деятельности учителя современной школы: Учеб. методическое пособие / авторы-составители В.Л. Холод, А.В. Холод, О.А. Герасименко; под ред. доц. В.Л. Холода. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 298 с.

Германия. Факты. Издательство «Социетэкс-ферлаг», Франкфурт-на-Майне, 1996. - 539с.

Громкова, М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: Учеб. пособие для системы доп. проф. образования: учеб. пособие для студентов вузов / М.Т. Громкова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012– 497 с.

Громкова, М.Т. Андрагогическая модель целостного образовательного процесса: дисс. ... докт. пед. наук – М. 2006. – 372 с.

Ерошенкова, Е.И. Психолого-педагогическое сопровождение процесса формирования профессионально-ценностной установки будущего специалиста в образовательном пространстве вуза / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. № 6 (77) 2010. Выпуск 5. – С.131-138.

Закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273-ФЗ [Электрон. ресурс]. URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_140174/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/) (дата обращения 19.12.2016).

Исаев, И.Ф. Функции образовательных стандартов и проблема структуры профессиональной компетентности учителя / Профессионально-педагогическая культура: содержание и технологии реализации новых стандартов общего и профессионального образования: материалы IV Всероссийского научно-методического семинара. Отв. И.Ф. Исаев. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 196 с.

Камышанченко, Н.В., Костикова М.Н., Холод В.Л. Структурные преобразования и новые модели управления в организации повышения квалификации учителей.// Инновации в российском образовании. Высшее профессиональное образование 2000. Часть 1. М. Издательство МГПУ, 2000.

Кирий, Н.В., Боруха, С.Ю. Педагогические техники модерации в практике дополнительного профессионального образования / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 6 (77). - Выпуск 5. – С.193-198.

Кирий, Н.В., Верзунова Л.В., Пересыпкин А.П. Педагогические условия подготовки модераторов вуза / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2010. - № 6 (77) Выпуск 5. – С.199-202.

Кормакова, В.Н. Профессиональное самоопределение школьников как педагогический и социокультурный феномен // Самоопределение личности: история, теория и технология: материалы Всероссийской научно-практической конференции с элементами научной школы / Отв. Редактор И.Ф. Исаев – Белгород ООО «ГиК», 2013 – С.18-25 (317 с.).

Кормакова, В.Н., Шеховцова, С.Л. Профессиональная ориентация как средство профессионального самоопределения школьников / Самоопределение личности: история, теория и технология: материалы Всероссийской научно-практической конференции с элементами научной школы / Отв. Редактор И.Ф. Исаев – Белгород ООО «ГиК», 2013 – С.253-256. (317 с.).

Макаренко, А.С. Методика организации воспитательного процесса // Соч.: В 7 т. – М., 1958. – Т. 5.

Пересыпкин, А.П. Научно-методическое обеспечение подготовки школьных модераторов в системе дополнительного профессионального образования: дисс. канд. пед. наук. – Белгород, 2002. – 231 с.

Приказ Минобрнауки России от 12.03.2015 N 206 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 15.03.06 Мехатроника и робототехника (уровень бакалавриата)" (Зарегистрировано в Минюсте России 20.04.2015 N 36931) [Электрон. ресурс]. URL: [https://infourok.ru/standart\\_uchitelya\\_angliyskogo\\_yazyka/rta.customs.ru/nrta/attachments/1636\\_1469\\_№769](https://infourok.ru/standart_uchitelya_angliyskogo_yazyka/rta.customs.ru/nrta/attachments/1636_1469_№769) ( дата обращения 23.12.2016).

Рагозина, Л.Д. Характеристика взаимодействия преподавателя-воспитателя и студентов в образовательном процессе вуза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. № 6 (77) – Выпуск 5. – С.139-146.

Сиротина, С.С., Холод, В.Л., Андрагогический подход к деятельности преподавателя естественно-научных дисциплин / Профессионально-педагогическая культура: проблемы воспитания учащейся и студенческой молодежи: материалы III Всерос. науч. семинара (г. Белгород, 19-20 марта 2009 г.) / отв. Ред.: И.Ф. Исаев. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – С. 129 – 132. (372 с.).

Сластенин, В.А. и др. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. 6-е издание. - М.: Издательский центр "Академия", 2007. - 576 с.

Тонков, Е.Е. Теоретические основы педагогического управления организационными конфликтами: На материале правоохранительной деятельности: дисс. ... докт. пед. наук – Белгород. 2000. – 434 с.

Холод, В.Л. Система модерации в повышении качества подготовки специалистов // Образование как фактор повышения качества жизни: Материалы межвузовской научно-практической конференции. // Вып. 1. Белгород, ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2004. - С. 30-32– (146с.).

Холод, В.Л. Индивидуальное сопровождение личности школьника в условиях внедрения новых ФГОС в РФ «Теорія та методика навчання суспільних дисциплін»: науково-педагогічний журнал, вип. 2, Сум ДПУ ім. А.С.Макаренка, 2013. – С.53-58.

Цыбина, Л.Н., Холод, А.В., Повышение мотивации педагогов как необходимое условие обеспечения социально-психологической безопасности школьников // Известия Академии педагогических и социальных наук № XXV (в двух частях), М, 2011. - С.115-124.

УДК 37.013-316.28

## КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОТЕАТРАЛЬНОГО ПОДХОДА COMMUNICATIVE ASPECTS OF APPLYING THEATER APPROACH IN LANGUAGE TEACHING

Д.Ю. Цотова  
D.Y. Tsotova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: dianatsotova@abv.bg*

*Аннотация.* В статье рассматриваются дидактические возможности театральной педагогики с точки зрения современных принципов и установок коммуникативного иноязычного обучения. Анализируются условия и способы формирования коммуникативной компетенции в контексте сопоставления задач и приемов лингводидактики и театральной педагогики. Рассматриваются преимущества моделирования речевых ситуаций и формирования языковых и речевых умений и навыков с позиции лингвотеатрального подхода.

*Abstract.* The article examines the didactic possibilities of the theater pedagogy from the perspective of modern principles and assumptions of the communicative language teaching. The author discusses conditions and ways of building communicative competence in the context of matching the objectives and methods of language and theater pedagogy. The advantages of modeling speech situations and development of language skills are analyzed from the perspective of the theater approach.

*Ключевые слова:* иноязычное обучение; театральная педагогика; коммуникативная компетенция; коммуникативная сфера; речевая ситуация; контекст общения; вербальные и невербальные средства; межличностное взаимодействие.

*Keywords:* foreign language teaching; theater pedagogy; communicative competence; communicative sphere; speech situation; interaction context; verbal and non-verbal means of communication; interpersonal interaction.

---

### Введение

В современной лингводидактике коммуникативный подход и методики, разработанные на его основе, считаются наиболее эффективными с точки зрения достижения важнейшей цели иноязычного обучения: формирования коммуникативной компетенции. Появление коммуникативного подхода в 1960-70-е гг. явилось ответом на социальный запрос, вставший перед лингводидактикой в связи с неуспехом существовавших методик обеспечить достаточный уровень знаний и практических навыков общения на иностранном языке. Принципы коммуникативного обучения, прошедшего с тех пор ряд этапов в своем развитии, разрабатывались и осмысливались многими российскими и зарубежными исследователями-методистами (Е.И. Пассов, В. П. Кузовлев, В. В. Коростелёв, В. Б. Царькова; В.Г. Костомаров, О.Н. Митрофанова, И.Л. Бим, М.Н. Вятютнев, Т.М. Баляхина, Т.В. Самосенкова, Д.И. Изаренков, К. Джонсон, Д. Нунан, У. Литлвуд, С. Савиньон, Т. Роджерс, Г. Джейкобс, Т. Фаррелл и др.).

Выдвижение концепции коммуникативной компетенции определило в качестве приоритетной методической задачи разработку подходов и программ, которые способствовали бы формированию комплекса умений для полноценного и адекватного участия в речевом взаимодействии на иностранном языке. Это привело к смещению фокуса обучения со структуры языка на речевые функции и сделало функционально-смысловой принцип ведущим в разработке учебного материала. Далее возник вопрос о необходимости анализа потребностей обучающихся как существенного компонента организации коммуникативного обучения и выявлении специфических видов учебной деятельности для реализации коммуникативного подхода.

### Основная часть

Существующие в настоящее время теории и практические методики коммуникативного преподавания языка опираются на различные образовательные традиции и педагогические модели, вследствие чего не представляется возможным говорить о единых или согласованных методических процедурах. В целом можно сказать, что на современном этапе коммуникативное обучение реализуется с помощью вариативных методик и технологий и описывается набором общих теоретических принципов или педагогических установок.

В отечественной методической науке осмыслением фундаментальных теоретических положений коммуникативности занимался Е.И. Пассов. Разработанная им концепция иноязычного образования рассматривает коммуникативность как основу образовательного процесса и предполагает соблюдение принципов речемыслительной активности, индивидуализации, ситуативности, функциональности и новизны [8, с.134-252]. В рамках данной концепции, которая, по утверждению автора, является «концепцией развития индивидуальности в диалоге культур», изучение языка рассматривается как деятельность, охватывающая все жизненные сферы и предполагающая овладение языком в его единстве с иноязычной культурой [8, с. 37].

Д. Ричардс предлагает описание десяти основных положений, характеризующих современное коммуникативное обучение [19, с. 22-23]:

1. Вовлечение учащихся во взаимодействие и конструктивное общение способствует более эффективному изучению иностранного языка.

2. Коммуникативные задания и упражнения должны быть направлены на все более глубокое понимание смысла устного и письменного дискурса, расширение репертуара языковых средств и практику использования языка в межличностном взаимодействии.

3. Подлинное личностно значимое взаимодействие возникает в том случае, если ситуативный контекст представляет интерес для учащихся.

4. Общение является сложным целостным процессом, требующем умения применять одновременно комплекс навыков и модальностей.

5. Эффективное изучение языка предполагает использование как индуктивной деятельности, так и заданий, требующих аналитических и рефлексивных подходов.

6. Изучение иностранного языка является постепенным процессом, включающим в себя творческое использование языка и естественное применение метода проб и ошибок. Ошибки являются неотъемлемой частью изучения иностранного языка, однако конечной целью обучения является свободная и грамматически правильная устная и письменная речь.

7. Обучающиеся неравномерно овладевают языковыми и речевыми навыками в силу индивидуальных различий, потребностей и мотивации.

8. Успешное изучение языка предполагает использование эффективных когнитивных и коммуникативных стратегий.

9. Роль учителя состоит в координации деятельности учащихся, создании благоприятного климата и условий для практики общения на изучаемом языке и осмысленного отношения к употреблению языковых средств.

10. Группа (класс) представляет собой сообщество, где учащиеся сотрудничают и взаимодействуют.

Следует отметить, что при всем разнообразии методик коммуникативного направления большинству из них в той или иной мере присущи следующие характеристики:

- Формирование коммуникативной компетенции осуществляется посредством интегрирования процесса усвоения лексико-грамматических знаний в практику обучения общению.
- Опыт речевой деятельности может предшествовать рациональному осознанию и лингвистической систематизации. При этом потребность систематизированного изучения того или иного грамматического явления вытекает из коммуникативной задачи.
- Потребность в общении и взаимодействии создает условия для семантизации языковых единиц в действии (выполнение проблемных заданий, обмен информацией, ролевые игры и др.).
- В изучении языка имеют место как индуктивные, так и дедуктивные подходы к изучению грамматики.
- Использование аутентичных текстов с личностно значимым содержанием и релевантным языковым наполнением позволяет создать устойчивый интерес изучению языка и способствует усвоению актуальных речевых моделей.
- Приобщение к иноязычной культуре составляет неотъемлемую часть коммуникативного обучения, поскольку оно является способом познания картины мира и менталитета носителей языка и подготавливает учащихся к взаимодействию в условиях иноязычного лингвосоциума.

Джейкобс и Фаррелл [18, с. 8] утверждают, что совокупность взаимосвязанных процессов, происходивших в последние десятилетия в языковом образовательном пространстве, представляет собой смену парадигмы в направлении коммуникативного образования.

Несмотря на почти повсеместное признание преимуществ коммуникативного обучения происходящее в учебной аудитории часто отличается от того, что предписывает коммуникативный подход в теории. Нередко обучение общению на изучаемом языке является фрагментарным или сводится к использованию коммуникативных упражнений, которые в действительности часто имеют искусственный и псевдокоммуникативный характер. Приоритетной задачей учебного процесса как в системе общего школьного и вузовского образования, так и в рамках дополнительного и неформального образования для взрослых является подготовка к письменным тестам, которые позволяют быстро оценить лингвистические знания и умения учащихся. Однако наличие лингвистической компетенции, будучи необходимым условием эффективной речевой деятельности, само по себе не достаточно для полноценного осуществления коммуникации. В результате такой интерпретации коммуникативного обучения учащиеся нередко показывают неплохие результаты



тестирования по грамматике и могут написать эссе на заданную тему, но не обладают навыками уверенного устного общения на изучаемом языке. На наш взгляд, основная причина этого кроется в дизъюнктивном взгляде на формирование коммуникативной компетенции, а именно в применении изолированных друг от друга процессов, направленных на развитие составляющих ее компонентов (лингвистической, социальной, стратегической и т.д.).

Комплексная природа коммуникативной компетенции ставит перед преподавателем иностранного языка задачу не просто обучения языку как системе, объединяющей правила функционирования фонетического, лексического и грамматического аспектов языка, а вовлечение обучающихся в коммуникативное взаимодействие на изучаемом языке в контекстах, представляющих для них значимость и личностный интерес. Коммуникативная компетенция формируется и развивается только в том случае, если учащийся расширяет сферы использования изучаемого языка и вступает в различные виды речевого взаимодействия в многообразных контекстах личной и социальной жизни. Таким образом происходит «непрерывный процесс решения средствами изучаемого ... языка невербальных, поведенческих, актуальных для общества и самих учащихся задач, ведущих к расширению границ коммуникации, готовности к гибкому взаимодействию с партнером по речевому общению, к развитию языкового чутья и рефлексивной деятельности» [1].

В этом смысле коммуникативная компетенция формируется как синтез индивидуального ментального и социокультурного опыта, который выходит за рамки языковых навыков. При этом «чем активнее включенность каждого студента в речевую деятельность на иностранном (русском) языке, чем выше мотивационные установки, тем выше уровень речевого развития “вторичной” языковой личности, способной достичь уровня адекватного синтеза» [12].

Театральная педагогика, реализуя творческие практики межличностного взаимодействия, связывающие интеллектуальную и эмоционально-чувственную сферы, может предложить эффективные решения активизации коммуникативной деятельности в иноязычном обучении. Во многом это обусловлено самой коммуникативной природой театра, проявляющейся на различных уровнях этого вида искусства – и в творческом процессе, диалогичном по определению, и в спектакле как продукте этого процесса, и в игровом характере взаимоотношений сцены и публики, а также в зрительском восприятии и интерпретации, являющейся индивидуальной реакцией на сценическое послание. Кроме того, будет уместным провести параллель между речевым и визуальным началами театрального действия и вербальным и невербальными аспектами общения [9].

Д. К. Красноярова, исследуя коммуникативную специфику театра, определяет ее как взаимодействие многоуровневых процессов сотворчества трех групп: создателей театрального представления, стремящихся объединить «различные семиотические языки с целью создания единого действия»; театрального действия и зрителя, коммуникативные связи между которыми порождены «единством места и времени передачи и приема сообщения», а также зрителей между собой, которое «дает синергетический эффект при восприятии и интерпретации спектакля» [3, с. 14-15].

Применение театра в образовании является междисциплинарным подходом, способствующим формированию мультисенсорных когнитивных стратегий и предполагающим перенос фокуса с театра как вида искусства на рабочий процесс, в котором используются определенные принципы из области режиссерской работы и подготовки актеров в целях осуществления образовательных процессов. Получение знаний в определенной предметной области происходит одновременно с развитием навыков общения благодаря активному включению обучающихся в театрально-игровую деятельность.

Лингвотеатральный подход<sup>3</sup> уже с первых занятий позволяет побуждать учащихся к спонтанному и коммуникативно-адекватному самовыражению в значимых для них ситуациях речевого взаимодействия и активизировать использование как различных языковых средств, так и невербальных инструментов в решении коммуникативных задач, что способствует формированию навыков эффективной речевой деятельности даже при ограниченном лексико-грамматическом репертуаре, характерном для начальных этапов обучения. Эффективность применения лингвотеатрального подхода в преподавании иностранных языков объясняется глубокой взаимосвязью театральной педагогики и коммуникативного направления лингводидактики. Не являясь очевидной, эта взаимосвязь при более внимательном рассмотрении обнаруживается в существовании множества аналогий и параллелей. Преподавателю иностранного языка приходится быть как актером, исполняющим различные роли, чтобы донести смысл высказывания, значение слова или фразы или прояснить грамматическое явление, не прибегая к родному языку учащихся, так и режиссером, создающим сценарий занятия и интерпретирующим учебное содержание и вовлекающим учащихся в коммуникативный процесс. В свою очередь, обучающиеся также исполняют множество ролей в моделируемых ситуациях, которые дают им возможность экспериментировать с определенными социальными ролями на изучаемом языке. Они импровизируют, вступают в межличностное взаимодействие и используют широкую палитру языковых и невербальных выразительных средств, стремясь к достоверности определенных социальных ролей в конкретной

<sup>3</sup> Введённое нами понятие, обозначающее коммуникативное обучение иностранному языку, основанное на идеях и приемах театральной педагогики.



коммуникативной ситуации. В идеале игра, в которую вовлечены преподаватели и обучающиеся, должна создавать ощущение реальной коммуникации.

Каждый речевой акт возникает в определенной коммуникативной ситуации в рамках той или иной коммуникативной сферы. При этом определить все возможные сферы речевого поведения довольно сложно, так как определенные коммуникативные задачи и интересы могут сами по себе формировать ту или иную сферу взаимодействия участников речевого акта. Существуют различные классификации коммуникативных сфер, т.е. областей деятельности, для которых характерны однотипные условия взаимодействия и использования языка. Так, монография «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» выделяет четыре наиболее широкие сферы, которые чаще всего принимаются во внимание при разработке учебных программ и материалов для преподавания иностранного языка [7, с. 47]:

- сфера личного общения: речевое поведение индивида реализуется в общении с семьей и друзьями, чтении книг, переписке с родными, ведении личного дневника, и т.д.;
- социокультурная сфера: индивид, в качестве члена общества или какой-то организации, вступает в различные виды коммуникации, цели которой могут быть очень многообразны;
- профессиональная сфера: речевое поведение и коммуникативные цели связаны с профессиональной деятельностью индивида;
- образовательная сфера: общение связано с участием индивида в обучении в учебном заведении или организации, предоставляющей образовательные услуги.

Коммуникативная сфера формирует рамку внешнего контекста коммуникативных ситуаций, которые дифференцируются с учетом таких характеристик, как место, время, способ и регистр общения, социальные обстоятельства и роли собеседников и ситуативные ограничения. Внешний контекст существует как данность, которая практически не зависит от собеседников, более того он лишь частично осознается участником общения. По словам А.Н. Леонтьева, «для того чтобы воспринимать содержание было осознано, нужно, чтобы оно заняло в деятельности субъекта структурное место непосредственной цели действия и, таким образом, вступило бы в соответствующее отношение к мотиву этой деятельности» [4]. Интерпретации подлежит не весь внешний контекст, воспринимаемый органами чувств и перцептивными механизмами, а лишь та его часть, которая осознается на основе индивидуального опыта, в том числе сформированных в сознании индивида категоризаций объектов и явлений, концептов, ассоциаций, коннотаций и др. В связи с этим принято говорить о внутреннем (ментальном) контексте коммуникативного акта, представляющем собой некоторое смысловое поле, в котором разрозненные факты интерпретируемого внешнего контекста в силу актуальной тематизации собраны воедино и детерминированы намерением, потребностями, ожиданиями собеседников, а также особенностями их мыслительных процессов и внутренним состоянием в момент коммуникации.

В совокупности внешнего и внутреннего контекстов можно наиболее полно проследить логику развития коммуникативного эпизода, понять осуществляемое коммуникативное намерение говорящего и оценить эффективность или неэффективность речевого поведения коммуникантов [15].

Для успешного осуществления коммуникативного акта говорящему необходимо определить, что именно он хочет сообщить собеседнику, учитывая специфику данной ситуации (речевое намерение) и решить, каким образом передать это сообщение. Кроме того, для эффективной реализации речевого намерения он должен владеть достаточной гибкостью, чтобы адекватно истолковать внутренний контекст собеседника и «приспособиться» к нему. Это представляется наиболее сложной задачей, т.к. именно для ее выполнения необходима коммуникативная компетенция во всей совокупности ее составляющих (лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, стратегической, социальной, социокультурной). Как пишет Е.И. Пассов, «гибкость вырабатывается только в ситуативных условиях», при этом «реализация ситуативности немаловажна без личностной индивидуализации» и динамичного взаимодействия собеседников, в ходе которого происходит развитие коммуникативной ситуации [8, с. 199].

Коммуникативная направленность высказывания определяет выбор языковых и паралингвистических средств, характеризующих отношение говорящего к содержанию сообщения. В связи с этим лингвотеатральный подход к обучению иностранному языку предполагает не только использование разных коммуникативных стилей, соответствующих социально-культурным обстоятельствам данной ситуации общения, но и обращает внимание на средства выражения эмоционального состояния участников общения.

Процесс формирования коммуникативной компетенции связан с развитием мышления, обеспечивающим понимание психологического содержания действий и поступков участников общения, прогнозирование их поведения в конкретных коммуникативных ситуациях и выбор оптимальных способов общения. Кроме того, этот процесс включает и развитие умения понимать причины и мотивы собственного поведения и выражать свои чувства. В то же время «сформированность коммуникативной компетенции связана с установлением баланса между интеллектуальной и эмоциональной сторонами личности» [9].

Поскольку эмоциональная выразительность представляет собой важнейшую личностную характеристику говорящего, эмоциональный компонент является весьма существенной составляющей



психологического аспекта обучения речевой деятельности. Установление эмоционального контакта и выражение эмоций на иностранном языке, при том, что речевые умения все еще очень ограничены, значительно сложнее, чем на родном языке. Кроме того, неуверенность в себе и боязнь показаться смешным представляют собой серьезное препятствие, особенно для взрослых обучающихся. Таким образом, создание комфортной учебной среды является необходимым условием снижения уровня тревожности и страха коммуникации. Атмосфера безопасности и комфорта создает в учащихся открытость к самовыражению на изучаемом языке, а также помогает сформировать новое отношение к ошибкам: вместо страха ошибиться у обучающихся возникает положительное восприятие коррекции ошибок преподавателем. В такой учебной среде у них постепенно исчезает необходимость внутренней защиты, и они вырабатывают новую модель поведения, в которой становится естественным рисковать, ошибаться, глупо выглядеть, а также быть более «чуткими» по отношению к культурному опыту [21, с. 6]. Примерами такой «чуткости» является осмысление картины мира иного лингвосоциума и умение не только замечать сходства и различия между взаимодействующими культурами, но и учитывать их в практике межкультурного общения [6, с. 63]. Учащиеся погружаются в неизведанный мир иноязычной культуры, покидая на время занятия свой привычный мир. Подобно актерам, они примеряют на себя новые роли, которые часто отличаются от тех ролей, которые они играют в своей повседневной жизни. С помощью лингвотеатрального подхода этот новый мир становится все более реальным и близким, поскольку воображаемые ситуации создают возможность «проживания» коммуникативного опыта и ощущений, которые подавляются определенными социальными рамками в повседневной жизни. Они мотивируют учащихся к активной практике общения на изучаемом языке, побуждая их почувствовать свое новое я – формирующийся новый репертуар их языковой личности – без риска негативных последствий, связанных с недостаточно высоким уровнем владения иностранным языком.

Интегрирование театра в преподавание иностранного языка создает экспериментальный контекст, предоставляющий уникальные возможности для формирования и дальнейшего совершенствования умений и навыков в основных видах речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение и письмо).

Формирование навыков устной речи и имплицитное усвоение обучающимися процессов устно-речевого общения является той областью изучения языка, на развитие которой лингвотеатральный подход имеет наиболее благоприятное и результативное воздействие. Говорение и аудирование являются основными видами повседневной речевой деятельности, необходимыми для решения широкого спектра коммуникативных целей – получение сведений, интересующих говорящего, или предоставление информации собеседнику, побуждение собеседника к определенному действию или типу поведения, получение словесной реакции, стимулирование определенных эмоций или выражение своих собственных чувств и впечатлений, а также установление или определенная трансформация межличностных отношений.

Наиболее актуальной методической задачей в отношении развития говорения и аудирования, особенно вне языковой среды, является релевантная организация учебной деятельности, позволяющая обеспечить условия для обучения иноязычному общению, поскольку обучающиеся лишены возможности использовать изучаемый иностранный язык для решения коммуникативных задач в повседневной жизни. Считается, что оптимальными заданиями, направленными на развитие навыков устной речи, являются речевые ситуации [13]. В то же время моделирование речевых ситуаций в большинстве случаев не позволяет избежать их искусственности в связи с тем, что они воспринимаются и обучающимися, и преподавателем как «форма тренировки учебного материала» на изучаемом языке, который вне языковой среды не является средством общения [10]. Несмотря на то, что речевая ситуация, моделируемая с учебной целью, всегда является воображаемой, театрализация позволяет существенно снизить ее искусственность за счет расширения контекста, уникальности опыта персонажа, спонтанности речевого поведения не ограниченного жесткими рамками изучаемого или уже «пройденного» материала, включения эмоциональных реакций, которые являются не имитацией эмоций, а скорее эмоциональной суггестией. Контекстуализированные речевые ситуации, в которых обучающимся необходимо решать реальные коммуникативные задачи, являются благоприятной средой для практики общения [13]. Как многократно отмечалось многими зарубежными и отечественными исследователями (С. Крашен, Т. Тэррелл, Т.Ташнер, Х.Чурченталер, А.А. Леонтьев, Г. Лозанов, Г. А. Китайгородская, Е.И. Пассов и др.), усвоение значительного объема лексико-грамматической информации происходит почти подсознательно или произвольно в условиях максимальной аутентичности языкового материала и ситуационных контекстов, представляющих новизну и интерес для учащихся, воздействующих на их эмоции и имеющих прагматическую ценность.

Речевая направленность коммуникативного обучения иностранному языку определяет приоритетность устно-речевых умений. В свою очередь, овладение устной речью предполагает сформированность правильного произношения и интонации. Здесь уместно еще раз вспомнить о близости театральной и языковой педагогики и упомянуть, что именно язык является основным инструментом, общим для обеих областей. Изучающие иностранный язык, как и актеры, должны обращать особое внимание на использование этого инструмента, чтобы содержание их речи было правильно понято собеседником или зрителем [20, с. 117].

Следует заметить, что с началом повсеместного превалирования коммуникативных методик в 1970-1980-е гг. обучение фонетическим аспектам изучаемого языка было отодвинуто на второй план. Между тем они являются важной составляющей лингвистической, а следовательно, и коммуникативной компетенции учащихся. Ряд отечественных и зарубежных авторов [2; 11], отмечали коммуникативную значимость фонетического аспекта в формировании речевых навыков учащихся. С середины 1990-х гг. и особенно в течение последнего десятилетия, обучению интонации и произношению стало придаваться большее значение вследствие более глубокого осознания цели коммуникативного обучения, состоящего в осуществлении полноценного общения представителей разных культур.

Носители языка судят о социальном статусе и общем интеллектуальном уровне представителя своего национально-культурного сообщества во многом на основании его произношения. Перенесение носителем языка того же типа оценки на иностранца может создавать серьезные проблемы в восприятии коммуникативной цели говорящего как пользователя данного языка и привести к неадекватной перцепции его личностных качеств. В свою очередь, у иностранного пользователя, говорящего на иностранном языке, такая реакция носителей языка может привести к росту тревожности и страху говорения в целом. Неправильное или неясное произношение и интонирование может помешать общению или полностью нарушить его, становясь в некоторых случаях более серьезным препятствием, чем грамматические ошибки. В связи с этим учащимся необходимо не только сформировать устойчивые речевые навыки, но и достичь достаточно хорошего произношения, чтобы избежать проблем в общении. Чем правильнее произношение и интонация учащегося, тем лучше он будет понят носителями языка, что, в свою очередь, дает чувство удовлетворения и уверенности в себе, а также создает позитивное отношение к общению как с представителями данной иноязычной культуры, так и с иностранцами, говорящими на этом языке. Сценическая учебная деятельность способствует постановке хорошего произношения, правильной интонации и корректному использованию жестов, мимики и эмоций в разнообразных речевых контекстах.

Формирование навыков говорения, с одной стороны, позволяет интегрировать лексический, грамматический, фонетический аспекты, а с другой, оно неразрывно связано с развитием аудирования. В процессе выполнения сценических упражнений обучающиеся привыкают к восприятию крупных блоков речевой информации. Как было установлено в экспериментальных исследованиях, «успешность аудирования зависит от величины этой единицы: чем более крупными блоками будет восприниматься речь, тем успешнее пойдет переработка заключенной в ней информации. По мере тренировки, то, что сначала воспринимается по частям (по словам), может восприниматься целостно, как неразложимая единица (фраза)» [5].

Если эффективность лингвотеатрального подхода в развитии навыков устной речи, связанных с говорением и аудированием, представляется достаточно очевидной, то развитие навыков чтения и письма происходит в „скрытой форме”, поэтому этот процесс является не столь явным и не всегда осознается учащимися. Тем не менее, значительный прогресс в развитии умений письменной речи подтверждается результатами заключительных тестов. Отметим, что результаты тестовых заданий по чтению и письму у учащихся, занимавшихся по лингвотеатральной методике в рамках экспериментальных курсов, не показали существенных отличий от результатов контрольных групп, тогда как их средние тестовые баллы по результатам выполнения заданий на проверку аудирования и говорения были выше.

Лингвотеатральный подход имеет в своем арсенале разнообразные задания, направленные на развитие письменных умений с акцентом на содержательно-смысловом и коммуникативно-деятельностном аспектах письменной речи: написание монологов, писем от имени персонажа, собственных сценариев, мини-пьес, описание биографии персонажа, составление списков и описаний реквизитов, наброски сюжетов для диалогов и др. Навыки чтения формируются в процессе работы над сценическими материалами (диалогами, монологами, сценариями) и текстами, подготовленными преподавателями и самими учащимися, которые обязательно проверяются и исправляются преподавателем. В качестве интегрированного вида учебной деятельности, развивающего как навыки чтения, так и письма, эффективным представляется составление адаптированных сценариев по литературным произведениям. В этом случае чтение литературного текста является гораздо более интенсивным, чем чтение диалога или текста учебника, поскольку оно включает в себя анализ и интерпретацию содержания в связи с его сценическим исполнением.

### Заключение

Таким образом, лингвотеатральное обучение, на наш взгляд, является коммуникативным по своей природе, поскольку оно ставит во главу угла общение и межличностное взаимодействие, основанное на позитивном творческом сотрудничестве. С одной стороны, это позволяет достичь прагматических целей (языковые знания, умения речевой деятельности и практические навыки коммуникации), а с другой – способствует личностному развитию и культурно-ценностной осознанности, что соответствует современным представлениям о коммуникативном обучении



иностранным языкам. Следовательно, методический инструментарий лингвотеатрального подхода позволяет в полной мере реализовать принципы коммуникативного обучения.

### Литература

- Бастрикова, Е.М. Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект – [Электронный ресурс] – Экономический журнал. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 43 – 48. – Режим доступа: <http://old.kpfu.ru/fio/bibl/resource/articles.php?id=6&num=11000000> (дата обращения 26.12.2016)
- Вохмина, Л.Л., Осипова, И.А. Коммуникативность: цель или средство? / Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. Вып. 6. СПб, 2003. – сс. 238-251
- Красноярцева Д.К. Реклама и театр в коммуникативном пространстве современной культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – М, 2009. – 21 с.
- Леонтьев, А.Н. Психологические вопросы сознательности учения. – [Электронный ресурс] – Известия АПН РСФСР. Вып. 7: Вопросы психологии понимания. – 1947. – Режим доступа: [http://elibr.gnpbu.ru/text/izvestiya-arn\\_vur7\\_1947/](http://elibr.gnpbu.ru/text/izvestiya-arn_vur7_1947/) (дата обращения 26.12.2016)
- Мойсеенко, О.А. Аутентичное аудирование как феномен иноязычного образования. – [Электронный ресурс] – Научные ведомости БелГУ, Серия Гуманитарные науки. – 2016. № 28(249). Выпуск 32. – С. 138 – 146. – Режим доступа: [http://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/6fo/журнал-28%20\(249\),%20вып.%2032%20гум.%20науки,%20декабрь%20last.pdf](http://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/6fo/журнал-28%20(249),%20вып.%2032%20гум.%20науки,%20декабрь%20last.pdf) (дата обращения 18.01.2017)
- Обдалова, О.А. Иноязычное образование в XXI веке в контексте социо-культурных и педагогических инноваций. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. – 180 с.
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка. / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод под общ. ред. проф. Иришхановой К. М. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003. – 259 с.
- Пассов, Е.И., Кузовлева, Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования. – [Электронный ресурс] – М.: Русский язык. Курсы, 2010. – 567 с. – Режим доступа: [http://www.mgu-russian.com/ru/teach/library/?main\\_code=Методика+преподавания+РКИ+и+учебники&q=Пассов&type=author](http://www.mgu-russian.com/ru/teach/library/?main_code=Методика+преподавания+РКИ+и+учебники&q=Пассов&type=author) (дата обращения 10.11.2016)
- Пересышкин, А.П., Цурикова Л.В., Гусакова Н.Л., Бочарова Е.Н. Формирование коммуникативной и межкультурной компетенций в процессе обучения студентов иностранному языку. – [Электронный ресурс] – Научные ведомости БелГУ, Серия Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). Выпуск 11. – С. 277 – 282. – Режим доступа: [http://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/8db/w%2018s113t\\_dzo%2011.pdf](http://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/8db/w%2018s113t_dzo%2011.pdf) (дата обращения 26.12.2016)
- Просвирникова, Е. Н. К вопросу о моделировании речевых ситуаций в ходе профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам. – Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2006. №1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-modelirovanii-rechevyh-situatsiy-v-hode-professionalno-orientirovannogo-obucheniya-inostrannym-yazykam> (дата обращения: 05.01.2017)
- Просвиркина, И. С. Обучение фонетике русского языка. – Известия Уральского государственного университета. – 2004, № 33. – сс. 46-60.
- Самосенкова, Т. В. Осуществление межкультурного контакта: прагматический компонент. – [Электронный ресурс] – Вестник ХНУ. Серия «Преподавание языков в высших учебных заведениях образования на современном этапе. Междисциплинарные связи. Научные исследования. Опыт. Поиски.» – №16,2010. – стр. 204-210. – Режим доступа: <http://www-center.univer.kharkov.ua/vestnik/full/159.pdf> (дата обращения: 19.12.2016)
- Самосенкова, Т.В. Учебно-коммуникативная педагогическая ситуация – часть профессиональной подготовки будущих учителей. – Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. науч.-практ. семинара. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С.193 – 197.
- Самосенкова, Т. В. Коммуникативное пространство преподавательского поля обучения РКИ: полилингвокультурный феномен. – [Электронный ресурс]. – Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. №3-1. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-prepodavatel'skogo-polya-obucheniya-rki-polilingvokulturnyy-fenomen> (дата обращения: 20.12.2016).
- Шаталова, Ю. Н. К вопросу о способах актуализации лексических новообразований в разговорной речи. – [Электронный ресурс] – Научные ведомости БелГУ, Серия Гуманитарные науки. 2012. № 18 (137). Выпуск 15. – Режим доступа: [http://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/f58/a%2018\\_137\\_%20png%2015.pdf](http://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/f58/a%2018_137_%20png%2015.pdf) (дата обращения: 20.12.2016)
- Чураев, В.И. Коммуникативная специфика театра и связи с общественностью: сравнительная характеристика – [Электронный ресурс] / Слово учителю. – Дайджест, 04/2016. Режим доступа: <http://slovo.mosmetod.ru/component/k2/item/992-churaev-v-i-kommunikativnaya-spetsifika-teatra-i-svyazi-s-obshchestvennostyu-sravnitel'naya-kharakteristika> (дата обращения: 16.11.2016)
- Fleming, M. Starting Drama Teaching. - Routledge, Abingdon, 3rd edition. - 2011. - 200 p.
- Jacobs G., Farrell T. Understanding and Implementing the CLT (Communicative Language Teaching) Paradigm [Electronic resource] / RELC Journal, 34.1, Singapore, 2003. – pp.6-30. – URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/003368820303400102> (дата обращения: 13.12.2016)
- Richards, J.C. Communicative Language Teaching Today. – Cambridge University Press, 2006. – 47 p.
- Ronke, A. Wozu all das Theater?: Drama and Theater as a Method for Foreign Language Teaching and Learning in Higher Education in the United States. Dissertation, Von der Fakultät I – Geisteswissenschaften der Technischen Universität Berlin zur Erlangung des akademischen Grades. – [Electronic resource] – Berlin 2005. – 321 p. – URL: [https://depositonce.tu-berlin.de/bitstream/11303/1448/1/Dokument\\_8.pdf](https://depositonce.tu-berlin.de/bitstream/11303/1448/1/Dokument_8.pdf) (дата обращения: 15.11.2015)
- Smith, S. M. The theater arts and the teaching of second languages. – Addison-Wesley Longman, 1984. – 166 p.
- Tschurtschenthaler, H. Drama-based foreign language learning: Encounters between self and other. - Münster: Waxmann Verlag GmbH, 2013. - 392 p.

УДК: 378.016:502.1

## СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТУДЕНТОВ: ПОТРЕБНОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЙ И ЦЕЛЕВОЙ КОМПОНЕНТЫ

### SOCIAL AND ECOLOGICAL EDUCATION OF STUDENTS: NEEDED AND MOTIVATIONAL-PURPOSEFUL COMPONENTS

**В.С. Шилова**  
**V.S. Shilova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: shilova@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье раскрываются важнейшие аспекты проблемы социально-экологического образования студенческой молодежи – потребностно-мотивационный и целевой. Актуальность их рассмотрения определяется необходимостью подготовки будущих специалистов к установлению гармоничных отношений с окружающей природной средой, в том числе и в условиях профессиональной деятельности. В связи с этим возникает задача определения сущности и структуры собственно потребностно-мотивационного и целевого компонентов, наполнения их содержания конкретными социально-экологическими потребностями, мотивами и целями. Последнее обусловлено тем, что цель выступает центральным системообразующим компонентом психологической системы деятельности – основа деятельности студентов в природе.

*Abstract.* The article describes the most important aspects of social-ecological education of students – needed and motivational-purposeful. The relevance of their consideration is determined by the necessity to prepare future professionals to establish a harmonious relationship with the natural environment, including in a professional activity. In this connection, there is the problem to determine the nature and structure of the actual needed-motivational and purposeful components, filling them with content specific social and ecological needs, motives and purposes. This is because the purpose is the central system component of the psychological system activity, that is, the basis of the activities of students in nature.

*Ключевые слова:* образование, студенческая молодежь, социально-экологическое образование студентов, потребностно-мотивационный и целевой компоненты.

*Keywords:* education, students, social-ecological education of students, needed and motivational-purposeful components.

---

## Введение

Одной из важнейших черт современного периода развития общества выступает дальнейшее обострение социально-экологических противоречий. Необходимость их разрешения обусловлена обязательностью сохранения условий среды, благоприятствующих жизни всего человечества, для дальнейшего устойчивого развития общества.

Важное место в преодолении этих противоречий отводится студенческой молодежи. Решение возникающих проблем во многом зависит от степени подготовленности студентов, уже усвоенного ими позитивного опыта взаимодействия с природой, способности изучать, охранять, восстанавливать и возобновлять ее условия и ресурсы. Обогащение и расширение такого опыта, развитие умений оптимизировать социально-экологические отношения во многом определяются экологизацией целей и содержания высшего образования. Это связано и с необходимостью формирования у будущего специалиста не только сложных и прочных социально-экологических знаний, но и соответствующих умений, направленных на рациональное природопользование, гармоничное взаимодействие с окружающей природной средой, сохранение ее потенциала для настоящих и будущих поколений.

Сказанное определяет необходимость социально-экологического образования (далее – СЭО – прим. ред.) студентов, соответствующего их профессиональной подготовке, поскольку любая профессия, хотя и в разной степени, связана с природной средой, использует ее условия и ресурсы в создании продуктов производственной и непроизводственной сфер общественной деятельности.



С другой стороны, каждая профессия имеет и определенные возможности для сохранения, восстановления и возобновления используемого природоресурсного потенциала. В связи с этим следует согласиться с мнением Тарасенко Н.Г., подчеркивающей, что реализация смыслоориентирующей функции образования является важнейшим условием формирования глобального мировоззрения личности [28].

Сказанное в полной мере относится и СЭО студенческой молодежи. С другой стороны, установление уровня социально-экологической образованности студентов требует разработки отдельных аспектов этого вида образования. Так, одним из них выступает потребностно-мотивационный компонент структуры личности студента в контексте его связей с окружающей природной средой.

### Основная часть

Раскрытие рассматриваемого нами компонента требует определения его системно-структурной организации. Исследования ученых-психологов (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский и др.) позволили выделить следующие структурные компоненты любой деятельности: мотив, цель, действие, операция, результат. Следует отметить, что различные аспекты нормативной структуры деятельности широко и активно используются в психологии труда (Б.Ф. Ломов, Е.А. Климов), психологии профессиональной деятельности (Е.М. Иванова, А.А. Бодалев, К.Б. Мальшев, В.Д. Шадриков и др.), психологии педагогической деятельности (С.Д. Смирнов, Ю.Г. Анохин, Н.В. Кузьмина и др.), психологии познания (Дж. Бруннер, В.Д. Шадриков) и др. Предложенная ими структура сегодня рассматривается как нормативная, что позволяет использовать ее в настоящей работе. При этом учитывался функциональный характер деятельности, включающей в себя следующие функциональные блоки: мотивы, цели, программа, информационная основа, решение, деятельность важные свойства личности. Выделение именно этих элементов В.Д. Шадриков обоснованно объясняет тем, что заключенные в них структуры являются основными элементами системы реальной деятельности человека. Все блоки системы деятельности теснейшим образом взаимосвязаны. Например, процесс принятия решения, информационного обеспечения деятельности пронизывает ее всю, включены во все блоки [30]. Разрабатываемая В.Д. Шадриковым система деятельности не противоречит нормативной.

Что касается СЭО студентов, рассматриваемого в рамках деятельностного подхода, то его структура предполагает наличие всех основных элементов системы деятельности, выделенных психологами. Первый из этих элементов – мотивы СЭОС. Прежде чем раскрыть сущность категории «мотив», следует обратить внимание на первоисточники его возникновения. В качестве таковых выступают потребности человека. В психологической науке эта категория представлена достаточно полно и четко. Так, учеными потребность определяется чаще всего как испытываемая человеком нужда в каких-либо объектах, находящихся вне него. Именно потребности отражают связи человека с окружающим миром, зависимость от него, ориентируют человека в нем (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.И. Додонов и др.) [6, 13, 23].

При этом выделяется две стороны потребностей: пассивная и активная. Пассивная выражается в отрицательном или положительном эмоциональном состоянии, которое зависит от степени удовлетворения потребности. Активная сторона отражает желание, влечение, стремление, причем, волевая и аффективная стороны слиты воедино. Кроме того, выявлено соотношение потребности и деятельности. В нем необходимо различать потребность, во-первых, как внутреннее свойство, во-вторых, как необходимую предпосылку к деятельности, в-третьих, как все то, что направляет, корректирует и регулирует конкретную деятельность человека в предметной среде. Результатом разработки идеи различения потребностей стал вывод о том, что потребность следует рассматривать и как нужду (потребность-объект), и как свойство (потребность-свойство), и как определенное психическое состояние (потребность-состояние). Установлено, что именно потребность-свойство отражает и определяет активность человека, направляет ее на овладение конкретными ценностями, тем самым выступая в качестве программы жизни и деятельности. При этом одни потребности в такой программе могут выступать лишь как следствие основных потребностей, дополняют их в зависимости от конкретной жизненной ситуации [6, 13, 23].

Что касается рассматриваемых нами социально-экологических потребностей, то они представляют собой более конкретную форму отношения субъекта к природной среде. Эти потребности отражают необходимость и возможность обмена веществом, энергией и информацией с ней с целью обеспечения постоянного функционирования социально-экологической системы, ее сохранения, возобновления и адаптации к изменяющимся условиям. Исходной позицией построения структуры рассматриваемых потребностей выступила системно-структурная классификация человеческих потребностей, разработанная Н.Ф. Реймерсом, как наиболее полная и целостная для настоящего времени. Источником формирования любых потребностей человека, по обоснованному мнению ученого, является его биосоциальная структура. Именно ее сложность, иерархичность определяет систему потребностей, удовлетворение которых способствует сохранению организма,

обеспечивает его развитие и функционирование. В эту систему обоснованно включены анатомо-физиологические, этолого-поведенческие, трудовые, экономические, этнические и социальные потребности. В свою очередь они объединены материально-энергетическим, информационным и эстетическим компонентами [22, 23].

В связи с излагаемым важна точка зрения Д.В. Колесова. Он отмечает, что потребности отражают способность (пристрастность) человека выделять значимые для него объекты окружающей среды. Затем эта способность (пристрастность) проявляется в его ощущениях, эмоциях, действиях. С другой стороны потребность выступает не только как способ проявления активности субъекта, но и как способ поддержания себя в живом состоянии. Каждый субъект выделяет в своем окружении систему значимых для него объектов, которые и составляют его внешний мир. При этом потребности, ценности и система анализаторов совпадают. В процессе развития это совпадение сохраняется. Установлено, что для одних существ сфера ценностей постоянна, для других – она расширяется. По сравнению с другими существами, человек обладает безграничной способностью обращать в значимые для себя разнообразные объекты окружающей среды. Уровень развития каждого субъекта определяет сферу значимого, конкретизируется, образует индивидуальный внешний мир. Установлено, что значимое для человечества в целом гораздо многообразнее и шире значимого отдельного человека [10]. В связи с этим возникает необходимость определения первично значимого, или безусловного, и вторично значимого, т.е. условного. При этом первичное - стабильно, вторичное - расширяется. Отсюда немаловажным становится информация о внешней среде, ее объектах, взаимодействиях с которыми ведет к удовлетворению биосоциальных потребностей. Эта информация включает сведения об предметах, явлениях и процессах внешнего мира, удовлетворяющих такие потребности. Выделение сферы значимого формирует установку (бессознательное) и готовность (сознательное) к использованию ее объектов. Затем готовность подкрепляется ценностным критерием: чем он выше, тем выше вероятность установления взаимодействия именно с выделенным объектом и получением ожидаемых результатов [10].

Подытоживая, отметим, что основные социально-экологические потребности личности закладывают основы формирования установки на взаимодействие с окружающей средой с целью их удовлетворения. Что касается готовности (сознательного), то ее формирование осуществляется на уровне мотива – следующего элемента мотивационной системы личности [32].

Известно, что мотив – побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребности субъекта; внутренние и внешние условия, определяющие активность личности и ее направленность; идеальный или материальный объект, на который направлена деятельность; какая-либо причина, лежащая в основе сознательного выбора поступков и действий субъекта [25]. Проблеме мотивов посвящено значительное количество научных работ, как отечественных (В.К. Вилюнас, В.И. Ковалев, Д.М. Узнадзе и др.), так и зарубежных (А. Маслоу, Х. Хекхаузен и др.) [4, 11].

Из последних работ следует назвать системное изучение мотива и мотивации Е.П.Ильина. Его исследование опирается на интегративный подход, который позволяет выявить многие противоречия изучаемой проблемы. Результатами исследования стали следующие аспекты мотивационной сферы: потребность, выступающая внутренним побудителем активности человека; сущность мотива в качестве потребности, намерения, цели, формулировки, состояния, процесса, сложного интегрального образования, удовлетворенности; в форме внешне- и внутренне организованной мотивации; отдельных видов мотивационных образований в различных видах деятельности [9]. Кроме того, было установлено, что мотив связан с внутренними побуждениями человека, с волей. Мотивация рассматривается как внутренняя причина деятельности и поведения, обусловленная окружающей средой, внешними раздражителями. Это психический процесс, преобразующий внешние воздействия во внутренние побуждения. Мотивация - динамический процесс формирования мотива. Выявлены и виды мотивации: интринсивная и экстринсивная, отрицательная и положительная; ее стадийность, изменение с возрастом, мотивы различных видов деятельности и общения [9].

Следует отметить и мнение А.Н. Леонтьева, который подчеркивает, что только у человека есть мотивы. Они определяются как объекты, удовлетворяющие его актуальные потребности. Мотивы являются средствами этого удовлетворения, направляют и организуют поведение субъекта. При этом одна потребность может удовлетворяться разными мотивами. Установлено, что потребности - это неосознанная характеристика активности и проявляются в эмоциях. Мотивы, напротив, осознаются, связаны с процессами познания: восприятием, мышлением, памятью, речью. Они четко выражены в предмете или цели, на них направлено поведение человека, стимулируют его [12, 13].

Исследуя проблему потребности и мотива, А.Г. Асмолов обоснованно указывал на их нетождественность. Он отмечал, что потребность после встречи с каким-либо предметом (мотивом) преобразуется в мотив деятельности субъекта и начинает определять направленность его поведения [1, 2]. Эту мысль разделяют и другие ученые, подчеркивая, что мотив придает поведению субъекта импульс, направленность к цели и на всем пути стремления к ней поддерживает энергетическую напряженность поведения. Мотив имеет четкую предметную направленность, поскольку предмет, к



которому стремится организм, становится целью лишь в форме образа. Мотив - это то, на что затрачивает он свою энергию, что движет живым существом (А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский) [18].

В нашем случае такими мотивами выступают явления, процессы и объекты природы, которые направляют деятельность личности с целью поддержания равновесия между окружающей средой и собой. Именно они определяют активность субъекта по удовлетворению социально-экологических потребностей. К настоящему времени установлена связь потребности, мотива и установки, определены условия формирования специфического состояния мотивационной установки. Последняя означает потенциальную готовность субъекта к активной реакции в случае появления необходимого объекта и побуждает направлять на него поведение и деятельность (В.К. Виллонас и др.) [4,5].

В соответствии с предметом настоящего исследования и в рамках деятельностного подхода возникает необходимость определения в самом общем виде сущности мотивов СЭО студентов, отдельных их классификаций. Необходимо отметить, что выявление собственно психологических аспектов рассматриваемых мотивов не является нашей целью. Задача состоит в определении мотивов, отражающих деятельность личности и общества во взаимодействии с природной средой. При этом опора осуществляется на результаты теоретических исследований по проблеме мотивации поведения и деятельности. Состав и место мотивов СЭО студентов определяются психологической структурой природопользования, как процесса, совершающегося между обществом и природой. Основу схематической модели этого вида деятельности составила общая архитектура психологической структуры деятельности, разработанная В.Д. Шадриковым [31].

Общая психологическая системно-структурная модель природопользования, проектирующего систему СЭО студентов представлена следующими компонентами: потребностью природопользования, его мотивом, целью, принятием решения, программой и результатом природопользования. При этом цель и принятие решения природопользования, с одной стороны, являются важнейшими его условиями, с другой – принятие решения, программа и результат природопользования связаны с индивидуальными качествами личности студента.

Следует отметить, что в психологии остаются пока еще нерешенные проблемы, связанные с движущими силами деятельности и поведения человека. Нет пока и единого подхода к проблеме мотивации, соответствующей терминологии, определений основных понятий. В силу этого, рассмотрение структурных компонентов образования студентов в области социально-экологических отношений в рамках деятельностного подхода осуществлялось лишь на уровне общих тенденций. Так, деятельность общества в природной среде (социально-экологическая деятельность) определяют соответствующие социально-экологические потребности: естественные, психологические, педагогические, трудовые, экономические, социальные, этнические, о которых говорилось ранее. Их удовлетворение в разные периоды истории общества привело к осознанию необходимости не только охраны, но и восстановления окружающей природной среды, обеспечивающей жизнь и деятельность человека и человечества. Эти потребности мы называем природовосстановительными [32, 33].

Исследования различных ученых связывают разные стороны человеческого существования, показывают необходимость изучения не только ресурсного потенциала окружающей природы, его использования для удовлетворения различных потребностей, но и обязательность ее охраны, восстановления и возобновления. Именно природа обеспечивает будущее новых поколений, дальнейшее устойчивое развитие человека и общества [21, 18, 35, 16, 3, 14].

Кроме того, установлено, что биосоциальная сущность человека сегодня выступает источником потребности в сохранении природы, всего живого на планете для настоящих и будущих поколений. Удовлетворение этой насущной социальной потребности требует соответствующей деятельности, преобразующей отношения с природой.

Вместе с тем, к такой преобразовательной деятельности необходимо специально готовить все слои населения. Не составляют исключения и студенческая молодежь, будущие специалисты, которые связаны как непосредственно, так и опосредованно с природной средой. В связи с этим и на ступени высшего образования следует продолжать формировать мотивы рационального природопользования. Причем, следует отличать мотивы рациональной социально-экологической деятельности (рационального природопользования) как таковой, и мотивы образования в области этой деятельности – СЭО. Одна из последних дефиниций мотива (П.И. Пидкасистый, В.А. Мижериков), позволила нам раскрыть сущность понятия мотивов рациональной социально-экологической деятельности. Под ними понимаются различные побудители, определяющие активность общества или личности (субъекта) во взаимодействии с природной средой, направленность на рациональное (в пределах нормы и меры) использование потенциала природы с учетом условий жизни [16: 26, 35].

Исходя из этого, под мотивами СЭО понимаются такие побудители, которые направляют активность личности на усвоение ею социально-экологическими знаниями и умениями, опытом творческого и эмоционально-ценностного отношения к природе. Результаты исследований показывают, что в современной психологии термин «мотив» применяется для обозначения различных состояний, явлений, вызывающих активность субъекта. В качестве мотива выступают потребности и



интересы, влечения и эмоции, установки и идеалы. В настоящем исследовании формы проявления мотива такие же. Вместе с тем, они связаны, прежде всего, с социально-экологическими отношениями, их отражением в специально созданных условиях образовательных организаций. Например, общие мотивы, отражающие содержание социально-экологической деятельности, определяются различными группами человеческих потребностей и проявляются в них. Разрабатываемая нами классификация мотивов социально-экологической деятельности исходит из классификации потребностей, обусловленных внутренними качественными и количественными показателями (Н.Ф. Реймерс). Эти потребности и предполагаемые мотивы представлены четырьмя группами (Таблица 1)[21,22].

Таблица 1.

**Примерный состав общих мотивов социально-экологической деятельности**

Общие человеческие потребности (Н.Ф.Реймерс, 1994)	Мотивы социально-экологической деятельности (осознаваемые потребности СЭД)
Биологические (анатомо-физиологические, физические или естественные)	<ul style="list-style-type: none"> <li>- необходимость сохранения условий физического существования человека;</li> <li>- необходимость поддержания нормального радиационного, магнитно-волнового и теплового фона;</li> <li>- необходимость поддержания нормального состава воздуха, воды, почв и других ресурсов природы;</li> <li>- необходимость сбалансированной по составу пищи;</li> <li>- необходимость в полноценном сне, других видах отдыха;</li> <li>- необходимость в защите от различных заболеваний, других антропогенных загрязнений;</li> <li>- необходимость в биологическом, информационно-пространственном комфорте, т.е. защищенности от перенаселения и от сверхразреженности;</li> <li>- необходимость в комфортной природной среде;</li> <li>- необходимость в движении: труде, подвижных занятиях;</li> <li>- необходимость в определенном трудовом и жизненном пространстве; и др.</li> </ul>
Этолого-поведенческие (психологические)	<ul style="list-style-type: none"> <li>- необходимость в психолого-эмоциональном контакте, в этологической группе, в раскрытии свойств индивида;</li> <li>- необходимость существования и развития своей этологической группы;</li> <li>- необходимость в благоприятном этологическом «климате» (например, темп и ритм жизни и т.п.);</li> <li>- необходимость в этологически комфортном жилище, «этологическом пейзаже» (сочетание природной среды со «второй» и «третьей» природой);</li> <li>и др.</li> </ul>
Этнические потребности	<ul style="list-style-type: none"> <li>- необходимость в своем этносе, этнической самостоятельности; необходимость в осознании объективного существования своего народа как эколого-социально-экономической совокупности;</li> <li>- необходимость в принадлежности к самостоятельной этнической группе;</li> <li>- необходимость в устойчивом существовании своего этноса;</li> <li>- необходимость в пейзаже «родной» природы, адекватном истории этноса;</li> <li>- необходимость во «второй», «третьей» природе, запечатленной в «этнической памяти» с детства (архитектура, географические, исторические и культурные ландшафты и др.).</li> </ul>
Социальные (социально-психологические)	<ul style="list-style-type: none"> <li>- необходимость в гражданских свободах, гарантированных законом, традициями или обычаями;</li> <li>- необходимость в конституционных или традиционно-общественных гарантиях, обеспечивающих уверенность человека и общества в завтрашнем дне;</li> <li>- необходимость в моральных нормах, обеспечивающих общение людей, как между собой, так и с природным окружением;</li> <li>- необходимость в свободе познания и самовыражения;</li> <li>- необходимость личности обществу, группе, себе;</li> <li>- необходимость в образовании социальных групп различной иерархии; свободном общении с лицами своего круга;</li> <li>- необходимость в осознании своего пола, возраста и следования им в соответствии с социальными нормами;</li> <li>- необходимость в индивидуальных стереотипах и терпимости общества к ним;</li> <li>- необходимость в равномерной информационно-познавательной среде;</li> <li>- необходимость в определенном социальном фоне для удовлетворения остальных групп потребностей</li> </ul>

Выделенные группы мотивов носят самый общий, ориентировочный характер. Удовлетворение выделенных потребностей, реализация мотивов возможны при условии выполнения законов взаимодействия общества с природой, рационального природопользования. Иначе говоря, современное угрожающее состояние окружающей природной среды диктует потребность и необходимость соблюдения этих законов.

Покажем примерное соотношение основных законов природопользования и выделенных нами мотивов, определяемых этими законами (Таблица 2).

Природопользование с учетом его законов и общественной мотивации требует соблюдения еще одного важнейшего условия, которое введено в ранг закона и которое требует охраны природной среды, ее восстановления и возобновления. Этот, главный в настоящее время закон, охватывающий социально-экологические отношения, определяет более частные законы – принципы, формирующие нормативное отношение человека и общества к природе.



Таблица 2

**Примерное соотношение основных законов природопользования  
и выделенных мотивов**

<b>Законы природопользования (Н.Ф.Реймерс, 1994)</b>	<b>Мотивы природопользования</b>
Закон ограниченности (исчерпаемости природных ресурсов)	Необходимость экономного расходования природных ресурсов
Закон соответствия развития производительных сил природоресурсному потенциалу общественного прогресса	Необходимость сохранения баланса между производительными силами и природоресурсным потенциалом в ходе развития
Закон увеличения наукоемкости общественного развития	Необходимость увеличения затрат на научные исследования в области социально-экологических отношений
Правило интегрального ресурса	
Закон падения природоресурсного потенциала	Необходимость увеличения затрат труда и энергии на использование природных ресурсов в рамках одной формации, способа производства, какой-либо технологии
Закон снижения энергетической эффективности природопользования	
Закон убывающей отдачи	
Правило меры преобразования природных систем	Необходимость соблюдения меры во взаимодействии с природной средой
Правило (неизбежных) цепных реакций «жесткого» управления природой	Необходимость учета цепных реакций, неизбежных в процессе и результате технического управления природой, могущих привести к антропогенным катастрофам
Правило естественности, или правило старого автомобиля	Необходимость учета потери (со временем) эффективности технических устройств и увеличения в связи с этим общественных затрат на их поддержание
Правило «мягкого» управления природой	Необходимость управления природой с учетом ее законов
Закон совокупного действия природных факторов	Необходимость учета всей совокупности факторов в процессе использования какого-либо природного ресурса
Закон максимума	Необходимость недопущения перенапряжения любой экосистемы, приводящего, в конечном счете, к ее саморазрушению
Правило (закон) территориального экологического равновесия	Необходимость учета территориально-экологического равновесия
Правило (закон) компонентного экологического равновесия	Необходимость соблюдения и учета компонентного экологического равновесия
Закон убывающего (естественного) плодородия	Необходимость учета тенденции снижения естественного плодородия в результате антропогенного воздействия
Закон снижения природоемкости готовой продукции	Необходимость учета тенденции снижения природного вещества в усредненной единице общественного продукта
Закон увеличения темпов оборота вовлекаемых природных ресурсов	Необходимость учета тенденции роста оборачиваемости вовлеченных природных ресурсов по отношению к темпам роста самого производства

Н.Ф. Реймерс приводит следующие из них: закон неустранимости отходов и (или) побочных воздействий производства (хозяйства); закон шагреневой кожи (неизбежность истощения природно-ресурсного потенциала); –невозможности устранения отходов, они лишь переходят в другую форму или пространство);закон постоянства количества отходов в технологических целях; сохранение природных ресурсов в конечном счете выгодно и в социальных, и в экономических отношениях); законы компонентно-экологического равновесия, территориально-экологического равновесия, внутреннего динамического равновесия; «железные законы» охраны природы П. Эрлиха: в охране природы наступление невозможно, возможны только успешная оборона или отступление; вид или экосистема, однажды уничтоженные, не могут быть восстановлены; продолжающийся рост народонаселения и охрана природы принципиально противоречат друг другу; экономическая система, охваченная манией роста и охрана природы принципиально противостоят друг другу; для всех организмов, в том числе и для человечества, смертельно опасно внимание лишь ближайшим целям и немедленное благо Homo sapiens; охрана природы должна считаться вопросом благосостояния и в более далекой перспективе – выживание человека); принцип уникальности (не повторяется и неповторимое заслуживает особой охраны); принцип разумной достаточности и допустимости риска (расширение любых действий человека не должно приводить к социально-экономической и экологической катастрофе, подрывающей саму возможность существования людей); принцип неполноты информации (недостаточность и неопределенность информации для априорных суждений в вопросах социально-экологических отношений); принцип инстинктивного отрицания – признания (присутствие субъективной компоненты без опоры на объективные факты); принцип обманчивого благополучия, или эйфории первых успехов; принцип удаленности события (явление, отдаленное во времени и пространстве, кажется менее существенным); правило экономико-экологического восприятия Дж. Стайкаса (четыре фазы восприятия проблем среды жизни: ни разговоров, ни действий; разговоры, но без действия; разговоры, начало действий; конец разговора, решительные

действия); закон (афоризмы) Б. Коммонера (природа «знает» лучше; все связано со всем; ни что не дается даром; все должно куда-то деваться;)(Н.Ф. Реймерс)[21, 22].

Выделенные Н.Ф. Реймерсом общие человеческие потребности, законы природопользования и принципы охраны природы, сформулированные нами в связи с этим общие мотивы природопользования, определяют поведение и деятельность общества, отдельного человека в окружающей среде. Однако их усвоение требует специально организованной образовательной деятельности, причем, на всех этапах подготовки молодого поколения к будущему взаимодействию с природным окружением. Для овладения сформулированными социально-экологическими ценностями в свою очередь необходима определенная мотивация, но теперь уже в области СЭО, содержание которого является проекцией объективных отношений в системе «общество-природа».

Иначе говоря, в условиях образовательной системы, в частности вуза, возникает необходимость развития мотивов социально-экологической деятельности на теоретическом и практическом уровнях. Объективно существующие законы природопользования, его сущность позволяют выделить следующие основные группы мотивов СЭО студентов: мотивы изучения процесса природопользования; мотивы использования социально-экологических знаний и социально-экологических умений в производственной деятельности; мотивы охраны природы, ее восстановления и возобновления [21, 22]

В силу того, что в настоящей работе не ставилась задача подробного описания различных мотивов, покажем лишь наполнение каждой группы специфическими видами мотивационных образований. При этом мы исходили из современного представления о мотиве, как сложном интегральном (системном) психологическом образовании; о многоэтапности процесса мотивации, многомерной структуре мотива. К настоящему времени установлено, что ее основными компонентами выступают: потребностный блок, блок «внутреннего фильтра», целевой блок (Е.П. Ильин) [9].

Исходя из этого, рассматриваемые нами группы мотивов СЭО студентов в контексте деятельностного подхода предположительно представлены следующим образом:

**1. Потребностный блок (потребности: биологические, социальные, долженствование):** 1) Потребность в изучении особенностей социально-экологических взаимодействий; 2) Потребность в использовании богатств природы, отдельных природных условий и ресурсов; 3) Потребность в охране, восстановлении и возобновлении природно-ресурсного потенциала

**2. Блок внутреннего фильтра:** 1) Интересы и склонности к изучению социально-экологических отношений; 2) Оценка своих возможностей в изучении, использовании и охране природной среды: знаний, умений, качеств; 3) Нравственный контроль в процессе изучения, использования и охраны природной среды: убеждения, идеалы, ценности, установки, отношения; 4) Оценка внешней социально-экологической ситуации

**3. Целевой блок:** 1) Образ предмета, способствующего удовлетворению потребностей в познании, использовании и охране природной среды.; 2) Определенное действие: решение социально-экологических задач по изучению, использованию и охране природной среды; 3) Представление процесса удовлетворения потребностей в изучении, использовании и охране природной среды.

Очевидно, что предлагаемая структура мотивов СЭО студентов в рамках личностно-деятельностного подхода носит общий рекомендательный характер. Необходимы дальнейшие исследования для раскрытия каждой из групп в конкретных условиях педагогической системы вуза, школы, других образовательных учреждений.

В условиях вузовского обучения необходимо учитывать и другие виды мотивации профессиональной деятельности, учебной деятельности, поведения на благо общества (просоциального поведения). На сегодняшний день достаточно полно представлены следующие группы мотивов: мотивация учебной деятельности, конкретизирующейся в учебной деятельности студентов; мотивация профессиональной деятельности (трудовой, педагогической, научной, учебно-физкультурной и спортивной, предпринимательской) (Е.П. Ильин). Из мотивации просоциального поведения в нашей работе определенным интерес представляют мотивы нормативного поведения.

Из этих групп нами выделены те конкретные мотивы, которые целесообразно учитывать в качестве условий формирования мотивации изучения, использования и охраны природной среды.

Примерная система мотивов СЭО студентов представлена следующим образом:

**1. Мотивы профессиональной деятельности:**

- 1) Мотивы трудовой деятельности;
- 2) Мотивы выбора профессии: общественный престиж, интерес

**2. Мотивы педагогической деятельности:**

- 1) Мотивы долженствования;
- 2) Мотивы заинтересованности и увлеченности преподаваемым предметом;
- 3) Мотивы увлеченности общением с детьми

**3. Мотивы научной деятельности:**

- 1) Мотивы выбора научной деятельности;
- 2) Мотивы выбора конкретной темы научного исследования

**4. Мотивы учебной деятельности студентов:**

- 1) Желание находиться в студенческой среде;
- 2) Общественное значение профессии;
- 3) Соответствие профессиональных склонностей и интересов студентов;
- 4) Творческие возможности профессии

**5. Просоциальные мотивы:**

- 1) Мотивация поведения в соответствии с нормами;
- 2) Мотивация альтруистического поведения и помощи
- 3) Мотивация самосовершенствования [33]

Вместе с тем, специфическое влияние обозначенных мотивов-условий требуют своего изучения на последующих этапах проводимого нами исследования.

Здесь же остановимся на целях – еще одном необходимом компоненте структуры личности студента, обуславливающим деятельность в природной среде. Категория цели рассматривается различными науками. В философии, например, цель определяется как предвосхищение в сознании человека результата действия или деятельности. В качестве мотива цель направляет, корректирует и регулирует действие. Она пронизывает практику как внутренний закон: ему человек подчиняет свою волю. Цель активизирует человеческое сознание, должна соответствовать с объективным законам, реальным возможностям окружающей действительности и самого субъекта (И.Т. Фролов)[29].

В психологической научной литературе категория цели раскрывается примерно в одном русле. Так, Рубинштейн С.Л. связывает цель с результатом и мотивом деятельности, отдельного действия; отмечает, что прямой целью общественно организуемой человеческой деятельности является выполнение определенной общественной функции. А.Н. Леонтьев называет цель главной образующей деятельности и действий, различая при этом цели внешней практической деятельности и внутренней деятельности; понятие цели соотносится с понятием действия, в то время как понятие мотива с деятельностью в целом; цели и мотивы в деятельности могут не совпадать: один и тот же мотив может порождать различные цели и отсюда разные действия. А.Н. Леонтьев подчеркивает объективный и сознательный характер цели. О сознательном характере цели говорят и другие психологи [23, 12].

Цель выступает центральным системообразующим компонентом психологической системы деятельности и проявляется в двух случаях: с одной стороны, как идеальный и мысленно представляемый ее результат; с другой - как уровень достижения, которого хочет достичь субъект (или задача достичь определенных показателей) (В.Д. Шадриков) [31]. К настоящему времени исследуются цели самых различных видов деятельности: профессиональной, трудовой, учебной, игровой, научной, творческой и т.д.

В целом, несмотря на определение понятия цели с разных позиций, большинство ученых сходится во мнении о том, что цель представляет собой осознаваемый образ предвосхищаемого результата, на достижение которого направлено действие человека. Кроме того, в психологии цель употребляется, во-первых, как формальное описание конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая саморегулируемая система; во-вторых, предвосхищаемый полезный результат, определяющий целостность и направленность организма. Основой формирования целей человека является его предметно-материальная, трудовая деятельность, направленная на преобразование окружающего мира [11, 18;22].

Определенный интерес для настоящего исследования представляет категория цели, раскрываемая педагогической наукой. Что касается цели образования, то она предполагает воображаемые, предполагаемые результаты участия субъекта (человека, населения) в разного рода образовательных программах. Различают два вида программ: педагогические (направлены на обогащение установок, понимания, знаний и умений) и социальные (предполагают гармонизацию интересов общества и личности, их согласованный прогресс (Психолого-педагогический словарь (1998). В контексте предмета нашего исследования необходимым является рассмотрение нескольких целевых групп: целей экологического и СЭО; целей профессиональной подготовки. К настоящему времени достаточно четко определены цели экологического образования школьников (И.Д. Зверев, И.Т. Суравегина, А.Н. Захлебный и др.). По обоснованному мнению И.Т. Суравегиной, главной целью экологического образования школьников выступает формирование экологической ответственности, которая предполагает, с одной стороны, отношение к своему здоровью и здоровью другого человека, с другой - отношение к окружающей среде. Эта цель конкретизируется для каждого этапа обучения[34].

Сформулированные цели носят общий характер, уточняясь по отдельным направлениям общего экологического образования, в частности СЭОШ, разрабатываемого нами [32]. Цель последнего предполагает формирование личности, готовой к установлению оптимальных отношений с

природной средой на основе нормативного взаимодействия с ней, с учетом меры и способов рационального природопользования; повышение ее социально-экологической культуры.

Ранее нами исследовалась проблема целей СЭОШ. В результате было установлено, что с одной стороны, ценности определяют содержание целей СЭОШ: объектные и интегральные. С другой - направленность СЭОШ на главные социально-экологические общечеловеческие ценности: объекты (общество и природу, или, если развернуть, природу-технику-человека-общество) и интегральные образования (социально-экологическую культуру, готовность личности к оптимальному взаимодействию с природой, содержание СЭОШ). Усвоение этих ценностей формирует нравственную позицию личности школьника по отношению к основным элементам природной среды в сторону гармонии. Кроме того, было выявлено, что эти цели, связываясь с целями комплексного экологического и общего образования, способствуют всестороннему охвату личности школьника в педагогическом процессе, гармонизируют его внутренние и внешние связи [32].

Непосредственную связь профессионального и экологического образования устанавливает Н.М.Мамедов, который справедливо считает, что в современных условиях научные знания должны помочь будущему специалисту не только разбираться в процессах и явлениях природы, сложных ситуациях жизни, но и действовать со знанием дела. Целью современного образования, подчеркивает автор, становится не только усвоение основ наук, но и формирование методологических ориентаций и операционального мышления. Уточняя цели подготовки специалиста, Мамедов Н.М. указывает на их сложный характер, на необходимость формирования знаний, умений, навыков, необходимых для принятия тех решений, которые не нарушают устойчивости социально-экологических системных образований, способствуют сохранению природных систем, бережному отношению к биоресурсам.

Следует согласиться с Н.М. Мамедовым в определении цели-идеала, а именно - формирование человека экологичного. Приблизиться к этой цели поможет, по мнению автора, достижение стратегической цели экологического образования – обучения и воспитания экологической ответственности обучающихся, выступающей мерой свободы человека в условиях экологической необходимости [14].

Таким образом, для определения целей СЭО студентов, как одного из основных видов деятельности, в настоящее время имеется достаточно предпосылок. Необходимым в этом случае является и выбор оснований для их формулирования. В настоящем исследовании в качестве такого основания была избрана система ценностей, принятых в обществе. Кроме того, цели СЭО студентов определялись в рамках деятельностного подхода, с учетом выделенных общих главных социальных и личностных ценностей: природы, техники, человека и общества. Деятельностный подход требует установления связи целей с мотивами социально - экологической деятельности и соответствующего образования. Кроме того, учитывались следующие моменты: разноуровневый характер целей, их направленность на конечный результат; сложный и целостный характер педагогического процесса, единство и специфичность обучения, воспитания, развития обучающихся, связь с целями профессионального образования (Талызина Н.Ф., Фридман Л.М. и др.) [27; 11].

Формулируя цели СЭО студентов, мы учитывали замечание С.Д. Смирнова. Он подчеркивает, что в соответствии с новой социальной парадигмой цели воспитания должны, во-первых, заключаться в создании условий для максимально полного освоения личностью достижений материальной и духовной культуры, накопленных человечеством. Во-вторых, необходимо оказание помощи воспитуемым в раскрытии их внутреннего потенциала, в движении по пути самореализации [23]. Третья цель, без которой затруднительно достижение двух первых – это стимулирование рефлексии и саморефлексии, формирования собственного стиля жизни и деятельности. Цели воспитания, которые ставит педагог, не могут быть директивными, они должны лишь полнее определять для воспитанников пределы выбора и его последствия [26].

В процессе разработки разноуровневых целей во внимание принималась и точка зрения Н.Ф. Талызиной о необходимости выделения и описания иерархически выстраиваемых типовых задач, которые должен будет решать специалист в будущей профессиональной деятельности. По ее обоснованному мнению, верхнюю ступень должны занимать задачи, которые обязаны решать все специалисты, независимо от выбранной профессии и страны проживания («задачи века»); второй уровень занимают задачи, характерные для данной страны; третий уровень представлен собственно профессиональными задачами (Талызина Н.Ф. и др.) [27].

В процессе разработки конкретных целей СЭО студентов нами учитывались и общие задачи вуза, закрепленные в федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (1996). К ним относятся: 1) удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего и (или) послевузовского профессионального образования; 2) развитие наук и искусств посредством научных исследований и творческой деятельности научно-педагогических работников и обучающихся использование полученных результатов в образовательном процессе; 3) подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников с высшим образованием и научно-педагогических работников высшей квалификации; 4) формирование у обучающихся гражданской позиции, способности к труду и жизни



в условиях современной цивилизации и демократии: 5) сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей общества; 6) распространение знаний среди населения, повышение его образовательного и культурного уровня.

С учетом выделенных обязательных условий разноуровневые цели СЭО студентов формулируются следующим образом.

С учетом выделенных обязательных условий разноуровневые цели социально-экологического образования студентов нами формулируются следующим образом.

#### **Стратегический уровень:**

1. Цели социально-экологического обучения студентов: а) подготовка специалистов, обеспечивающих в рамках избранной профессии дальнейшее устойчивое развитие общества; б) обеспечение условий физического и психического существования человека и общества средствами избранной специальности: воздуха, воды, пищи, здоровья; в) обеспечение и поддержание благоприятных условий для гармоничного существования этнологических групп в природной среде; г) поддержание и улучшение нормальных условий жизни и деятельности различных этносов (эколого-социально-экономических совокупностей), образующих российский народ; д) поддержание и улучшение условий для удовлетворения социально-психологических потребностей: гарантированных прав и свобод в различных сферах функционирования личности и общества; е) рациональное природопользование на всех уровнях: локальном, региональном и глобальном; ж) формирование гармоничных социально-экологических отношений в будущем;

2. Цели социально-экологического воспитания студентов: а) воспитание экологической ответственности - меры свободы человека в условиях экономической необходимости (Н.М. Мамедов); б) оптимизация педагогических условий, способствующих усвоению студентами в рамках избранной специальности социально-экологического опыта, отдельных его сторон; в) обеспечение педагогических условий для усвоения студентами социально-экологических ценностей: естественной, экономической, трудовой, этнической, психологической, педагогической, социальной; г) формирование готовности студентов к оптимальному взаимодействию с природной средой (социально-экологической готовности) в рамках избранной профессии; д) создание условий для творческой самореализации студентов в области социально-экологических отношений; е) формирование готовности студентов к саморефлексии в процессе освоения достижений социально-экологической культуры; ж) формирование у студентов индивидуального стиля отношения к природной среде на основе ответственности и убежденности в необходимости ее сбережения для настоящих и будущих поколений;

3. Цели развития студентов в процессе социально-экологического образования: а) развитие социально-экологического типа мышления, способного оценивать, прогнозировать и оптимизировать отношения в системе «общество-природа» с учетом идеи ее дальнейшего устойчивого развития; б) развитие способностей, содействующих эффективному протеканию социально-экологической деятельности, гармонизации социально-экологических отношений в перспективе; в) развитие устойчивого интереса к проблемам взаимодействия общества с природой, необходимости разрешения возникающих социально-экологических противоречий; г) формирование готовности студентов к саморазвитию в процессе освоения социально-экологической культуры; д) развитие у студентов потребности в творческом освоении окружающей природной среды: охране, восстановлении и возобновлении ее потенциала, в целом созидательной деятельности в ней; е) обеспечение условий развития самосознания студентов - основы их деятельности в окружающей природной среде.

#### **Тактический уровень.**

Цели социально-экологического обучения: а) формирование аффективного уровня осознания социально-экологических проблем путем раскрытия биосферных функций человека (Н.М. Мамедов); б) формирование экологического сознания на основе изучения принципов организации и функционирования экосистем, определяющих качество окружающей среды и здоровья человека (Н.М. Мамедов); в) формирование знаний о взаимодействии общества с природой (социально-экологических знаний) в процессе профессиональной подготовки; г) формирование социально-экологических (интеллектуальных и практических) умений и навыков, способствующих установлению оптимальных отношений с природой в ходе профессиональной подготовки; д) непосредственное включение студентов в социально-экологическую деятельность, направленную на формирование опыта творческого освоения природной среды; е) усвоение опыта эмоционально-ценностного отношения к окружающей природе; ж) усвоение системы созданных и создаваемых социально-экологических ценностей; з) формирование знаний, умений и навыков рационального природопользования в процессе профессиональной подготовки и с учетом принципов демократии, гласности, открытости; и) формирование у студентов опыта управления социально-экологическими отношениями с учетом законов общества и природы, опыта поиска возможностей избранной профессии гармонизировать эти отношения; к) формирование

готовности студентов к непрерывному самообразованию в сфере социально-экологических отношений и в рамках избранной профессии;

2. Цели социально-экологического воспитания: а) воспитание потребности в экологической деятельности как предпосылки устойчивого развития общества (Н.М. Мамедов); б) формирование социально-экологического мировоззрения; в) воспитание убежденности в необходимости ответственного отношения к природе в повседневной жизни и деятельности с учетом меры, норм и правил рационального природопользования; г) воспитание бережливости во взаимодействии с природой, экономного использования природных условий и ресурсов в процессе выполнения профессиональных обязанностей; д) непрерывное самовоспитание, способствующее гармонизации социально-экологических отношений (самостоятельная постановка целей, планирование, организация, контроль, регулирование, коррекция); е) воспитание коллективистских качеств личности, способствующих преодолению социально-экологических противоречий в совместной деятельности; ж) воспитание бережного отношения к природной среде с учетом национальных традиций и обычаев.

3. Цели развития в процессе СЭО студентов: а) развитие социально-экологических умений, содействующих решению эколого-профессиональных задач в условиях рыночной экономики (эколого-экономическое обоснование проектов, экологический мониторинг, экологический консалтинг, экологический маркетинг и т.п.); б) развитие межнациональных отношений в процессе социально-экологических взаимодействий, использование национального опыта в преодолении противоречий, возникающих в системе «общество-природа»; в) развитие чувств сопереживания, сочувствия и любви к природе; г) развитие умений противостоять любым проявлениям экологического вандализма в профессиональной деятельности и в повседневной жизни; д) развитие интереса к познанию социально-экологических отношений, потребности совершенствовать социально-экологические знания в ходе овладения профессией; е) развитие нравственных качеств личности в процессе взаимодействия с природой, усвоение новых меры, норм и правил, обусловленных обострившимися противоречиями в системе «общество-природа»; ж) закрепление установки рационального природопользования в настоящее время и в перспективе.

Оперативные цели и задачи СЭО студентов.

Образовательные: а) постоянное, последовательное и систематическое усвоение социально-экологических знаний, умений и навыков путем изучения специальных экологических дисциплин, через содержание предметов избранной специальности; б) постоянное овладение творческим и эмоционально-ценностным отношением к природной среде на основе использования потенциала социально-экологических и специальных дисциплин; в) овладение общетрудовыми и специальными умениями, обеспечивающими взаимодействие с природной средой: ее изучение, охрану, восстановление и возобновление; г) совершенствование опыта исследовательской деятельности в процессе изучения социально-экологических проблем, вызванных спецификой избранной профессии; д) освоение экологического мониторинга сельскохозяйственных и производственных площадей, своей местности, территории вуза и т.п., так или иначе связанных с профессией;

2. Воспитательные: а) воспитание качеств рачительного хозяина в процессе профессиональной подготовки, в образовательном процессе вуза, в досуговое время, в повседневной жизни и деятельности; б) соблюдение меры, норм и правил поведения в природе в ходе овладения профессией; в) воспитание бережного, уважительного отношения ко всему живой и неживой природе; г) воспитание внутренней свободы, независимой в своих суждениях личности, способной строить свои отношения с окружающей средой на основе понимания ее целостности (Н.М. Мамедов); д) воспитание внутренней убежденности в необходимости постоянного соблюдения меры, норм и правил рационального природопользования.

3. Развивающие: а) развитие социально-экологического мировоззрения, новых знаний о характере и последствиях взаимодействия общества с природой, обусловленных различными факторами; б) развитие способностей, обеспечивающих решение оперативных социально-экологических задач; в) развитие привычки экологически целесообразного поведения в профессиональной деятельности и в различных условиях жизни [33].

### Заключение

Обобщая представленные мотивы, разноуровневые цели и задачи в системе следует еще раз обратиться к мнению Н.М. Мамедова. Он особо подчеркивает, что в условиях вузовского образования необходимо формирование знаний, умений, навыков, которые обязательны для принятия решений в области профессиональной деятельности. Эти решения не должны нарушать устойчивости социосистем, призваны содействовать сохранению природной среды, бережному отношению к ресурсам биосферы [14]. Однако, несмотря на конкретизацию сформулированных разноуровневых целей, они все еще остаются общими для каждой отдельной профессии и специальностей внутри нее. В связи с этим, возникает необходимость



дальнейшего уточнения целей социально-экологического образования студентов в соответствии со спецификой профессиональных знаний и умений. Исходя из этого, по мнению Н.Ф. Талызиной, необходимо строить прогностическую модель деятельности будущего специалиста, на основе которой строиться затем и модель его подготовки. Последняя включает в себя учебный план и развернутые программы отдельных предметов [27].

Резюмируя все изложенное, отметим, что сформулированные нами цели СЭО студентов для своей реализации требуют разработки его содержания, компонентов процесса, контрольных функций. Это составляет задачу дальнейшего нашего исследования.

### Литература

- Асмолов, А.Г. Психология личности. – М., 1990;  
Асмолов, А.Г. Деятельность и установка. – М., 1979;  
Блинников, В.И. Экологическое образование будущих учителей: эгоцентрический подход. – М.-Орел, 2002.  
Вилюнас, В.К. Психология эмоциональных явлений. – М., 1976;  
Вилюнас, В.К. Психологические механизмы мотивации человека. – М., 1990  
Додонов, Б.И. Эмоции как ценность. – М., 1978.  
Дерябо, С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. - Р-на-Дону, 1996.  
Закон «Об образовании в Российской Федерации».- М., 2012.  
Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб., 2002.  
Колесов, Д.В. Эволюция психики и природа наркотизма. – М., 1991.  
Куликов, Л.В. Психология личности в трудах отечественных психологов.- М., 2009.  
Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975.  
Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии.- М., 2007.  
Мамедов, Н.М. Культура, экология, образование. – М., 1996  
Мясичев В.П. Психология отношений. – М.-Воронеж, 1995.  
Педагогика. / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М., 1996.  
Петрова, Е.Н. Экология индивидуальности: философско-социальный аспект. – Екатеринбург, 1992.  
Петровский, А.В., Ярошевский, М.Г. История и теория психологии. В 2 Т. – Ростов-на-Дону, 1996.  
Преображенский, В.С., Герасимов, И.П. Основы конструктивной географии. – М., 1985.  
Психология личности. – Самара, 2000.  
Реймерс, Н.Ф. Экология. – М., 1994.  
Реймерс, Н.Ф. Природопользование. – М., 1990.  
Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х т.- М., 1993/1999.  
Рубинштейн, С.Н. Основы общей психологии. В 2 Т., Т.1. – М., 1989.  
Словарь иностранных слов. – Л., 1982.  
Сластенин, В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика. - М., 2013.  
Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. – М., 2007.  
Талызина, Н.Ф., Печенок, Н.Г. Пути разработки профиля специалиста. – Саратов, 1987.  
Тарасенко Н.Г. Реализация смыслоориентирующей функции образования как условие формирования глобального мировоззрения личности. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки.- №27.- 2013 - С. 179.  
Хрестоматия по психологии. – М., 1977.  
Философия экологического образования. – М., 2001.  
Шадриков, В.Д. Психология деятельности и способности человека. – М., 1996.  
Шилова, В.С. СЭО школьников: Монография. – М.-Белгород, 1999; Чебоксары, 2002.  
Шилова, В.С. СЭО студентов. Монография.- Белгород, 2006.  
Экологическое образование школьников / Под ред. Зверева И.Д., Суравегиной И.Т. - М., 1983.  
Ясвин, В.А. Субъективное отношение к природе. – М., 2000.



# ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

## СПЕЦИФИКА ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ ЛИЧНОСТИ, ПРОЖИВАЮЩЕЙ В ЗОНЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

### SPECIFICS OF INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL REACTIONS OF THE PERSONALITY LIVING IN A CONFLICT AREA

**И.В. Абакумова, Е.Н. Рядинская**  
**I.V. Abakumova, E.N. Ryadinskaya**

*Южный федеральный университет, 44038, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Нагибина, 13*

*Southern Federal University, 344038, Russia, Rostov-on-Don, Nagibin Str. 13*

*E-mail: abakira@mail.ru; muchalova@mail.ru*

*Аннотация.* Предлагаемая статья представляет собой теоретическое исследование специфики индивидуально-психологических реакций личности, проживающей в зоне вооруженного конфликта.

В данной статье автор рассматривает вопросы, имеющие важное значение для современной психологической науки, такие, как: психические и эмоциональные состояния людей в период протекания вооруженного конфликта, влияние непосредственного проживания в зоне вооруженного конфликта на психическое состояние человека, жизненную значимость для человека, проживающего в непосредственном очаге вооруженного конфликта, травмирующего события, а также индивидуальное отношение личности к угрожающей ситуации с учетом моральных ценностей.

Особое внимание уделено тому, что современная социально-политическая ситуация в регионах, где произошел вооруженный конфликт, серьезно влияет на психическое и эмоциональное состояние населения, на его отношение к реальности, постановке целей и видению жизненных перспектив.

Автор делает акцент на том, смысловой опыт, обретенный человеком в травмирующей ситуации вооруженного конфликта, становится для него обузой в более благополучной ситуации, тяжелым жизненным грузом, который отторгается им как нечто чуждое и чужеродное и предлагает изучать трансформации смыслов в постконфликтный период.

В заключении автором отмечается, что сильные травмирующие события влекут за собой слом или трансформацию системы ценностей, убеждений, представлений о мире и о себе, что при отсутствии замены может привести к деструктивным проявлениям.

Исследование выполнено при поддержке гранта ЮФУ № 213.01-11/2016-2НМ (задание Минорбнауки № 28.125.2016/НМ).

*Abstract.* This article is a theoretical study of the specifics of individual psychological reactions of the personality living in a conflict area.

In this article the authors study the issues that are important for the contemporary psychological science, such as mental and emotional states of people in conditions of the armed conflict, the impact of living in the area of the armed conflict on the person's mental state, vital importance of a traumatic event for a person living in the immediate hotbed of the armed conflict, as well as the individual attitude of the personality to a threatening situation, with moral values being taken into account.

Particular attention is paid to the fact that the current socio-political situation in the regions affected by the armed conflict has a serious impact on the mental and emotional state of the population, its attitude to reality, on setting goals and its vision of life prospects.

The authors emphasize the point that the experience of meaning, acquired by a person in traumatic situations of the armed conflict, becomes a burden for him in a more favourable situation, a heavy burden of life, which is rejected by him as something strange and alien. They suggest that the transformations of meanings in the post-conflict period should be given due consideration.

In conclusion, the authors point out that strong traumatic experiences entail demolition or transformation of the system of values, beliefs, views of the world and themselves which, in the absence of replacement, can lead to destructive phenomena.

The study was supported by grant № 213.01-11 / 2016-2НМ of Southern Federal University (assignment № 28.125.2016 / НМ of the Ministry of Education and Science).

*Ключевые слова:* травмирующие ситуации, стресс, варибельность реакций на стресс, индивидуальное отношение личности, трансформации, смысложизненные стратегии, вооруженный конфликт, постконфликтный период.

*Keywords:* traumatic situations, stress, variability of responses to stress, the individual attitude of the personality, transformations, the meaning of life strategies, armed conflict, post-conflict period.

## Введение

Современные реалии последних десятилетий показали, что количество бедствий, катастроф, террористических атак и вооруженных локальных конфликтов постоянно увеличивается. Мирные жители, которые проживают на территориях развернувшихся вооруженных конфликтов, так или иначе психологически вовлечены в экстремальные ситуации, связанные с ними, и определенным образом реагируют на них.

Все больше ученые и практики интересуются, почему одни и те же условия могут быть стрессогенными для одних людей и не затрагивать других, чем обусловлены эти различия и существует ли связь между индивидуальными реакциями на неблагоприятную ситуацию и личностными особенностями человека.

## Актуальность исследуемой проблемы

На данный момент проблема индивидуальной вариабельности реакций на стресс у людей, проживающих в зоне вооруженного конфликта, остается практически не изученной. Но становится понятно, что недостаточно рассматривать психологические последствия вооруженных конфликтов только с точки зрения объективных особенностей, не беря во внимание такие психологические аспекты, как: субъективное восприятие личностью травмирующей ситуации, ее реагирование и поведение на такие ситуации.

Таким образом, актуальность этих проблем не вызывает сомнения, но только в последние годы исследователи приступили к систематическому изучению внутренних причин индивидуальных реакций человека на травмирующие ситуации.

## Анализ исследований и публикаций

Проблемы исследования индивидуально-психологических реакций человека на травмирующие события рассматривали как отечественные (С.С. Гончарова, М.Е. Зеленова, М.А. Костенко, Е.О. Лазебная, И.Г. Малкина-Пых, А.А. Олейников, Л.А. Пергаменщик, А.В. Смирнов, Н.В. Тарабрина, А.В. Тимченко, В.Е. Христенко и т.д.), так и зарубежные (J.R. Averill, P. Evans, C.J. Gelso, R.S. Lazarus, J. Ornel, T.S. Peykei, B.A. Prusoff, A. Rotter) ученые.

## Теоретический анализ проблемы

На сегодняшний день существует достаточно много подходов, теорий и концепций, объясняющих личную предрасположенность к возникновению травматического стресса. Так, Р.С. Лазарус [1989] предположил, что для каждого человека стрессогенность события определяется доминирующей ролью когнитивных механизмов, участвующих в восприятии данного события как стрессового [Лазарус, 1989].

В своих работах Т.Н. Holmes и R.H. Rahe [1967] предположили, что «общим свойством стрессогенных событий является то, что при их возникновении у индивида происходит запуск некоторого адаптивного или поведенческого стереотипа, который помогает преодолеть трудности» [Holmes, Rahe, 1967].

Дж. Ормели, Р. Сандерман, Р. Стюарт [1988] в своих исследованиях выявили личностные предпосылки, которые способны менять отношение личности к происходящим неблагоприятным событиям. В своей модели они рассматривали провоцирующие факторы, личностную ранимость, уровень проявления болезненного симптома. По мнению авторов, три личностные переменные - нейротизм, самооценка, локус-контроль - могут выступать в качестве определения личностной ранимости. Эти переменные не меняют в целом реакцию на неблагоприятное событие, а локус-контроль и самооценка иногда меняют отношение к событию и повышают ее желательности [Ormel et al., 1988].

Анализируя зарубежный опыт исследования реакций личности на травмирующие события нельзя не отметить работы Дж. Ялома [2001], который предложил рассматривать все психологические проблемы травматического стресса с точки зрения понятий смерти, свободы, изоляции и бессмысленности [Ялом, 2001].

В зарубежных исследованиях, изучающих взаимосвязь характеристик личности, стресса и заболеваний, большое внимание уделяют таким психологическим свойствам, как локус контроля, психологическая выносливость (устойчивость) и самооценка [Evans, 1991.]. С точки зрения J.V. Rotter [1966], локус контроля определяет, насколько эффективно человек может влиять на окружающую обстановку или владеть ею. Экстерналы (внешний локус контроля) видят большинство событий как результат случайности, контролируемой силами, неподвластными человеку. Интерналы (внутренний локус контроля), наоборот, чувствует, что только некоторые события находятся вне сферы

человеческих влияний. Даже катастрофические события могут быть предотвращены хорошо продуманными действиями человека. Именно интерналы, по мнению автора, располагают более эффективно работающей когнитивной системой. Они тратят существенную часть своей умственной энергии на получение информации, что позволяет им влиять на значимые для них события. Кроме того, интерналы имеют выраженную тенденцию разрабатывать специфические и конкретные планы действий в тех или иных ситуациях. Таким образом, согласно концепции автора, чувство контроля над собой и окружением позволяет им более успешно справляться со стрессовыми ситуациями [Rotter, 1966].

В своих исследованиях J.R. Averill [1973] подчеркивает три основных типа контроля: поведенческий контроль, который затрагивает некоторое направление действий; когнитивный контроль, который, в первую очередь, отражает интерпретацию событий личностью; контроль решительности, который определяет процедуру выбора способа действия [Averill, 1973].

Украинские ученые А.В. Тимченко и В.Е. Христенко [2007], исследовавшие проблемы индивидуальных реакций личности на стресс, отмечали, что значимость события не находится в изоляции от контекста и восприятия ее личностью. Авторы делают акцент на том, что комбинация неблагоприятных событий и фактора личностной ранимости представляет собой важнейшее условие возникновения стресса, чем один или даже два провоцирующие факторы без личной направленности. Изучая вариабельность реакций на стресс сотрудников МЧС, они рассматривали их через призму следующих уровней развития: психофизиологического, психологического и поведенческого [Тимченко, 2007].

С точки зрения некоторых авторов, на психофизиологическом уровне характер развития профессионального стресса определяется конституциональными особенностями работника, типом его нервной деятельности, цикличностью протекания физиологических функций, наличием заболеваний (в том числе вызванных данной профессией) и др. [Олейников, 2012]. На психологическом уровне к факторам относятся степень развития основных психических функций, наличие определенных способностей, уровень сформированности волевых качеств, особенности организации мотивационной сферы, которые в комплексе определяют индивидуально-психологические свойства личности. Особое внимание акцентировалось на том, что именно мотивационная структура и особенности эмоционально-волевой сферы формируют определенные личностные качества (экстраверт - интроверт, уровень тревожности) и характерологические особенности спасателя, которые создают благоприятные возможности для развития или, наоборот, устойчивости к возникновению профессионального стресса.

Своеобразие психологических особенностей находит выражение в выработке у работника специфических поведенческих схем или паттернов поведения (поведенческий уровень) [Тимченко, 2007].

Российские ученые В.А. Доморацкий и А.Л. Пушкарев [2000] придерживались иного подхода. Исследуя ПТРС, как реакцию на травмирующее событие, авторы подтвердили, что генетическая предрасположенность, а именно наличие в анамнезе психических расстройств, и предшествующий травматический опыт, может увеличивать риск развития ПТРС после травмы. Согласно концепции авторов, важным является возрастной фактор: преодоление экстремальных ситуаций труднее дается молодым и старым людям. Риск ПТРС возрастает также в случаях изоляции человека на период переживания травмы, утраты семьи и близкого окружения. Велика роль своевременно оказанной помощи, реакции членов семьи, которые могут поощрять некоторые болезненные проявления [Пушкарев и др., 2000].

Соглашаясь с точкой зрения авторов, изучающих индивидуальные реакции людей на стрессовые события одной группы, мы можем утверждать, что в последнее время все большее значение придается психологическим аспектам стресса, в частности, жизненной значимости события, а также отношению личности к угрожающей ситуации с учетом моральных ценностей. Поскольку нас интересует, прежде всего, обусловленность различий в реакциях конкретного индивида на одни и те же стрессовые факторы, по нашему мнению, одним из предрасполагающих факторов может быть физиологическое состояние в момент получения травмы.

Л. Дикая и А.В. Махнач [1996] пришли к выводу о том, что предсказать поведение человека в неблагоприятных условиях жизни можно, проанализировав причины и механизмы возникновения стресса или психической напряженности и определив типичные ошибки поведения при этом [Дикая, Махнач, 1996].

И.Э. Назарова [2002], исследуя проявления посттравматического стрессового расстройства, пришла к выводу, что одна из сторон посттравматического стресса относится к внутреннему миру личности и связана с реакцией на пережитые им события, которая в каждом отдельном случае индивидуальна. По мнению автора, помимо тяжести стрессорного фактора, важную роль играет уязвимость индивидуума к ПТРС, о которой свидетельствуют особенности преморбиды (незрелость, астенические черты, гиперсенситивность, зависимость, склонность к чрезмерному контролю, направленному на подавление нежелательной эмоции), склонность к виктимизации (тенденции оказываться в роли жертвы при аналогичных ситуациях) или черты травматофилии (фиксация на травматическом опыте) [Назарова, 2002].

Подобного мнения придерживается и И.Г. Малкина-Пых [2005], относя к важным факторам риска ПТРС такие личностные особенности человека, как акцентуация характера, социопатическое



расстройство, низкий уровень интеллектуального развития, а также наличие алкогольной или наркотической зависимости. С точки зрения автора, если человек склонен к экстерниоризации стресса, то он менее подвержен ПТСР. Автор выделяет ряд условий, влияющих на развитие посттравматического стрессового расстройства:

1. Насколько ситуация субъективно воспринималась как угрожающая.
2. Насколько объективно реальна была угроза для жизни.
3. Насколько близко к месту трагических событий находился индивид (он мог физически не пострадать, но видеть последствия катастрофы, трупы жертв).
4. Насколько в это событие были вовлечены близкие, пострадали ли они, какова была их реакция. Это особенно значимо у детей. Когда родители очень болезненно воспринимают происшедшее и реагируют паникой, ребенок также не будет чувствовать себя в безопасности [Малкина-Пых, 2005].

В.А. Бодров [2006] утверждал, что для развития информационного стресса важным фактором является состояние мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой и когнитивной сферы субъекта деятельности, которые обуславливают субъективную, личностную значимость экстремальной ситуации, наличие готовности и возможности к ее преодолению, способность выбора рациональной стратегии поведения в этих условиях [Бодров, 2006].

О.В. Воробьева [2008] рассматривала вариабельность реакций личности на стрессовую ситуацию с позиции медицинского подхода. По мнению автора, степень выраженности реакции на стресс одной и той же силы может быть различной и зависит от многих факторов: пол, возраст, структура личности, уровень социальной поддержки, разного рода обстоятельства. У некоторых лиц с чрезвычайно низкой стрессоустойчивостью в ответ на стрессовое событие, не выходящего за рамки обычного или повседневного психического стресса, может развиться болезненное состояние. Более или менее очевидные для больного стрессорные события вызывают болезненные симптомы, нарушающие привычное функционирование пациента (могут нарушаться профессиональная деятельность, социальные функции). Эти болезненные состояния получили названия расстройства адаптации [Воробьева, 2008].

А.В. Смирнов [2002] рассматривал реакции на травматический стресс в точки зрения понятия «неопределенность» как следствия вероятностного характера всего происходящего. По мнению автора, неопределенность является одним из наиболее тягостных переживаний. Значительная часть интеллектуальной деятельности человека, связанная с формированием представления о мире и о себе, направлена именно на преодоление этой неопределенности, поиск закономерностей, при этом типично отметить возможность маловероятных или просто нежелательных событий [Смирнов, 2002.]

Г. А. Kelly [1963], объясняя специфику переживания травматического опыта, считал, что процесс мышления человека протекает на основании формирования полярных утверждений, конструктов. Он выделял следующие из них: 1) смертность – бессмертие; 2) закономерность – случайность; 3) зависимость – независимость; 4) чувство общности с другими – одиночество; 5) осмысленность – бессмысленность; 6) безопасность – угроза; 7) беспомощность – всемогущество; 8) полноценность – ущербность. Стремление избежать неопределенности приводит к выбору по принципу «или – или», а стремление компенсировать тревогу, вызванную базисным конфликтом, и «принцип удовольствия» определяют выбор той или иной полярности. Практика показывает, что человек зачастую считает себя в какой-то мере скорее бессмертным, чем смертным, предпочитает верить в закономерность и осмысленность происходящего, старается сделать картину мира более безопасной, определенной, ведет себя так, как если бы он был всемогущим или верил во всемогущество того, что (или кто) определяет наше существование (общество, родители, бог и т.п.) [Kelly, 1963].

Другой концепцией, объясняющей специфику переживания травматического стресса, является концепция В. Франкла [1990], который утверждал, что человек может вынести все, что угодно, если в этом есть смысл. С точки зрения автора, психологическая травма неожиданна, беспричинна и потому воспринимается как бессмысленная. Это заставляет пострадавших искать какое-нибудь объяснение тому, что произошло, чтобы травматическое переживание не было напрасным. Тогда и создаются социальные мифы, которые предлагают свое объяснение случившегося [Франкл, 1990].

В целом, мы согласны с этим подходом. Таким образом, можно утверждать, что травматическое стрессовое событие и то, что за ним следует, есть опыт острого и внезапного столкновения убеждений человека с реальностью. Исходя из этого, наиболее психологически значимыми характеристиками травматического стрессового события можно считать противоречие базисным убеждениям личности, пересмотр которых воспринимается как угроза существованию, внезапность события (человек не допускал возможности события) и непоправимость происшедшего.

По мнению Н.В. Тарабриной и Е.О. Лазебной [1997, 2001], важную составляющую травмы, помимо самого события, представляет собой постстрессовое окружение. Обобщая результаты исследований по реакциям лиц, переживших военный стресс, авторы пришли к выводу, что отношение к смерти и страданиям характеризуют следующие особенности: тенденция к избеганию, как если бы эти феномены не имели отношения к жизни большинства людей; их переживают в одиночестве, культура, общество и непосредственное окружение не дает тут поддержки. Все это усугубляет течение ПТСР и реакции потери, затрудняет переработку травматического события [Тарабрина и др., 1997, Тарабрина, 2001].

Попадая под воздействие сильных стрессовых факторов, личность не остается прежней. М.Ш. Магомед-Эминов [2009] акцентировал внимание на том, что роль личности в индивидуальном понимании травматического стресса не ограничивается выполнением функции смыслового опосредствования: травматический стресс трансформирует буквально все психические структуры и процессы личности вплоть до ядерных глубинных образований и самого Я человека. Более того, считал автор, травматические трансформации подвергаются не только глубинные слои личности, но и ее наиболее «вершинные» смысловые содержания. По мнению автора, любая сверхординарная ситуация как особая форма существования человека инициирует смыслотворчество личности, исход которого двойственен: с одной стороны, смысловые новообразования создают смысловую ткань для существования в новой реальности, в которой пребывает человек, с другой – новые смыслы закладывают основы того, что автор обозначает, как смысловое удвоение. По мнению автора, психологические коллизии уцелевшего детерминированы трансформацией личности человека, коренящейся в экстремальной ситуации существования [Магомед-Эминов, 2009].

### Заключение

Можно согласиться с тем, что смысловой опыт, обретенный человеком в травмирующей ситуации, становится для него обузой в более благополучной ситуации, тяжелым жизненным грузом, который отторгается им как нечто чуждое и чужеродное. Поэтому, на наш взгляд, обязательным при изучении изменений в функционировании личности в условиях психотравмирующего опыта вооруженного конфликта, является изучение и трансформации смыслов в постконфликтный период [Abakumova et al., 2016].

Таким образом, можно сделать вывод, что сильные травмирующие события влекут за собой слом или трансформацию системы ценностей, убеждений, представлений о мире и о себе, что при отсутствии замены может привести к деструктивным проявлениям. Стремление компенсировать эту катастрофу может реализоваться несколькими путями: в виде попытки сохранить прежнюю систему ценностей и убеждений или в виде пересмотра и создания новой, более гибкой и жизнеспособной системы.

### Литература

- Бодров В.А. 2006. Психологический стресс: развитие и преодоление. Москва, «ПЕР СЭ», 375..
- Воробьева О.В. 2008. Стресс и расстройство адаптации. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.rmj.ru/articles/nevrologiya/Stress\\_i\\_rasstroystva\\_adaptacii/#ixzz4KbjYvpCw](http://www.rmj.ru/articles/nevrologiya/Stress_i_rasstroystva_adaptacii/#ixzz4KbjYvpCw) (18 мая 2015).
- Дикая Л.Г., Махнач А.В. 1996. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психол. Журнал, Т.17, № 3. 137-148.
- Лазарус Р.С. 1989. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к стрессу // Психологические факторы на работе и охрана здоровья. – Москва-Женева, 121 – 126.
- Магомед-Эминов М.Ш. 2009. Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности. Кн. 1–2: дисс. д. психол. н. М., 680.
- Малкина-Пых И.Г. 2005. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. Справочник практического психолога. М.: Изд-во Эксмо, 960.
- Назарова И.Э. 2002. Личность и травма. [Электронный ресурс]. URL: [Http://www.zvezda-oriona.ru/66912.htm](http://www.zvezda-oriona.ru/66912.htm).
- Олейников А.А. 2012. Особенности индивидуальной вариабельности реакций спасателей на развитие у них профессионального стресса. – Харьков, 274.
- Пушкарев А.Л., Доморацкий В.А., Гордеева Е.Г. 2000. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармако-терапия, психотерапия. М., Изд. Института психотерапии, 473.
- Смирнов А.В. 2002. ПТСР и некоторые базовые убеждения человека. [Электронный ресурс]. URL: <http://alex-therapy.narod.ru/PTSD.htm>.
- Тарабрина Н. В. 2001. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб, Питер, 435..
- Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О., Зеленова М. Е. 1997. Психологические характеристики лиц, переживших военный стресс // Труды Института психологии РАН. М., 254–262.
- Франкл В. Человек в поисках смысла / Пер. с англ. М., Прогресс, 1990.
- Экстремальная психология: Учебник. 2007. / общ. ред. проф. А.В. Тимченко. К.: ТОВ «Август Трейд», 502.
- Ялом И. 2000. Экзистенциальная психотерапия. М., НФ «Класс», 264.
- Abakumova I., Kruteleva L., Ryadinskaya E. 2016. Transformation of Life-Sense Strategies of a Person in the Armed Conflict Environment: Theoretical Research // Barselona: 6th. World Congress of Psychology and Behavioral Sciences (Management, Psychology, Political and Social Sciences), 1-6.
- Averill J.R. 1973. Personal control over aversive stimuli and its relationship to stress // Psychological Bulletin, vol. 80: 286-303.
- Evans P., Endgerton N. 1991. Life events and mood as predictors of the common cold // Br. J. Med. Psychol. V. 64, № 1: 164.
- Holmes T.H., Rahe R.H. 1967. The Social Readjustment Rating Scale // J. Psychosom Res, 11 (2): 213–218.
- Kelly G. 1963. A theory of personality: The psychology of personal constructs. New York: Norton, 238-240.
- Ormel J., Sanderman R., Stewart R. 1988. Personality as a modifier of the life event – distress relationship: A longitudinal structure equation model // Person. Individ. Diff., V. 9, № 6: 973-982.
- Rotter J.B. 1966. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs, № 80: 609.



УДК 159. 92

**НОРМАТИВНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ  
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ <sup>4</sup>****NORMATIVE PROFESSIONAL ORIENTATION  
OF FUTURE SPECIALISTS OF OFFICIAL ACTIVITY****А.С. Герасимова <sup>1</sup>, М.Ю. Галуцкая, А.А. Обознов <sup>2</sup>, Ю.В. Бессонова <sup>2</sup>,  
A.S. Gerasimova <sup>1</sup>, M.Y. Galutskay, A.A. Oboznov <sup>2</sup>, Y.V. Bessonova <sup>2</sup>**

<sup>1</sup>Белгородский государственный национальный исследовательский университет  
*Belgorod National Research University*

<sup>2</sup>Институт психологии Российской академии наук  
*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*

*e-mail: agerasimova66@mail.ru, galutskay@mail.ru, aao46@mail.ru, farandi@mail.ru;*

*Аннотация.* В статье анализируется содержание и структура нормативной направленности личности специалистов служебной деятельности, обсуждаются результаты эмпирического исследования динамических особенностей развития профессиональной направленности будущих специалистов служебной деятельности в условиях колледжа и вуза, рассматриваются возможности и условия её формирования и устойчивого поддержания.

*Abstract.* The article analyzes the content and structure of the normative orientation of the individual service activity specialists, discusses the results of an empirical study of dynamic characteristics of a professional orientation of the future experts service activity in college and university, considered the possibilities and conditions of its formation and sustaining.

*Ключевые слова:* нормативные мотивы, нормативная направленность, служебная деятельность.  
*Keywords:* normative motives, normative orientation, official activity.

**Введение**

Нормативность или соответствие определённым нормам (от лат. *norma* – руководящее начало, правило, образец) исходно присуща профессиональной деятельности. Ожидаемые результаты, средства и способы труда, правила взаимодействия и поведения персонала в организации выступают в качестве норм, обязательных для человека. Нормативность результатов, средств и других компонентов труда достаточно очевидна, особенно для представителей служебной деятельности, и не требует специального обоснования.

Менее очевидно, что профессиональная деятельность содержит указания на мотивы, которыми должен руководствоваться человек. Данные мотивы задаются человеку точно так же, как результаты, средства и способы деятельности, а значит, могут рассматриваться как *нормативные*. Теоретическое обоснование рассмотрения мотивов как нормативных принадлежит А.Н.Леонтьеву, который подчеркивал, что первопричины деятельности человека связаны с его жизнью в обществе, его включенностью в общественные отношения. Поэтому мотивацию человека нельзя понять, рассматривая индивидуальные потребности человека как первичные и основные, упуская из виду, что в обществе он находит не просто внешние условия, к которым должен «приноравливать» свою деятельность, а сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, её средства и способы [Леонтьев, 1975].

**Нормативные мотивы и ключевые цели служебной деятельности**

Нормативные мотивы служебной деятельности связаны не с личными устремлениями человека, а её предназначением [Обознов, 2014]. Под предназначением понимается совокупность ключевых целей, в которых выражается роль служебной деятельности для государства и общества. Так, предназначение деятельности сотрудников Министерства по чрезвычайным ситуациям

<sup>4</sup>Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-26-20007а (м)

выражается в следующих ключевых целях: устранение последствий аварий и чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, спасение жизней людей и оказание им медицинской помощи, обеспечение собственной безопасности спасателей. Предназначение деятельности сотрудников Федеральной налоговой службы выражается в общей для них ключевой цели – обеспечить стабильное поступление денежных средств в бюджет страны.

Ключевые цели можно рассматривать как смыслообразующие ориентиры служебной деятельности, объединяющие всех её участников и дающие ответ на вопрос, ради чего они служат. По нашему мнению, именно ключевые цели несут в себе указания на нормативные мотивы служебной деятельности, которыми должны руководствоваться её участники. Для всех видов служебной деятельности общими являются нормативные мотивы долженствования, то есть обязанности выполнения её требований, обязательного производства общественно заданных результатов. Наряду с общими мотивами, существуют специфические нормативные мотивы для разных видов служебной деятельности. Для сотрудников МЧС (профессиональных спасателей) таковыми являются обеспечение безопасности, повышение квалификации, достижение успеха, оказание помощи и альтруизм. По своему содержанию эти мотивы хорошо согласуются с ключевыми целями деятельности спасателей [Бессонова, Обознов, 2016]. Для сотрудников налоговой службы (операционистов) к специфическим нормативным можно отнести мотивы обеспечения безопасности себя и общества, а также избегания неудачи. Эти мотивы также содержательно согласуются с ключевой целью деятельности сотрудников налоговых органов [Кожанова, 2011]. Таким образом, паттерны общих и специфических нормативных мотивов для разных видов служебной деятельности различаются. Подчеркнём, что субъективная выраженность у специалистов специфических нормативных мотивов связана с показателями их профессиональной успешности и длительностью службы.

Под *нормативной* профессиональной направленностью специалиста понимается такая организация его профессиональной мотивации, в которой устойчиво доминируют паттерны нормативных мотивов. Нормативная профессиональная направленность специалиста означает, что в его профессиональной мотивации доминируют те мотивы, которые в своей совокупности направлены на достижение ключевых целей служебной деятельности и которые побуждают его к соотнесению оценок, решений, действий и поступков в процессе деятельности с ключевыми целями. Поэтому нормативные мотивы рассматриваются нами как социально-значимые.

В этой связи, возникает вопрос о развитии нормативной профессиональной направленности у будущих специалистов служебной деятельности в период их профессиональной подготовки.

Об актуальности изучения данного вопроса свидетельствует наблюдаемое в условиях существующей практики профессионального обучения противоречие между социальным запросом на квалифицированных специалистов, имеющих высокий уровень развития социально-значимых мотивов служебной деятельности, с одной стороны, и недостаточным уровнем развития данной мотивации, с другой стороны [Демешева, 2014; Шмидт, 2010 и др.].

*Цель* нашего исследования состояла в выявлении уровня развития профессиональной направленности у будущих сотрудников правоохранительных органов.

### Результаты исследования

*Методика исследования.* Для эмпирического исследования использовалась диагностическая методика «Мотивы выбора профессии» Р. В. Овчаровой. Эта методика позволяет оценить уровень профессиональной направленности обследуемых студентов и курсантов на основе выраженности того или иного вида мотивов выбора профессии (правоохранительной службы) и провести сравнительную оценку уровня профессиональной направленности по каждому виду мотивов. Индикаторами нормативных мотивов являлись «внутренние» социально-значимые мотивы: чем выше уровень «внутренних» социально-значимых мотивов, тем более нормативной считалась направленность.

*Обследованная выборка.* В исследовании приняли участие студенты 1 и 2 курса образовательного учреждения «Белгородский правоохранительный колледж имени Героя России В.В. Бурцева» (далее колледж), а также курсанты 1, 3 и 5 курса «Белгородского юридического института» МВД России (далее институт); всего – 150 человек.

*Гипотеза:* уровень развития нормативной профессиональной направленности курсантов института будет выше, чем у студентов колледжа.

*Результаты.* В таблицах 1 и 2 представлены распределения студентов и курсантов в зависимости от общего уровня профессиональной направленности и видов мотивов, входящих в структуру профессиональной направленности.

Из таблицы 1 видно, что относительное количество студентов колледжа, имеющих высокий уровень профессиональной направленности, существенно меньше, чем аналогичное количество курсантов института – 59% и 80% соответственно. Как следует из таблицы 2, эти различия связаны, в том числе, с высоким уровнем развития «внутренних» социально-значимых (нормативных) мотивов – 62% студентов против 74% курсантов. Эти различия являются статистически значимыми.



**Распределение студентов и курсантов  
в зависимости от уровня их профессиональной направленности (в %)**

Виды мотивов	Общий уровень профессиональной направленности			
	Уровни	В (высокий)	С (средний)	Н (низкий)
Студенты		59	36	5
Курсанты		80	19	1
Совокупность		69	27	3

Таблица 2

**Распределение студентов и курсантов в зависимости от уровня развития видов мотивов,  
входящих в структуру профессиональной направленности (в %)**

Виды мотивов	«Внешние» мотивы						«Внутренние» мотивы								
	«Внешние» положительные			«Внешние» отрицательные			«Внутренние» индивидуально-значимые			«Внутренние» социально-значимые					
Уровни Группы															
Студенты	7	7	6	7	6	7	8	6		2	3				
Курсанты	1	7	2		5	1	9	9		4	3				
Совокупность	4	2	4	1	1	9	9	7		8	8				

Были выявлены изменения уровня профессиональной направленности студентов и курсантов в зависимости от курса обучения (таблицы 3 и 4).

Так, в колледже ко 2-му курсу снижается процент студентов с высоким уровнем развития профессиональной направленности с 74% до 48%, что происходит за счет существенного уменьшения относительного количества студентов с «внутренними» социально-значимыми (нормативными) мотивами – 74% студентов на 1-ом курсе против 52% на 2-ом курсе, а также студентов с «внутренними» индивидуально-значимыми мотивами – 68% студентов на 1-ом курсе против 50% на 2-ом курсе (таблица 3).

В институте сначала наблюдается резкое снижение от 1-го к 3-му курсу относительного количества курсантов с высоким уровнем развития профессиональной направленности - со 100% до 52% курсантов, которое затем частично компенсируется к 5-му курсу - 83% курсантов, но не достигает 100% показателя как на 1-ом курсе (таблица 4).

Таблица 3

**Распределение студентов 1 и 2 курсов колледжа в зависимости от уровня развития их профессиональной направленности и видов мотивов, входящих в её структуру (в %)**

Виды мотивов	«Внешние» мотивы						«Внутренние» мотивы						Общий уровень направленности			
	«Внешние» положительные			«Внешние» отрицательные			«Внутренние» индивидуально-значимые			«Внутренние» социально-значимые						
Уровни																
Курс (кол-во)	В	С	Н	В	С	Н	В	С	Н	В	С	Н	В	С	Н	
1 курс (34 чел.)	18	50	32	21	62	18	68	29	3	74	26	0	74	26	0	
2 курс (42 чел.)	17	62	21	14	69	17	50	40	10	52	38	10	48	42	10	
Всего (76 чел.)	17	57	26	17	66	17	58	36	7	62	33	5	59	36	5	

Таблица 4



**Распределение курсантов 1, 3 и 5 курсов института в зависимости от уровня развития их профессиональной направленности и видов мотивов, входящих в ее структуру (в %)**

Виды мотивов	«Внешние» мотивы						«Внутренние» мотивы				Общий уровень направленности		
	«Внешние» положительные			«Внешние» отрицательные			«Внутренние» индивидуально-значимые		«Внутренние» социально-значимые				
Уровни													
Курс (кол-во)													
1 курс (21 чел.)		7	8		1	4	7	3		0	0	00	
3 курс (23 чел.)	3	2	5		8	2	8	8		7	5	7	9
5 курс (30 чел.)	3	7	0		3	0	3	7		7	3	3	7
Всего (74 чел.)	1	7	2		5	1	9	9		4	3	0	9

Эти изменения проявляются и в структуре профессиональной направленности. Относительное количество курсантов с «внутренними» социально-значимыми (нормативными) мотивами статистически значимо уменьшается от 1 к 3 курсу – от 90% на 1-ом курсе до 57% на 3-ем курсе, а с «внутренними» индивидуально- значимыми мотивами – от 67% на 1-ом курсе до 48% на 3-ем курсе. Затем к 5-му курсу происходит увеличение относительного количества курсантов с «внутренними» социально-значимыми (нормативными) мотивами до 77%; а с «внутренними» индивидуально-значимыми мотивами до 63%. Кроме того, наблюдаются статистически значимые различия в относительном количестве курсантов 1-го и 3-го курса с «внешними» отрицательными мотивами. Если на 1-ом курсе 81% курсантов имеют средний уровень «внешней» отрицательной мотивации и 14% - низкий уровень её развития, то к 3-му курсу относительное количество курсантов со средним уровнем развития «внешней» отрицательной мотивации снижается до 48%, а с низким уровнем внешних отрицательных мотивов, напротив, повышается до 52%.

Неоднозначные изменения в уровне профессиональной направленности студентов и курсантов на разных этапах профессионального обучения свидетельствуют, на наш взгляд, об особенностях существующей в колледже и вузе модели обучения, которая, в свою очередь, и создает условия, способствующие или препятствующие развитию нормативной направленности будущих правоохранителей.

**Заключение**

Вопрос о нормативной профессиональной направленности представителей разных профессий, включая различные виды служебной деятельности, на сегодняшний день разработан явно недостаточно. Между тем, исследование данного вопроса позволит создать представление о том, какой *должна быть* профессиональная направленность специалистов, чтобы соответствовать общественному предназначению служебной деятельности. Такое представление задает своего рода стандарт, необходимый для оценки соответствия имеющейся у специалиста профессиональной направленности, той, которая задаётся смыслообразующими ключевыми целями служебной деятельности. Необходимость в такой оценке возникает при решении широкого круга практических задач по психологическому сопровождению служебной деятельности на этапах профессиональной ориентации, отбора, профессионального обучения, адаптации, подготовки и переподготовки, реабилитации и т.п.

Заслуживает внимания выявленная в результате проведенного исследования тенденция (от первого года к последующим годам обучения) к снижению относительного количества студентов колледжа и курсантов института с высоким уровнем нормативной профессиональной направленности. Данный результат указывает на необходимость разработки специальных психолого-педагогических программ по формированию у будущих специалистов служебной деятельности нормативной профессиональной направленности.

В этой связи, заслуживает внимания концепция Г.Е. Залесского, в которой обоснован оригинальный ценностно-деятельностный подход к развитию ценностно-смысловой сферы личности [Залесский, 1994]. На основе этого подхода создана и успешно апробирована ценностно-нормативная методика по обучению приемам ценностно-смысловой ориентировки в конкретных учебно-профессиональных ситуациях [Герасимова, 2013]. Данные концептуально-методические разработки являются, на наш взгляд, перспективными для создания психолого-педагогических технологий развития нормативной профессиональной направленности будущих и действующих специалистов служебной деятельности.



### Литература

- Бессонова, Ю.В.; Обознов, А.А. 2016. Нормативная направленность профессионала как соотношение требований организации, деятельности, индивидуальности// Процедуры и методы экспериментально-психологических исследований / Отв. ред. В.А.Барабанщиков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 860-868.
- Герасимова, А.С. 2013. Ценностно-нормативная методика оценки учебной мотивации студентов// Экспериментальная психология. Т. 6 (4): 96–104.
- Демешева, Н.Г. 2014. Организация психологического обеспечения развития профессиональной направленности на правоохранительную деятельность курсантов и слушателей вузов МВД России// Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 38: 26-31.
- Залесский, Г.Е. 1994. Психология мировоззрения и убеждений личности. - М.: МГУ.
- Кожанова, И.В. 2011. Ценностно-мотивационная и целевая сфера профессиональной деятельности сотрудников налоговых органов// Акмеология, 2 (18): 216-220.
- Леонтьев, А.Н. 1975. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат.
- Обознов, А.А. 2014. Направленность личности профессионала: нормативный подход// Личность профессионала в современном мире / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 71-80.
- Шмидт, М. А. 2010. Исследование структуры профессиональной направленности личности// Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 10 (24): 86-94.

УДК: 159.923

**ТЕНДЕНЦИИ ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ  
В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА  
ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ)**

**TRENDS OF PERSONALITY DEVELOPMENT OF MODERN STUDENTS IN THE  
LIGHT OF THE THEORY OF GENERATIONS (BASED ON THE ANALYSIS OF  
INTRAPERSONAL CONFLICTS)**

**Л.Б. Кузнецова  
L.B. Kuznetsova**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

*E-mail: lkuznetsova@bsu.edu.ru*

*Аннотация:* Статья посвящена анализу особенностей внутриличностных противоречий студентов нынешнего и предшествующего поколения, как показателя направленности их личностного развития. В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования внутриличностных противоречий студентов 1999 и 2015 годов набора. Основные выводы исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что существуют как общие тенденции, так и специфические особенности проявления внутриличностных противоречий студентов поколения Y и поколения Z.

*Abstract:* The article is devoted to analysis of peculiarities of intrapersonal contradictions students of the present and preceding generations, as an indicator of the direction of their personal development. The article discusses the results of an experimental study of intrapersonal contradictions of students admitted to the University in 1999 and 2015. The main results of these studies confirm the hypothesis that there are both General trends and specific peculiarities of intrapersonal contradictions students from generation Y and Z.

*Ключевые слова:* развитие личности, внутриличностные противоречия, студенческий возраст, ценности, теория поколений.

*Keywords:* personality development, intrapersonal contradictions, students, values, theory of generations.

---

## **Введение**

Одной из актуальных задач в теории и практике совершенствования образовательного процесса современного вуза, является анализ личностного развития студента нынешнего поколения. Социально-экономическая ситуация в которой растёт каждое поколение накладывает существенный отпечаток на характер его развития, формирующиеся ценностные ориентации, уровень активности и отношения к жизни. Нынешнее поколение студентов в значительной мере является продуктом воздействия предыдущего поколения и, в свою очередь, будет играть важную роль в формировании последующего поколения. Как отмечает Данцель, «чем выше поднимается человеческая культура, тем более зависимой становится она от результатов работы предыдущих поколений...» [2]. В связи с этим стратегически важной задачей является изучение вектора личностного развития современного студенчества, как наиболее активной и перспективной части общества.

Как отмечают И.М. Гурова, С.Ш. Евдокимова всё больший интерес к теории поколений возникает со стороны сферы образования [8, С. 84]. Нынешние дети, родившиеся в эпоху расцвета цифровых технологий, по образу мышления и восприятию действительности во многом отличаются от своих предшественников. В связи с этим принципы существующей на сегодняшний день системы образования, которые в прошлом показывали хорошие результаты, уже не способны успешно выполнять задачи развития подрастающего поколения.

Следует отметить, что разработка теории поколений в настоящее время осуществляется в основном в рамках социологии. Объектом психолого-педагогического исследования поколенческие группы всё ещё становятся достаточно редко. Этим объясняется и то, что содержательно-психологическое наполнение данного термина также остается весьма

неопределенным [11, С. 68]. В тоже время без разработки психологического аспекта теории поколений, невозможным представляется получение детального, систематизированного портрета личности представителя нынешнего поколения, лежащего в основе обоснования конкретных психолого-педагогических условий совершенствования современного образовательного процесса.

В качестве одного из информативных показателей характера и динамики личностного развития мы рассматриваем внутриличностные противоречия. В современной психологии общепризнанным является положение о внутриличностных противоречиях как движущей силе развития личности. Как отмечает К.А. Абульханова-Славская «без раскрытия противоречий, без их типизации социально-психологический склад личности не превращался бы в системное образование» [1, С. 20]. Внутриличностное противоречие создаёт напряжение в мотивационно сфере, которое в свою очередь является необходимым условием образования динамического потенциала активности личности, направленной на разрешение соответствующего противоречия. В связи с этим, анализ внутриличностных противоречий позволяет определить не только значимые сферы жизни личности, но и вектор её развития.

Основываясь на вышесказанном, сравнительный анализ личностного развития студентов нынешнего и предшествующего поколения мы считаем целесообразным осуществлять через призму противоречий в мотивационной сфере личности.

### Теоретический анализ проблемы

Поколение рассматривается в современной науке как группа людей, рожденных в определенный возрастной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, с похожими ценностями [17]. Согласно теории поколений, разработанной Н. Хоувом и В. Штраусом и адаптированной в России Е. Шамис и сотрудниками, к современному поколению можно отнести людей, рожденных после 2003 года. Встречаются разные названия данного поколения: поколение Z, цифровое поколение, поколение HD и др. Предшествующее ему поколение (поколение Y, миллениум, «нулевые») захватывает временной промежуток условно с 1984 по 2003 год. Несмотря на то, что представители данных поколений хронологически расположены наиболее близко и между ними существует преемственность, формирование их ценностей, мировоззрения происходило под воздействием разных социально-экономических условия и политических событий.

Ключевым моментом теории поколений является категория «ценностей поколения». Основное влияние на формирование поколенческих ценностей оказывают:

1) Макросредовые факторы, в условиях которых человек растёт до 12-14 лет. Общественные события (экономических, социальных, культурных и политических), происходящие в его жизни в данный период человек оценивает не в категориях «правильное» - «неправильное», а как нормальное и они накладывают отпечаток на всю его последующую жизнь.

2) Условия воспитания в семье, которые ребенок тоже воспринимает как нормальные.

Ценности поколения являются глубинными, подсознательными, не носят явно выраженной формы, в том числе для самих представителей поколений, но при этом определяют формирование личности, оказывают влияние на жизнь, деятельность и поведение людей [4, С. 109].

Так, например, важнейшими внешнеполитическими факторами, наложившими существенный отпечаток на формирование поколения Y являются такие, как: катастрофа на Чернобыльской АЭС, распад СССР, перестройка, дефолт, теракты и военные конфликты, атипичная пневмония, развитие цифровых технологий (мобильные телефоны, интернет), эпоха брендов. Их ведущими ценностями являются: самостоятельность и независимость, потребность в признании и самовыражении, право на неприкосновенность частной жизни, эмоциональная поддержка со стороны родительской семьи, гражданская ответственность, умение подчиняться и др. [13]. Современное поколение формируется в условиях мирового кризиса, возрастания террористической угрозы, укрепления стабильности и внешнеполитических позиций России. И эти события, несомненно, оказывают влияние на его представителей, первые из которых сегодня уже заканчивают школы и приходят в высшие учебные заведения. Это поколение, родившееся в информационном обществе, в эпоху расцвета информационных технологий. По данным ряда исследований они более зависимы от цифровых технологий, чем их родители, которые пользовались телевидение как альтернативу печатным источникам информации (книги, газеты). Их отличают такие особенности личности, как нетерпеливость и сосредоточение в большей мере на краткосрочных целях. У них в меньшей мере в сравнении с детьми предыдущих поколений, проявляется амбициозность, они более индивидуалистичны и ориентированы на потребление. Основной отличительной особенностью нового поколения по данным ряда авторов является клиповое мышление, характеризующееся восприятием окружающего мира посредством короткого, яркого посыла, воплощенного в форме видеоклипа, теленовостей или в другом аналогичном виде [10].

Перейдём к анализу теоретических аспектов проблемы внутриличностных противоречий студентов, как представителей своего поколения. Внутриличностные противоречия рассматриваются в отечественной психологии как «субъективно переживаемое рассогласование тех или иных тенденций в самосознании личности (оценок, притязаний, установок, интересов), которые взаимодействуют и изменяют друг друга в процессе своего развития» [14].

Рассмотрению тех или иных аспектов проблемы внутриличностных противоречий, возникающих у студентов в ходе профессиональной подготовки, посвящены работы Л.И. Анцыферовой, А.А. Вербицкого, М.В. Гамезо, Е.Ф. Зеера, Н.А. Ковалева, П.Н. Осипова, В.А. Петровского, В.В. Ряшиной, Ю.П. Юрлова и др. Как показывает анализ психологической литературы, в большей степени в настоящее время изучены противоречия, детерминирующим процесс профессионального становления личности студента. Что касается внутриличностных противоречий, возникающих у студента в жизненных сферах не связанных с профессиональным развитием, но имеющих первостепенное значение для развития его личности – данная проблема является недостаточно разработанной. Обсуждению противоречий студенческого возраста как важнейшего этапа жизненного пути уделяется внимание в работах М.В. Гамезо, Н.А. Ковалева, В.А. Петровского и др. Так, Н.А. Коваль отмечает, что студенческий возраст является сензитивным для духовного развития личности. В этот период, по мнению автора, вступает в противоречие накопленный в предшествующие этапы духовный жизненный опыт и необходимость решительного жизненного самоопределения, для которого довузовский опыт оказывается недостаточным [12]. В рамках исследования проблемы проявления субъектности человека В.А. Петровский показывает, что в юношеском возрасте источником развития личности становится противоречие между представлением молодого человека о том, как его видят другие (экзотерическим Я) и собственным представлением о себе (эзотерическим Я). Данная ступень развития обозначена автором как ступень самоопределения личности [15].

Внутриличностные противоречия в структуре различных жизненных сфер рассматриваются и в работе Ю.П. Юрлова, посвященной анализу особенностей внутриличностных конфликтов курсантов высшего военного училища. Автор выделяет следующие их типы, в зависимости от лежащего в основе противоречия: «потери смысла», «2-х ведущих мотивов», «завышенных требований к себе», «влечений», «ролевого», «комплекса неполноценности». Данные конфликты, по мнению автора, находят своё отражение в трёх основных сферах личности: в когнитивной (снижение самооценки, противоречивость образа «Я»), в эмоциональной – (пониженный фон настроения, тревожность), в поведенческой (снижение интенсивности и эффективности коммуникативных связей, объективных и субъективных показателей в учебной и служебной деятельности) [18].

М.В. Гамезо выделяет две основные группы внутриличностных противоречий студентов:

- социально-психологические: а) противоречия между расцветом физических и интеллектуальных сил студента и строгим лимитом времени, имеющихся экономических возможностей для удовлетворения возросших потребностей; б) между результатами деятельности студента, появившимися у него индивидуально-психологическими свойствами и складывающимися в группе межличностными отношениями;
- когнитивные: а) противоречия между поступающим через различные источники огромным количеством информации, расширяющей знания студентов, и имеющимся ограниченным временем для её осмысления [6].

Многими исследователями проблема внутриличностных противоречий в студенческом возрасте рассматривается с позиции сложностей возникающих в процессе социально-психологической адаптации к процессу обучения в вузе (А.Л. Гройсман, С.М. Мадорская, М.С. Яницкий и др.) [12].

С позиции теории поколений, определяющей в качестве ключевого момента психологического портрета представителей определённого поколения совпадение базовых ценностных ориентаций, интересной представляется позиция ряда авторов о внутриличностных противоречиях как рассогласовании возникающем на уровне ценностей личности (В.В. Грешнёв, Н.Н. Ивков, В.В. Кортава, М.В. Лысогорская, Е.Б. Фанталова и др.). Так, Н.Н. Ивков отстаивает положение о том, что «динамика системы личностных ценностей предполагает разрешение человеком содержащихся в ней ценностных противоречий» [9, С. 5]. Само по себе наличие ценностных противоречий в ценностной структуре личности рассматривается автором как благополучный вариант личностного развития, поскольку при этом «разворачивается активность человека, направленная на поиск компромисса и реализацию обеих противоречивых ценностей» [Там же, С. 187]. По мнению В.В. Грешнёва, любой внутриличностный конфликт имеет ценностную природу, поскольку «его полюса наделены личностным смыслом, который, в свою очередь, являет собой индивидуальную ценность» [7, С. 42].

В целом, обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что на протяжении всего процесса обучения в ВУЗе у студентов объективно возникают внутриличностные противоречия,

являющиеся с одной стороны движущей силой их личностного и профессионального развития, а с другой выступающие индикатором направления развития личности. При этом основополагающими являются противоречия возникающие на уровне ценностей личности студента, которые можно рассматривать как благоприятный путь развития личности, в процессе которого происходит разворачивание активности личности, направленной на разрешение противоречия.

### Объекты и методы исследования

Целью проведённого нами исследования было сравнение мотивационно-ценностной сферы студентов поколения Y и современных студентов, обучающихся в эпоху поколения Z посредством анализа их внутриличностных противоречий.

Исследование проводилось на базе Белгородского государственного национального исследовательского университета. В нем приняли участие студенты педагогических специальностей 1999 и 2015 годов набора. Общее число испытуемых составило 356 человек.

При разработке программы исследования внутриличностных противоречий студентов мы основывались на том, что процесс профессионального становления не протекает изолированно, а являясь одной из линий развития личности, находится в определенном взаимодействии с другими направлениями ее развития. В связи с этим, мы стремились к тому, чтобы используемые нами методы были направлены на выявление особенностей внутриличностных противоречий, лежащих как в основе профессионального становления личности студента, так и в основе развития личности в целом. В разработке программы исследования мы исходили так же из того, что независимо от конкретного содержания и особенностей внутриличностного противоречия взрослого человека, оно всегда имеет ценностную обусловленность.

Для изучения внутриличностных противоречий студентов, мы использовали методику: «Уровень соотношения между «ценностью» и «достижимостью» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой [16]. Согласно основной идее автора методики, психологический смысл внутреннего конфликта выражается в том, что человек испытывает состояние разрыва между потребностью в достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальности. В зависимости от характера соотношения между значимостью и достижимостью ценности, данная методика позволяет выявлять три типа внутренних состояний: «Внутренний конфликт» (значимость превышает достижимость), «Внутренний вакуум» (достижимость превышает значимость), «Нейтральная зона» (рассогласование между значимостью и достижимостью не выражено). Первые два состояния характеризуются выраженной внутриличностной дезинтеграцией, последнее – отсутствием внутреннего противоречия.

С целью статистического анализа получаемых экспериментальных данных мы использовали U-критерий Манна-Уитни.

### Результаты и их обсуждение

Перейдём к анализу полученных результатов. Данные сравнительного анализа рассогласования между значимостью и достижимостью базовых ценностей личности студентов двух, рассматриваемых нами поколений представлены на рисунке 1. Рассогласование имеющее положительное значение свидетельствует о тенденции к внутреннему конфликту в данной сфере, рассогласование выраженной отрицательным числом свидетельствует о преобладании у студентов внутренних вакуумов и, наконец, значения близкие к нулю свидетельствуют об отсутствии рассогласования (нейтральной зоне).

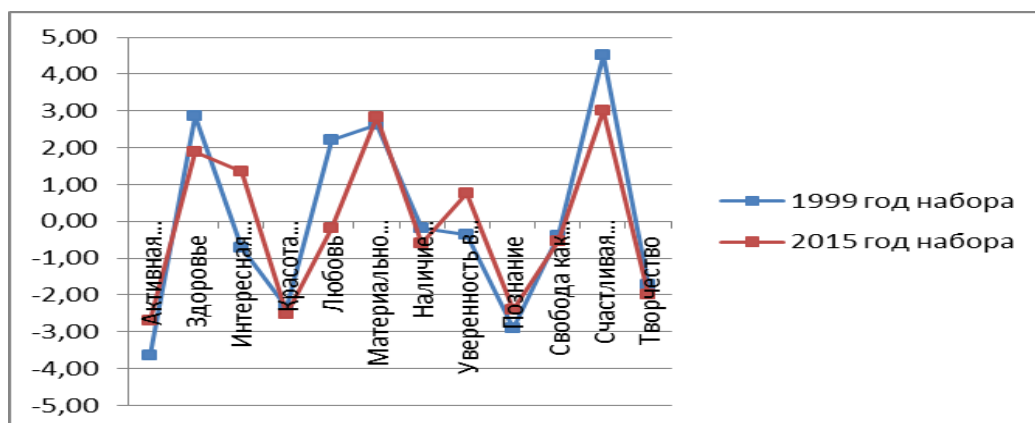


Рис. 1. Величина рассогласования между значимостью и достижимостью ценностей у студентов педагогических специальностей 1999 и 2015 годов набора

Анализируя полученные данные, можно заметить, что иерархия и степень выраженности внутриличностных противоречий, вызванных рассогласованием значимости и достижимости базовых ценностей, у нынешнего и предыдущего поколения студентов несколько отличается.

Так в иерархии внутриличностных конфликтов студентов 1999 года набора верхние позиции занимают такие, как «счастливая семейная жизнь», «здоровье», «материально-обеспеченная жизнь», «любовь». У студентов нынешнего поколения лидируют внутренние конфликты в таких сферах, как «счастливая семейная жизнь», «материально-обеспеченная жизнь», «здоровье», «интересная работа».

Особенно ярко трансформация заметна по таким ценностям, как «любовь» (уровень статистической значимости различий у студентов поколения Y и поколения Z  $p \leq 0,01$ ) и «интересная работа» (уровень статистической значимости различий у студентов поколения Y и поколения Z –  $p \leq 0,05$ ). Достаточно ярко выраженный внутренний конфликт студентов 1999 года, вызванный высокой значимостью и недостаточной достижимостью ценности «любовь», практически отсутствует у студентов нынешнего поколения. В то же время у современных студентов присутствует внутренний конфликт в сфере «интересная работа», который отсутствует у студентов предыдущего поколения. Обобщая данные по этим двум базовым ценностям можно заметить тенденцию перемещения фокуса внутренних конфликтов современных студентов из сферы личной жизни в сферу профессионального развития.

Данная тенденция подтверждается и снижением у современных студентов величины внутреннего конфликта, вызванного рассогласованием значимости и достижимости ценности «счастливая семейная жизнь» (уровень статистической значимости различий у студентов поколения Y и поколения Z  $p \leq 0,05$ ). Если у студентов поколения Y конфликт в данной сфере был наиболее выраженным, значительно превышающим величину конфликтов в остальных жизненных сферах, у современного поколения студентов (Z) он существенно снизился и находится на одном уровне с конфликтом в сфере «материально-обеспеченная жизнь». Таким образом, можно говорить о тенденции изменения приоритетной направленности на создание семьи, первостепенной значимости самореализации в данной сфере, существующей у студентов предшествующего поколения. У современных студентов данный вектор развития утрачивает первостепенную важность.

Внутренний конфликт, вызванный высокой значимостью ценности при недостаточной её реализованности, является своего рода индикатором вектора развития личности. Динамический потенциал, создаваемый данным противоречием фокусирует мотивационную сферу личности на соответствующей ценности и выступает движущей силой её развития именно в данном направлении. Таким образом, сравнительный анализ наиболее выраженных внутриличностных противоречий студентов различных поколений, позволяет сопоставлять и выявлять различия в их направленности.

Как показывают обнаруженные нами тенденции, если студенты предшествующего поколения в большей степени были направлены на реализацию ценностей обустройства личной жизни (любовь, счастливая семейная жизнь), то студенты нынешнего поколения больше сфокусированы на профессиональных ценностях и ценностях саморазвития (интересная работа, уверенность в себе). Таким образом, анализ изменений произошедших в структуре внутриличностных противоречий студентов нынешнего поколения, позволяет говорить о тенденции смещения фокуса мотивационных процессов с самореализации в семейной жизни, парных отношениях, на самореализацию в деятельности.

Сравнительный анализ внутренних вакуумов студентов поколения Y и поколения Z показал, что различия по ним не столь выражены. Большинство из них остаётся у нынешнего поколения студентов на том же уровне. Динамика была обнаружена нами только в сфере «активная деятельная жизнь» (уровень статистической значимости различий у студентов поколения Y и поколения Z  $p \leq 0,05$ ). Вакуум в данной сфере является наиболее выраженным у студентов предыдущего поколения, в то время как у современных студентов он значительно менее выражен и находится примерно на одном уровне с тремя другими наиболее характерными для студенчества внутренними вакуумами «познание», «красота природы и искусства», «творчество». Уменьшение ощущение избыточности присутствия ценности «активная деятельная жизнь» у современных студентов, может быть следствием возрастания её значимости, либо результатом снижения её достижимости. В первом случае это совпадает с тенденцией роста внутреннего конфликта в сфере «интересная работа», как одной из сфер реализации активности. Следует обратить внимание на тот факт, данная сфера студентами предыдущего поколения переживается как внутренний вакуум, а у студентов нынешнего поколения переходит в разряд внутренних конфликтов. Во втором случае, это может быть показателем количественного снижения активности и вовлечённости современного студента с совместную деятельность, появления большего количества, времени, затрачиваемого на отдых, а так же реализацию ценностей обустройства личной жизни.

Таким образом, анализ динамики внутренних вакуумов подтверждает тенденции, выявленные нами при рассмотрении изменений произошедших за последние 15 лет в структуре внутренних конфликтов студентов. Для современных студентов большую значимость начинает приобретать самореализация в деятельности.

Помимо сравнительно анализа противоречий в отдельных жизненных сферах студентов разных поколений, мы сопоставляли их по интегральным показателям напряжённости в мотивационной сфере. Данный показатель отражает общий уровень внутриличностной дезинтеграции, независимо от конкретных типов внутриличностных противоречий (внутренние конфликты, внутренние вакуумы).

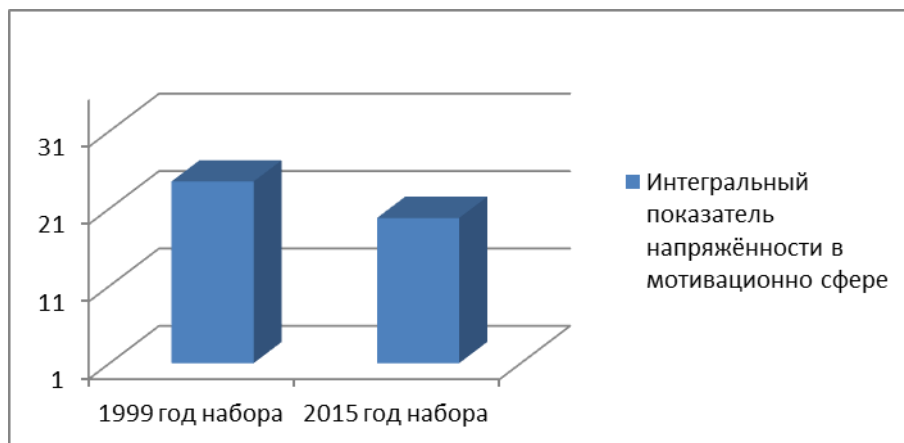


Рис. 2. Величина интегрального показателя напряжённости в мотивационной сфере у студентов педагогических специальностей 1999 и 2015 годов набора

В результате анализа интегрального показателя внутриличностной дезинтеграции нами было выявлено, что если у студентов предыдущего поколения он был равен 24,7, то у студентов нынешнего поколения он составляет 19,76. Таким образом, мы можем говорить о тенденции снижении общей напряженности в мотивационной сфере современных студентов по сравнению со студентами предыдущего поколения. Снижение рассогласования между значимостью и достижимостью важнейших жизненных ценностей у современных студентов с одной стороны можно рассматривать как показатель большей личностной стабильности, устойчивости к воздействиям из вне, а с другой это является свидетельством снижения динамического потенциала активности направленной на саморазвитие личности молодого человека.

### Заключение и основные выводы

Подводя итог проведённого нами исследования, нацеленного на анализ внутриличностных противоречий студентов предыдущего и нынешнего поколения, как индикатора вектора развития личности, мы можем сделать следующие обобщающие выводы:

1. Существуют различия в иерархии и степени выраженности внутриличностных противоречий, вызванных рассогласованием значимости и достижимости базовых ценностей у студентов нынешнего и предшествующего поколения;

2. Наиболее существенные изменения обнаружены по ценностям «интересная работа», «любовь», «счастливая семейная жизнь», «активная деятельная жизнь», динамика внутриличностных противоречий в которых позволяет говорить о тенденции смещения фокуса мотивационных процессов с самореализации в семейной жизни, парных отношениях, на самореализацию в деятельности.

3. Сравнительный анализ интегральных показателей внутриличностной напряжённости студентов двух поколения позволяет судить о снижении общей дезинтеграции в мотивационной сфере у студентов нынешнего поколения по сравнению с их предшественниками. Снижение рассогласования между значимостью и достижимостью важнейших жизненных ценностей у современных студентов с одной стороны можно рассматривать как показатель большей личностной стабильности, устойчивости к воздействиям из вне, а с другой это является свидетельством снижения динамического потенциала активности направленной на саморазвитие личности молодого человека.



### Литература

- Абульханова-Славская К.А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал, 1983. – № 1. – С. 14-29.
- Алпатов К. А. Социализация как взаимодействие поколений в условиях трансформирующейся России // Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе: человек и общество в условиях социально-экономического и социокультурного кризиса: Материалы VIII всерос. науч. конф. - Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2010. - С. 69–71.
- Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология; Питер - Москва, 2013. - 512 с.
- Асташова Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Сер. Экономика и менеджмент. – 2014. – № 1. – С. 108-114.
- Вербницкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. – М.: Высш. шк., 1991. – 204 с
- Гамезо М.В., Герасимова С.С., Горелова Г.Г., Орлова Л.М. и др. Возрастная психология: личность от молодости до старости. – М.: Ноосфера, 1999. – 269 с.
- Грешнев Д.В. Психологические особенности внутриличностного конфликта: Дисс... канд. психол. наук. – Тамбов, 2002.
- Гурова И.М., Евдокимова С.Ш. Теория поколений: современное развитие и прикладные аспекты // Актуальные вопросы инновационной экономики. - 2016. - № 14. - С. 78-86.
- Ивков Н.Н. Условия, формы и механизмы динамики смысловой сферы личности Теоретическая и экспериментальная психология. - 2016. - Т. 9. - № 3. - С. 54-73.
- Коатс Дж. Поколения и стили обучения. - М.: МАПДО; Новочеркасск: НОК, 2011.
- Кофейникова Ю.Л. Психолого-педагогические проблемы образования поколения Z в современном социо-культурном контексте // Вестник Саратовского областного института развития образования. - 2015. - №3. - С. 67-71.
- Кузнецова Л.Б. Внутриличностные противоречия студентов вуза. - М.: Изд-во СГУ, 2009. – 196 с.
- Мирошкина М.Р. X, Y, Z. Теория поколений. Новая система координат // Вопросы воспитания. - 2014. - № 2. - С. 50-57.
- Митина Л.М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования: монография. М.; СПб: Нестор-История, 2014.
- Петровский А.В. Психология неадаптивной активности / Российский открытый университет. – М.: ТОО Горбунок, 1992. – 244с. – С.263-264.
- Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта – Самара: Бахрах-М, 2001. – 127 с.
- Экзистенция: Теория поколений: информационное агентство. URL: <http://existenzia.ru> (дата обращения: 17.01.2017).
- Юрлов Ю.Н. Внутриличностный конфликт курсанта высшего военного училища: Дисс... канд. психол. наук. – М.: ВУ, 1996. – 246 с.



УДК 159.955

**МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНОЕ СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ  
ВИЗУАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ****METAPHOR AS A COGNITIVE TOOL FOR CREATING VISUAL IMAGERY****О.В. Попова  
O.V. Popova***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85**Belgorod State Research University, 308015, Belgorod, Pobedy st, 85.**E-mail: popova\_ov@bsu.edu.ru*

*Аннотация.* В статье рассматриваются особенности механизма создания визуальной метафоры в изобразительном искусстве. Автор основывается на когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые описывают процесс метафоризации как взаимодействие двух структур знаний, «источника» и «цели».

*Abstract.* The purpose of the article - the study of the specifics of metaphor in the visual arts. The idea of N. Arutjunova about the difference between verbal and visual metaphors presents methodological significance for the study. The author based on the cognitive approach presented in the work of J. Lakoff and M. Johnson, describes the process of creating visual metaphors. In accordance with this approach, the metaphor is the transfer of meaning from the "source domain" to "target domain". The visual metaphor allows to transform the inner experiences of the author in the visual images on the basis of arbitrary, but stable ties. As a result, the works of fine art visualizes experiences and thoughts of the author. The viewer builds a visual metaphor, combining cognitive structure of "source" in the perception of art and the cognitive structure of the "target".

*Ключевые слова:* визуальная метафора, метафорический перенос, когнитивная теория метафоры.  
*Keywords:* visual metaphor, metaphorical transfer, cognitive theory of metaphor.

**Метафора как объект психологического исследования**

Основы теории метафоры были заложены еще в античности древнегреческим философом Аристотелем. Согласно его определению, метафора – это перенесение имени с рода на вид, или с вида на вид, или по аналогии [Аристотель, 1978]. Понимание Аристотеля оказало большее влияние на представления о природе метафоры в последующие столетия: ее традиционно объясняли через категорию метафорического значения.

Изменение отношения к метафоре во многом определил «лингвистический поворот» в философии XX века, поставивший вопрос о языке в центр философского анализа. Метафора стала рассматриваться в связи с процессом сознания, с проблемами гносеологии и метафизики. Представитель интерактивного подхода А. Ричардс рассматривал метафору как форму мышления [Ричардс, 1990]. В рамках теории взаимодействия были исследованы процессы метафоризации как особой когнитивно-имагинативной активности [Hanks, 2006], включающей игру воображения по принципу гештальт-переключения, позволяющего видеть прямое и метафорическое значение.

Интересна трактовка природы метафоры, выдвинутая представителем аналитической философии М. Блэком. Он, «снимая покров тайны метафоры», сравнивает ее с закопченным стеклом, сквозь которое мы смотрим на мир. Так же человек смотрит на главный субъект метафорического суждения сквозь метафорическое выражение [Блэк, 1990]. Современное понимание метафоры основано на гипотезе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора – важнейшее средство создания языковой картины мира. В ее основе лежит осмысление одного понятия в терминологии другого [Лакофф, Джонсон, 2008].

Как самостоятельный объект психологических исследований метафора стала рассматриваться в 1970-е годы, и ее изучение «сразу же становится «горячей темой» [Алексеев, 1996]. Особое место в изучении природы метафоры как психологического феномена занимают работы Л.С. Выготского, который считал, что метафора сродни произведению искусства, имеющего образную природу и вызывающему эмоциональную реакцию, обусловленную

воздействием формы и содержания. Перенесение «имени», т. е. названия, лежащее в основе процесса метафоризации, по мнению Л. С. Выготского, происходит на основе произвольных ассоциаций. Их нельзя реконструировать без знания контекста, в котором произошел акт перенесения [Выготский, 1999].

На современном этапе получил распространение когнитивно-семантический подход, в основе которого понимание метафоры как мыслительного механизма, позволяющего осуществлять «концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий» [Панкратова, 2008]. В рамках данного подхода исследователи рассматривают проблемы соотношения языка и сознания, логического и образного. «Психологическое изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности мышления, в проблему вербализации субъектом образа объекта» [Юрченко, 2012]. Исследователи отмечают роль метафоры в «топологии внутренних миров» - передаче состояний внутренней жизни человека. При этом акцентируется внимание на том факте, что она позволяет решить главное противоречие в процессе отображения внутреннего мира человека: идеальный объект должен быть одновременно материальным (чтобы отражаться в сознании) и нематериальным (т.к. является результатом отражения психических процессов). Метафоризация в психологии начинает рассматриваться как процесс, включающий операции, с помощью которых человек сопоставляет семантические концепты на уровне глубинных познавательных структур человеческого разума [Маккормак, 1990]. Констатация высокого когнитивного потенциала метафоры открыла возможность изучения функционирования метафор в фундаментальных и прикладных науках: психологии, математике, биологии, социологии и проч. [Зинченко, 2006; Петренко, 2013].

В рамках теории концептуальной интеграции рассматривают метафору как особый вид ментальной проекции из области-источника на область-цель [Turner, Fauconnier, 2000]. Еще одна линия в исследовании метафоры – попытка проследить связь между процессами метафоризации и креативностью, интерпретация метафоры как творческой технологии [Ревина, 2007]. Осмысление метафоры как средства репрезентации внутрителесного опыта человека представлено в работе В. В. Гребневой. Автор описывает и эмпирически апробирует метафорическую модель исследования интроцептивного опыта взаимодействия в системе «человек – среда» [Гребнева, 2014].

В центр изучения сущности метафоры в экспериментальной психологии был поставлен вопрос соотношения понимания и распознавания как двух способов ее восприятия.

Проблемы метафоры были затронуты в работах Дж. Серля, который выдвинул принципы т.н. «стадиальной модели понимания метафоры» [Серль, 1990]. Исследования показали, что распознавание метафоры в речи лежит в основе эмоционального ее воздействия, а понимание – в основе моделирования действительности. Подобно тому, как в произведении искусства заключено противоречие между содержанием и формой, в метафоре содержится противоречие между нормативной и ненормативной таксономией объектов. Именно за счет подобного столкновения возникает экспрессивная окрашенность содержания, представленного в метафоре [Алексеев, 1990].

### **Проблема визуальной метафоры в психологии**

Таким образом, очевидно, что вопрос о специфике метафоры широко исследуется в лингвистическо-философских и психологических науках. Вместе с тем, несмотря на большое количество работ по данной проблематике, широкий диапазон явлений, связанный с природой нелингвистической метафоры, до сих пор не исследован ни в фундаментальных, ни в прикладных науках.

Данная работа направлена на анализ на основе когнитивного подхода (теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона) особенностей процесса создания визуальной метафоры с целью обогащения нашего понимания ее коммуникативных возможностей.

Изучение визуальных метафор началось сравнительно недавно. Развитие этих исследований связано с преобладанием когнитивного подхода в толковании ее природы. Дж. Кеннеди в работе «Метафора в картинках» показал, что не только метафора, но и другие тропы (метонимия, синекдоха и проч.) могут быть репрезентированы визуально [Kennedy, 1982]. Попытка представить варианты визуального изображения литературных тропов осуществлена в работе Дж. Дюрана [Durand, 1987]. Исследователь Н. Кэрролл расширил понимание визуальной метафоры, определив правила ее отличия от неметафорических образов [Carroll, 1996]. Эти исследователи (так же, как и ряд других [Rozyk, 1994, 1998; Forceville, 1996, 2000]) внесли существенный вклад в понимание визуальной метафоры.

Особый вопрос, которому уделяется внимание исследователей, – это вопрос о механизмах создания визуальной метафоры. Филолог Н. Д. Арутюнова, указывая на возможность расширительного понимания метафоры как «орудия объяснения в любой сфере», отмечала, что механизм метафоризации в невербальных текстах имеет свою специфику. «Изобразительная



метафора" глубоко отлична от метафоры словесной. Она не порождает ни новых смыслов, ни новых смысловых нюансов, она не выходит за пределы своего контекста и не стабилизируется в языке живописи или кино, у нее нет перспектив для жизни вне того произведения искусства, в которое она входит. Сам механизм создания изобразительной метафоры глубоко отличен от механизма словесной метафоры, непременным условием действия которого является принадлежность к разным категориям двух ее субъектов (денотатов) - основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицирован ее прямым значением). Изобразительная метафора лишена двусубъектности» [Арутюнова, 1990, с.22].

Исследователь Н. Кэрролл [Carroll, 1996] считает визуальное изображение метафорическим, если в нем имеет место слияние двух различных областей опыта. Л. С. Большакова употребляет термин «визуальная метафора» по отношению к зрительным образам, которые создаются произвольно, но в то же время с опорой на человеческий опыт и знания о мире. Исследователь полагает, что в основе визуальной метафоризации лежит механизм монтажа: «Именно использование принципа монтажа, благодаря которому может сочетаться буквально «все со всем», делает метафору универсальным и, вероятно, самым эффективным механизмом создания образности... поскольку он не требует детального разъяснения и логического обоснования, опираясь на эмоционально-аффективные переживания и чувственные компоненты визуального восприятия». Механизм монтажа объединяет разнородные образы путем установления «далеких» связей. «Далекие связи» - это связи между образами, основанные на субъективном опыте автора. Эти связи в значительной мере произвольны, что вполне объяснимо творческим характером визуальной метафоры [Большакова, 2008].

Когнитивные механизмы создания метафоры

Исследователи Дж. Лакофф и М. Джонсон, исследуя процессы метафоризации, полагают, что в основе ее механизма - взаимодействие двух структур знаний, «источника» и «цели» [Лакофф, Джонсон, 2008]. «Источник» - это конкретное знание, жизненный опыт человека. Метафорический перенос осуществляется из области источника в область цели - менее определенного знания. Это делает метафору средством понимания абстрактных смыслов в конкретно-чувственных образах. Их подход является методологически значимым для нас, позволяя рассмотреть механизмы создания визуальной метафоры. Мы полагаем, что в процессе метафоризации «источник» будет представлен визуальными образами, чувственно-конкретными по своей природе, «цель» же представляет сферу абстрактных смыслов, которые будут репрезентированы посредством метафорического переноса. На нескольких примерах покажем способы создания визуальной метафоры.

Так, в работе мексиканской художницы XX века Фриды Кало «Фамильное дерево» (Kalo F. «My Grandparents, My Parents and I») мы видим следующие визуальные компоненты: изображение ребенка (сама Фрида), ее родителей, бабушек и дедушек (парные изображения), которые связаны между собой нитями, сходящимися в руке Фриды.

Представим метафорический перенос в виде схемы.

Источник: Фрида Кало – близкие художницы – нити.

Цель: человек - члены единой родовой системы - связь между ними.

Источник представлен визуальными образами, цель же выражает абстрактные смыслы.

Таким образом, визуализируется метафора «родовых связей».

Эвристика визуальной метафоры связана с её наглядностью, которая возникает посредством синтеза рационального и образного мышления, когда слова приобретают визуальную функцию, делая ненаглядное наглядным. В основе механизма визуальной метафоризации – слияние двух различных областей опыта, образующих новые смысловые поля.

Обратимся еще к одному примеру. В работе французского художника XX века М. Дюшана «Невеста, раздетая своими холостяками» (Duchamp M. «The Bride Stripped Bare by Her Bachelors») представлена метафора сексуального желания, репрезентированная через образ машины. Зритель чувствует иронию художника, который раскрывает тему механизации человеческих чувств. Любовь и страсть представлены как геометрически выверенный механизм. История влечения, описанная художником как аттракцион, где мотор-желание охлаждается вентилятором, не может быть воспроизведена в реальных действиях, поэтому она воспринимается как абсурдная.

Примером визуальной метафоры может служить работа О. Рабина «Натюрморт с селедкой и газетой „Правда“» (Rabin O. «Still Life with Herring and the Newspaper "Pravda"»). Через узнаваемый каждым образ трапеции художник формирует тип повествования об окружающей его действительности, доминантами в котором являются экзистенциальные мотивы страха и безысходности. Этот дискурс не был отражен в официальной советской культуре, покрывшей соцреалистическим глянцем лагерные бараки ГУЛага и грандиозные стройки коммунизма. Художники-нонконформисты испытали глубокое разочарование в

базовых основах социалистического строительства и обратились к очищенной от соцреалистического лоска жизни человека в тоталитарном государстве. Ее символами стали воспроизводимые с жесткой реалистичностью лагерные бараки, советские паспорта, кухни коммунальных квартир, мусорные баки и бездомные животные. За каждым из образов советской повседневности в их творчестве стоял определенный экзистенциальный мотив – страха, отчаянья, тревоги, безысходности, который «вырастал» из опыта говорившего о нем художника.

Образ селедочно-водочного застолья в этом контексте обладает своей собственной семантикой. О. Я. Рабин в одном из интервью прокомментировал его следующим образом: «Но разве вы никогда не пили водку и не закусывали ее селедкой?». Многие граждане СССР опыт такой трапезы имели. Но помимо обыденного среза селедочно-водочных посиделок, переживаемых в пространстве повседневности, они в советской культуре имели глубоко содержательный подтекст. Застолье, сопровождаемое обильными возлияниями, позволяло человеку выйти из пространства строго регламентированной официальной советской культуры. Оно погружало его в стихию карнавальной жизни, где сакральное и профанное менялись местами, законы и каноны нивелировались, становясь объектом пародии, плотские желания и физиологические потребности выходили на первый план. Таким образом моделировалось пространство свободы, в котором нет ничего завершенного, устоявшегося и стабильного, где образы изменчивы, пограничны и гротескны.

Возможно, именно поэтому в русском протестном искусстве советского периода столь значимым становится не только образ застолья, но и образ алкоголика или безумца, непредсказуемого, не различающего аксиологические «верх» и «низ» и оттого единственно свободного в мире тоталитарной культуры, границы которой он пересекает. Герои-маргиналы противопоставляют официальной культуре иной, совершенно неофициальный и подчеркнuto внегосударственные аспекты мира, человека и человеческих отношений.

Эти аспекты и выходят на первый план в гастрономическом натюрморте О. Я. Рабина. «Селедочная реальность» становится самодовлеющей в картине: больше нет места официозу, и сакральная в советской культуре газета «Правда» служит лишь оберточной бумагой для соленой рыбы. Однако пространство застолья, отраженное в работах О. Я. Рабина, не освобождено от экзистенциальной составляющей. Прорыв в свободу карнавальной культуры через опьяняющий праздник кратковременен и вынужден. Настроение безысходности порождается пониманием, что альтернативы бегству от тотального страха и контроля нет. Тревожное состояние художник репрезентирует посредством мрачного серовато-коричневатого колорита, деформации пространства и утрирования форм изображенных объектов.

Эти художественные средства позволяют воссоздать метафору иной, совершенно отличной от соцреалистической действительности, насыщенной широким спектром экзистенциальных состояний человека. Выхода из них художник, в общем-то, зрителю не предлагает, однако деструкция смыслов официальной советской культуры дает последнему свободу от нее.

Визуальная метафора в данной работе выстраивается через соотнесение двух зрительных образов, выступающих в качестве иконических знаков – изображение газеты «Правда» и скромной трапезы. При их монтажной состыковке друг с другом возникает метафора, несущая смысл, напрямую не связанный с каждым из представленных образов. Монтажный механизм метафоры здесь функционирует таким образом, что при одновременной реализации содержания двух иконических знаков метафоры возникает новое художественное содержание, новая художественная реальность.

Источником порождения новых смыслов становятся авторские ассоциации, присущие автору и обусловленные его стилем мышления и жизненным опытом (привычная трапеза, одна из самых массовых газет – неотъемлемые элементы повседневности самого О. Рабина в 1960-е – 1970-е годы). При создании визуальной метафоры автор выделяет из множества ему подобных определенный объект, идентифицирует его и замещает на аналогичный объект. Это позволяет описать незнакомое через известное, «чужое» как «свое».

Обратимся к еще одному примеру – работе мексиканской художницы XX века Ф. Кало «Дерево надежды» (Kalo F. Tree of Hope) Это двойной автопортрет самой Кало, изображающий двух женщин. Одна из них, лежащая на больничной кровати, повернута спиной к зрителю – на нежной коже еще незажившие раны. Это образ личной катастрофы художницы, которая из-за полученных травм едва не утратила возможности ходить. Рядом с ней лицом к зрителю изображена еще одна Фрида, в национальной мексиканской одежде, в руках которой корсет – то самое «дерево надежды». Это метафора переживаний художницы, страдающей от боли и преодолевающей ее. Пространство картины разделено на две части – залитую ночным светом и наполненную раскаленным сиянием солнца, в первой изображена Фрида утешающая, во второй – страдающая. Сочетание двух этих образов организует новое смысловое пространство, в



котором показана внутренняя психологическая динамика героини и одновременно автора этого полотна.

Источником метафоры в данном случае являются изображения двух автопортретов художницы – лежащей на больничной кровати и сидящей рядом. Целью – образы пережитой ей трагедии. Представим метафорический перенос в виде схемы.

Источник: Фрида на больничной кровати – пустыня на заднем плане – Фрида, сидящая рядом – ортопедический корсет.

Цель: боль – одиночество – утешение – надежда.

Таким образом визуализируется метафора «возрождения надежды».

Из примера можно увидеть еще одну особенность визуальной метафоры: ее можно вербализовать путем соединения зрительных образов и даже свести ее к какому-то законченному определенному высказыванию. Этим, как представляется, метафора отличается от символа в произведениях визуального искусства: символ имеет возможность неограниченного числа интерпретаций и динамический характер существования – различные значения символа могут актуализироваться в зависимости от контекста, в ситуациях их коммуникативной актуальности.

Таким образом, визуальная метафора в произведениях изобразительного искусства позволяет репрезентировать переживания и мысли автора, его внутреннее психологическое пространство. Зритель при восприятии произведения искусства выстраивает визуальную метафору, совмещая когнитивную структуру «источника» и когнитивную структуру «цели».

### Литература

- Алексеев К. И. 1996. Метафора как объект исследования в психологии и философии. Вопросы психологии. 2: 73-85.
- Аристотель и античная литература. 1978. М., Мысль, 233.
- Арутюнова Н. Д. 1990. Метафора и дискурс. В кн.: Теория метафоры. М., Прогресс: 5-32.
- Блэк М. 1990. Метафора «Models and Metaphors». В кн.: Теория метафоры. М., Прогресс: 153-172.
- Большакова Л. С. 2008. Когнитивный механизм создания визуальной метафоры (на материале англоязычных музыкальных видеоклипов). Современные проблемы науки и образования. 2: 119-123.
- Выготский Л.С. 1999. Мышление и речь. М., Лабиринт, 352.
- Гребнева В. В. 2014. Вербальные метафоры внутрителесного опыта взаимодействия в системе «человек – среда» (на примере образовательной среды вуза). Yearbook of eastern European studies, 3: 153-166.
- Зинченко В. П. 2006. Живые метафоры смысла. Вопросы психологии, 5: 100-100.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2008. Метафоры, которыми мы живём. М., URSS, 256.
- Маккормак Э. 1990. Когнитивная теория метафоры. В кн.: Теория метафоры. М., Прогресс: 358-386.
- Панкратова С. А. 2008. Когнитивно-семантическое моделирование процессов метафорического выбора. Электронный ресурс. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-semanticheskoe-modelirovanie-protsessov-metamoricheskogo-vybora> (29 января 2017).
- Петренко В. Ф. 2013. Базовые метафоры психологических теорий. Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1: 4-23.
- Ревина Я. С. 2007. Психологические аспекты метафоризации: взаимосвязи с коннотацией и креативностью. Вестник НГУ. Т.1. 2: 54-58.
- Ричардс А. 1990. Философия риторики. В кн.: Теория метафоры. М., Прогресс: 44-67
- Серль Дж. 1990. Метафора. В кн.: Теория метафоры. М., Прогресс: 173-193.
- Юрченко И. В. 2012. Специфика построения метафор в психологическом консультировании. Электронный ресурс. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-postroeniya-metafor-v-psihologicheskoy-konsultirovani> (дата обращения 20.01.2017)
- Carroll N. 1996. A note on film metaphor. Journal of Pragmatics. 6 (26): 809-822.
- Durand, J. 1987. Rhetorical figures in the advertising image. In: J. Umiker-Sebeok (ed.) Marketing and Semiotics: New Directions in the Study of Signs for Sale. Berlin: Mouton de Gruyter: 226-231.
- Forceville, C. 1996. Pictorial metaphor in advertising. London, Routledge, 318.
- Forceville C. 2000. Compasses, beauty queens and other PCs: Pictorial metaphors in computer advertisements. Journal of Linguistics. 24: 31-55.
- Hanks P. 2006. Metaphoricity in Gradable. In: Corpus-Based Approaches to Metaphor and Metonymy. Berlin, N.Y.: 17-35.
- Kennedy J. M. 1982. Metaphor in Pictures. Perception. 11: 589-605.
- Rozik E. 1994. Pictorial metaphor. Kodikas. Code 17: 203-218.
- Rozik E. 1998. Ellipsis and the surface structures of verbal and nonverbal metaphor. Semiotica, 11(1/2): 77-103.
- Turner M., Fauconnier G. 2000. Metaphor, Metonymy, and Binding. In.: Metaphor

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абакумова И.В.** – заведующая кафедрой общей и клинической психологии Южного федерального университета, доктор психологических наук, профессор
- Багана Ж.** – профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Белоедова А.В.** – старший преподаватель кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бессонова Ю.В.** – старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии Российской академии наук, кандидат психологических наук
- Галуцкая М.Ю.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Герасимова А.С.** – заведующая кафедрой возрастной и социальной психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук, доцент
- Гэ Цзиниэнь** – аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ермакова Л.Р.** – заведующая кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук, доцент
- Зинин Р.В.** – аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Карпенко И.И.** – доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Кичигина В.В.** – доцент кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Кожемякин Е.А.** – заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, доцент
- Колесникова К.А.** – научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат филологических наук
- Колобов В.В.** – преподаватель кафедры связей с общественностью Воронежского государственного университета, кандидат филологических наук
- Красикова Т.Р.** – аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузнецова Л.Б.** – доцент кафедры психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Куксова Е.Л.** – ассистент кафедры второго иностранного языка Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Куприева И.А.** – профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, доцент
- Кучерова О.Е.** – доцент кафедры педагогики филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Лагоденко Д.В.** – доцент кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук



- Лагоденко Ж.М.** – доцент кафедры английского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Ляшенко И.В.** – доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Максимова Т.И.** – магистрант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Малахова В.Л.** – доцент кафедры английского языка № 4 Московского государственного института международных отношений, кандидат филологических наук
- Могилевская О.С.** – аспирант кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нагорная С.Ю.** – доцент кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Нагорный И.А.** – профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Обознов А.А.** – заведующий лабораторией Учреждения Российской академии наук Института психологии РАН, профессор, доктор психологических наук
- Платонова А.В.** – доцент кафедры рекламы и издательского дела Таврической академии Крымского федерального университета, кандидат филологических наук
- Половнева М.В.** – доцент кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Попова О.В.** – доцент кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Репринцев А.В.** – профессор кафедры психологии образования и социальной педагогики Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- Рядинская Е.Н.** – кандидат психологических наук, докторант Южного федерального университета
- Сухоруков И.С.** – аспирант кафедры психологии образования и социальной педагогики Курского государственного университета
- Таранова Е.Н.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Федюнина И.Э.** – доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Харченко В.К.** – заведующая кафедрой филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук, профессор
- Хованова Е.В.** – доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Холод В.Л.** – доцент кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Цотова Д.Ю.** – аспирант кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
- Шилова В.С.** – профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор педагогических наук